

Владимир Николаевич Панферов

ГЕРЦЕНОВСКАЯ АНТОЛОГИЯ

В. Н. ПАНФЕРОВ

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

В НАУКЕ
В ОБРАЗОВАНИИ
В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2015

ББК 84.Р
П16

Серия «Герценовская антология»
выходит под общей редакцией
ректора РГПУ им. А. И. Герцена В. П. Соломина
и президента РГПУ им. А. И. Герцена Г. А. Бордовского

Панферов В. Н.

П16 Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. — 760 с., ил. [Сер. «Герценовская антология»]

ISBN 978-5-8064-2174-7

Труды, включенные в это издание, посвящены реализации принципа целостного познания психологии человека как интегрального явления психической деятельности в процессах взаимодействия человека с миром людей, вещей и самим собой. Они продолжают научные традиции и идеи отечественной психологии, которые складывались с конца XIX столетия по сегодняшний день.

В них обобщен пятидесятилетний опыт научно-исследовательской и преподавательской работы автора над проблемами общей и социальной психологии применительно к теории и методологии психологической науки, а также практике психологического образования, профессионального труда и общения в социальном взаимодействии людей.

В них содержатся результаты эмпирических исследований психологического познания людей друг другом. С одной стороны, это расширило представление о предмете психологической науки. С другой стороны, раскрыло объективные формы существования внутреннего мира человека в конкретно-чувственных процессах социального взаимодействия и общения.

Это позволило в авторской версии осуществить интегральный синтез знаний научной психологии для создания нового учебного пособия, воспроизводящего целостный конструкт психической организации человека, приближенный к его бытийной сущности.

Особый интерес представляют методологические выводы из опыта изучения социальной перцепции в конце XX столетия. В них отражен не только итог пройденного пути психологического познания человека, но и прочерчены некоторые перспективы интегрального синтеза в науке, образовании и социальном взаимодействии.

Новизна идей и подходов к проблемам психологии человека представляет несомненный интерес для студентов и преподавателей, научных работников и учителей, многочисленных исполнителей профессий класса «человек — человек».

ББК 84.Р

© В. Н. Панферов, 2015
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2015
© О. В. Гирдова, оформление обложки, 2015

ISBN 978-5-8064-2174-7

*Не печалься о том, что люди тебя не знают,
а печалься о том, что ты не знаешь людей.*

Конфуций

*Психологическое познание человека становится
одной из общих моделей человекознания.*

Б. Г. Ананьев

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	4
---------------------------	---

ЧАСТЬ 1 ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В НАУКЕ

Раздел 1. Опыт психологического познания человека человеком	10
1.1.1. Внешность и личность — проблема психологического познания человека и общения	10
1.1.2. Лицо человека — объект психического отражения и знак личности	33
1.1.3. Узнавание человека по внешности	40
<i>Динамика уровней отражения</i>	46
<i>Восприятие фотоизображений предметов</i>	51
<i>Узнавание лиц</i>	53
<i>Выводы</i>	56
1.1.5. Опознавание людей по лицевым признакам внешнего облика ..	62
<i>Опознавание и экспозиция</i>	69
<i>Опознавание и константность</i>	71
<i>Опознавание и отношение</i>	73
1.1.6. Социально-психологическая интерпретация личности по внешности	79
1.1.7. Идентификация личности в процессе психологического познания человека	125
Раздел 2. Методологические выводы из опыта психологического познания человека	133
1.2.1. О психологии человека как предмете психологической науки ..	133
1.2.2. О гносеологии и онтологии психологического познания человека	150
1.2.3. О психологической реальности и объективации психологии человека	161

<i>Объективация психологии человека в процессе психического отражения</i>	170
<i>Объективация психологии человека в процессе познавательной деятельности</i>	172
<i>Объективация психологии человека в рефлексивных процессах психологической деятельности</i>	173
<i>Объективация психологии человека в предметно-практической деятельности</i>	175
<i>Объективация психологии человека в социальном взаимодействии</i>	177
<i>Объективация психологии человека в духовной деятельности</i> ..	179
1.2.4. О парадигмальных основах психологической науки.	181
1.2.5. Об интегральном конструкте структуры личности	202
1.2.6. Об амбивалентности психологических качеств и отношений человека	213
1.2.7. О парадоксах души и тела	222
1.2.8. О месте психологии в системе наук	239
1.2.9. О знаковой форме существования психологии человека	248
1.2.10. О научной категоризации понятия «человек»	252

Раздел 3. Инструментарий интегрального синтеза психологического познания	264
1.3.1. Процедура групповой оценки личности	264
1.3.2. Процедура гомеостатического эксперимента	277
1.3.3. Процедура измерения взаимоотношений в производственных группах	290
1.3.4. Процедура измерения согласованности мнений в первичных группах	297

ЧАСТЬ 2 ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ

Раздел 1. Психология человека — интегративная учебная дисциплина	316
Психика и психология человека — введение в проблему	316
2.1.1. Душа и тело	325
2.1.2. Признаки человека и понятие о нем	327
2.1.3. Признаки человека-индивида	340
2.1.4. Признаки человека-личности	347

2.1.5. Признаки человека-индивидуальности	352
2.1.6. Соматические свойства человека	360
2.1.7. Психические свойства человека	368
2.1.8. Психологические свойства человека	372
2.1.9. Социальные свойства человека	378
2.1.10. ИмPLICITные функции психики	380
Гностические функции	381
Аффективные функции	382
Реактивные функции (регуляторные)	383
2.1.11. Эксплицитные функции психики	385
Коммуникативные функции	386
Информационные функции	387
Когнитивные функции психики	389
Эмотивные функции психики	391
Конативные функции психики	393
Креативные функции психики	394
2.1.12. Аналитические основания структуры психики	397
2.1.13. Структурная организация психики в процессе интeриоризации	409
2.1.14. Структурная организация психики в процессе экстериоризации	427
2.1.15. Проявление психологии человека в психических образах ..	444
Понятие об образах-представлениях	444
Образы-представления в ощущениях	449
Образы-представления в восприятии	453
Образы-представления в памяти человека	456
Образы-представления в мышлении человека	459
Образы-представления воображения	462
Знания как обобщенные образы-представления	464
2.1.16. Проявление психологии человека в телесных движениях и внешнем облике	468
Понятие о внешнем облике человека	469
2.1.17. Проявление психологии человека в анатомо-антропологических признаках внешнего облика	475
2.1.18. Проявление психологии человека в произвольных и произвольных телесных движениях	479
2.1.19. Проявление психологии человека в выразительных движениях внешнего облика	483
2.1.20. Проявление психологии человека в оформлении внешнего облика	491
2.1.21. Проявление психологии человека в предметных действиях, деятельности и ее продуктах	502
2.1.22. Проявление психологии человека в поступках и поведении	532

Раздел 2. Методология интегрального синтеза учебных дисциплин и модернизации образования	542
2.2.1. Интегральный синтез и основания классификации знаний ...	542
2.2.2. Психологическая структура качества знаний	560
2.2.3. Проблемы и проект модернизации образования	570
2.2.4. Профессиональная компетенция современного учителя	592

ЧАСТЬ 3 ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Раздел 1. Психология социального взаимодействия людей	602
3.1.1. Аналитическая модель социального взаимодействия	602
3.1.2. Особенности социального взаимодействия в диадах и триадах	610
3.1.3. Основные функционально-ролевые отношения в социальном взаимодействии	625
3.1.4. Партнерские качества личности субъектов социального взаимодействия	634
3.1.5. Психология человеческих отношений в социальном взаимодействии.	636
Категория «отношения» в психологической науке	636
3.1.6. Проявление психологии человека и человеческих отношений в общении	653
Трансформация коммуникативных функций психической деятельности в общении	666
Трансформация когнитивных функций психической деятельности в общении	676
Трансформация эмотивных функций психической деятельности в общении	686
Трансформация конативных функций психической деятельности в общении	698
Трансформация креативных функций психической деятельности в общении	702
3.1.7. Проблема гуманитарных технологий в социальном взаимодействии.	718
Литературные источники	749

В.Н. ПАНФЕРОВ

**ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА
В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ***

*перепечатываются разделы книги «Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии», изданной в 2015 году в РГПУ им. А. И. Герцена, 760 с.

Раздел 1. Опыт психологического познания человека человеком

1.1.1. Внешность и личность - проблема психологического познания человека и общения.

Опыт исследования восприятия человека человеком показал, что проблемы психологического познания заключены в парадоксальных связях внешности и личности. Источником этих проблем является двойственность тела и души в целостном облике человека, которая неизменно трактовалась в логике философского дуализма. По этой логике формулируются гипотезы о качественном соответствии свойств души (психологических качеств) человека его телесным особенностям. На этой логике основывались физиогномика и хиромантия в древней Греции, а в 19 веке френология и конституциональные подходы в исследованиях личности. На этой логике выросла парадигма психофизического параллелизма в экспериментальной психологии. Но задолго до этого по логике дуализма совершались обрядовые манипуляции с внешним обликом в культурном бытии первобытных народов. Эта логика утвердилась в философских трактатах о душе и теле. Она до сих пор проявляется и в обыденном психологическом познании людьми друг друга, а также в современных научных направлениях, изучающих человека в познании и общении. Эта логика порождена видением элементов внешности человека как признаков его психологических качеств. Отсюда и наука стремится прояснить *однозначные связи* между элементами-признаками физического облика человека и конкретными психологическими качествами его психической организации. Для науки, выросшей на парадигме физического эксперимента, стремление к такой однозначности сродни стремлению к истине. Однако эмпирические факты постоянно фиксируют *неоднозначность* этих связей, что противоречит логике психофизиологической и психофизической парадигме. Методология физического эксперимента не в состоянии объяснить этот парадокс.

В исследованиях социальной перцепции, один и тот же жест может быть наделён прямо противоположными смыслами, что указывает на вариативность связей признаков внешности и качеств личности. Например, один и тот же кивок головой в русской и болгарской культуре наделен противоположными по смыслу значениями. Люди, принадлежащие к разным типам лицевой конституции, могут наделяться сходными психологическими качествами. Следовательно, в корреляциях качественных определений личности с конституциональными особенностями внешнего облика предполагаемый параллелизм проявляется не столь прямолинейно и может варьировать в крайних пределах альтернатив психологических качеств личности (добра – зла, милосердия – агрессии и тому подобных). Это указывает на присутствие в психологическом познании фактора, который находится за рамками психофизического процесса, но в нём присутствует как компонент *психологической деятельности* человека. Что это за компонент – пока остаётся тайной.

В психологии познания человека по его внешности социальная перцепция столкнулась с многозначной трактовкой одних и тех же внешних проявлений человека. Это обстоятельство заставляет задуматься о научной валидности психофизического параллелизма в психологических исследованиях человека и социально-психологической релевантности философского дуализма при объяснении антиномии «души и тела». Сразу же следует сказать, что парадоксы, заключённые в отношении «внешность – личность», являются эмпирическим источником мировоззренческой антиномии «тела и души», хотя именно философские концепции оказывают методологическое влияние на формирование научно-исследовательских парадигм. Подробнее об этом речь пойдёт в последней главе второго раздела.

Как только исследователи натываются на эмпирические проявления психологии человека, которые не укладываются в прямолинейной логике психофизического параллелизма, им приходится возвращаться к понятию о душе, которое всплывает из глубин философского дуализма на поверхность океана эмпирических фактов. В связи с этим примечательно философское заключение, которое сделала В.А.Лабунская по результатам своих исследований невербального поведения (самой распространённой формы проявления психологии человека). Невербальное проявление человека – это «не язык тела, а язык души», считает она. [79]. Но тогда к детерминирующей функции тела добавляется инструментальная функция как орудия психологической деятельности человека, где душа как феномен самосознания проявляет многозначный спектр смысловых связей элементов-признаков внешности с духовным потенциалом человека. Это обстоятельство наводит на мысль, что телесно-психические отношения в психологическом познании раскрываются в *психосемантической парадигме «знак-значение»*.

В этом процессе человек обнаруживает себя как личность во *внешнем облике*, который представляет интегральное проявление внутреннего психологического содержания и внешних форм его существования. В результате *внешний облик представляет целостное единство внутреннего и внешнего* в психологической деятельности человека. Эта трансформация гностического дуализма души и тела в целостное представление о человеке как психологической сущности партнёра достигается в процессах социального взаимодействия по *законам общения*. Б.Г.Ананьев отмечал в своих концепциях психической деятельности, что она представляет собой единство гностических и коммуникативных функций психики. [9-13] Под влиянием коммуникации (общения) в процессах социального взаимодействия происходит трансформация *элементов* телесной организации человека в *признаки* психологических качеств партнёров. Закономерности таких перевоплощений *элементов* в *признаки* следует искать в *знаковой коммуникации* в моменты приписывания *элементам-признакам психологических значений*. Само же приписывание психологических значений подвержено влиянию субъективного опыта социального взаимодействия, где переживаемые *отношения* между людьми начинают заметно или подсознательно влиять на психологические оценки друг друга.

Проблема соотношения внешности и личности стара как мир. Под личностью в контексте этой проблемы понимается психологическое содержание субъектов общения. Это содержание относят к внутреннему миру, который человек носит в себе как личное достояние. Эта проблема обнаружила себя ещё в первобытной культуре всех народов, и проявление её было связано с разнообразными обрядами и ритуалами социального взаимодействия. Внешность и её оформление использовали как инструмент возрастной, половой, племенной и социально-ролевой идентификации индивида – члена общины. Для этого использовалось раскрашивание, татуировка, деформация, позднее одежда, а также именование друг друга. В Древней Греции возникла *физиогномика* и своеобразная технология гадания по руке (хиромантия). Тем самым внешность превращалась в систему знаков социальной и половой зрелости, других достоинств личности, востребованных функциональными отношениями жизни людей в сообществах.

Внешний облик является очень ёмким источником информации о психологических качествах человека и особенностях его психологии в целом. Это было неожиданно для научной психологии, так как «психофизическая парадигма», в рамках которой я начинал свои исследования, непосредственного выхода на *психологию человека* как предмета познания не предполагает. Ставилась скромная задача по определению информационной ёмкости отдельных элементов лица в процессе узнавания и опознавания человека в ряду других объектов материального мира. Однако испытуемые лабораторного эксперимента сами заговорили о психологических особенностях предьявляемых им лиц. Замалчивать эти факты было невозможно, но и говорить о них в парадигме *физиогномики* было напрасно, так как научная психология давно её отвергла. Люди говорили о связи внешности и личности на уровне психологических характеристик друг друга, но объяснить эту связь никто не мог. Обыденное сознание безапелляционно использует эту связь, а наука никак не может её аргументировать своей логикой и принятыми способами доказательства.

Внешность сама по себе является некой конфигурацией анатомо-физиологического конструкта телесной организации человека. Однако в психологическом познании во внешнем облике заметную роль играют её динамические проявления и оформление одеждой и косметикой. За счет этого представление о внешности человека расширяется до понятия «внешний облик», который при психологическом познании репрезентирует психологические качества партнеров, представляющих социальную ценность друг для друга.

Во внешнем облике мы усматриваем признаки психологического содержания личности. Элементы-признаки внешнего облика воспринимаются нами как знаки вполне конкретных психологических качеств человека. *Внешний облик представляет собой знаковую систему психологических значений.* Знаковая функция внешнего облика в процессах психологического познания проистекает из *восприятия единства внешности и личности человека* в реальной жизнедеятельности людей. Очевидно, что в этом восприятии единства

внешности и личности люди как субъекты социального взаимодействия усматривают какую-то взаимосвязь между телесной и психической организацией человека, что невероятно, так как все осознают принципиальные различия между внешностью и личностью человека. Все понимают, что это разные сущности, но в тоже время все привязывают психологические качества воспринимаемого человека к его внешнему облику. Парадокс!

Эта связь является невероятной и невозможной для строгой материалистической парадигмы в психологии XX века. Она отвергалась как псевдонаучная проблема, достойная интересов лжеученых, так как эта связь не может быть *закономерной и детерминированной независимыми от отдельного человека обстоятельствами*. Однако именно в рамках *психофизической процедуры научного исследования* (читай «материалистической парадигмы») эта связь неуклонно проявлялась. Испытуемые говорили, что они видят не просто лицо, а лицо «доброго» или «злого» человека. Тем самым указывали на особенности *психологии человека, впервые ими увиденного*. Чем объясняется такое проникновение в невидимую душу партнёров?

Внешний облик в целом и элементы-признаки его составляющие превращаются, с одной стороны, в источник знаний о психологических качествах человека в процессах взаимного восприятия, а, с другой стороны, в инструмент психологического воздействия партнёров друг на друга в их совместной жизнедеятельности через общение. Может быть, в этой второй функции внешнего облика содержится ответ на происхождение связей внешности и личности?!

В результате научно-исследовательская задача по выяснению информационной ёмкости отдельных компонентов внешнего облика в процессах узнавания и опознания расширилась до изучения *психологического познания человека*, что предполагает исследование *актуализации* неясно возникших связей между *внешностью и личностью* человека. Актуализация этих связей происходила в *высказываниях* испытуемых о личностных достоинствах и недостатках воспринимаемого человека. Эти высказывания представляют собой *суждения* о психологических качествах личности. Под личностью в данном случае понимался *потенциал психологических качеств, производных от свойств психической организации человека, качеств, которые характеризуют человека как субъекта социального взаимодействия в роли активного творца* человеческих отношений и предметной атрибутики жизни. Но как мы узнаём о психологических качествах человека на основе восприятия его внешности? Как и в чём проглядывают и проявляют себя эти качества? Где находится информация о них во внешнем облике человека?

В структуре внешнего облика называются *анатомические элементы*, характеризующие некоторую константность физического облика, *экспрессия*, завязанная на эмоциональной динамике, *оформление* косметикой и одеждой, призванное улучшить первое впечатление о человеке. В ряду этих компонентов внешнего облика *экспрессия лица и выразительные движения* человека оказываются наиболее информативными источниками о психологическом содержании личности. Под экспрессией следует понимать *выразительность*

всех компонентов внешнего облика. На лице человека она представлена «мимической маской» в статике, но формируется она выразительными движениями и проистекает из *выразительной функции психической деятельности человека*. С одной стороны, экспрессия весьма подвижна и за счёт этого индивидуализирована, с другой стороны, она автоматизируется в привычном алгоритме движений, превращаясь в признак индивидуальности человека. В результате формируется специфическая мимика и пантомимика конкретного человека как признаки его индивидуальности. Благодаря этому экспрессия оказалась наиболее информативным признаком при опознании и психологической интерпретации человека при восприятии его лицевых черт на фотографиях, где экспрессия представлена в виде застывшего привычного выражения.

Результаты исследования восприятия человека человеком указывают на лицо как на главный компонент внешнего облика человека по критериям информационной ёмкости психологического содержания. Поэтому в проводимых мной исследованиях лицу и его элементам-признакам было уделено основное внимание. Оказалось, что лицевых признаков, представленных в фотографических изображениях, было достаточно, чтобы выносить суждения о *психологических особенностях личности*.

Личностные качества человека рассматриваются как внутренняя данность человека, составляющая *потенциал его возможностей и субъективных побудителей* поступков, поведения и деятельности. Именно этот потенциал является главным предметом психологического познания людьми друг друга. В процессах восприятия человека по внешности, личность является более важным объектом психологического познания, чем его внешность. В то же время наблюдается нераздельность первого впечатления и внешнего облика с психологическими определениями личности. В структуру образа личности неизменно включаются характеристики его физического облика, посредством которых познающие прокладывают путь в суждениях о психологических особенностях человека. Например, это может оказаться большой лоб «умного человека». Не последнюю роль играет физическая привлекательность «во всех отношениях хорошего человека» или физическое уродство «злодея». Люди смело приписывают психологические качества друг другу по признакам внешнего облика. Загадкой является вопрос об основаниях таких связей внешности и личности. Откуда они берутся?! Как они возникают?! Как происходит *психологическая интерпретация внешнего облика*?!

В социальной практике общения людей существует атрибутика личной презентации тех или иных достоинств человека. Задача такой манипуляции заключается в создании *имиджа личности* как приемлемого субъекта социального взаимодействия. При манипуляции реализуются естественно возникшие связи между внешностью и личностью как стереотипы психологического познания человека человеком. Технологии манипуляции используют эти связи и регулятивную функцию психического образа субъекта взаимодействия для создания желаемого впечатления о личности. Эта практика социального взаимодействия с использованием внешнего облика проистекает

из потребности человека быть принятым в обществе, и особенно в первичных группах вхождения. В этом случае партнёры демонстрируют в своём внешнем облике и выразительном поведении признаки социально одобряемых качеств, которые должны вызвать интерес к его личности. При презентации таких качеств субъекты социального взаимодействия используют закономерности психологического познания по интуитивно усвоенной логике общения людей. Достижения научной психологии используются сознательно специалистами по пиару, имиджу и рекламе. Применение этих знаний особенно распространено при продвижении людей по лестнице социальных достижений, связанных с публичными профессиями, политикой и соперничеством за значимые позиции в системе общественных отношений. В результате психологическое познание становится весьма существенным моментом в динамике социального взаимодействия, которая совершается по социально-психологическим законам человеческого общения, где личные, межличностные, групповые и общественные отношения начинают играть роль доминирующих факторов в социальном взаимодействии. Эти отношения проявляются в выразительном поведении, которое является весьма существенным компонентом психологической деятельности человека. Именно в выразительном поведении оформляются смысловые зависимости между экспрессией внешнего облика и психологическими значениями её рисунка. Есть основания предположить, что эти зависимости формируются в процессах презентации человеком себя партнёрам по социальному взаимодействию. Истинность или ложность этих зависимостей обнаруживается в реальной практике совместной жизнедеятельности. Но человек как субъект психологического познания может и не признать обмана из-за ценности человеческих отношений. Несмотря на трансформировавшийся образ партнёра, человек в этом случае стремится всё же сохранить социальные связи с ним и приверженность собственному мнению.

Всё это указывает на сложную динамику процесса психологического познания человека по его внешнему облику. В научно-исследовательских процедурах этот процесс необходимо дифференцировать по качественным уровням психического отражения.

Процесс отражения внешности людей включает два уровня познания: 1) конкретно-чувственный (восприятие в собственном узком смысле) и 2) абстрактно-логический (интерпретацию). Функция восприятия ограничивается задачей адекватного различения элементов-признаков внешнего облика. *Интерпретация* выступает как реализация связи воспринятых элементов-признаков внешности (знаков) с семантическим содержанием (значениями), которое усвоено воспринимающим человеком через систему общественных знаний и личный опыт общения.

Уровень логического познания человека человеком находит своё выражение в *суждениях* одного человека о другом, содержанием которых являются определения черт характера, способностей, интересов, профессии, типа поведения и других качеств личности. Как мы это делаем на основании

восприятия только внешнего облика, является главной проблемой психологического познания человека.

Человек — объект суждения важен для других людей теми своими качествами, которые являются общественно значимыми для конкретного социального окружения. Поэтому оценка человека осуществляется с позиции тех общественных норм, которые наиболее важны для социальной группы, производящей оценку. Суждения людей друг о друге не ограничиваются номинативной стороной определения. Они выражают *отношение* человека, который производит суждения, к человеку, о котором это суждение выносится. Отношение же реализуется в поведении общающихся людей.

Процесс восприятия внешности людей протекает в условиях ситуации общения, анализ которой столь же необходим, как и анализ эффекта этого процесса — образа воспринимаемого человека.

Процесс познания людьми друг друга — это, прежде всего, социально-психологическое явление, необходимым условием и источником которого оказывается процесс общения. Вне общения невозможно познание человека человеком. «Социально-психологические явления, — писал Е. С. Кузьмин, — возникают как отражение (познание, переживание, освоение) различных форм общения, которые зависят от очень многих факторов» [75, с. 13].

Общение — это взаимодействие двух или более людей по поводу предметов и явлений окружающего мира, по поводу других людей или самих себя. В процессе общения происходит обмен информацией и установление взаимоотношений для согласованного выполнения поставленных целей, что заметно влияет на психологическое познание партнёров. [109]

В процессах познания людьми друг друга и их общения, практической целью которых является адекватное регулирование совместных усилий на пути достижения личных и общественных целей, проявляется единство коммуникативных, информационных, когнитивных, эмотивных, конативных и креативных функций психической деятельности человека. [118]

Это единство проявляется в социально-психологическом взаимодействии людей посредством знаков и выразительных движений, выполняющих функцию знаков. Они являются инструментами трансляции жизненно важного содержания, заключённого в психологических качествах личности. Однако эта функция знаков и выразительных движений может быть реализована только в том случае, если знаки и экспрессия будут адекватно восприняты и интерпретированы отражающим их субъектом. Это требует от него определенных познавательных способностей, а именно различительной чувствительности и способности к усвоению понятийной сущности знака, что происходит в процессах общения людей.

Общение диктует направленность познавательных процессов, побуждая к поиску в человеке-объекте свойств, которые способствовали бы успешному взаимодействию с ним субъекта общения. В этом смысле человек в качестве объекта, его внешний облик и поведение, важны для человека-субъекта теми элементами-признаками, которые, не просто несут какую-то информацию, но

наряду с этим вызывают в процессе общения действия субъекта как акты отношения и поведения в контексте сотрудничества и согласия.

Образ человека, который возникает в результате отражения людьми друг друга, выполняет функцию своеобразного регулятора взаимодействия людей в процессе *общения*. Этот образ выступает как представление или впечатление, которое закрепляется в сознании субъекта восприятия в форме понятий или суждений о личностной сущности человека — объекта.

Это представление или впечатление действует как фиксированная социально-психологическая установка, определяя *отношения* между людьми в процессе *общения*. [127] Независимо от степени адекватного понимания личностной сущности воспринимаемого человека сложившиеся у него *отношения* с другими людьми оказывают активное воздействие на формирование черт его характера и поведение. Эти *отношения*, выступая как объективные условия трудового взаимодействия и общения, требуют от человека не любого, а определенного стиля поведения.

Исследование конкретных ситуаций общения должно быть связано с изучением содержания той деятельности, в рамках которой осуществляется процесс общения, с нахождением главных компонентов её структуры, которые определяют направленность и содержание общения, а также предъявляют требования к тем или иным свойствам личности. Структурный анализ конкретных ситуаций общения поможет исследователю определить более правильный выбор методов и приемов исследования. Изучение структуры общения приобретает особый практический смысл для тех видов труда, в которых общение выступает как одна из форм деятельности (труд политика, учителей, врачей, служащих административно-государственного аппарата, журналистов, предпринимателей и других, работающих с людьми). В этих профессиях всё начинается с восприятия внешнего облика, как и в любом акте жизненного общения.

Парадокс «внешность – личность» как предмет психологического познания на эмпирическом уровне репрезентируется соотношением *объектных* и *субъектных* свойств человека. Объектные свойства характеризуют *телесную* организацию человека, а субъектные свойства – *психическую* организацию человека. Эмпирические соотношения этих свойств интерпретируются понятиями «знак – значение», позволяющих преодолеть дуализм в противоречивом единстве внешности и личности человека. В семантической парадигме языка соотношения между знаками (словами) и их значениями (смыслами) более вариативны, чем в психофизической парадигме объект - субъектного отражения. Это позволяет трактовать соотношение объектных и субъектных свойств по законам *психосемантики*, допускающей свободную интерпретацию объектных свойств физического облика как *признаков* психологического содержания личности. Это означает, что один и тот же элемент телесной организации человека может оказаться признаком разного психологического содержания. Особая подвижность этих соотношений наблюдается при восприятии экспрессии, выражающей эмоциональные состояния человека. Психофизический эксперимент констатирует малую

константность этих соотношений, но не может их объяснить в рамках собственной парадигмы.

В статье 1983 года я пытался переформулировать проблему этого соотношения через категорию «взаимосвязи» объектных и субъектных свойств человека в социальном взаимодействии [113]. Её содержание легло в основу этой главы. Об этом приходится писать, так как некоторые коллеги перепечатывали эту статью в своих публикациях без ссылки на моё авторство и может возникнуть впечатление, что это я переписываю их.

Познание человека человеком в жизнедеятельности людей составляет одну из содержательных сторон процесса общения, где личностная сущность человека является предметом психического отражения. «Как личность человек вступает в общение с другими людьми, как личность он проявляет себя в учении, труде, в отдыхе, как личность как живой, реальный, действующий человек, член определенного общества он воспринимается и оценивается окружающими его людьми» [24, с. 7].

Личностные особенности человека в процессах общения не даны субъекту познания непосредственно как физические свойства индивида. Качества личности выявляются посредством высших психологических форм отражения — мышления, интуиции, воображения, фантазии. Определение социально-психологических особенностей человека (субъектных свойств) происходит на основе конкретно-чувственного отражения объектных свойств человека, к числу которых относятся: внешний облик человека, его поведение, предметные действия и их результаты (материальные и духовные продукты).

Субъектные характеристики человека являются предметом психологического познания. Здесь люди по отношению друг к другу выступают как практические психологи, которые по признакам внешнего облика, поведения и деятельности домысливают психологическую сущность воспринимаемого человека. В этом процессе общественной жизнедеятельности людей практически решается одна из сложнейших проблем психологического познания личности — проблема соотношения объектных и субъектных свойств человека.

От правильности решения этой проблемы в науке и на практике зависят успехи межличностного взаимодействия людей в их совместной жизнедеятельности. Эта зависимость определяется регуляторной ролью психологических знаний людей друг о друге в процессах общения.

В истории человеческой мысли проблема взаимосвязи внешнего проявления человека с его сущностными социально-психологическими характеристиками понималась в соответствии с эмпирическим опытом совместной деятельности и общения, с опытом познания взаимосвязей человека с природой вообще и пониманием человеческой сущности в частности. Поэтому общеметодологические недостатки в философских решениях проблемы человека переносились на объяснение проблемы взаимосвязи внешнего проявления человека с психологическими качествами его личности.

Первые формы обобщения этого опыта предстали в мифологической и религиозной форме сознания, а также в искусстве. Этот опыт смешивался с

начатками естественнонаучных и философских знаний и выразился в псевдонаучных взглядах хиромантии, астрологии, физиогномики, френологии. Наиболее примечательна в русле этих направлений, работа Лафатера «Физиогномика и хиромантия» (XVIII в.), где особенности внешности человека (анатомические и функциональные), линии рук и походка рассматривались как признаки характера человека и его возможной судьбы. [83]

Проблема взаимосвязи внешности и личности человека в этих «учениях» теоретически не рассматривалась, практически же она понималась с позиции однозначной предопределённости природой и богом. Конкретная трактовка связи внешних проявлений человека с чертами его личности основывалась на эмпирическом опыте наблюдения за поведением людей и интерпретации физиогномистов. В этом пункте физиогномика, астрология и хиромантия включают в себе конкретно-исторический материал о стереотипах восприятия и понимания людьми друг друга, о своеобразии характерологической структуры личности соответствующей эпохи.

Так, в предсказаниях Лафатера нашли отражение наиболее важные для людей его эпохи качества личности, прежде всего дворянского круга, так как физиогномика обслуживала интересы господствующего класса, со стороны которого был запрос на самопознание. Этим определялись основные темы предсказаний. В их числе были темы честности, воровства, злости, влюбленности. Предсказывалась карьера, богатство и бедность. Определялись черты характера: щедрость и скупость, глупость и ум. Прогнозировалась продолжительность жизни, наличие врагов, падение с лошади, заточение в тюрьму; счастье в войне, женщинах, женитьбе и прочие. [83]

В темах предсказаний отражены основные векторы взаимоотношений людей того времени, их жизненной направленности, понимания смысла бытия и сущности личности. Здесь усматривается конкретно-исторический и классовый характер стереотипов восприятия и понимания людьми друг друга, социальная обусловленность этих процессов. Отсюда же проистекает возможность гипотезы об исторической и социальной изменчивости содержательной стороны суждений о личности на основе отражения внешнего облика в процессах общения, следовательно, о преобладании вторичности в образовании связей личности и внешности, возникающих в сознании людей в результате отражения совместной деятельности.

Физиогномика и хиромантия спекулировали на фактах повторяющегося в общении поведения людей со сходными элементами объектных свойств человека. Спекулятивный характер этих «учений» был настолько очевиден, что наука 19 и 20 столетия серьезно не относилась к физиогномике и хиромантии. Но связь психики с организмом, бытия с сознанием, внешних проявлений человека с его социально-психологическими особенностями все чаще заявляла о себе по мере того, как наука все глубже проникала в тайны социальной жизни.

В 19 веке итальянским ученым Ломброзо была предпринята попытка изучить связь элементов внешнего облика с личностью преступника. Наблюдая

особенности внешности и поведения преступников, он отмечал у них некоторое сходство в анатомическом строении. На основании этого он выдвинул гипотезу о том, что в особенностях внешности скрыта предрасположенность к различным видам преступлений. Для подтверждения этой гипотезы он измерял части лица и тела у преступников и для сравнения — у обыкновенных людей. В результате Ломброзо пришел к выводу о том, что характерные конституциональные свойства лица и тела, различного рода аномалии их строения определяют в человеке психические свойства, присущие психологии преступника. [89]

Главная ошибка здесь состоит в том, что в конституциональных особенностях Ломброзо видит первопричину социальных форм поведения личности, не принимая во внимание социальную детерминацию их, заключенную в образе жизни, воспитании, вторичном общественном воздействии на человека межличностных отношений.

Образ жизни, характерный для той или иной социальной общности людей, условия существования, оставшиеся неизменными на протяжении длительного периода, вырабатывают и закрепляют специфические особенности поведения и черты личности, которые передаются из поколения в поколение, постепенно материализуясь посредством деятельности и общения в социально-биологических фенотипах людей.

Психологический склад личности формируется в общении людей в процессе интериоризации межличностных отношений, где практически реализуется конкретно-исторический характер всех общественных отношений. Каждая социальная общность по социально-психологическим законам воспроизводит в своих членах те качества личности, которые соответствуют ее образу жизни и деятельности. По этим механизмам общественной жизни людей и происходит социальное наследование психологического склада личности. Поэтому причины антисоциального поведения следует искать не в анатомических особенностях строения тела, как это делал Ломброзо, а в социальных условиях жизнедеятельности людей.

В научном отношении более обоснованной экспериментальной попыткой изучения связи объектных и субъектных свойств человека являются исследования Э. Кречмера. В качестве базисного звена, определяющего связь психологического с анатомической конституцией тела (физическим обликом), он рассматривал органические (эндогенные) особенности организма. На эту мысль его навели два факта: наличие связи органических свойств с особенностями анатомического строения тела и наличие связи соматических заболеваний с психическими расстройствами. Таким образом, соматическая организация является звеном, которое соединяет свойства психики с телесной организацией (конституциональными особенностями человека). На этом основании Э.Кречмер утверждал, что внешние проявления конституциональных особенностей могут являться показателем предрасположенности человека к тому или иному заболеванию психики.

Гипотеза проверялась на больных с психическими расстройствами двух типов: шизофренического и циркулярного. Больные проходили антропометрическое обследование, в результате которого 260 человек были классифицированы по особенностям телесной конституции на три основных типа, три смешанных и один «неопределенный». [74]

Основные конституциональные типы характеризовались астеническим, атлетическим и пикническим телосложением. Данные исследования показали, что астеники и атлетики чаще заболевают шизоидными формами психических расстройств, а пикники — циклоидными.

Таким образом, данные исследования частично подтверждают изложенную выше гипотезу, которая не выходит за рамки фактов, адекватных проблеме «организм-психика». Однако Э. Кречмер пытается объяснить происхождение характера конституциональными свойствами организма, раздвинуть значение патологической картины характерологических свойств человека до границ личностной нормы. «С нашей конституциональной точки зрения психозы являются отдельными узловыми пунктами, включенными в весьма разветвленную сеть нормальных телесно-характерологических конституциональных взаимоотношений» [74]

Общей методологической ошибкой для рассмотренных подходов к проблеме связи объектных и субъектных свойств человека являлось стремление объяснить социальные формы психологической деятельности человека анатомией и физиологией телесной организации человека без анализа общественных взаимосвязей людей. Таким образом, наблюдалось явное логическое несоответствие класса задач исследования со способами их решения. Явления, относящиеся к проблемам социально-психологического класса «психика-отношения», рассматривались через другой класс явлений «организм-психика».

Проблема связи субъектных и объектных свойств человека в процессе общения может быть адекватно решена в рамках проблемы «психика-отношения», где внешний облик человека, его поведение и предметная деятельность становятся объектом *отношения окружающих и социального взаимодействия людей*.

В процессе общественного формирования характера внешность человека как объект отношения окружающих имеет немаловажное значение, о чем, например, свидетельствуют исследования К.Обуховского характерологических особенностей гипофизарных карликов. Он пришел к выводу, что слишком низкий рост вызывает у людей однообразные формы отношения как произвольные реакции на эту особенность внешности. А это, в свою очередь, приводит к однородным специфическим ответным реакциям карликов, формируя у них соответствующие черты личности.

Так, К.Обуховским было отмечено, что для большинства карликов при нормальном уровне интеллектуального развития характерен инфантильный юмор, некритический оптимизм, непосредственное отношение к людям и высокая выносливость к стресс-ситуациям. Это объясняется тем, что к карлику относятся как к игрушке. Его мечты и страдания вызывают упрек и удивление.

Положительным подкреплением сопровождаются только те формы поведения, которые отвечают приписываемой ему роли забавной игрушки [104]

Отношения как реакции на особенности внешнего облика и поведения представляют психологическое ядро взаимопонимания людей в процессе общения, которое не принималось во внимание исследователями проблемы взаимосвязи объектных и субъектных свойств человека. Учет этого обстоятельства переводит данную проблему в несколько иную плоскость анализа, а именно в область социально-психологических закономерностей возникновения и функционирования взаимосвязей личности и внешнего ее проявления в процессе общения. Здесь в первую очередь важен вопрос о том, как предполагаемая воспринимающим связь объектных и субъектных свойств человека реализуется в процессе познания, общения и предметной деятельности людей, как она возникает и проявляется в сознании взаимодействующих людей.

Изучение этой проблемы в аспекте общения открывает новый и парадоксальный взгляд на вопрос *адекватности* связей признаков внешнего облика человека с его психологическими качествами. В процессах практического общения люди следуют своим впечатлениям друг о друге независимо от меры их адекватности, т. е. мера адекватности устанавливается субъективно. Отсюда для общающихся людей адекватность впечатления друг о друге предстает как *проблема согласованности* их взаимных образов-представлений. В силу этого связи внешних признаков с психологическими качествами человека понимаются далеко неоднозначно.

Связь внешних признаков и психологических качеств личности замыкается в практическом предметном взаимодействии людей, поскольку через эмпирическое установление этих связей осуществляется процесс познания людьми друг друга. И хотя мера адекватности здесь остается очень неопределенной, люди используют эталоны внешнего облика и стереотипы их понимания точно так же, как они пользуются языком, посредством чего достигают практически необходимой меры взаимопонимания и согласия при взаимодействии.

Связь признаков внешности с психологическим содержанием личности образуется благодаря общению людей в сферах совместного проживания и деятельности, что предполагает конкретно-историческую, национальную, социально-демографическую и другие формы общественной обусловленности. Благодаря взаимоотношениям, в которые вплетены реакции на внешнее проявление личности, происходит вторичное закрепление связей субъектных и объектных свойств человека в качествах его характера.

Ответ на вопрос о взаимосвязи объектных и субъектных свойств человека нужно искать не только и не столько по линии связи психологических качеств личности с конституциональными особенностями организма, сколько в рамках отношения «причинно-следственные взаимосвязи человека с миром вещей и людей — психологические качества личности». Более того эти качества конструируются партнёрами для достижения согласия и демонстрируются

обеими сторонами как необходимые им и взаимоприемлемые, чтобы сотрудничать и жить вместе. Как только партнёры обнаруживают в поведении друг друга другие, неожиданные и неприемлемые качества, их взаимоотношения начинают изменяться в направлении, соответствующем этим качествам.

Такая постановка проблемы представляется более перспективной в силу того, что единство объектных и субъектных свойств человека проступает в предметных действиях человека, которые осмысляются познающими людьми в системе понятий о качественных характеристиках личности. Предметное действие — это одновременно и объективная форма взаимосвязи человека с окружающей действительностью, и субъективная форма выражения его личностной сущности.

Предметные действия и отношения с людьми формируют соответствующую *экспрессию* внешнего облика, ассимилируясь в его эталонах как *признаки* психологических качеств личности. Эти признаки в процессах общения функционируют как *знаковая система* психологического содержания личности в абстрагированных и обобщенных формах познания на уровне социальной перцепции. Таков, с нашей точки зрения, диалектико-материалистический путь объяснения познаваемых в процессе общения взаимосвязей внешности и личности человека.

Другой принцип объяснения взаимопонимания людей — из «души в душу» — является неоправданной мистификацией телепатических, астрологических, паралингвистических, идеомоторных и других мало изученных и еще не открытых фактов проявления человеческой психики в процессах взаимодействия человека с окружающим миром. Но именно они служат аргументацией сверхчеловеческих мистификаций и противоположной им анато-физиологической предрасположенности.

Итак, взаимопознание людей осуществляется через отражение предметно выраженных взаимосвязей человека с окружающим его миром вещей и людей. Эти практически и предметно выраженные взаимосвязи приобретают атрибутивное значение признаков психологических качеств человека, которые раскрываются в процессе общения посредством социально-психологической интерпретации личности.

Процесс познания людьми друг друга является целостным актом психического отражения, который включает всю структуру познавательных процессов психики — от ощущений до мышления. Это означает, что общепсихологические закономерности познания могут служить теоретической основой при изучении проблем социальной перцепции, когда объектом отражения является человек.

Исходя из психологической теории ощущений, воспринимаемый человек может рассматриваться как объект полимодальной рецепции. Однако имеющиеся экспериментальные исследования процесса познания людьми друг друга проводятся в связи с изучением зрительной и слуховой модальности. Преобладающая роль зрения и слуха в познании людьми друг друга очевидна,

но небезынтересно было бы определить в этом процессе роль и других анализаторных систем.

Общетеоретический принцип, заключающийся в рассмотрении сложного объекта восприятия как комплексного раздражителя, был реализован в тахистоскопическом эксперименте при изучении доминирующей и субдоминирующей роли элементов анатомической структуры лица в целях определения их значимости в формировании адекватного образа восприятия. Было обнаружено, что наибольшей различимостью обладали волосы, несколько меньшей – глаза и брови, затем губы и уши, еще меньше – нос и самой малой – лоб. Доминирование одних элементов над другими обусловлено здесь физиологическим законом интенсивности раздражителя и психологической закономерностью преимущественного внимания воспринимающих к верхней части объекта.

Опираясь на общепсихологические закономерности пространственного восприятия, А.А. Бодалев экспериментально изучил особенности различения человека в естественном пространстве и установил, что общепсихологические закономерности при восприятии человека человеком сохраняют свою силу, особенно относительно первенствующего различия верха объекта. Так, с расстояния 269 метров испытуемые различали особенности одежды (пальто или костюм), с 244 метров – цвет главных предметов одежды верхней половины туловища (цвет нижней половины одежды различался с расстояния 183 метра). [23, с.35]

Изучая процесс формирования образа восприятия по тахистоскопической процедуре, удалось вычленить несколько перцептивных уровней конкретности возникающего образа. Первый – уровень *неясного видения* объекта, когда он ощущается вне предметной формы; второй – уровень *обобщенного узнавания*, когда фотография воспринималась как лицо человека; третий – уровень *дифференцированного узнавания*, когда лица адекватно различались по полу; четвертый – уровень *опознания*, когда лицо адекватно идентифицировалось с лицом, известным испытуемым.

Доминирующая роль элементов внешности изменялась в зависимости от уровня перцептивного отражения. Эксперименты показали, что на уровне опознания в качестве доминирующего элемента может выступить любой из компонентов лица, который наиболее ярко выделяет его из ряда других, то есть определяет его *индивидуальную неповторимость*. При этом оказалось, что наиболее надежными характеристиками лица в процессе опознания являлись не столько его анатомические особенности, сколько его *экспрессия*.

Когда люди находятся лицом друг к другу, то взгляд их скользит от волос к глазам, далее переводится на рот и нос. Это обусловлено многими закономерностями – и психофизиологическими и социальными. Во-первых, волосы и глаза контрастнее других элементов головы и лица, во-вторых, они находятся в верхней части объекта, в-третьих, они содержат немало признаков, говорящих о социально-психологических качествах личности. Например, «Пай-мальчик, модник. Капризно приподняты брови, слишком гладко и аккуратно причёсан».

На этом примере видно, как элементы внешности за счет своей экспрессии превращаются в признаки психологических качеств личности и опознания. На этом уровне познания людьми друг друга вступают в полную силу социально-психологические закономерности психического отражения, которые определяют своеобразие психического образа, когда объектом восприятия является человек.

Главным своеобразием здесь является то, что в психический образ включается характеристика психологических качеств личности, которые не даны воспринимающему субъекту в той же непосредственности, как, например, физические свойства объекта. Однако именно эти качества являются главным предметом познания людьми друг друга. В этих качествах находит отражение личностное содержание воспринимаемого человека, которое устанавливается субъектом восприятия посредством интерпретации элементов внешности, поведения и деятельности как признаков психологических качеств личности.

Следовательно, источником знаний о психологических качествах личности в процессах непосредственного общения является сам человек в совокупности свойств собственной внешности, своего поведения и деятельности. О психологической сущности личности субъект познания судит по внешне проявленным действиям и результатам продуктивной деятельности воспринимаемого человека. Поэтому, если человек хочет, чтобы его правильно понимали окружающие, ему необходимо проявлять высокую общественную активность в своей деятельности.

Однако поскольку суждения о психологических достоинствах и недостатках воспринимаемого человека носят опосредованный характер и возникают как результат актуализации имеющихся у субъекта временных связей между характеристиками видимого действия и психологическими качествами личности, постольку мера адекватности в понимании психологической сущности воспринимаемого человека в значительной мере зависит от личного опыта общения субъекта восприятия.

В этом смысле внешность человека, его действия и результаты деятельности можно рассматривать как знаковую систему психологических качеств личности. В этом смысле процесс познания людьми друг друга можно рассматривать как реализацию субъектом понятийного содержания признаков внешности, действий и деятельности, усвоенных в опыте общения.

Таким образом, процесс познания людьми друг друга является процессом актуализации психологического содержания личности, которое закрепляется за признаками внешности, поведения и деятельности человека в общественно-трудовой практике людей.

В экспериментальных исследованиях было замечено несколько способов актуализации психологического содержания личности по внешности. Один из них строится по ассоциации с общественно-ролевой характеристикой внешности. Например: «Офицер. Капитан корабля. Мужественный, смелый, волевой. Требовательный к себе и к другим». Другой способ возникновения ассоциативной характеристики строится на общем эмоциональном впечатлении, которое возникает от внешности. Например: «Ужасна. Ни уму, ни

сердцу. Спекулянтка, алкоголик и еще хуже». Для следующего способа актуализации психологического содержания характерно связывание его с одним из элементов внешности. Например: «Плотно сжатые губы. Принципиальна, строга, внимательна». Это происходит тогда, когда черты элемента внешности экспрессивны. «Милая улыбка. Тихая, скромная». Еще один способ интерпретации личности по внешности состоит в том, что воспринимаемый человек отождествляется с кем-либо из знакомых. Например: «Взгляд какой-то ... чувствуется какая-то внутренняя грусть, не то злоба; а вообще похожа на одну знакомую, с которой связаны такие мысли».

Опосредованность познания психологических качеств личности и неопределенность индивидуального опыта общения создают чрезвычайно большие трудности на пути адекватного познания друг друга до такой степени, что об одном и том же человеке могут встретиться противоположные мнения.

Экспериментальные исследования адекватности в распознавании эмоциональных состояний привели к выводу о значении ситуации в этом процессе как фактора, повышающего степень адекватного распознавания мимики, жеста, позы. Да, ситуация безусловно способствует адекватной актуализации временных связей между выразительными компонентами внешнего поведения человека и его личностной сущности, повышению уровня однозначности в интерпретации психологических качеств.

Адекватность познания людьми друг друга свидетельствует о возникновении эмпатии и понимания между ними. Поэтому способности к эмпатии и пониманию можно рассматривать как атрибуты адекватности. Эмпатию можно рассматривать как способность к адекватному познанию людей на чувственном уровне, а понимание как способность к адекватной интерпретации психологических качеств личности. При этом способность к пониманию всегда должна быть подкреплена эмпатическим эффектом.

Понимание есть осознание и вербализация познавательного эффекта, выраженного в понятиях и суждениях, которые выступают как социально-психологическая интерпретация впечатлений о человеке, полученных в результате его восприятия.

При вербализации чувственных впечатлений в процесс познания людьми друг друга включаются психологические закономерности мышления, которые оказывают влияние на формирование образа-представления о воспринимаемом человеке. При этом мышление здесь носит эвристический характер.

Целостным представлением о личности, в котором проступают результаты процессов познания людьми друг друга (ощущений, восприятия, впечатлений, эмпатии, понимания, мышления), является *социально-психологическая интерпретация*. В её содержание входят: определение способностей, характера, темперамента, потребностей и интересов, социально-групповой, классовой и национальной принадлежности; социального статуса и общественных ролей; видов деятельности и стиля поведения, то есть всего того, в чем может проявить себя человек, находясь в обществе других людей.

Социально-психологическая обусловленность процесса познания людьми друг друга детерминирована факторами, заключенными в содержании

общественно-трудовой деятельности, в системе деловых отношений (организационной структуре и ролевых позициях), в интимных связях и психологическом содержании межличностных отношений. Это задает особую направленность психического отражения на общественно значимые качества воспринимаемого человека, в числе которых называются психологические качества личности.

Общественно-трудовая детерминация познания людьми друг друга обстоятельно изучалась А.А.Бодалевым и его сотрудниками. [34-39] Была установлена профессиональная направленность в субъективных характеристиках качеств личности воспринимаемого человека. Наиболее ярким примером такой направленности являются результаты экспериментов А.М.Зимичева, который изучал своеобразие социально-психологической интерпретации личности по внешности у шоферов такси. Шоферы, в отличие от контрольной группы, чаще характеризовали воспринимаемых людей со стороны их эмоционально-динамических и социально-групповых качеств. [56] Видимо, ориентировка, именно на эти качества личности помогает водителю такси устанавливать необходимый контакт с пассажирами, что в значительной мере обеспечивает успех его деятельности.

Исследование детерминации социально-психологической интерпретации по внешности ролевой позицией, которую может занимать воспринимаемый человек в студенческой группе, обнаружило воздействие этого фактора на направленность субъективных характеристик психологических качеств личности. Человек, который выступал в роли старосты курса, характеризовался отношением к деятельности, умственными способностями, отношением к себе и к другим людям, темпераментом, волевыми свойствами, организационными способностями. Те же из студентов, которые идентифицировались с ролью «хорошего товарища», характеризовались по умственным способностям, отношению к людям вообще и друзьям в частности, по общительности и эмоциональным свойствам. [128]

В исследованиях Т.В.Пелевиной действие этой детерминанты было проверено в реальных студенческих группах, где были получены характеристики психологических качеств личности на людей, реально занимающих в группах позиции профессиональных лидеров, профессиональных авторитетов и профессиональных эрудитов. Специфическими качествами для лидера были ответственность, старательность, общность интересов, участие в совместной деятельности. Авторитетные студенты характеризуются тем, что к ним часто обращаются за советами, что они охотно делятся знаниями, проявляют коллективизм и деликатность в общении с людьми. Эрудиты характеризуются добросовестным отношением к учебе, профессиональной активностью, хорошей учебной работой.

Исследование влияния должностного статуса на представление о личности инженера также подтвердило значение ролевой позиции в официальной структуре деловых отношений как детерминанты социально-психологической интерпретации личности. Так, например, характеристика общего стиля поведения и деятельности инженера рядового состава

производилась преимущественно по ряду следующих качеств: исполнительность, дисциплинированность, продуктивность, терпеливость, настойчивость. От ведущих инженеров ожидаются уже самостоятельность, наблюдательность, деловитость, оперативность, верность слову. Инженеры – руководители подразделений характеризуются в общем стиле поведения и деятельности в основном со стороны таких качеств как авторитетность, принципиальность, самостоятельность, верность слову, энергичность, инициативность, собранность. [170]

Таким образом, деятельность психологического познания людьми друг друга можно описать через ощущения, восприятие, мышление, представления, впечатления, эмпатию, понимание, суждения и социально-психологическую интерпретацию.

Ощущение, восприятие и мышление – психические процессы, которые обеспечивают формирование образа-представления о человеке. Он осознаётся как впечатление, которое вербализуется и переводится в систему психологических понятий о человеке. В результате возникает суждение как социально-психологическая интерпретация, мера адекватности которой предопределяется чувством эмпатии и способностью к пониманию.

1.1.2. Лицо человека – объект психического отражения и знак личности

Ответ на вопрос о предметном содержании – это ответ на вопрос «что?» предполагалось изучать в психологическом познании человека, и «что?» обнаружилось за пределами поставленных задач.

Предполагалось изучать роль анатомических элементов лица в процессах их узнавания и опознания, выстраивая процедуру тахистоскопического эксперимента на принципах психофизической парадигмы.

За пределами поставленных задач при восприятии фотографических изображений лиц в ответах испытуемых обнаружилось психологическое содержание, касающееся психологических качеств личности. Это означает, что такие изображения воспринимаются как внешняя данность психологических качеств человека, его внутренней сущности.

Таким образом, предметное содержание восприятия лица включает в себе *элементы анатомической структуры как признаки психологических качеств человека*. Это указывает на присутствие психологических данных о личности в элементах физического облика человека. На основании этого факта можно предположить, что в процессе психологического познания человека по его атрибутивным проявлениям происходит психологическая интерпретация свойств внешности. Это обстоятельство расширяет предметное содержание психофизической парадигмы до парадигм психосемиотики и психосемантики. Оно заставляет взглянуть на лицо человека не только как на объект психофизического отражения, но и как на носитель психологической сущности человека. Так проявилась формула *знаковой* репрезентации внутреннего (психологического) содержания во внешнем облике человека.

С учётом этого положения следует рассматривать отдельные результаты ранее проведённых исследований.

В экспериментальных исследованиях восприятия фотографических изображений лиц, которые проводились по тахистоскопической процедуре в диапазоне их предъявления от 0,01 секунды до 0,06 секунды, сразу же обнаружился парадоксальный факт приписывания психологических качеств этим лицам незнакомых людей.

Это плохо согласовывалось с логикой психофизической парадигмы, на которой основывался замысел экспериментального исследования. Задача эксперимента заключалась в выяснении соотносительной роли отдельных анатомических элементов лицевого строения в узнавании и опознании людей по этим элементам. Для большей доказательности роли того или иного элемента лица фотографии разрезались на части. В результате в сериях опытов на узнавание помимо анфаса лиц предъявлялись отдельно нижние и верхние части лиц, середина лица с глазами, профиль. Заклеивалась середина лица так, что оставался овал с волосами. В этой же серии предъявлялись изображения различных предметов и геометрических фигур. В сериях опытов на опознание испытуемым предлагалось сначала выучить лица на фотографиях по именам. После этого лица пропускались через тахистоскоп наряду с другими неизвестными.

Парадоксальный факт приписывания психологических качеств обнаружился в сериях на опознание. Это проявилось в ответах испытуемых на вопрос об элементах лица, по которым они опознавали эти лица. В ответах прозвучали психологические признаки опознаваемого человека, которые усматривал в нём испытуемый. Основанием для такого обнаружения психологических признаков было *выражение* лица (грустное – весёлое, злое – доброе, глупое – умное, и тому подобное). Такого рода выражения лиц испытуемые усматривали на предъявляемых фотографиях, хотя эти лица были сфотографированы в нейтральной мимической позиции. Видимо привычная мимическая маска для лица конкретного человека содержит признаки доминирующей экспрессии.

В процессах взаимного восприятия людей лицо является основным источником информации о психологических особенностях личности. В этом процессе лицо является внешней объективированной данностью психологического содержания общающихся людей. Психологические качества партнеров в этом процессе проявляются в *элементах-признаках* лицевых черт. По ним партнеры выносят свои суждения об эмоциональных состояниях, переживаниях, отношениях, намерениях и всего того, что составляет психологическое содержание внутреннего мира воспринимаемого человека.

Это означает, что воспринимающий человек каким-то образом связывает наблюдаемые анатомо-антропологические элементы внешнего облика воспринимаемого с его психологическими качествами, которые в этом процессе даны умозрительно. Такое связывание я стал называть *социально-психологической интерпретацией личности* по внешности. В результате такой интерпретации люди дают «психологические портреты» друг друга, а не физические, которые собственно и являются объективными источниками информации о воспринимаемом человеке. Как же так получается, что воспринимаем мы физические качества лица, а делаем заключение о

психологических качествах личности, которые не даны нам в прямом чувственном восприятии?!

Видимо физические элементы лица воспринимаются нами не только как таковые, но еще и как *признаки психологических качеств* человека. Физические *элементы* лица приобретают значения *признаков* психологических качеств человека. Поэтому я называю их *элементами-признаками*, в которых кодируется психологическое содержание партнеров социального взаимодействия. Возникает очередной вопрос о том, как происходит замыкание связей психологического содержания воспринимаемого человека с его особенностями физического облика?

На этот вопрос пока нет экспериментально подтвержденного ответа. Мы можем только предполагать некоторые условия возникновения связей между внешностью и личностью и рассуждать о механизмах и вероятности их причинно-следственных зависимостей. Некоторые предпосылки для таких предположений можно сформулировать, если определить основные функции внешнего облика в социальном взаимодействии людей. Впервые о них мне удалось высказаться еще в 1969 году в связи с аспектами научного познания восприятия лица человека. [125, 126]. В этом вопросе заключён интерес психологического познания человека, направленного на внутренний мир человека, его психические свойства, потенциал личности как субъекта общественной жизнедеятельности людей. Какую роль в этом познании играет лицо как материальный объект восприятия?

В первую очередь научное познание обратилось к *анатомическому* строению лица как части телесной организации человека. К этому побуждала практика медицинской помощи и криминалистической экспертиза. Эти прикладные направления изучают лицо в основном как материальный объект с особыми скелетно-мышечными конфигурациями своего строения. Одна из фундаментальных проблем строения лица – соотношение костной основы черепа и мягкотного покрова, состоящего из кожного, мышечного и жирового слоя, была эффектно решена антропологом М.М.Герасимовым к 1955 году. В результате тридцатилетних исследований этой проблемы ему удалось определить закономерные связи между костным строением черепов и мягкотными покровами. Это позволило ему, а в дальнейшем его ученикам и другим специалистам, восстанавливать внешний облик человека по его костным останкам. Метод Герасимова восстановления лица по черепу лёг в основу современных компьютерных технологий моделирования внешнего облика людей. Примечательно то, что в его исследованиях были обнаружены признаки *индивидуализации* лиц. Они хорошо известны криминалистам, пластическим хирургам и художникам. В их числе Герасимов указывает на асимметрию левой и правой половины лица, которая усиливается с возрастом. Это открыло путь прикладной реализации метода при опознании в криминалистике и убедило научную общественность в анатомо-морфологической неповторимости человека, несмотря на типологическое подобие индивидов.

В психологической науке о *морфологической асимметрии* парных частей тела как о признаках *индивидуальности* говорил Б.Г.Ананьев. Его гипотеза распространялась на связь морфологической асимметрии с *психологической индивидуальностью личности*. Однако эти связи до сих пор остаются не подтверждёнными из-за того, что они понимаются слишком прямолинейно в логике безусловной и неотвратимой детерминации психических свойств человека биологическими процессами и конструктами его телесной организации, в то время как индивидуализация человека происходит ещё и под влиянием социального взаимодействия посредством механизмов непосредственного общения. Начинается этот процесс с *восприятия внешнего облика* партнёров социального взаимодействия, где лицо предстаёт не только как физический объект, но и *знак личности*, за которым закрепляется психологическая сущность партнёров.

Вопросы восприятия лица человека можно представить в русле нескольких наиболее широких проблем.

Одна из этих проблем связана с изучением общих и специфических закономерностей *отражения* внешности людей и *познания* психологии друг друга. Уместно предположить, что *психическое отражение* и *психологическое познание* – *разнокачественные* процессы феноменологического единства психологической деятельности. Аналитически эта проблема дифференцируется на проблемы психического отражения и психической деятельности.

Другая проблема связана с исследовательскими процедурами и конкретными методическими приемами, с помощью которых можно было бы изучать и психическое отражение лица как физического объекта и познание личности как психологической реальности. Это вопрос о сборе данных об отклике испытуемых на предъявляемые им лица.

Третья проблема связана с определением практического смысла восприятия внешности людей в их социальном взаимодействии.

Восприятие людьми друг друга происходит, как правило, в ситуации общения. Общение — это взаимодействие людей по поводу предметов и явлений окружающего мира, по поводу других людей или самих себя. В нём происходит обмен информацией и установление взаимоотношений для согласованного выполнения поставленных целей на основе восприятия и понимания друг друга. К этому определению я пришёл в своей диссертации ещё в 1969 году. Об этом с огорчением приходится говорить, так как многие коллеги публикуют тексты без ссылки на первоисточники. Наиболее общие и специфические черты процесса общения заключены в том, что это — взаимодействие человека с человеком, а не человека с предметом, что отличает взаимодействие первого рода от взаимодействия второго рода.

Первое, что обратило на себя внимание при изучении специфики восприятия человеческого лица в отличие от предметов, был факт более низких порогов узнавания лица в сравнении с предметами. Это объясняется социальной значимостью лица как инструмента общения и частотностью его восприятия в процессах трудового сотрудничества и общественной жизни людей. [8, 23]

Опыт восприятия лица самый обогащённый каждодневным общением людей, в процессе которого лицо является инструментом информационно-психологической коммуникации.

Социально-психологическая значимость лица определяется тем, что в процессе непосредственного общения с лица, по сравнению с другими элементами внешнего облика, мы получаем наибольшее количество информации о личностных особенностях и свойствах человека. Лицо служит в качестве постоянного и естественного средства связи между людьми. Эстетические особенности лица, его анатомическая структура, экспрессия — вот то, из чего складываются главные характеристики его индивидуальной структуры, которые определяют коммуникативные свойства лица как инструмента общения. Структура лица, как объекта восприятия, может быть изучаема в нескольких аспектах.

Психофизический аспект. Здесь лицо рассматривается как комплексный раздражитель, а элементы его структуры как компоненты этого комплекса. Такой подход предполагает изучение отношений между элементами структуры лица по их интенсивности как компонентов комплексного раздражителя. Наши исследования показали, что доминирующими элементами структуры лица, как комплексного раздражителя, являются волосы и глаза, наиболее контрастно выступающие на фоне его целостной структуры.

Психопознавательный аспект. Здесь структура лица рассматривается с точки зрения *осведомительной* роли его отдельных элементов и признаков. Осведомительная информация может быть расчленена на сведения об анатомических, функциональных, психологических и социальных особенностях воспринимаемого человека. Отражение этих признаков лица осуществляется на различных уровнях чувственного и логического познания, на каждом из которых изменяется значение и роль отдельных элементов — признаков структуры лица. Так, на уровне обобщенного узнавания главную роль играет контуро-разграничительная линия, которая очерчивает общую форму объекта, выделяет его из фона, а также определяет расположение элементов лица в ограниченном ею пространстве. На уровне дифференцированного узнавания (в наших опытах различение лиц по полу) главную осведомительную роль выполняют волосы и особенности их ношения, т. е. причёска. На уровне опознания в качестве ведущего отличительного элемента-признака может выступить любой из компонентов лица, который наиболее ярко (существенно) выделяет данное лицо из ряда других предъявляемых лиц. На уровне суждений (социально-психологической интерпретации) ведущее положение начинают приобретать экспрессия и эстетическая привлекательность лица в целом и глаз. Наиболее выразительные компоненты экспрессии таятся в уголках рта, глаз и крыльев носа. На это следует обратить особое внимание художников.

Психорегуляторный аспект предполагает рассматривать структуру лица и его отдельные элементы как сигналы, не просто несущие какую-то информацию, а вызывающие или могущие вызвать какое-либо действие субъекта отражения. Психорегуляторный аспект можно изучать как на уровне

психофизиологической регуляции, так и на уровне социально-психологической регуляции.

Уровень социально-психологической регуляции предусматривает реакции на объект отражения, как акты отношения и поведения. В этом смысле экспрессия лица (его мимика) и эстетическая привлекательность доставляют субъекту восприятия основную информацию регуляторного значения. Этот аспект имеет особое значение в профессиональной деятельности актёров.

Психокоммуникативный аспект. Здесь структура лица должна изучаться с точки зрения свойств, которые обеспечивают большую или меньшую степень контактности человека помимо свойств его характера и способностей, т. е. таких свойств лица, которые являются наиболее располагающими для общения. Ведущая роль среди элементов-признаков лица в этом плане будет принадлежать эстетической привлекательности.

Изучение лица как объекта восприятия может иметь значение там, где имеется дистанционное слежение по телевидению за общим состоянием людей, выполняющих свою деятельность в экстремальных условиях (космический полет, подводное плавание и т. п.). Если учесть относительное преимущество в скорости восприятия лица по сравнению с предметами, то становится весьма заманчивой идея использования человеческих лиц на пультах управления.

Вопросы оптимизации технических средств передачи изображения в телевидении и кино не смогут быть полностью разрешены без учета психологических закономерностей восприятия лица. Опознавание людей по внешности и идентификация их лиц по фотографиям представляют собой каналы, по которым возможна связь проблем восприятия лица человека с практической деятельностью криминалистов. Психологическое изучение структуры лица может быть полезным для изобразительного и театрального творчества, а также медиков-психиатров. Разработанная нами методика использования тахистоскопического метода может служить целям профессионально-групповой и индивидуальной диагностики, а также дальнейшему изучению процесса восприятия человеческого лица.

В этом тексте представлены первые научно-теоретические выводы, объясняющие практическое значение психологического познания человека по внешности. Они указывают и на глубокий научный смысл изучения данной проблемы, осознание которого привело к переосмыслению очень многих прежних теоретических представлений о психике и психологии человека. Но об этом будет сказано во втором разделе этой части.

Итак, лицо человека – это универсальное средство социально-психологического взаимодействия людей. Оно проясняет внутренний мир человека своими функциональными возможностями благодаря *экспрессии*, и тем самым прокладывает реальную психологическую взаимосвязь между людьми, превращая их в партнёров совместной жизнедеятельности. *Экспрессия лицевых черт* позволяет человеку преобразовывать внутренний мир идеальных представлений в психологическую реальность для других, и

утвердить его в сознании других в виде психологического знания о себе. Экспрессия является самым существенным знаком психологии человека.

1.1.3. Узнавание человека по внешности

В опытах исследования восприятия фотографических изображений лиц обнаружилось качественно отличное друг от друга психические образы предъявляемых объектов. Эти отличия позволяют говорить о нескольких уровнях психического отражения людьми друг друга.

В процессе конкретно-чувственного отражения внешности людей формирование образа восприятия проходит ряд качественно отличных друг от друга перцептивных уровней: 1) неясное видение, 2) обобщенное узнавание, 3) дифференцированное узнавание, 4) опознание.

Первый уровень характеризуется *неясным видением* воспринимаемого объекта. Психический образ не имеет предметной определённости. Он размыт как в картинах абстрактной живописи. Адекватного предметного узнавания воспринимаемого объекта не происходит.

«Неясное видение» характеризуется беспредметностью восприятия объекта как расплывчатого пятна. Испытуемый в тахистоскопическом эксперименте ещё не видит предметной определённости предъявляемого ему объекта. Это отражение объекта на уровне ощущения, которое, например, воспроизводится в абстракционизме – беспредметном отображении художником своих ощущений.

На втором уровне психический образ объекта обретает целостность и вместе с тем предметную определённость. Он характеризуется завершённостью своей формы и узнаётся по принадлежности к какому-либо классу объектов. Это даёт основание для категоризации объекта восприятия – называется группа (класс) объектов, к которым он принадлежит. Наступает адекватное узнавание этого объекта. В случае восприятия человека его так и называют «человек», что свидетельствует об *обобщённом уровне узнавания*.

«Обобщённое узнавание» проявляется в восприятии лица человека как лица в отличие от других предметов, предъявляемых в эксперименте. Образ лица уже предметен и целостен, но не вполне понятен по другим признакам человека.

На третьем уровне психический образ воспринимаемого человека обретает конкретность по половой принадлежности. Происходит категоризация по полу. Признаками половой дифференциации лиц в антропологии считается «грациальность» черт и пропорций, которые у женщин более мелкие и нежные. Это не сразу удаётся заметить, поэтому в наших опытах испытуемые при половой дифференциации лиц чаще опирались на причёску (женскую или мужскую).

«Дифференцированное узнавание» характеризуется различием лица по половой принадлежности. В этом случае испытуемые адекватно указывали на пол воспринимаемого человека. Половая дифференциация человека как объекта восприятия оказывается важным и социально значимым моментом для понимания личностной сущности партнёра. Оказывается, на самых первых уровнях психического отражения человек важен в своей половой определённости, без чего не может начаться процесс психологического познания. Половая идентичность здесь играет главенствующую роль.

На четвёртом уровне восприятия происходило *опознание* человека по индивидуальным признакам внешнего облика. Это может происходить только с ранее воспринимаемыми людьми, так как опознание предполагает *идентификацию* психического образа с одним неповторимым объектом. Это предполагает предельный уровень адекватности восприятия.

При идентификации происходит *сличение* воспринимаемого объекта по заранее известным его элементам-признакам, составляющим структуру этого объекта. Сведения об этих элементах-признаках получены из перцептивного опыта воспринимающего человека. Этот опыт формируется и хранится нашей памятью в естественных процессах взаимодействия с объектами внешнего мира. Процесс сличения как поиск знакомого элемента-признака при восприятии объекта не осознаётся, но осознаётся его результат – узнавание объекта. Такое осознание сопровождается *категоризацией* воспринимаемого объекта, то есть отождествлением его с известным *классом* объектов или единственным, как это происходит при опознании. Категоризация осуществляется с помощью слов-понятий, являющихся *знаками* объектов, посредством которых фиксируется результат идентификации объектов.

С категоризацией связан переход к следующему уровню восприятия людьми друг друга. Это – уровень *интерпретации* увиденного в объекте восприятия. К интерпретации испытуемые прибегали в двух случаях. Во-первых, при неясном видении объекта (первом перцептивном уровне), что проявлялось в стремлении домыслить едва различимые элементы объекта, которые сами по себе не давали достаточной информации о предметной определённости целостного образа. Во-вторых, при возможностях ясно различать экспрессивные компоненты внешности воспринимаемого человека. В первом случае интерпретация производилась по формуле: «похоже на ...», и назывался объект по результату субъективной идентификации испытуемого с известными ему сходными предметами. Во втором случае интерпретация содержала психологические характеристики человека, то есть касалась его внутреннего мира и достоинств, которые «виделись» испытуемому. И это происходило более уверенно, чем в первом случае.

Поэтому, чтобы определить конкретный элемент-признак, по которому происходила идентификация объекта, приходится расспрашивать испытуемых. Для этого задаются дополнительные вопросы о том, что же они видели на предъявленном изображении, особенно в условиях, когда объект показывался не полностью (частями) и на очень короткое время, не позволяющее его разглядеть полностью.

В результате выяснялись наиболее информативные элементы-признаки объекта, обеспечивающие его идентификацию, приводящую к адекватному узнаванию.

При обобщённом узнавании человека по предъявляемым лицам и их частям наиболее информативным признаком оказался *контур* лица. В антропологии В.В.Бунака представлена классификация лиц по разнообразию-подобию их *овалов* (в нашей терминологии контуров). В антропологии В.В.Бунака описаны десять типичных конфигураций овала лица. «Эллиптический» - контур головы и лица имеют форму эллипса с наибольшей шириной приблизительно на уровне скуловых дуг. «Овальный» - контур заметно суживается к подбородку, наибольшая ширина

располагается на уровне глаз. «Яйцевидный» - сужение в верхней части и расширение к нижней приблизительно на уровне середины щек. «Круглый» - короткое лицо с равномерно закругленной как нижней, так и верхней частью. «Прямоугольный» - боковые линии и верхняя линия с нижней линией параллельны друг другу, боковые немного длиннее верхней и нижней. «Квадратный» - такой же как «прямоугольный» при равенстве всех линий. «Ромбический» - характеризуется сужением в верхней части, так и в нижней, наибольшая ширина приходится на уровне скуловых дуг. «Трапециевидный» - отличается от прямоугольного выступанием вперед подбородка, очертание напоминает пятиугольник. «Обратно-трапециевидный» - расширение в области головы при выступающем вперед подбородке. «Пятиугольный» - похож на квадратный при заостренном подбородке. Эти контурные различия значимо не повлияли на результаты *обобщенного узнавания*.

Однако именно *контурно-разграничительная* линия являлась определяющим элементом-признаком лица человека при визуальном узнавании. Это объясняется тем, что она очерчивает все параметры объекта (в данном случае лица). Тем самым объект выделяется из фона, что способствует его целостному восприятию, и в то же время определяется его специфика в ряду других знакомых ранее объектов. Этого признака оказывается достаточно для того, чтобы различать объекты в самом общем виде, дифференцируя их на большие группы (классы). Это, прежде всего признак *целостности* объекта, его *интегральная форма*, в которой наиболее полно воспроизводится специфика объектов. Человеческому восприятию свойственно отражать мир в целостных и завершенных формах. Один и тот же элемент, входящий в структуру объекта, может оказаться признаком разных предметов. Поэтому поэлементное восприятие оказывается менее надежным при узнавании, по сравнению с признаками целостности. Именно это проявилось при узнавании отдельных частей лица, где линия овала была разрушена. Подробнее об этом будет сказано в других параграфах.

Здесь же необходимо обратить внимание на феномен апперцепции, который заметно проявился при *неясном видении* объектов. Чаще всего это происходило при экспозиции в 0,01 секунду. Апперцепция обнаруживала себя в ассоциациях, которые возникали на отдельные элементы не узнаваемого объекта. Например, при восприятии хозяйственной тарелки для овощей, дырочки на её поверхности ассоциировались с окнами дома, клинописью, знаками на пульте управления. Такая апперцепция указывала на индивидуальный опыт познания предметного мира, что весьма важно при обследовании багажа знаний учащихся.

Ассоциации на экспрессивность лицевых черт и лица в целом обнаруживают психологическую эрудицию и содержательную направленность субъекта восприятия на его индивидуальный запрос в отношениях с людьми.

В результате обнаружился проективный потенциал тахистоскопической процедуры как метода психологического познания человека.

Опыт тахистоскопического исследования восприятия лиц и предметов.

Важное место в общей теории восприятия и социальной психологии занимает проблема отражения человеческой внешности. Среди компонентов внешности лицо человека представляет наиболее важный источник

информации о воспринимаемом субъекте. «Большинство людей в процессе общения чаще всего концентрирует свое внимание на лицах партнеров и больше всего на глазах, которые оказываются видимым центром человека для воспринимающего субъекта. Это значение лица в процессе общения определяется тем, что на лице расположены важнейшие дистанционные рецепторы, от лица исходит голос, слышимый другим человеком. Сокращения лицевых мышц изменяют выражение лица и сигнализируют о состоянии человека». [14]

В данном исследовании мы попытались выяснить, как осуществляется отражение изображений человеческого лица и предметов в условиях дефицита времени и какова динамика различных перцептивных уровней отражения в зависимости от категории воспринимаемого объекта и времени экспозиции. Круг эмпирических задач был следующим.

1. Какие различия существуют между восприятием изображений человеческих лиц и предметов?
2. Какие различия существуют между восприятием лица в фас и профиль?
3. Какие различия существуют между восприятием структуры изображений лица, предъявляемых в виде «полной» структуры (фас и профиль) и в виде «неполной» структуры (верхней в нижней половины лица)?
4. Какие различия существуют между восприятием верхней и нижней половиной лица?

Экспериментальные ответы на эти вопросы давали основания для выводов о значимости элементов-признаков в процессах различения и узнавания лиц и предметов, включённых в набор объектов для предъявления. Знания об этом могут иметь прикладное значение.

В исследовании был применен тахистоскопический метод. Оборудование состояло из электронного тахистоскопа с зеркальным экраном. Объекты предъявлялись на экспозициях: 0,01; 0,02; 0,03; 0,04; 0,05; 0,06 сек. Точность заданной экспозиции контролировалась показаниями импульсного счетчика типа СБ 1М/100. До и после показа изображений экспозиционные поля были темными. Испытуемые находились на расстоянии 1 м. от объекта.

Испытуемым предъявлялся набор из двадцати карточек, среди которых были четыре фотографических изображения предметов, четыре лица в фас, четыре лица в профиль и по четыре верхней и нижней половины лица. Всего пять групп объектов: 1) «предмет», 2) «профиль», 3) «фас», 4) «верх», 5) «низ». Общий объем предъявления составил 20 объектов.

В опытах участвовали 39 подростков 13—14 лет. Двенадцать из них было в возрасте 14 лет и 27 в возрасте 13 лет. Мальчиков было 13, девочек — 26.

Опыты проводились в школе после занятий. Длительность каждого опыта не превышала 15 минут.

По команде «внимание» испытуемому предъявлялся объект на заданной экспозиции. После каждого предъявления испытуемые должны были рассказать о том, что им удалось заметить на экране. О наборе объектов испытуемым не было известно.

Все ответы испытуемых подразделялись на три качественно различных уровня отражения, один из которых, первый, соответствовал неясному видению. Для этого уровня отражения характерны, например, такие ответы: «Вижу какие-то пятна ...», «Что-то такое есть, но не могу сказать что...», «Какие-то дужки и черточки ...» и т. п. Отражение предметов и лиц, как таковых, при неясном видении еще не существует. Данный уровень отражения характеризуется отсутствием свойства предметности. На этом уровне выделяются пока только отдельные элементы воспринимаемого объекта, которые не удается интегрировать в целостную предметную структуру.

Второй уровень отражения соответствовал обобщенному узнаванию, т. е. правильному отнесению воспринимаемого объекта к одной из двух категорий: или к категории «предмет», или к категории «лицо». Для данного уровня отражения характерны такие ответы: «Какое-то растение...», «Похоже на сосуд...», «Это—портрет...», «Чье-то лицо...» и т. п. На данном уровне объект отражается в форме предметной целостности, и наступает его первичная категоризация.

Однако обобщенное узнавание еще не исчерпывает всей информации, заключенной в предъявляемом объекте. Здесь еще отсутствует практически значимая конкретизация образа восприятия. Такая конкретизация наступает вместе с дифференцированным узнаванием, которое соответствует третьему уровню отражения, т. е. правильному узнаванию объекта. Например: «Ваза» (предъявлялась ваза). Что касается лиц, то третьему уровню отражения соответствовала правильная дифференцировка их по полу. Например: «Лицо женщины» (предъявлялось лицо женщины).

ДИНАМИКА УРОВНЕЙ ОТРАЖЕНИЯ

На рис. 1 приведен график изменения вероятности (P) первых трех уровней

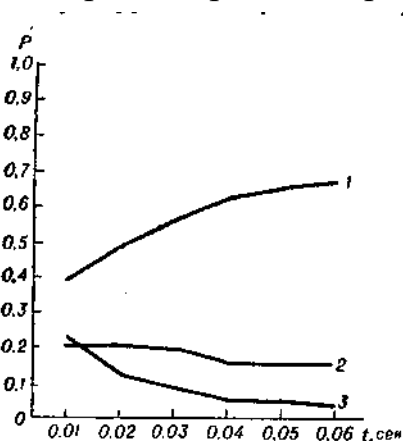

Рис. 1. Динамика уровней отражения. 1 — дифференцированное узнавание; 2 — обобщенное узнавание; 3 — неясное видение.

отражения при различных экспозициях. Здесь представлены усредненные значения для данной группы испытуемых по трём уровням отражения.

С увеличением экспозиции заметно снижается вероятность неясного видения, а вероятность дифференцированного узнавания неуклонно возрастает. Обобщенное узнавание оставалось почти на одном и том же уровне.

С увеличением времени экспозиции улучшаются условия для более полного и качественно более высокого уровня отражения. В описываемых опытах экспозиция в 0,01 сек. оказалась достаточным условием для отражения объектов уже на уровне дифференцированного узнавания. В этих опытах переход к дифференцированному узнаванию совершался от более низкого уровня отражения — неясного видения и обобщенного узнавания. «Всякий акт чувственного познания является фазным процессом, начальный момент которого составляет ощущение, как отражение отдельного качества или

свойства предметов окружающего мира. Восприятие, как форма отражения предмета, в отличие от парциального, частичного знания об отдельных свойствах и качествах предмета есть целостный образ предмета. Естественно, что это целостное отражение предметов возникает из частичного знания о его качествах и свойствах и, следовательно, включает в себя эти знания». [10, с.229].

Между рассматриваемыми уровнями чувственного отражения проявлялись достоверные статистические различия в распределении вероятностей по экспозициям.

Иерархия фактических различий между уровнями отражения соответствует их качественной иерархии.

Напомним, что все три уровня отражения проявились уже при экспозиции 0,01 сек. Следовательно, более высокая вероятность неясного видения той или иной категории объектов свидетельствует о большей трудности его перцептивного различения.

На рис. 2 дано графическое изображение изменений неясного видения для всех пяти видов объектов. Различия в распределении вероятности данного уровня отражения между всеми пятью видами объектов («предмет», «фас», «профиль», «верх», «низ») по критерию Колмогорова—Смирнова не явились достоверными, т. е. динамика в отражении на данном уровне всех пяти видов объектов подчиняется единой закономерности, обусловленной изменениями экспозиции. А это означает, что сущность структурных различий между объектами на данном уровне не проявляется еще с достаточной четкостью. Однако в рамках этого единства разные виды объектов имели различную вероятность неясного видения. Наибольшей вероятностью неясного видения в интервале экспозиций от 0,01 до 0,06 сек. обладали объекты «низ» и «верх». Далее следовали «профиль», «предмет», «фас». Различия вероятностей объясняются здесь тем, что объекты «низ» и «верх» представляют собой только части целого структурного комплекса, которым является лицо. Это обстоятельство ощутимо препятствует формированию целостного представления о воспринимаемом объекте. Синтез отдельных свойств объекта, представленных вне его целостной структуры, становится затруднительным, но не невозможным. Всё это говорит о том, что разрушение структурной целостности объекта затрудняет его узнавание, и может, как это имеет место в абстрактной живописи, за счёт возникающей неопределённости, порождать более длинную цепь ассоциаций, соответствующей перцептивному опыту субъектов восприятия. Это обстоятельство можно использовать намеренно при выяснении индивидуальной апперцепции конкретных людей. По содержанию апперцептивных ассоциаций можно определять предметный мир, с которым человек связан своей жизнедеятельностью. В этом заключён потенциал

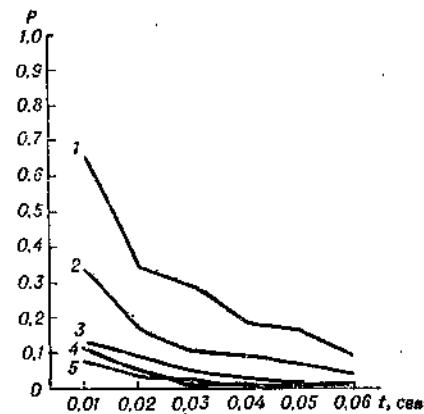

Рис. 2. Неясное видение объектов. 1 — «низ»; 2 — «верх»; 3 — «профиль»; 4 — «предмет»; 5 — «фас».

проективного метода тахистоскопической процедуры, который проявился в возрастных различиях восприятия одних и тех же изображений.

На рис. 3 дано графическое изображение изменений обобщенного узнавания для всех пяти видов объектов. В одну группу, не имеющую достоверного различия в распределении вероятностей по экспозициям, вошли «фас», «профиль», «верх»;

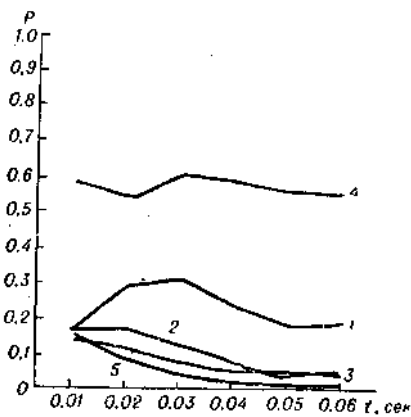

Рис. 3. Обобщенное узнавание объектов.
1 - 5 — то же, что на рис. 2.

в другую — «предмет», «низ». Это означает, что динамика отражения каждой из групп объектов подчиняется единой закономерности, в то время как между самими группами изменения в узнавании протекают по отличной друг от друга закономерности. Здесь уже начинает проявляться существо структурных особенностей воспринимаемых объектов. Сближение «фаса», «профиля» и «верха» объясняется тем, что наиболее различимые родовые признаки лица находятся в верхней его части, в то время как сближение «низа» с «предметом» обусловлено слабой выраженностью родовых признаков лица в его нижней части. Эти обстоятельства приводили к тому, что «низ» довольно часто воспринимали как какой-то предмет.

Однако в рамках установленного единства и различия разные виды объектов имели неодинаковую вероятность обобщенного узнавания (рис. 3). Вероятность обобщенного узнавания при увеличении времени предъявления от 0,01 до 0,06 сек. для «фаса», «профиля» и «верха» постоянно снижается, а для «предмета» и «низа» остается почти на одном и том же уровне.

Обобщенное узнавание по сравнению с неясным видением является более высоким уровнем отражения. Следовательно, более высокая вероятность обобщенного узнавания должна свидетельствовать и о большей легкости перцептивного различения объектов. Это так, но до известного предела, который ограничен, с одной стороны, самим уровнем обобщенного узнавания, с другой стороны, условиями опыта, в которых может быть заключена возможность и для более высокого уровня восприятия — дифференцированного узнавания, что имело место в излагаемых опытах. Тогда вывод о большей или меньшей различимости объекта необходимо согласовывать с показателями дифференцированного узнавания.

На рис. 4 дано графическое изображение изменений дифференцированного узнавания для всех пяти видов объектов. Динамика вероятностей дифференцированного узнавания по экспозициям имела достоверные различия между «низом», с одной стороны, и «фасом», «профилем», «предметом», с другой. Между «фасом», «профилем», «верхом» различия не являлись достоверными.

Это свидетельствует о том, что дифференцированное узнавание «низа» протекает по закономерности, отличной от той, по которой происходит отражение «фаса», «профиля», «предмета». Однако «верх» имеет ряд признаков, которые сближают динамику его отражения с «низом».

«Верх» близок «фасу» и «профилю» по наличию достаточно различимых и значимых родовых признаков лица, а «низу» он близок по неполноте представленной структуры лица. Первое условие обеспечивает «верху» более высокую вероятность дифференцированного узнавания в сравнении с «низом», а второе более высокий темп нарастания этой вероятности в сравнении с «фасом» и «профилем». Так, коэффициент регрессии дифференцированного узнавания был для:

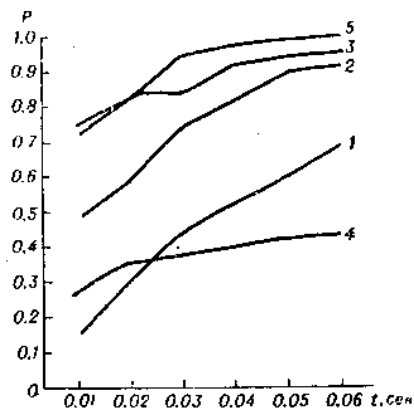

Рис. 4. Дифференцированное узнавание объектов.
1 — 5 — то же, что на рис. 2.

«Предмета» . . .	3,176
«Фаса»	4,930
«Профиля» . . .	4,700
«Верха».....	8,880
«Низа»	14,000

Коэффициент регрессии в данном случае отражает темп нарастания вероятности дифференцированного узнавания от экспозиции к экспозиции по мере ее увеличения от 0,01 до 0,06 сек. Он говорит о том, что прибавка времени экспозиции в этом диапазоне имела большее значение для достижения адекватности при восприятии «низа» и «верха», чем других объектов. Наибольшие затруднения в дифференцированном узнавании были связаны с «предметами», которые оказались за пределами апперцепции наших испытуемых. Однако лица, даже в неполных структурах, начиная с экспозиции 0,03 сек., воспринимались на уровне дифференцированного узнавания лучше, чем предметы.

В данном исследовании дифференцированное узнавание представляло собой предельно возможный уровень перцептивного отражения, т. е. являло собой конечный эффект восприятия. Наилучших результатов на этом уровне испытуемые достигли при восприятии лица в фас, а затем лица в профиль, верхней половины лица, нижней половины лица, и в последнюю очередь предметов.

ВОСПРИЯТИЕ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ

В данном исследовании предъявлялись четыре фотографических изображения предметов: часов (будильника), хозяйственной тёрки, крупной шишки южной сосны, вазы. Вероятность

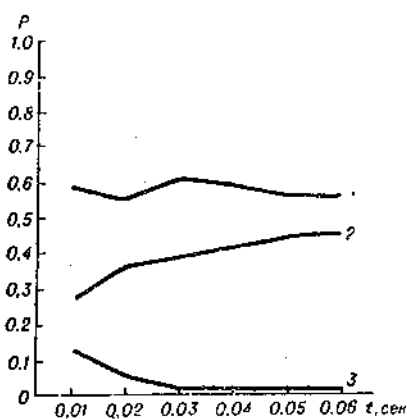

Рис. 5. Динамика уровней отражения при восприятии предметов. 1 — дифференцированное узнавание; 2 — обобщенное узнавание; 3 — неясное видение.

обобщенного узнавания на всех шести экспозициях была наибольшей. Вероятность дифференцированного узнавания, хотя и нарастала с каждым увеличением экспозиции, тем не менее, оставалась несколько меньшей вероятности обобщенного узнавания. Вероятность неясного видения была значительно меньше вероятностей двух других уровней отражения и быстро снижалась с увеличением экспозиции (рис. 5). Таким образом, при восприятии данной группы предметов в диапазоне экспозиций от 0,01 до 0,06 сек. преобладающим уровнем отражения

было обобщенное узнавание, т. е.

предметы чаще всего воспринимались как предметы, но без адекватного их отождествления с конкретной категорией, к которой они принадлежали.

Коэффициент регрессии неясного видения был равен

(-1,26), обобщенного узнавания—(-0,45), дифференцированного узнавания — 3,17. Низкий коэффициент регрессии обобщенного узнавания свидетельствует о малой изменчивости данного уровня отражения в принятом диапазоне экспозиций, несмотря на улучшение условий восприятия. Отрицательный знак коэффициента регрессии обусловлен тенденцией снижения вероятности обобщенного узнавания с ростом времени экспозиции. Небольшая изменчивость вероятности обобщенного узнавания подтверждается также малой величиной среднего квадратического отклонения ($\sigma = 0,023$) и столь же малой величиной коэффициента вариации ($cv = 4\%$).

Испытуемые при отражении предметов как бы застревают на уровне обобщенного узнавания, испытывая большие затруднения при дальнейшей их конкретизации. Так, вероятность обобщенного узнавания при экспозиции 0,06 сек ($P_{0,05\text{сек}} = 0,55$) мало отличается по своему значению от вероятности обобщенного узнавания при экспозиции 0,01 сек ($P_{0,01\text{сек}} = 0,58$), несмотря на шестикратное увеличение времени восприятия объектов.

При экспозиции 0,01 сек. имели место все три уровня отражения. Это говорит о том, что диапазон экспозиций от 0,01 до 0,06 сек. является вполне достаточным для адекватного отражения предметов на уровне дифференцированного узнавания. Однако вероятность этого уровня отражения при восприятии предметов в данном диапазоне экспозиций не достигает даже 0,5. Чем же тогда объяснить это противоречие?

В первую очередь нужно принять во внимание то обстоятельство, что вероятности обобщенного и дифференцированного узнавания при экспозиции 0,01 сек. достигают такого значения, которое затем мало изменяется под воздействием увеличения времени предъявления объектов. Это означает,

что при восприятии предметов уже на первой экспозиции испытуемые достигают таких вероятностей, которые близки к своему предельному значению. Но чем тогда объяснить, что одни предметы они отражают адекватно на уровне дифференцированного узнавания уже при экспозиции 0,01 сек, а другие предметы не способны эффективно воспринять, даже при экспозиции 0,06 сек?

Эффективность отражения тех или иных предметов в условиях дефицита времени связана с личным опытом испытуемого. Если в личной практике испытуемый часто имел дело с данными ему для восприятия предметами, то он очень легко узнает их. Если такового не было в его опыте, то и узнавание данных предметов для него будет затруднено.

Наиболее непонятными и трудными для узнавания предметами в данном исследовании были тёрка и шишка, в то время как часы почти все испытуемые узнавали при экспозиции 0,01 сек. Ваза узнавалась несколько хуже, чем часы, но в значительной степени лучше, чем тёрка и шишка. Если учесть роль этих предметов в жизни школьников 13—14 лет, то становятся понятными те трудности, с которыми встретились испытуемые, воспринимая данный набор предметов в условиях дефицита времени.

Интересным является еще и тот факт, что испытуемые, делая попытку воспринять малопонятный предмет на уровне дифференцированного узнавания, дают самое разнообразное толкование воспринимаемому объекту, что с еще большей полнотой обнаруживает знакомство воспринимающего субъекта с рядом предметов, сходных по каким-либо признакам с предъявляемым предметом. Так, изображение тёрки толковалось то, как многоэтажный дом, то, как памятник с надписями, то, как пчелиные соты, то, как прибор или пульт управления и т.д. Чем богаче жизненный опыт субъекта, тем больше будет названный им ряд предметов по сходству с предъявленным объектом.

Субъективные трудности при восприятии того или иного предмета, а также факт субъективной интерпретации «трудных» предметов могут стать объектами специального исследования с целью изучения индивидуальной апперцепции людей различных возрастов и профессий с помощью тахистоскопического метода.

УЗНАВАНИЕ ЛИЦ

На рис. 6 приведены графики изменения уровней отражения при восприятии лица в фас. Наибольшей вероятностью на всех экспозициях обладал уровень дифференцированного узнавания, который изменялся от $P=0,74$ при экспозиции $0,01$ сек до $P=0,99$ при экспозиции $0,06$ сек. Коэффициент регрессии был равен $4,9$. Вероятности обобщенного узнавания и неясного видения весьма незначительны и очень близки друг другу, особенно по характеру изменения их от экспозиции к экспозиции. Так, коэффициент регрессии для обобщенного узнавания был равен $-2,67$, т. е. значение его очень близко к значению коэффициента регрессии для неясного видения ($R = -2,46$).

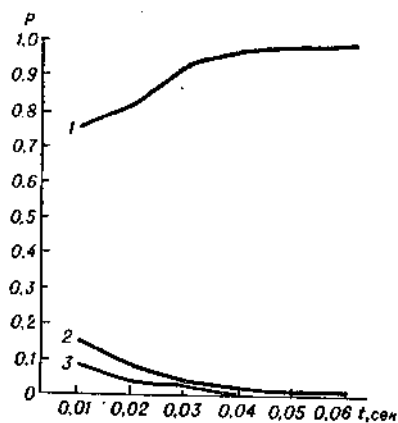

Рис. 6. Динамика уровней отражения при восприятии лица в фас. 1 — 3 — то же, что на рис. 5.

Вероятность дифференцированного узнавания при экспозиции $0,01$ сек. достигает границы третьего и четвертого квартеля ($P = 0,7469$). Это позволяет считать, что данная экспозиция не просто выше пороговой ($M_e = 0,0067$ сек), но и является достаточно благоприятным условием для сравнительно эффективного отражения изображений человеческих лиц.

Таким образом, уже экспозиции $0,01$ сек. оказывается достаточной, чтобы человек адекватно узнавал другого человека как человека и определял его пол. Однако распространение этого вывода на различные случаи восприятия людьми друг друга требует учета условий, в которых осуществляется акт восприятия.

Отражение лица в фас в сравнении с отражением предметов осуществлялось более эффективно. Но это объясняется не столько особенностями воспринимаемых объектов (хотя и ими тоже), сколько перцептивным опытом испытуемых. Чем выше степень перцептивного «знакомства» с объектом, тем более высокого уровня достигает субъект в адекватности его отражения. Из этого вывода может следовать рекомендация о том, что если мы хотим повысить пропускную и различительную способность человека относительно какого-то ряда символов, необходимо предварительно организовать подробное «знакомство» и изучение ряда символов будущими реципиентами.

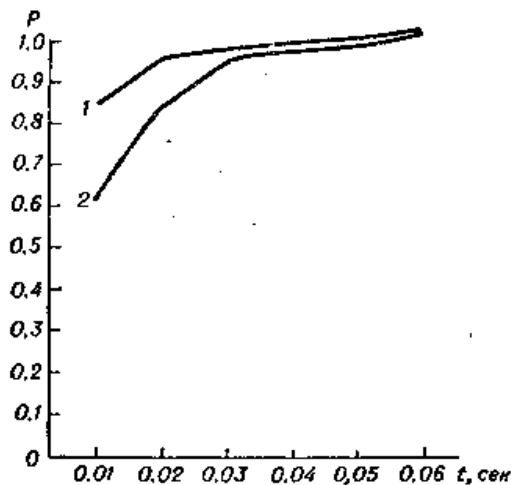

Рис. 7. Адекватное отражение объектов до и после предварительного ознакомления с ними.

1 — после предварительного ознакомления;
2 — без предварительного ознакомления.

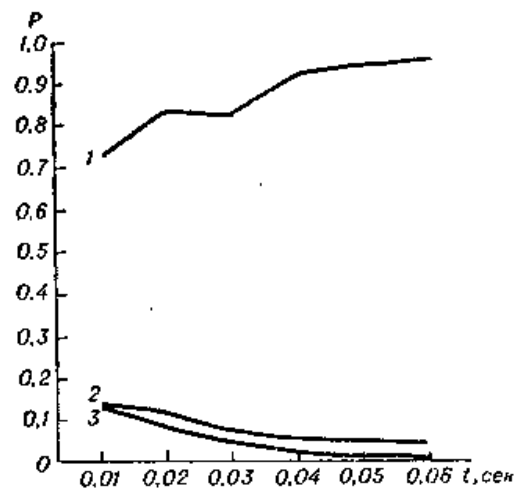

Рис. 8. Динамика уровней отражения при восприятии лица в профиль.

1 — 3 — то же, что на рис. 5.

Так, например, на рис. 7 приведены кривые распределения вероятностей предельно возможного адекватного отражения лиц в фас без предварительного знакомства с объектами и с предварительно организованным знакомством. Степень адекватного отражения во втором случае была выше. Эти данные были получены на одной и той же группе испытуемых.

Восприятие лица в профиль мало отличается от восприятия лица в фас (рис. 8). Больших различий между восприятием «фаса» и «профиля» на всех трех уровнях мы не обнаружили. Так, критерий различия для неясного видения был равен 0,52, для обобщенного узнавания — 0,95, для дифференцированного узнавания — 0,24. Тем не менее, все же «профиль» воспринимается с несколько меньшей вероятностью, чем «фас» на уровне дифференцированного узнавания, и с несколько большей вероятностью на уровне обобщенного узнавания и неясного видения. Это свидетельствует о лучшем различении людей по полу при восприятии их в структуре «фас», а при узнавании человека как человека в структуре «профиль».

На рис. 9 приведен график уровней отражения при восприятии «верха» лица. Отражение «верха» лица в диапазоне экспозиций 0,01—0,06 сек. осуществляется довольно эффективно. При экспозиции 0,02 сек вероятность дифференцированного узнавания находится уже в третьем квартале, что дает возможность считать эту экспозицию несколько выше пороговой. Коэффициент регрессии этого уровня отражения был равен 8,88. Он почти в два раза превышает коэффициенты регрессии при восприятии лица в фас и профиль, что свидетельствует о большей

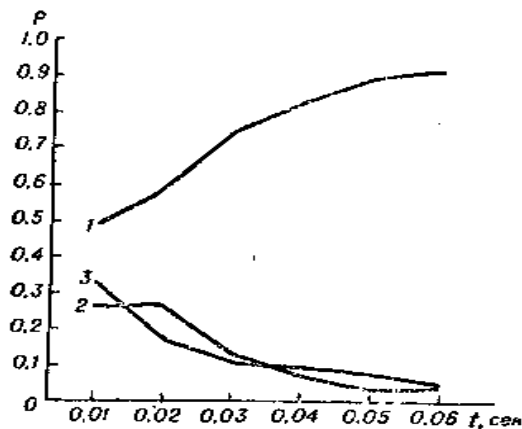

Рис. 9. Динамика уровней отражения при восприятии верхней половины лица.
1 — 3 — то же, что на рис. 5.

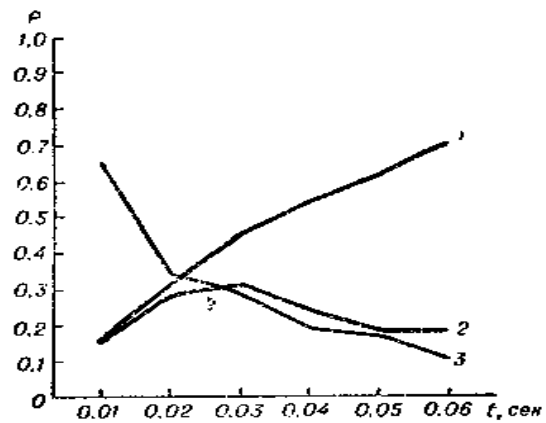

Рис. 10. Динамика уровней отражения при восприятии нижней половины лица.
1 — 3 — то же, что на рис. 5.

изменчивости вероятностей дифференцированного узнавания «верха» лица.

При первых экспозициях данного диапазона восприятие «верха» как части целостной структуры лица еще затруднено. Однако признаки лица в его верхней части все же являются достаточно «осведомительными», чтобы задача дифференцированного узнавания была успешно решена при довольно незначительном увеличении времени экспозиции.

На рис. 10 представлена динамика уровней отражения нижней половины лица. Дифференцированное узнавание, начиная с экспозиции 0,03 сек., превышает другие уровни отражения. При экспозиции 0,01 и 0,02 сек. восприятие нижней половины лица происходило с преобладанием неясного видения. При экспозиции 0,06 сек. вероятность дифференцированного узнавания достигает всего лишь 0,7. Это позволяет сделать вывод о том, что элементы, составляющие нижнюю часть лица, сравнительно с элементами верхней половины лица менее различимы и имеют меньшее осведомительное значение о лице в целом.

ВЫВОДЫ

1. Узнавание лица более эффективно, чем узнавание предметов.
2. Узнавание лица в профиль более эффективно на уровне *обобщённого* узнавания, чем узнавание лица в фас.
3. Узнавание лица в фас более эффективно, чем в профиль на уровне *дифференцированного* узнавания, то есть при различении людей по полу. Различение друг друга по полу является важнейшим фактором социального взаимодействия, так как половой диморфизм детерминирует начало психологической дифференциации партнёров. Анатомические признаки пола являются первичными идентификаторами специфической психологии человека. Психологическая неопределённость человека-объекта, характерная для *обобщённого* узнавания, сменяется при *дифференцированном* узнавании конкретной психологией пола и реже психологией этносов или возрастов, черты которых также запечатлены в анатомии тела человека.

4. Узнавание человека по верхней части лиц более эффективно, чем по нижней части тех же лиц, что свидетельствует о большей осведомительной роли элементов-признаков верхней половины лица.

5. Узнавание предметов более эффективно, если испытуемый имел опыт взаимодействия с этими предметами.

6. При неясном видении открывается парадокс субъектной «неадекватности» *апперцептивных ассоциаций* элементов, наблюдаемого объекта, с признаками когда-то воспринимаемых предметов, в чём обнаруживается индивидуальный опыт субъект-объектного взаимодействия человека с миром. Субъект пытается определить предметную целостность объекта по неясно воспринятым деталям, хотя это часто приводит к неадекватному узнаванию. Это указывает на то, что человеку важна предметная завершенность при восприятии объектов внешнего мира, несмотря на ситуативную неадекватность их восприятия. Адекватность в этом случае как бы приносится в жертву *целостности* восприятия. Из этого можно извлечь методическую выгоду для проникновения в индивидуальный мир апперцепции индивидуума, предъявляя объекты в режиме порогов неясного видения.

Таким образом, через половую, этническую и возрастную дифференциацию воспринимаемых людей происходит первичное проникновение психологического содержания индивидуальной апперцепции воспринимающего в образы-представления о людях.

Опыт исследования возрастных различий восприятия лиц и предметов.

Дифференцированное узнавание является одним из качественных уровней зрительного восприятия. При восприятии изображений человеческих лиц уровню дифференцированного узнавания соответствовало различие их по полу.

В опытах было занято 46 испытуемых-дошкольников в возрасте от 5 до 6 лет, 39 испытуемых — школьников в возрасте 13—14 лет, 30 испытуемых — студентов в возрасте 18—22 лет.

Им предъявлялись фотографические изображения четырех лиц представленных в четырех вариантах: 1) «фас», 2) «профиль», 3) «верх» (верхняя часть лица от середины спинки носа), 4) «низ» (нижняя часть лица от середины спинки носа).

Предъявление фотографий осуществлялось по тахистоскопической процедуре на экспозициях 0,01, 0,02, 0,03, 0,04, 0,05, 0,06 сек. С помощью электронного тахистоскопа с зеркальным экраном. При количественной характеристике процесса использовались показатель вероятности (P) узнавания, как показатель адекватности, медиана (Me), как показатель порога, коэффициент регрессии \mathcal{R} , как показатель интенсивности изменений вероятности узнавания от экспозиции к экспозиции. В качестве показателя достоверности различий процесса узнавания между возрастными группами использовался критерий Колмогорова—Смирнова—коэффициент ламда.

В таблице 1 представлены основные статистические показатели дифференцированного узнавания лиц.

При сравнении групп по этим показателям оказалось, что школьники и студенты дифференцированное узнавание лиц в фас осуществляют более эффективно, чем дошкольники.

Критерий ламда зафиксировал статистически достоверные различия между школьниками и студентами, с одной стороны, и дошкольниками, с другой стороны, при уровне значимости 0,001. Это означает, что дифференцированное узнавание лиц в фас школьниками и студентами отличается от дифференцированного узнавания лиц в фас дошкольниками. При узнавании лиц в профиль критерий ламда показал достоверные различия между группой школьников и дошкольников при уровне значимости 0,001, между дошкольниками и студентами — также при уровне значимости 0,001. Между школьниками и студентами различия не являлись достоверными.

Таблица 1

Основные статистические показатели дифференцированного узнавания лиц

Объекты	Испытуемые	P		Me	R	
		при 0,01 сек.	При 0,06 сек.			
«фас»	дошкольники	0,25	0,90	0,0175	12,7	
	школьники	0,75	0,99	0,0066	4,9	
	студенты	0,62	0,99	0,0080	6,6	
«профиль»	дошкольники	0,36	0,92	0,0160	11,0	*
	школьники	0,72	0,95	0,0070	4,7	
	студенты	0,59	0,97	0,0080	7,1	
«верх»	дошкольники	0,31	0,84	0,0205	10,6	
	школьники	0,48	0,91	0,0120	8,9	
	студенты	0,20	0,89	0,0280	13,7	
«низ»	дошкольники	0,04	0,50	0,0600	9,3	
	школьники	0,15	0,70	0,0350	14,0	
	студенты	0,01	0,63	0,0500	12,2	

При дифференцированном узнавании лиц в профиль, так же как и при дифференцированном узнавании лиц в фас, наблюдается близость результатов группы школьников и студентов. В то время как между этими двумя группами, с одной стороны, и группой дошкольников, с другой стороны, наблюдаются статистически значимые различия.

Для объяснения этих различий можно предположить сразу несколько гипотез.

Гипотеза первая: различия обусловлены еще недостаточным развитием рецепторных механизмов зрительной системы дошкольников в сравнении со школьниками и студентами. Сравнительно-возрастные исследования зрительных функций детей дошкольного и школьного возраста содержат данные, которые допускают возможность принятия вывода о том, что рецепторный механизм зрительной системы в дошкольном возрасте, хотя и обеспечивает возможность достаточно эффективного отражения объектов, тем не менее, является еще не вполне сформированным.

Гипотеза вторая: различия в дифференцированном узнавании лиц между дошкольниками и двумя другими группами испытуемых обусловлены еще недостаточным развитием условно-рефлекторной деятельности коры у первых.

Если принять эту гипотезу как правильную, тогда можно сделать вывод о том, что качественные различия в дифференцированном узнавании обусловлены уровнем развития механизмов условно-рефлекторной деятельности субъектов. Тогда снижение результатов узнавания у дошкольников можно объяснять за счет того, что имеющийся у дошкольников механизм условно-рефлекторных связей не достаточно сформирован. Развитие же этого механизма зависит от того, насколько само восприятие начинает действовать в системе других психических функций, насколько практическая деятельность субъекта способна сформировать этот механизм.

Здесь мы подходим к третьей гипотезе, по которой различия в дифференцированном узнавании лиц в фас между дошкольниками и двумя другими группами объясняются различиями в перцептивном опыте вообще и в опыте общения с людьми в частности, так как объектом восприятия в данном случае является лицо человека.

Ни одна гипотеза в отдельности не в состоянии объяснить опытных данных, так как каждая из них объясняет лишь один из факторов, влияющих на процесс зрительного восприятия. Роль же каждого из факторов не одинакова для различных возрастов.

Наилучшие результаты в дифференцированном узнавании верхней части лица показали школьники. Достоверных различий между школьниками и студентами по критерию ламда получено не было. Это говорит о том, что имеющиеся между сравниваемыми группами различия не являются существенными, то есть являются случайными. Между дошкольниками и студентами обнаружилось достоверные различия при уровне значимости 0,001. Между школьниками и дошкольниками различия оказались достоверными при уровне значимости 0,05.

Разрушение целостности объекта восприятия путем исключения из его структуры ряда признаков несколько нарушило стройность той тенденции в дифференцированном узнавании, которая наблюдалась при восприятии лиц в фас и профиль. Своеобразие информационной структуры объекта способно вызывать к действию то одни, то другие психологические факторы, определяющие особенности отражательной деятельности субъектов.

Наилучшие результаты в дифференцированном узнавании нижней части лиц были получены у школьников. Наихудшие результаты показала группа дошкольников.

Критерий ламда указывает на достоверность различий между школьниками и дошкольниками при уровне значимости 0,05. Между школьниками и студентами различия оказались не достоверными. Различия между дошкольниками и студентами были также не достоверными.

Это указывает на случайность различий имеющихся между группой студентов и школьников, а также студентов и дошкольников.

Таким образом, возрастные различия при восприятии «низа» имеют тенденцию к сглаживанию.

При сравнительно-возрастном анализе узнавания лиц и предметов было обнаружено, что наибольших успехов в дифференцированном узнавании лиц достигла группа школьников и студентов, достоверные различия между которыми проявились при восприятии только «верха». При восприятии всех остальных категорий объектов достоверных различий между этими группами не было.

Группа дошкольников показала несколько худшие результаты, что можно объяснить недостаточной сформированностью восприятия, в процессе которого дошкольники имеют тенденцию опираться на более интенсивные компоненты объекта, доминирующее значение которых не всегда полностью совпадает с их опорной ролью. Это обстоятельство не только снижает, общую эффективность узнавания, но приводит также к снижению различий в узнавании между воспринимаемыми категориями объектов. То есть различия в дифференцированном узнавании между категориями объектов у дошкольников выражены менее ярко, чем у школьников, а у школьников менее ярко, чем у студентов. Это означает, что с увеличением возраста в пределах от 5 до 22 лет дифференциация качественных различий воспринимаемых объектов проявляется все с нарастающей отчетливостью.

Качественное своеобразие структуры воспринимаемого объекта с возрастом оказывает более существенное влияние на особенности перцептивного отражения. Это связано с тем, что восприятие, как относительно самостоятельный процесс с возрастом полнее и дифференцированней включается в систему других психических процессов, свойств и образований. Если у дошкольников отношения между различными психическими процессами выступают слитно, то с возрастом происходит, с одной стороны, более четкая дифференциация их, с другой стороны, более высокая интеграция в иерархии образовавшихся отношений между ними. Эти отношения в дошкольном возрасте складываются в пользу чувственных форм отражения, у взрослых в пользу логических.

Внутри самого восприятия с возрастом происходит также и смена отношений между его отдельными свойствами. И если дошкольники более «слепо» следуют за физическими сильными компонентами структуры воспринимаемого объекта, то для студентов возрастает значение свойства осмысленности восприятия. Через осмысленность в процессе восприятия вклю-

чается мышление, которое в отдельных случаях может усиливать результативность узнавания, а в некоторых случаях снижать, как это имело место при восприятии структуры «верха», где осмысленность выступала в роли как бы дополнительной помехи.

Итак, из всех эмпирических фактов возрастных особенностей узнавания лица человека наиболее парадоксальным оказался факт снижения адекватности в распознавании «верха» у студентов в сравнении со школьниками подросткового возраста. Это можно объяснить апперцептивным давлением на восприятие менее определённых объектов, которые могут ассоциироваться с более широким кругом на них похожих, либо недостаточностью перцептивного опыта, как у дошкольников.

В итоге можно сказать, что узнавание как лиц, так и предметов, с одной стороны, обусловлено физической интенсивностью элементов-признаков лица или предмета и их осведомительной ролью в структуре объекта. С другой стороны, адекватность восприятия лиц и предметов была заметно обусловлена апперцепцией испытуемых, которая существенным образом проявилась в возрастных ассоциациях при неясном видении воспринимаемых объектов. В то же время, более обширные ассоциативные комплексы могли затруднять адекватность узнавания объектов схожестью своих элементов-признаков с множеством других объектов. Это наводит на мысль, что слишком широкое ассоциативное поле субъекта может затруднить дифференциальное узнавание воспринимаемого объекта в условиях неясного видения и разрушенной предметной целостности объекта. По всей видимости, с этого парадокса апперцепции начинается проявление индивидуальности человека как субъекта взаимодействия с миром вещей и людей. При более высоких уровнях психического отражения сложных объектов, в числе которых человек является наиболее сложным, следует ожидать новых проявлений парадокса апперцепции.

1.1.5. Оpozнание людей по лицевым признакам внешнего облика

Опознание является одним из уровней восприятия, сущность которого заключена в адекватном отражении воспринимаемого объекта до полной идентификации с объектом ранее известным. Опознание предполагает индивидуализацию объекта восприятия как единственного и неповторимого в своём роде. Опознание людей как научная проблема связана с общей теорией восприятия, социальной психологией и криминалистикой.

Проблема опознания людей с позиции общепсихологических закономерностей сохраняет за собой всю проблематику общей теории восприятия. Новизна здесь заключена в изучаемом объекте, которым является лицо человека. Специфичность объекта предполагает возможность специфики его опознания. Специфичность восприятия одного человека другим определена его социальной значимостью, по которой человек как объект отражения намного превосходит все другие объекты окружающего нас мира. Социальная значимость человека как объекта восприятия превращает проблему опознания людей также и в одну из проблем социальной психологии.

Проблема опознавания людей связана с социальной психологией не только по объекту восприятия, но и по ряду вопросов, теории и практики общения, а также социальной перцепции. Опознавание людей является одной из важных проблем криминалистики. «Среди следственных действий, производимых на предварительном следствии, серьезное значение имеет предъявление для опознавания, результаты которого нередко играют существенную роль в раскрытии преступления». [73, с. 3]

Психологический аспект этой проблемы может быть реализован также при разработке и эксплуатации технических средств коммуникации, где в качестве сигнала используется изображение человека. Потребность в психологических исследованиях для этой цели уже была высказана представителями технических наук. «Ясно, что оптимальную телевизионную систему удастся построить только при условии учета особенностей зрительного восприятия информации человеком». [84, с.34].

Одной из задач данного исследования было изучение осведомительной роли признаков структуры лица при опознании людей на фотографиях.

Изучение структуры лица с точки зрения информативности её элементов предполагает количественное описание. Практический смысл такого описания заключается в возможности получения критериев для определения роли и значения элементов-признаков лица при опознании.

Решение этих задач следует осуществлять в двух направлениях, которые не исключают друг друга. Одно направление связано по преимуществу с изучением физических характеристик объекта (при этом лицо воспринимаемого человека рассматривается как комплексный раздражитель). Посредством количественной характеристики интенсивности различных компонентов можно дать описание их психофизической значимости для субъекта восприятия. Однако этого будет далеко не достаточно для определения роли элементов-признаков лица в формировании адекватного образа восприятия на уровне опознания.

Во-первых, опознавание как результат идентификации с объектом ранее известным требует учета многообразных соотношений между различными элементами-признаками и частями лица. Это — и соотношения величин, и соотношения контрастности, и соотношения форм, и соотношения интегральных характеристик внешности (пропорций и конституциональных особенностей в целом).

Во-вторых, физические и физиологические характеристики лица как объекта восприятия могут детерминировать роль его компонентов при опознании, но, тем не менее, не способны охватить всей сущности индивидуализации человека с учётом его психологии.

Другое направление связано с рассмотрением данных психологического опыта. В этом случае ответ испытуемого интегрирует в себе не только физические и физиологические детерминанты воспринимаемого объекта, но и психологические детерминанты его как субъекта, которые заключены в экспрессии лица, его мимической маске, эстетической привлекательности. Те и другие детерминанты регулируют процесс формирования психического

образа. Если данные психологического опыта способны ответить на вопрос, какие из элементов-признаков структуры лица являются наиболее значимыми в процессе опознания, то для того чтобы дать объяснение, почему они значимы, необходимо исследовать не только физические и физиологические параметры объекта, но и выразительные компоненты лица в целом, которые служат основанием психологической интерпретации личности.

Опыты проводились посредством электронного тахистоскопа на время от 0,01 сек. до 0,10 сек. через 0,01 сек. Контроль за экспозициями осуществлялся с помощью импульсного счетчика.

Предъявленный материал состоял из 18 фотографических карточек с изображением человеческих лиц. На шести из них изображение лица было представлено полностью, на шести других — верхняя часть лица от середины спинки носа, на шести остальных — нижняя часть лица от середины спинки носа.

Испытуемыми были 30 студентов психологического факультета в возрасте 18—22 года.

Процедура опыта состояла: 1) из заучивания по именам шести людей, изображенных на фотокарточках; 2) проверки правильности запоминания лиц этих людей и соответствующих им имен; 3) предъявления фотографий через тахистоскоп; 4) вербального отчета испытуемого. Предъявление изображений этих людей чередовались с изображениями незнакомых лиц.

По команде «внимание» испытуемый смотрел на экран прибора, на котором на очень короткое время появлялись изображения различных людей. Испытуемые должны были определить, знакомо ли лицо показанного человека, и если да, то сказать, как его зовут, а также по каким признакам или приметам им удалось его опознать. Всего испытуемые назвали 19 компонентов внешности, на которые они опирались при решении задачи опознания лиц. (См. табл. 2).

Таблица 2

Вероятности использования признаков при опознании лиц

Элементы-признаки	<i>Pa</i>	<i>Pi</i>	<i>P</i>	<i>Piow</i>	<i>Pow</i>
Пропорции лица	0,277	0,94	0,260	0,06	0,016
Форма лица	0,311	0,91	0,283	0,09	0,028
Выражение	0,183	1,00	0,183	0	0
Положение	0,072	0,85	0,061	0,15	0,011
Состояние	0,017	1,00	0,017	0	0
Возраст	0,112	0,91	0,102	0,09	0,010
Эстетическая привлекательность	0,006	1,00	0,006	0	0
Прическа	0,388	0,84	0,326	0,16	0,062
Волосы	0,277	0,86	0,238	0,14	0,039
Залысины	0,112	0,91	0,102	0,09	0,010
Губы	0,083	1,00	0,083	0	0
Рот	0,028	0,80	0,022	0,20	0,006

Глаза	0,261	0,94	0,245	0,06	0,016
Лоб	0,089	0,94	0,084	0,06	0,005
Брови	0,050	0,89	0,044	0,11	0,006
Нос	0,112	0,86	0,096	0,14	0,016
Подбородок	0,077	0,93	0,072	0,07	0,005
Уши	0,044	1,00	0,044	0	0
Одежда	0,033	0,83	0,027	0,17	0,006

P_a – абсолютная вероятность признаков, на которые ссылались;

P_i – частная вероятность признака при правильном опознании;

P – абсолютная вероятность признака при правильном опознании;

$P_{ioш}$ – частная вероятность признака при ошибочном опознании;

$P_{ош}$ – относительная вероятность признака при ошибочном опознании.

При решении задачи опознания испытуемые в условиях данного опыта чаще всего опирались на такие элементы-признаки, как: «прическа», «форма лица», «пропорции лица», «глаза», «волосы», «выражение», «залысины», «возраст». На это указывает показатель P_a – абсолютная вероятность упоминания элементов-признаков.

В наших опытах на причёску обращалось наибольшее внимание, в то время как из криминалистической технологии экспертной идентификации этот элемент-признак исключен. Описание причёски сохраняется только в словесных портретах. Дело в том, что причёска весьма индивидуальна. В этом заключено ее положительное значение для опознания (чем более индивидуализирован признак, тем выше его различительная роль). Но причёска у одного и того же человека может быть и весьма вариативной иногда по его собственному желанию, иногда даже против этого желания. В этом заключено ее отрицательное значение в экспертной идентификации (чем изменчивее признак, тем ниже его значение при экспертизе). С помощью изменений в причёске можно изменить лицо до неузнаваемости. Поэтому при строгой идентификации лица человека, для которой предназначена криминалистическая технология идентификации, признак «волосы» не является достаточно надежным. Но это не значит, что этим признаком пренебрегают совсем. Так, при составлении словесного портрета, предназначенного для оперативного розыска, дается описание причёски, цвета волос, характера облысения. Однако ссылка на волосы и причёску приводили к более частым ошибкам в нашем эксперименте (см. *$P_{ioш}$ и $P_{ош}$*).

Такая значимость причёски в наших опытах может быть объяснена действием сразу нескольких факторов. Первый фактор – это достаточно высокая степень индивидуализированности причёсок у людей, включённых в наш эксперимент. Вариативность этого признака в опыте была исключена, так как испытуемым предъявлялась одна и та же фотография опознаваемых лиц. Другой фактор заключен в том, что волосы, составляющие причёску, находятся в верхней части объекта, которая по общепсихологической

закономерности воспринимается и различается в первую очередь. Третий фактор, определяющий столь высокую значимость прически в условиях нашего опыта, заключен в том, что на черно-белой фотографии волосы и по контрастности, и по площади превосходят все другие элементы структуры лица и за счет этого являются наиболее заметным компонентом лица как комплексного раздражителя.

Другим весьма важным для опознания в наших опытах признаком, также как и прическа заслуживающим особого внимания, являлось *выражение* лица, которое вообще никак не отмечается в криминалистике. Признак «выражение» занял шестое место по показателю *Pa* и первое по показателю *Pi* в числе ещё четырёх («состояние», «привлекательность», «губы», «уши») среди девятнадцати использованных. Но к этим четырём признакам наши испытуемые обращались значительно реже, чем к выражению лица. Когда испытуемые опирались на выражение лица, они всегда приходили к правильному опознанию ($Pi = 1$), в то время как использование других опорных элементов-признаков приводило к правильному опознанию с вероятностью: 0,84 для прически, 0,91 для формы лица, 0,86 для волос, 0,94 для глаз, 0,94 для пропорций лица.

Признаки «выражение», «состояние» и «привлекательность» характеризуют *экспрессивность* лица в целом. По убеждению художников-портретистов в очертании губ (рта) сокрыта психологическая сущность индивидуальности человека, о чём говорит портрет Джиоконды Леонардо да Винчи. По утверждению криминалистов уши являются «паспортом» человека в силу их индивидуализированности в строении и практической неизменности.

Таким образом, в этих экспериментах обнаружилась *экспрессия* как самый надёжный признак при опознании человека человеком в силу её особой индивидуализированности. Именно в ней происходит знаковая объективация психологии человека, представляющая главный интерес в процессах общения людей в варьирующих контекстах их социального взаимодействия. Этот интерес к индивидуальности партнёра является мотивационной основой психологического познания, а индивидуальные особенности внешнего облика знаковой системой психологических достоинств и недостатков личности. Поэтому не следует забывать, что индивидуальные различия при опознании обусловлены особенностями воспринимаемых объектов (см. таблицу 3).

Так, для лица № 24 опорными элементами-признаками оказались «прическа», «пропорции лица», «форма лица», «волосы», «глаза». Однако наиболее отличительными признаками этого лица от других лиц, наряду с которыми оно предъявлялось, были: «пропорции лица», «прическа», «положение».

Таблица 3

Нормированное отклонение частот использования признаков (*t*) и их вероятность (*P*) при правильном опознании лиц

Элементы-	номер лица					
	24	56	58	2	21	157

признаки												
	<i>P</i>	<i>t</i>	<i>P</i>	<i>t</i>	<i>P</i>	<i>t</i>	<i>P</i>	<i>t</i>	<i>P</i>	<i>t</i>	<i>P</i>	<i>t</i>
Пропорции лица	0,3 3	1,4	0,2 6	0,3 7	0,2 3	0,7	0,2 0	1,2	0,2 3	0,1 6	0,3 0	0,3 7
Форма лица	0,3 0	0,1 5	0,2 3	0,1 5	0,3 3	0,8 5	0,2 3	1,1	0,3 6	1,3 5	0,2 3	0,6 5
Выражение	0,1 3	0,7	0,2 0	0,2 4	0,2 3	0,7	0,2 0	0,2 4	0,0 6	1,7	0,2 6	1,2
Положение	0,0 6	0,6	0,0 3	0,1 5	0,1 3	1,4	-	1,7	0,0 6	0,1 5	0,0 6	0,1 5
Состояние	-	0,4	-	0,4	0,1 0	2	-	0,4	-	0,4	-	0,4
Возраст	0,0 3	1,4	0,0 3	0,3 7	0,0 6	0,0 9	0,2 0	1,2	0,1 6	0,7	0,1 6	0,7
Эстетическая привлекательность	-	0,4	0,0 3	2,3 5	-	0,4	-	0,4	-	0,4	-	0,4
Прическа	0,3 9	0,9	0,3 9	0,7 5	0,4 6	0,5 8	0,1 0	1,5	0,1 6	1	0,4 3	0,2
Волосы	0,2 3	0,1	0,1 3	0,1	0,3 0	0,2 9	0,1 6	1,4	0,3 3	1,5	0,2 6	0,1
Залысины	-	0,4 6	-	0,4 6	-	0,46	0,6 6	2	-	0,4 6	-	0,2
Губы	0,1 0	0,2	0,2 6	1,9	-	0,9	0,0 3	0,5	0,0 3	0,5	0,0 6	0,1 7
Рот	-	1,0 6	0,0 6	1,5	-	0,2	-	1,0 6	0,0 3	0,2	0,0 3	0,2
Глаза	0,1 6	0,9 5	0,2 9	1,2	0,2 0	0,9 5	0,3 0	0,6	0,2 3	0,4	0,2 6	0,6
Лоб	0,0 6	0,7 7	0,1 0	0,3	0,0 3	1,9	0,1 3	1,4	0,1 0	0,3	0,0 6	0,3
Брови	0,0 3	0,4	0,0 3	0,4	0,0 3	0,4	0,0 3	0,4	0,0 3	0,4	0,0 9	2
Нос	0,0 3	0,5 5	0,1 0	0,5 5	-	1,4	0,2 0	0,4 4	0,1 0	0,1 9	0,2 0	0,4 4
Подбородок	0,0 6	0,0 4	0,0 3	0,4	0,0 6	0,4	0,0 6	0,4	0,1 0	1	0,1 0	1
Уши	-	0,7	-	0,7	-	0,7	0,0 3	0,1 7	0,1 3	1,5	0,1 0	1,5
Одежда	-	0,6	-	0,6	-	0,6	-	0,6	0,0 3	0,6	0,1 3	1,8

Как правило, наиболее отличительные признаки лица входят в число опорных элементов. Но это правило может иметь исключение. Например, при

восприятию лиц № 2 и № 137 элементы-признаки «лоб» и «брови» не вошли в число опорных, но оказались, тем не менее, в числе наиболее отличительных. Это можно объяснить тем, что опорные элементы-признаки как компоненты комплексного раздражителя (лица) обладали наибольшей психофизической интенсивностью. А «отличительные свойства» определяются различиями анатомо-физиологической структуры данного элемента-признака. При окончательном выводе о конкретной значимости того или иного элемента-признака лица необходимо учитывать одновременно и опорную роль данного элемента, и его «отличительные особенности». Иначе говоря, необходимо учитывать и интенсивность элемента-признака как компонента комплексного раздражителя и его индивидуальные особенности анатомо-физиологической структуры.

Опознавание и экспозиция

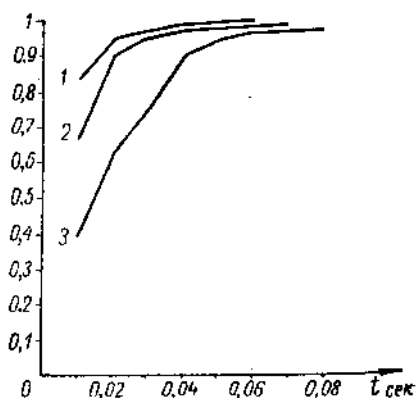
Изучение лица как комплексного раздражителя предполагает описание его компонентов с точки зрения их интенсивности. Возникает вопрос о субординации элементов-признаков лица в процессе опознавания.

Экспериментальное решение этого вопроса осуществлялось с помощью предъявления различных частей лица на очень короткое время, которое изменялось от 0,01 сек. через 0,01 сек. в сторону увеличения до 0,1 сек. Эффективность опознавания лица по тем или иным его частям в зависимости от времени экспозиции служила объективным критерием для определения значимости элементов-признаков. Конечно, этот критерий не является непосредственным показателем интенсивности того или иного компонента структуры лица.

Но, тем не менее, хотя и опосредованно, исходя из основного закона психофизики (закона Фехнера), согласно которому интенсивность ощущения пропорциональна логарифму физической величины стимула, этим критерием можно воспользоваться для характеристики элемента-признака по его интенсивности.

Наиболее эффективно опознавался «фас», где вероятность накопления частот достигает 1 при экспозиции 0,06 сек (см. рисунок). Эта экспозиция оказалась пороговым временем опознавания лиц, представленных на фотографических изображениях. Это время предъявления необходимо выдерживать в электронных информационных системах в целях прикладного использования, например, в рекламе, на пультах управления, при конструировании кадров художественных фильмов и других.

Опознавание «верха» очень близко по эффективности к «фасу» и более удалено от «низа». Так, например, критерий различия в опознании между «верхом» и «фасом» равен 1,54 и свидетельствует о достоверности различия с

Опознавание лица и его частей:
1 — «фас»; 2 — «верх»; 3 — «низ».

$P > 0,95$, а между «верхом» и «низом» он равен 2,72, что свидетельствует о достоверности различий с $P > 0,999$.

Таким образом, эффект опознания верхней части лица выше эффекта опознания нижней части лица. Следовательно, компоненты верхней части структуры лица по интенсивности превосходят компоненты нижней части структуры лица. Этот вывод вполне согласуется с теми, которые были сделаны относительно «опорных» элементов-признаков при узнавании.

Однако эта общая закономерность выражает только преобладающую тенденцию процесса восприятия изображений человеческих лиц. Отклонения от этой закономерности вполне допустимы под влиянием, например, индивидуальных особенностей объекта (см. табл. 4).

Таблица 4 Эффективность опознания лиц						
№ лица	Место			Балл		
	фас	верх	низ	фас	верх	низ
24	5	4	5	30,0	28,3	23,8
56	6	5	6	28,6	27,6	23,7
58	2	5	1	30,7	28,1	30,0
2	1	1	4	30,9	30,8	26,4
21	4	3	2	30,4	29,9	27,0
137	3	2	3	30,5	30,3	26,6

Из этой таблицы видно, что эффективность опознания «фаса», «верха» и «низа» различных лиц изменяется по-разному. Оценка эффективности в баллах наиболее полно отражает различия в опознании между лицами.

Но, кроме того, был использован еще и критерий различия (ламда), с помощью которого определялась степень достоверности имеющихся различий, т. е. их математическая существенность. При восприятии «низа» опознание лица № 58 существенно отличалось от опознания всех других лиц, в то время как между другими лицами не проявлялось существенных различий в опознании. При восприятии «верха» опознание лица № 2 существенно отличалось от опознания лица № 24, 56 и 58, а опознание лица № 137 от опознания лица № 56.

При восприятии «фаса» только опознание лица № 2 существенно отличалось от опознания лица № 56.

Из приведенных данных видно, что различия в опознании между объектами, если даже они существенны, реализуются в основном в рамках общих закономерностей процесса опознания, хотя и возможны исключения, как это видно на примере опознания лица № 58.

Естественно возникает вопрос об устойчивости этих закономерностей при опознании всех этих лиц, и признании этих тенденций как непреложного факта. Для этого пришлось обратиться к проблеме *константности* открывшихся опознавательных эффектов.

Опознание и константность

Константность при восприятии изображений человеческих лиц выражает относительное постоянство в отражении пространственно-временной структуры лица как целого.

При восприятии изображений человеческих лиц константность проявляется не только в отношении отдельных свойств объекта (формы, величины), но, что особенно существенно для опознания лиц, и в постоянстве отражения отношений между элементами структуры и их отдельных пространственных свойств. Константность выражает относительное постоянство в отражении не только величины, формы, цвета лица как его отдельных свойств, но также относительное постоянство чувственного образа восприятия *в целом*, в единстве многообразия всех его свойств. Благодаря способности человека отражать именно *соотношения* свойств объекта становится возможным константное восприятие этого объекта в изменяющихся условиях. Посредством изменений условий восприятия можно затруднить адекватность отражения отдельных свойств объекта, в то время как соотношения свойств самого объекта в измененных условиях остаются прежними и становятся лишь в большей или меньшей степени не различимыми, т. е. способность к относительному постоянству адекватного отражения объектов детерминировано неизменностью *соотношений* между свойствами самих объектов.

Так, сущность информационной структуры изображения лица человека на черно-белой фотографии составляют *соотношения* светлот, которые остаются постоянными, например, при изменениях освещенности, хотя интенсивность непосредственного раздражения рецепторов глаза набором данных светлот будет изменяться.

Константность восприятия тесно связана с адекватностью. Она выражает способность субъекта к адекватному видению объекта в изменяющихся условиях восприятия, после того как этот объект однажды был отражен адекватно. Коэффициент корреляции между эффектом опознания и константностью в нашем исследовании был равен 0,94 при $P = 0,99$. Константность — это величина, обратная мере флуктуации адекватного образа, изменения которой могут быть выражены в пределах от 0 до 1. Посредством показателя константности можно также характеризовать и свойства объекта и условия восприятия, приводящие к большей или меньшей степени стабильности адекватного отражения (см. табл.5).

Показатели табл. 4 говорят о том, что лицо № 2 обладает в верхней своей части признаками, которые в значительной степени отличают его от данного ряда других лиц, а также являются и наиболее опознавательными. В то время как для лица № 58 эти признаки по преимуществу расположены в нижней

части лица сравнительно с другими лицами. Для лица № 2 характерен большой лоб и лысая голова, что его заметно отличает от других пяти лиц. Лицо № 58 заметно отличается от других ямочкой на подбородке. Это указывает на значение особых примет, индивидуализирующих внешность воспринимаемых лиц в пределах ограниченной эмпирической выборки.

Таблица 5

Константность при опознании							
лица	Фас	Верх	Низ	Место			Сумма мест
24	0,97	0,942	0,713	3	4	6	13
56	0,90	0,864	0,774	6	6	5	17
58	0,955	0,884	0,948	5	5	1	11
2	0,994	0,980	0,884	1	1	3	5
21	0,968	0,961	0,851	4	3	4	11
137	0,980	0,974	0,897	2	2	2	6

В каждом конкретном случае опознания лиц (особенно в криминалистической практике) необходимо учитывать способность к константности при опознании людей, которой обладает субъект (свидетель).

Это необходимо делать по той причине, что разные люди обладают неодинаковой способностью к адекватности отражения. Как уже говорилось, одной из характеристик этой способности может служить показатель константности.

Так, например, в наших опытах двое испытуемых проявили константность, равную 1 (верхний абсолютный предел), один испытуемый — 0,766 (нижний предел, полученный в нашем исследовании), другие 27 испытуемых дали показатели константности, заключенные в этих пределах. Средний показатель константности был равен 0,913, мода — 0,933, медиана — 0,923. Это говорит о значительной индивидуальной вариативности константности опознания людей по внешним признакам лицевой конфигурации.

Опознание и отношение

«Подлинной конкретной „единицей" психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. Это образование сложное по своему составу; оно всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и „аффективного"... из которых то один, то другой выступают в качестве преобладающего. . .». [154, с. 254]

Процесс восприятия людьми друг друга также не лишен компонентов «знания и отношения». Отношение субъекта при опознании развивается сразу по нескольким направлениям: 1) отношение к объекту восприятия; 2) отношение к самой деятельности опознания; 3) отношение к результату своей деятельности при опознании; 4) отношение к экспериментатору. Эта

четырёхлучевая звезда отношения может в значительной степени обуславливать эффективность опознания.

В данном исследовании учитывался пока один из векторов, составляющих гамму отношения при опознании человеческого лица. Этим вектором был фактор отношения субъекта к воспринимаемому лицу. Исследовать этот фактор нас побудило еще и то обстоятельство, что некоторые испытуемые в качестве опознавательного признака пользовались характеристиками мимической маски воспринимаемых лиц, определяя их как «угрюмое» или «злое», «насмешливое» или «веселое» и т. п.

В излагаемых опытах испытуемые выражали свое отношение к объекту по трем видам оценок: «нравится», «не нравится», «безразличен». Оценки были сопоставлены с результатами опознания. Обработка данных была произведена по правилам расчета однофакторного комплекса.

Влияние фактора отношения к объекту восприятия (лицу), выраженного оценкой симпатии или антипатии, на эффект опознания определилось в 19%, но при отсутствии статистической достоверности. Видимо, отношение к объекту при решении задачи опознания всё же оказывает трудно уловимое влияние на эффективность этого процесса. Фактор «отношение» возвращает к самому опознавательному признаку внешности человека – *экспрессивности*.

В ряду эмпирических данных серии опытов на опознание особого внимания заслуживает парадоксальный факт безошибочной идентификации воспринимаемых лиц по признаку их «экспрессивности». Те испытуемые, которые безошибочно опознавали предъявляемые лица, ссылались на выражение этих лиц (своеобразную «мимическую маску»). Именно *экспрессия* оказывалась для них наиболее различительным признаком при опознании лиц. В этом случае испытуемые характеризовали лица следующими эпитетами: «замученное», «ужасное», «строгое», «нежное» и тому подобными.

По всей видимости, экспрессия является интегральным признаком индивидуальности человека. В ней заключены признаки *неповторимости* внешнего облика человека. Но экспрессия при этом весьма подвижна (динамична), а, следовательно, и изменчива. Но как выяснилось, она гарантировала абсолютную *константность* при опознании. В силу чего?!

В ней, судя по эпитетам, запечатлены следы внутренних доминирующих состояний человека как субъекта социально-психологических отношений. «Мимическая маска» в этом случае является знаком этих отношений, наполняющих субъекта восприятия соответствующими эмоциональными впечатлениями. Именно они оказываются наиболее константными признаками при опознании.

Однако этот признак сложно передать другим людям как инструмент для опознания. Замученных, ужасных и строгих лиц великое множество, и в словесных портретах они будут утрачивать свою идентификационную мощь. Эти эпитеты обозначают всего лишь социально-психологические контуры индивидуальности, которую невозможно определить никакими словами. Поэтому след произведённого впечатления может быть

воспроизведён его носителем только в чувственном восприятии. И в этом случае, как показали эксперименты, человек не ошибается. Поэтому никакому анатомическому двойнику невозможно выдать себя за оригинал в среде людей, знавших реального человека.

Особую значимость проблема отношения к внешнему облику приобретает при самоидентификации человека. Она перерастает в проблему отношения к себе, наполненного переживаниями идентичности человека самому себе, своей индивидуальности и, в конечном счёте, предназначения. В этих процессах формируется самосознание человека, начиная с элементарного опознания себя по внешности.

Уже в раннем онтогенезе ребенок на основе восприятия своего собственного тела и внешнего облика приходит к представлению о себе как об объекте, имеющем свои специфические и неповторимые свойства. В процессе роста и развития человек вырабатывает отношение к себе как к объекту, который наделен конкретными свойствами, представляющими определенную общественную ценность. Каждый человек стремится к приятию окружающими его людьми, и внешний облик в этом отношении играет не последнюю роль. Внешние различия людей и их ценностное отношение к свойствам человека как объекта познания и взаимодействия могут обуславливать процесс развития самосознания и формирования личности. Поэтому было интересно узнать, как люди опознают себя по сравнению с другими. Изучение этого вопроса можно рассматривать как начальный шаг в исследовании проблемы самопознания. В рамках этой задачи мы попытались выяснить также влияние на эффект опознания социальной ценности воспринимаемого человека для воспринимающего субъекта.

Опыты проводились над 10 студентами II курса вечернего отделения факультета психологии. Основные серии опытов были осуществлены по тахистоскопической процедуре. В случайном порядке предъявлялись фотографические изображения лиц однокурсников и фотографий самих испытуемых. Лица на фотографиях были представлены в пяти структурах: 1) «фас», 2) «овал» (здесь были удалены глаза, нос, рот), 3) «нос» (здесь были удалены глаза и рот), 4) «глаза» (здесь были удалены нос и рот), 5) «рот» (здесь были удалены глаза и нос). Каждый из объектов предъявлялся по 5 раз.

Изображения лиц предъявлялись по двум процедурам. В первой процедуре экспозиция 0,02 сек оставалась неизменной для всех пяти предъявлений. По второй процедуре экспозиция в каждый следующий раз увеличивалась на 0,01 сек. С помощью электрического секундомера, который был включен в цепь регулирования экспозиции, фиксировалось время речевой реакции испытуемых. Для выяснения ценностного отношения к объекту опознания мы использовали методику парных сравнений по критерию, «кто является более интересным человеком?». Эти опыты проводила С.Михеева.

Статистическая обработка данных показала, что вероятность опознания себя, по сравнению с опознанием других людей, оказалась выше на всех пяти экспозициях. При этом статистические различия в эффективности опознания себя и других по критерию Стьюдента оказались

достоверными. Из этой общей тенденции имело место исключение, которое состоит в том, что отдельные испытуемые опознавали себя несколько хуже, чем некоторых других.

Анализ результатов оценки объектов опознания как интересных людей по методике парных сравнений показал, что оценки самих себя по этому критерию выше, чем оценки, своих товарищей по группе. Средняя самооценка оказалась равной 2,4, а средняя оценка других— 1,9. Таким образом, как опознание себя оказалось выше, чем опознание других, так и оценка себя по критерию наиболее интересных людей оказалась выше, чем оценка других. Чем более интересным представляется субъекту человек-объект, тем с большим успехом решается задача его опознания.

Однако низкий коэффициент ранговой корреляции - 0,3 между интересом и опознанием заставил подойти к трактовке этого вывода более дифференцированно. Поэтому были просчитаны корреляционные связи между интересом и опознанием при восприятии себя, а также и при восприятии других. Коэффициент корреляции при восприятии себя был равен 0,7, а при восприятии других он равнялся -0,39. Появление отрицательного коэффициента корреляции при опознании других свидетельствует о том, что в рамках общей преобладающей тенденции прямой связи между интересом и опознанием существуют исключения. Предполагалось, что они как-то связаны с экстраверсией или интроверсией наших испытуемых.

Оказалось, что экстраверты проявили более высокий уровень опознания себя, чем других. Вероятность опознания себя у экстравертов была 0,96, других — 0,73. Эти различия оказались статистически достоверными. Интроверты также показали несколько более высокий уровень опознания себя ($P=0,61$), чем других ($P=0,59$). Но эти различия не оказались статистически достоверными. Следовательно, интроверты проявили практически одинаковый уровень опознания, как себя, так и других, на основании чего мы пришли к выводу, что более высокий уровень опознания себя в нашем эксперименте достигнут за счет экстравертов.

Оценки себя по интересу у экстравертов оказались значительно выше, чем других. Средняя оценка себя равнялась 3,7, других — 1,57. Таким образом, экстраверты показали результаты в полном соответствии с прямой связью опознания с интересом к объекту.

Средняя оценка себя по интересу у интровертов оказалась ниже, чем оценка других (соответственно 1,86 и 2,36). Различия между этими оценками оказались статистически значимыми. Таким образом, оценка других людей как более интересных в сравнении с собой у интровертов оказалась выше, что, собственно, повысило вероятность опознания других интровертами.

Измерение латентного периода речевой реакции показало, что при правильном опознании длительность его меньше, чем при неправильном опознании. Различия оказались статистически достоверными.

Поскольку эффективность опознания себя была выше, чем правильное опознание других, постольку было бы вполне логично ожидать и более

короткого латентного периода речевой реакции испытуемых на свои собственные лица, чем на лица других. Однако при сравнении длительности латентного периода речевой реакции при опознании себя и других была получена противоположная картина — латентный период реакции на себя оказался большим, чем на других, при статистической достоверности различий. Дать исчерпывающее объяснение этой парадоксальности на основании результатов проведенных опытов не представляется возможным. Допустимо лишь предположение о том, что появление собственных лиц испытуемых в качестве объекта опознания оказывалось под влиянием особого к себе отношения.

Эмпирические выводы позволяют сделать заключение о том, что успешность в опознании себя, прежде всего, зависит не только от частотной вероятности восприятия себя, которая к студенческому возрасту обеспечивает достаточно устойчивую тенденцию более эффективного опознания собственного лица по сравнению с лицами других людей, но и переживаемого отношения к себе. В рамках этой общей закономерности могут иметь место отдельные случаи противоположного порядка, когда вероятность опознания некоторых лиц знакомых людей превосходит вероятность опознания себя. Это, как правило, связано с повышенным интересом к личности воспринимаемого человека. Такой интерес к другим людям проявили испытуемые - интроверты.

Они дали значительно более высокую оценку других людей как интересных (интроверты — 2,36, экстраверты—1,57). Интроверты, в сравнении с экстравертами, показали несколько более низкую вероятность опознания других лиц (интроверты — 0,59, экстраверты — 0,73), хотя эти различия и не являются статистически достоверными. Эта видимая противоречивость данных открывает перед нами некоторые особенности рассматриваемых типов испытуемых.

Экстраверты характеризуются большей уверенностью в себе, о чем свидетельствуют высокие самооценки как наиболее интересных людей (самооценка — 3,7, оценка других—1,57). Они превосходят интровертов в изученности собственного лица, о чем свидетельствует вероятность опознания (экстраверты — 0,96, интроверты — 0,61). В силу повышенного интереса к своей личности экстравертам далеко не безразлично, как реагируют на них окружающие. В этих реакциях они ищут подтверждения своим личностным достоинствам. Поэтому экстравертов в других людях, прежде всего, интересует внешняя сторона поведения, выразительные и физические компоненты внешнего облика. В этой информации экстраверты выделяют только те моменты, в которых заключены сведения о них самих. В других людях они, прежде всего, ищут самих себя, пренебрегая в значительной степени информацией о личностных особенностях корреспондента, если считают его недостаточно интересным человеком. В силу этого экстраверты более чувствительны к внешнему облику других людей, нежели к их личностным достоинствам. Это обстоятельство, по-видимому, и обусловило некоторое превосходство экстравертов над интровертами в опознании других людей.

Интроверты же характеризуются сравнительно более скромной оценкой самих себя как интересных людей. Возможно, это происходит из-за неуверенности в себе или из-за нежелания обнаруживать собственного взгляда на себя перед другими людьми. Тем не менее, их самооценка как интересных людей была равна среднему оценочному баллу. Это свидетельствует о том, что при идентификации себя интроверты все же не склонны ставить себя в последние ряды. Сопоставление результатов опознания других и опознания себя, оценок и самооценок интровертов приводит к мысли о том, что интроверты при восприятии людей в большей мере склонны фиксировать свое внимание не столько на элементах внешнего облика, сколько на личностных свойствах человека-объекта.

Эти опыты обнаружили новые проблемы в самоотношении человека при непосредственном опознании себя по внешнему облику. Они указывают на разную психологическую значимость других для экстравертов и интровертов в процессах формирования самосознания.

1.1.5. Социально-психологическая интерпретация личности по внешности

В процессах социального взаимодействия и общения людей происходит взаимное познание как процесс интерпретации психологической сущности партнёров по формам их проявления в совместной деятельности через предметные действия, невербальное и вербальное поведение. По содержанию такая интерпретация включает в себе *социальные* и *психологические* характеристики человека, которые доступны наблюдателю через внешние формы проявления субъектной активности человека. Поэтому она получила название социально-психологической интерпретацией личности (СПИЛ).

Социально-психологическая интерпретация личности – это процесс актуализации в сознании людей связей внешне проявляемых действий (телесных, вербальных и невербальных) человека, а также физического облика и предметной атрибутики, с психологическими качествами его личности. Социально-психологическая интерпретация личности является интегральным выражением результатов взаимопознания людей в совместной деятельности через процессы общения.

Социально-психологическая интерпретация личности (СПИЛ) как социальный процесс *взаимопознания* людей является одним из содержательных компонентов общения людей. СПИЛ является психологической деятельностью познания социально-психологических качеств человека посредством психического отражения объектных свойств человека, характеризующих его внешний облик, поведение и деятельность.

Человек является объектом и предметом как научного, так и житейского познания. СПИЛ как феномен общения относится к явлениям житейского познания человека, осуществляемого в процессах повседневного практического общения людей. В этом смысле СПИЛ становится *предметом* научного познания, а различные формы объективации психологического содержания, заключённого в СПИЛ, являются в качестве *объектов* психологического познания и в житейской практике, и в научных исследованиях.

В психологическом исследовании СПИЛ можно обозначить ряд методологических вопросов:

- 1) о гносеологической структуре СПИЛ,
- 2) о содержании СПИЛ,
- 3) о формировании психологических знаний в СПИЛ,
- 4) о функционировании СПИЛ в процессах общения и совместной предметно-практической деятельности.

Основные, наиболее общие, элементы гносеологической структуры СПИЛ представлены на схеме 1. Здесь СПИЛ рассматривается на трёх уровнях анализа процесса общения и характеризуется семью основными компонентами СПИЛ как деятельности взаимопознания.

Деятельность взаимопознания осуществляется в формах социального, социально-психологического и психического взаимодействия, что соответствует трём уровням функционирования и детерминации СПИЛ. При этом явления психического уровня (микроуровня) интегрируются в явления социально-психологического уровня (мезоуровня) и далее явления этих уровней интегрируются в явления социального уровня (макроуровня). Это означает, что все особенности и закономерности психического отражения включаются в контекст социально-психологических закономерностей взаимопознания людей, и они, в свою очередь включаются в контекст социального познания людьми друг друга.

На уровне социального взаимопознания человек воспринимается под углом зрения его социальных свойств, зафиксированных в его социально-групповой принадлежности в системе конкретно-исторических форм общностей. В этом аспекте человек познается как социальный тип личности с соответствующими установками, мотивами, потребностями и интересами, знаниями и мировоззрением.

На уровне социально-психологического взаимопознания человек воспринимается в аспекте его социально-психологических качеств, раскрывающих особенности характера и способностей, умений, навыков, стиля поведения и деятельности. Здесь человек познается как индивидуально-психологический тип личности, здесь отыскиваются качества, по которым можно не только и не столько отождествить человека с известным типом людей, сколько отличить его от других ему подобных.

На уровне психического отражения человек воспринимается под углом зрения его индивидуальных свойств: внешнего облика и психики, которые

Общение	Взаимо- познание	Предмет-человек	Средства	Способы	Результаты	Продукты	Цели
Макро- уровень	Социальное	Социальная принадлежность	Общественно- опосредованные	Социальные	Общественное мнение	Отношения	Взаимоотноше- ния
Мезо- уровень	Социально- психоло- гическое	Социально- психологические качества	Коллективно- опосредованные	Групповые	Групповая оценка личности	Знания	Понимание
Микро- уровень	Психологиче- ское	Объектно- субъектные свойства	Индивидуально- опосредованные	Индивидуальные	Образ- представление	Впечатление	Познание

Схема 1.

интегрируются в характеристиках его физических достоинств, активности, волевых, эмоционально-динамических и гностических процессов.

В качестве средств взаимопознания на уровне психического отражения ведущее положение занимают органы чувств. Это предполагает непосредственное общение как условие взаимопознания, перцептивные способности, особо развитую наблюдательность и сензитивность по отношению к людям, а также достаточную интенсивность объектных свойств человека как комплексного раздражителя.

В качестве средств взаимопознания на уровне социально-психологической деятельности добавляются вербальные и паралингвистические средства общения. Здесь уже между объектом и субъектом познания может встать третье лицо – член коллектива, семьи, друг и т.д. Формирование знаний о человеке уже может быть опосредовано суждениями товарищей, сотрудников, руководителей коллектива и другими лицами.

На социальном уровне взаимопознание определяется искусственными средствами коммуникации. Здесь может не возникать непосредственного контакта между познающими друг друга партнёрами. Познание осуществляется, как правило, по отчужденным от производителя продуктам деятельности. В этом отношении широко используется печать, радио, телевидение, искусства, почта, телефон. Это познание характеризует человека в основном как субъекта общественной деятельности, хотя реципиент стремится проникнуть в психологическое содержание личности в более глубоком смысле.

Средства взаимопознания определяют возможности этого процесса. Индивидуально-психологические способы взаимопознания определяются соотношением конкретно-чувственных и абстрактно-логических уровней отражения. Здесь речь может идти об интегральных и аналитических способах познания, эмоциональных и рациональных, т.е. о способах оперирования объектными свойствами человека при познании людьми друг друга.

В наших исследованиях были отмечены интегральные и аналитические способы СПИЛ. При интегральном способе СПИЛ испытуемые опираются на какую-либо обобщенную характеристику личности, а при аналитическом они поэлементно «рисуют» психологический портрет воспринимаемого. Были отмечены также способы эмоциональной и рациональной интерпретации. Эти способы могут сдвигаться, образуя, например, эмоционально-интегративный или рационально-интегративный, или эмоционально-аналитический и др.

Коллективные средства общения порождают свои способы группового познания личности, к числу которых относятся обсуждение, слухи, сплетни, ритуалы, обычаи, традиции, групповая оценка личности, подражание. Посредством групповой оценки личности можно составить довольно близкую к истине социально-психологическую характеристику членам коллектива. Так, известно исследование Липпмана, где субъектные характеристики личности военных изучались по психологическим тестам и одновременно на основе групповой оценки личности в целях прогноза их в боевой обстановке.

Групповая оценка личности дала более высокий уровень корреляции с действительным поведением личности, чем тестовая оценка.

Социальные способы познания человека определяются информационными каналами массовой взаимосвязи людей [186]. Эти способы более стереотипны, шаблонны, но и они позволяют составить представление о личности, и поэтому включаются в процессе взаимопознания людей в систему способов СПИЛ. Значительную роль здесь играют искусства, которые широко используют и формируют социально-психологические эталоны восприятия и стереотипы понимания людьми друг друга. Здесь можно обозначить три источника СПИЛ:

1. житейский опыт, основанный на практическом общении людей;
2. художественный опыт, основанный на духовно-практической ассимиляции опыта познания людей в различных видах искусств;
3. научный опыт, основанный на практическом использовании научных знаний о человеке.

Способы взаимопознания представляют модели социально-психологических механизмов СПИЛ. В них репрезентируются особенности социально-психологической деятельности субъекта познания, специфические черты его психологической деятельности в процессе общения, которые приводят к формированию общественного мнения о человеке в сфере социального познания личности, к групповой оценке личности на уровне коллективного взаимопознания и к образам-представлениям воспринимаемого на уровне индивидуально-личностного отражения человека человеком.

СПИЛ как образ-представление есть синтез конкретно-чувственных и абстрактно-логических уровней отражения человека человеком. В этом смысле в СПИЛ заключены объектные и субъектные свойства воспринимаемого человека в единстве их предметного и психологического содержания. В качестве примера приведем несколько выдержек из протоколов опытов, когда испытуемым предлагалось дать характеристику воспринимаемым людям по фотографиям: «Нравятся волосы, лицо одухотворенное – ученый, умный и разносторонний человек». «Строгие черты лица, симпатична, но не бросается в глаза – строга, скромна». «Красивые, веселые глаза – веселый жизнерадостный характер».

В этих интерпретациях два ряда свойств объектных и субъектных объединены общим смысловым содержанием, которое и является следствием самого процесса интерпретации воспринимаемых элементов внешнего облика как признаков качества ума и психических состояний человека. В этих примерах отчетливо проступает взаимосвязь внешнего облика человека с психологическими качествами его личности. Здесь особенности воспринятых лицевых черт явились признаками психологических качеств человека. С одной стороны, СПИЛ содержит описание внешности, и в этом смысле есть образ воспринимаемого человека как характеристика его объектных особенностей, с другой стороны, СПИЛ содержит психологическую трактовку личности, и в этом смысле является представлением о человеке, поскольку данные качества конструируются в сознании субъекта вторичным образом и не даны

непосредственно. Однако судят о них как о непосредственно данных, редко разделяя в практике познания другого человека его объектные и субъектные свойства. Поэтому конкретно-чувственные и абстрактно-логические процессы познания сливаются в образе-представлении о человеке как результате СПИЛ.

Следовательно, СПИЛ есть образно-понятийное суждение о человеке, возникающее на микроуровне общения как непосредственное восприятие его объектных и субъектных свойств одновременно. Вопрос о том, как включаются различные уровни психического отражения в процесс формирования образов-представлений, достаточно освещен в первых работах по социальной перцепции, которые проводились в нашей стране под руководством А.А.Бодалева.

Здесь хотелось бы добавить, что СПИЛ на уровне конкретно-чувственного отражения в большей мере обращена к явлениям социальной апперцепции. Это следует понимать так, что при восприятии незнакомого человека в процессе СПИЛ актуализируется, прежде всего, прошлый понятийный опыт познания человека человеком. И как следствие этого, уровням абстрактно-логического отражения принадлежит несколько большая роль в формировании образа-представления познаваемого человека.

Следовательно, СПИЛ есть процесс творческой реализации перцептивного опыта взаимопознания людей посредством мышления, фантазии, воображения и интуиции.

В процессах общения людей в группах и коллективах индивидуальные образы-представления друг о друге становятся достоянием многих людей, в результате чего формируется групповая оценка личности. Групповая оценка личности (ГОЛ) представляет собой групповой эффект взаимопознания людей в процессах совместной деятельности и межличностного общения. Это синтез психологических суждений о человеке конкретной общности.

ГОЛ является результатом СПИЛ в группах. ГОЛ более широко отражает субъектные свойства человека, которые он проявляет в совместной деятельности и общении, так как большее число социально-психологических связей позволяет более многогранно проявить соответствующие психологические качества личности.

Однако здесь вполне возможны случаи противоречивых суждений об одном и том же человеке. Это обстоятельство весьма примечательно для практики социально-психологических исследований межличностных отношений, так как в противоречивости ГОЛ – разногласии-согласованности взглядов людей друг о друге – отражаются их межличностные отношения, поскольку в ГОЛ суждения о человеке приобретают оценочный характер.

В силу этого ГОЛ может применяться при диагностике психологической напряженности в межличностных отношениях и прогнозировании возможных социально-психологических конфликтов.

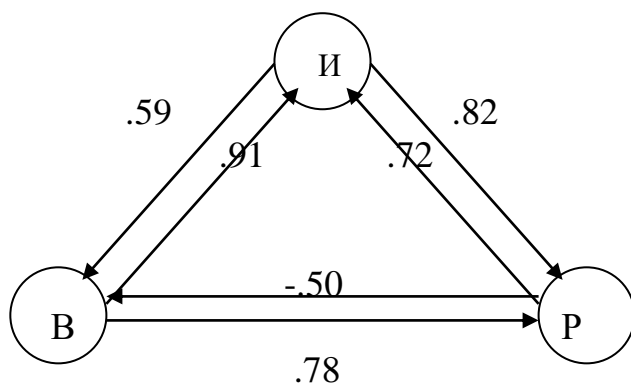
Процедура использования ГОЛ как методики анализа межличностных отношений может быть построена на основе корреляционного сопоставления встречных оценок. Например, в исследовании личности инженеров С.Михеевой были получены ГОЛ по ряду качеств личности, необходимых в деятельности

инженеров трех должностных уровней (рядового, ведущего, руководящего). [170]. Это были проективные оценки качеств личности инженеров, необходимые для успешного выполнения производственной деятельности в КБ. Фактически изучались социально-психологические ожидания инженеров трех должностных уровней по отношению друг к другу.

Рядовым инженерам, ведущим инженерам и руководителям подразделений предлагалось оценивать профессионально важные качества личности по девятибалльной шкале для инженеров каждого должностного уровня. Были получены девять рядов оценок качеств личности, которые группировались по восьми подструктурам профессиональной структуры личности инженеров. Качества, характеризующие отношение к работе. Качества, характеризующие общий стиль поведения и деятельности. Знания. Качества ума. Качества, характеризующие инженерно-организационную деятельность. Качества, характеризующие административно-организационную деятельность. Качества, характеризующие отношение к людям. Качества, характеризующие отношение к себе.

С каждой должностной позиции было получено по три ряда оценок. Один из них относился к проекции профессиональных требований на себя (самооценка должностных требований), два других – к проекции профессиональных требований на остальные две категории инженеров.

Корреляционное сопоставление средних баллов самооценки с оценками с двух других должностных позиций позволяет измерить совпадение-различие взаимных профессиональных ожиданий, имеющих место в исследуемых производственных коллективах, что можно изобразить в виде корреляционной плеяды.

На рисунке стрелки указывают, на кого направлены требования коррелируемые с самооценкой.

Так, коэффициент корреляции 0,59 (на рисунке 0 не пишется) – это показатель меры совпадения самооценки ведущего инженера (В) с оценкой его рядовым инженером (И).

Чем выше числовые значения положительного коэффициента корреляции, тем в большей мере совпадают сторонние требования с самооценкой, тем меньше можно предполагать наличие психологических предпосылок когнитивного свойства для межличностных конфликтов. Отрицательный коэффициент корреляции свидетельствует о несовпадении

предъявляемых со стороны требований с требованиями к себе, и тем самым указывает на имеющийся в скрытом виде психологический конфликт. [27]

В данном примере такой скрытый психологический конфликт обнаружился между руководителями и ведущими инженерами, о чем свидетельствует коэффициент корреляции (-0,50) между требованиями руководителей к ведущим инженерам и самооценкой ведущих инженеров. В ряду этих требований оценивалось девятнадцать качеств, характеризующих инженерно-организационную деятельность в проектно-институте. Наибольшее несовпадение требований касалось: 1) умения проводить техническую политику; 2) умения решать технические задачи; 3) умения читать чертежи и схемы; 4) богатства техническими идеями; 5) умения осуществлять взаимодействие с другими подразделениями; 6) умения работать с литературой и справочниками; 7) умения определять перспективу технического прогресса. По п.п. 1, 2, 7 руководители предъявляли более высокие требования к ведущим инженерам, чем они сами, а по п.п. 2, 3, 4, 6 – наоборот. Парадокс в том, что требованиям 1 и 7 в первую очередь должны отвечать руководители, но они их «зеркалят» своим подчинённым (ведущим инженерам). В то же время ведущие инженеры «зеркалят» руководителям некоторые свои функции 2, 3, 6, которые предназначены скорее для них, чем для руководителей. В результате открылось неадекватное видение друг у друга профессиональных функций. Это несовпадение может вылиться в извечный спор о неправильном распределении служебных обязанностей.

Рассогласование мнений, выраженное в несовпадении взаимных требований, рано или поздно перерастает в межличностный (социально-психологический) конфликт в силу регуляторной роли психического образа (в данном случае общественно-группового образа-представления о профессиональной структуре личности инженеров разных должностей).

Изложенная процедура анализа результатов ГОЛ позволяет косвенно обнаруживать психологические источники возможных межличностных конфликтов, определять, с какими конкретно сторонами совместной деятельности они могут быть связаны, установить меру остроты скрытого психологического конфликта, проектировать направление превентивных психолого-педагогических мероприятий по блокированию возможных конфликтов и улучшению социально-психологического климата в коллективе.

На социальном уровне взаимопознания СПИЛ приобретает форму общественного мнения о человеке. Это мнение возникает на основе оценок, как правило, отчужденных от личности форм ее деятельности, потребление которых имеет массовый характер, или на основе персональных оценок вышедших за пределы одной группы посредством молвы.

Общественное мнение формирует знания о типологических особенностях личности. СПИЛ в форме общественного мнения чаще относится к категории людей, и реже к конкретной личности. Но, тем не менее, категориальное содержание общественного мнения о человеке адресуется в процессах общения к конкретной личности, ей как бы добавляются психологические качества, присущие той общности людей, которую она представляет, или к которой ее

относят в процессе познания. Особенно это характерно при первом знакомстве и на социальном уровне общения, когда партнеры представляются друг другу представителями определенных социальных групп. Здесь особенно отчетливо проявляют себя социально-психологические установки в процессе СПИЛ. Содержание СПИЛ в этом случае является очень яркой проекцией на личность общественного мнения о психологических качествах социальных группы, к которой принадлежит познаваемый человек.

Этот механизм СПИЛ был вскрыт в соответствующих экспериментах по изучению изменчивости психологических характеристик воспринимаемой личности под воздействием вербально выдаваемого на неё социально-статусного определения, играющего роль установки в этом процессе [23, 24, 127, 128]

Результаты СПИЛ продуцируются в виде *впечатления* о воспринимаемом человеке преимущественно на уровне психического отражения, в виде *социально-психологических знаний* о познаваемом человеке преимущественно на уровне психологического взаимодействия партнеров, в виде *отношений* окружающих к личности преимущественно на уровне социального общения. Мы говорим преимущественно, потому что все три вида проявления СПИЛ взаимосвязаны и, проникая друг в друга, приобретают единство в форме СПИЛ как целостного феномена взаимопознания людей.

СПИЛ в форме впечатления фиксирует в большей мере эмоционально-чувственный уровень взаимопознания, основанный на эмпатических эффектах общения [186]. Осознаются впечатления о человеке на этом уровне преимущественно по шкалам «нравится - не нравится» и «психологическая близость – отдаленность» общающихся людей. Психологическим эффектом первого впечатления является возникновение симпатий-антипатий в межличностных отношениях. В силу, как правило, обоюдности первого впечатления возрастает значение его адекватности, которая на этом уровне взаимопознания становится главной целью СПИЛ.

Адекватность на этом уровне представляется практически очень важной проблемой, так как на основе первых впечатлений решается вопрос о плодотворности предстоящей совместной деятельности, о характере возможных контактов, о взаимоотношениях.

Однако проблема адекватности первого впечатления остается экспериментально не изученной. В практическом же опыте общения отмечают противоположные факты, характеризующие адекватность первого впечатления – в одних случаях оно обманчиво, в других подтверждается последующим общением [183, 184,]

СПИЛ в форме знания в большей мере фиксирует результаты рационального взаимопознания. Здесь личность познаваемого берется в более широком аспекте ее свойств, и как субъект общения, и как субъект совместной предметно-практической деятельности. На этом уровне содержание СПИЛ отражает онтологическую структуру личности. Здесь человек характеризуется уже в аспекте всех практических взаимосвязей с миром вещей и людей в русле взаимодействия с познающим человеком.

Цель СПИЛ на этом уровне сопряжена со стремлением понять другого как партнёра. При этом понять не столько в отношении тождества с другими или с собой, сколько в отношении различий, неповторимости, оригинальности, индивидуальности, уникальности, т.е. познать с точки зрения приоритета над другими в каком-либо важном для познающего человека отношении.

Здесь вопрос об адекватности важен уже не столько для познающего человека, сколько для познаваемого партнёра. Дело в том, что познающий человек относится к познаваемому человеку с позиции собственного понимания его сущности независимо от того, адекватно оно или нет, т.е. по принципам – «ты такой, каким я тебя вижу» или «будь таким, как я хочу».

Для познаваемого человека проблема адекватности его личности стоит очень остро. Неадекватная оценка его личности становится психологическим фактором напряженности и конфликтности во взаимоотношениях с окружающими людьми. Фраза: «Он (она) меня не понимают» - становится мотивом очень многих разногласий и конфликтов во всех сферах жизнедеятельности людей.

На социальном уровне результаты взаимопознания продуцируются в отношениях между социальными группами людей. СПИЛ здесь, отражая стереотипные классовые, профессиональные и другие мнения людей друг о друге, является, прежде всего, регулятором отношений на межличностном уровне взаимодействия, который задан обычаями, традициями, ритуалами и другими нормами общения, принятыми в конкретной общности людей. Нарушение этих норм разрывает социальные контакты человека и лишает его прав, которыми пользуются члены соответствующей общности.

Целью СПИЛ на этом уровне общения является установление взаимоотношений как благоприятных психологических условий для социальной деятельности и социального роста индивида.

Здесь проблема адекватности и понимания наделена статусом «излишнего психологизма», а человек интерпретируется в аспекте функциональных качеств, т.е. в основном как субъект деловых отношений.

Разумеется, СПИЛ на практике репрезентирует все охарактеризованные здесь элементы целостности, что находит отражение в содержательной структуре этого явления.

Содержание СПИЛ изучалось нами посредством свободных характеристик личности на незнакомых людях с последующим контент-анализом по классификационной схеме социально-психологической интерпретации.

В содержание СПИЛ включаются определения способностей воспринимаемого человека, его характера, темперамента, потребностей и интересов. Также определяется социально-групповая, национальная и классовая принадлежность, социальный статус и общественные роли человека. Дается характеристика внешнего облика, видов деятельности и стилей поведения. Речь идет обо всем, в чем может проявить себя человек, находясь в обществе других людей, на производстве, дома и других сферах. СПИЛ

включает в свое содержание все, что только вообще можно сказать о человеке как о социальном существе и индивиде.

Эти представления включаются в практику общественного взаимодействия людей, определяя их взаимоотношения и выбор тактики собственного поведения с тем или иным человеком в зависимости от понимания его личности. Это предопределено спецификой человеческой психики, которая заключена в способности предвидеть результаты собственного поведения и деятельности посредством опережающего отражения действительности, в котором кристаллизуется опыт общественного и индивидуального познания мира вещей и людей. Этот опыт постоянно обогащается приливами новой информации, которая поступает к человеку по многочисленным каналам общественных связей, в результате стереотипы понимания людьми друг друга претерпевают социальную эволюцию по содержанию.

Построив свое первое суждение о воспринимаемом человеке на основании его внешнего облика, люди в ходе разворачивающегося общения (с переходом от форм случайного контакта к формам постоянного сотрудничества) получают дополнительную информацию о соответствии или несоответствии составленного друг о друге мнения. Как чувственный образ проходит стадии сенсорной коррекции, так и СПИЛ в процессе взаимодействия людей проходит стадии практической коррекции, целью которой является более адекватное взаимопонимание людей и достижение согласия между ними.

В процессах непосредственного общения СПИЛ выступает как своеобразный «акцептор действий» - механизм опережающего отражения, что предопределяет межличностные отношения людей. Если «акцептор действия» выступает как механизм опережающего отражения на уровне чувственного познания, то СПИЛ – как механизм опережающего отражения на уровне социального взаимодействия людей.

В силу этого СПИЛ приобретает значение регулятора межличностных отношений в процессах социального взаимодействия и общения. В связи с регуляторной функцией СПИЛ возрастает значение её адекватности, истинности и справедливости суждений людей друг о друге, так как неадекватное представление о человеке окружающих оборачивается для него фактом несправедливого отношения к нему людей, искажая истину достоинств и недостатков личности в самосознании человека, оседая горькими переживаниями в его самочувствии. Это приводит к рассогласованию отношения человека к себе и другим людям, становится психологической основой внутреннего конфликта, который в крайних случаях может приводить к психическим срывам.

В процессе СПИЛ субъект интерпретации как бы отвечает себе на ряд вопросов о воспринимаемой личности.

В первую очередь возникает вопрос о социальной принадлежности познаваемого человека. Общая форма этого вопроса может быть сформулирована следующим образом: *кто* есть воспринимаемый мною человек?

Этот вопрос может распадаться на ряд частных: кто этот человек по профессии? Какого он возраста? Какой национальности? Каково его семейное положение? Какое у него образование? Какую роль он играет в общественной жизни, на производстве, дома, в кругу друзей? И другие, относящиеся по преимуществу к характеристике его социального положения, раскрываемого через определение общественных ролей и статуса воспринимаемого.

Например, при восприятии человека как слесаря, определяется его социально-групповое положение по принадлежности к определенному классу и профессии. Определяя его далее как бригадира, мы раскрываем его роль на производстве; видя в нем активиста, мы характеризуем его общественную роль; предполагая, что он душа бригады, определяем его роль в группе коллег по психологической близости к ним; видя в нем любящего отца, мы характеризуем его роль в семье.

В ответах на вопрос «кто?» СПИЛ наполняется информацией о 1) социально-групповой принадлежности человека, 2) национальности, 3) образовании, 4) возрасте, 5) ролях на производстве, 6) ролях в обществе, 7) ролях в группе, 8) ролях в семье.

Все эти характеристики важны для нас тем, что они предполагают определенное стереотипное содержание личностной сущности человека как общественного субъекта. Они функционируют в качестве общественных эталонов оценки личности, на которую мы ориентируемся в процессах общения и практической деятельности.

Зная социальную роль человека, партнеры по общению приобретают некоторую определенность в отношениях друг с другом и в предметной стороне общения. Они примерно знают, чего можно ожидать от партнера, как следует себя вести с ним, о чем можно заговорить и т.п. Эта определенность детерминирована социальной обусловленностью формирования и развития психологии людей.

В социальных характеристиках человека образуется сплав типологических особенностей личности, основных и общественно наиболее значимых социально-психологических качеств индивида, которые служат нам неизменной опорой в общении друг с другом. Они минимизируют психологические затраты в процессах взаимопознания. В социальных характеристиках находят свое отражение и основные виды деятельности познаваемого человека.

С первого взгляда кажется невероятной возможность суждения по внешнему облику человека о его профессиональной деятельности. Однако это происходит и не без оснований. Деятельность в профессионально-трудовом процессе развивает телесные органы, вырабатывает особые и своеобразные динамические картины экспрессивного поведения, позы, мимику, пантомимику и особенности оформления внешности. В этом смысле можно говорить о профессиональной конституции, особенностях выразительного поведения, одежде.

Деятельность человека связана с его общественным положением. Поэтому в СПИЛ, вслед за определениями социально-групповой

принадлежности, характеризуется основной вид занятий человека, с которым связаны соответствующие социальные роли, приписываемые воспринимаемому человеку.

Характеристика деятельности в СПИЛ разворачивается по логике вопросов: *что* этот человек *может делать*? Каков его род занятий? Как успешно он справляется со своими обязанностями?

Отвечая на эти вопросы, познающий человек перечисляет основные виды деятельности, с которыми, по его мнению, может быть связана та или иная социальная роль воспринимаемого человека. Например, студенты при восприятии незнакомых людей приписывали им учебную, общественную, производственную, организаторскую, творческую, спортивную, военную, семейную, игровую, сексуальную, развлекательную деятельность. Здесь просматривается проекция собственных форм социальной активности на объекты интерпретации.

В то же самое время в СПИЛ оцениваются возможности человека успешно выполнять ту или иную деятельность, характеризуемые как способности. Для студентов важными в личностной оценке были способности вообще, творческие, умственные, физические, художественные, технические, организаторские, учебные, производственные, сенсорные, двигательные, мнемические, коммуникативные способности и юмор.

К коммуникативным способностям относились те свойства личности, которые способствуют успеху в образовании контактов с людьми. В СПИЛ эти свойства определялись как «умение легко сходитья с людьми», «умение проявить себя на людях», «умение создавать деловые и личные связи между людьми» и т.п.

Юмор в СПИЛ понимается как способность к шутке. Это качество является важным не только для студенческой среды, но, как показали исследования, и для инженеров, и, особенно, для руководителей. Наличие юмора у человека повышает его авторитет в названных социальных группах [170].

Человеку свойственно стремление к причинно-следственному объяснению наблюдаемых явлений [189, 192, 193, 194]. Эта тенденция реализуется в СПИЛ через описание побудительных сторон личности, а именно, через характеристику потребностей и интересов. Потребности и интересы раскрывают направленность личности на виды и способы деятельности.

Эта направленность социально обусловлена. В студенческой среде речь шла о познавательной, производственной, научной, эстетической, этической, политической, государственной, технической, спортивной, литературной, творческой, коммуникативной, личностной, групповой, романтической, развлекательной, сексуальной, материальной направленности потребностей и интересов.

Наибольшее разнообразие в СПИЛ связано с описанием общего стиля поведения и деятельности, что находит отражение в соответствующих качествах личности, относящихся в основном к характерологическим

особенностям человека. Через описание характера раскрывается привычный для человека способ поведения и деятельности, система отношения данного человека. Определялись отношение к деятельности через отношение к труду, работе, профессии. Отношение к жизни, отношение к вещам, отношение к деньгам, отношение к животным, отношение к природе, отношение к Родине, отношение к праву (законам), отношение к политике, отношение к искусству, отношение к науке, отношение к себе, отношение к людям: другого пола, супругу, родителям, родственникам, друзьям, детям, равным себе, ниже- и вышестоящим. Эта система отношений в СПИЛ напоминает компоненты, описанные в экзопсихике А.Ф.Лазурского [80, 81].

Кроме того, в СПИЛ находят отражение отношения, которые, по мнению познающего, вызывает познаваемый человек у окружающих. Эти качества личности определялись в таких выражениях: «любим товарищами», «вызывает к себе доверие», «привлекает к себе рассудительностью», «пользуется популярностью» и т.п. Эти качества имеют значение при определении авторитетности личности в группе. Они до недавнего времени оставались незамеченными в гносеологической структуре личности. Значение же этих качеств весьма велико в контексте социально-психологических исследований личности, поскольку они раскрывают особенности взаимоотношений человека с другими людьми.

В СПИЛ общего стиля поведения и деятельности употреблялись определения интегральных качеств личности, среди которых обращают на себя внимание качества конформности, коммуникативности, эмоциональности, воли, темперамента.

Конформность определялась в таких выражениях как «подвержен влиянию со стороны», «в решениях полагается на других членов группы», «не имеет своего мнения» и т.п.

Коммуникативность определялась качествами «общительный», «балагур», «замкнутый» и т.п.

Эмоциональные качества определялись словами «скучный», «угрюмый», «хмурый», «грустный», «мрачный», «веселый», «эмоциональный», «человек чувства» и др.

Волевые качества личности определялись понятиями «настойчивый», «решительный», «строгий», «мужественный», «терпеливый», «нерешительный», «безвольный» и др.

Свойства темперамента определялись такими понятиями: «меланхолик», «энергичный», «живой», «спокойный», «уравновешенный», «вспыльчивый», «раздражительный» и др.

Очень часто человек определялся обобщенными понятиями, в которых отражается стержневая сторона его личности. Например: «бесшабашный», «целеустремленный», «осторожный», «принципиальный», «ответственный», «непосредственный», «педантичный» и др. Таких определений может быть очень много. Все они отличаются синтетичностью в определении важнейших характерологических особенностей человека.

В содержании СПИЛ были замечены еще более интегративные определения личности, в которых заключалась целая группа свойств. Например: «любящий отец», «славный дядя», «современный», «много переживший», «интересный», «скептик», «растяпа», «дилетант» и др.

Мы их назвали обобщенными определениями личности, так как в них выражена в целостной форме наиболее «выпуклая» сторона человека, которой он чаще обращен к миру людей и вещей. В них фиксируется «ядро» личности.

В 414 интерпретациях незнакомых людей студентами было получено 96 таких определений, употребленных 473 раза, что в среднем составило 1,1 определения на каждую СПИЛ. Что указывает на значимость обобщенных определений личности в процессе взаимопознания людей [107].

Наиболее часто в данной студенческой совокупности употреблялись следующие обобщенные определения личности: «много переживший», «юмористичный», «неинтересный», «алкоголик», «трудовой человек», «хороший товарищ», «хороший работник», «хороший семьянин», «подхалим», «серая личность».

Эти определения даны в порядке убывания по частоте их употребления. Данный набор понятий вскрывает тенденции психологических взглядов на других людей. Естественно он ограничен и объективными свойствами воспринимаемых людей.

В исследовании был поставлен вопрос о том, какими качествами наделяют студенты эти категории лиц. Через сопоставление обобщенных характеристик с качествами, которыми были наделены воспринимаемые, были получены типовые портреты этих категорий людей.

Определяя человека как «много пережившего», студенты приписывали ему качества доброты, серьезности, строгости, воли, задумчивости, трудолюбия, честности. Как правило, для студентов – это человек пожилой, опытный, снисходительный, располагающий к себе, несколько грустный и утомленный на вид.

«Юмористичный человек» способен к шутке, общителен, весел, понимает юмор и иронию, компанейский.

«Неинтересному человеку» присуще умственная ограниченность, глупость, духовная пустота, узкий круг интересов и жалкий вид.

«Алкоголик» - это, с их точки зрения, необразованный, неаккуратный, невоспитанный, тупой, грубый, злой и ограниченный человек.

«Хороший товарищ» - это тот, кто добр, отзывчив, умен, способен сопереживать, вдумчивый человек.

Определение «трудовой человек» связывалось с качествами честности, ума, серьезности.

«Хорошему работнику» приписывались аккуратность, исполнительность и наивность.

«Хороший семьянин» - это добрый, приятный, скромный, любящий детей человек.

«Подхалим» - ограниченный, услужливый, нечестный, неумный, своенравный человек.

«Серая личность» - безвкусный, примитивный, ограниченный, заурядный, неумный человек.

Данные портреты раскрывают перед нами наиболее важные аспекты понимания студентами других людей. В этом понимании они стремятся оценить человека по наиболее важным с их точки зрения качествам личности, которые в их сознании могут повышать или понижать авторитет человека.

В этом отношении человек оценивается студентами, в первую очередь, по качествам ума. Престиж личности в студенческой группе зависит от развитости этого человека, и оценивается оно по шкале «умный - глупый». Следующий важный вектор оценки личности у студентов – «добрый - злой», а затем по частоте употребления идут следующие качества: «волевой - безвольный», «честный - лживый», «энергичный - пассивный», «аккуратный - неряшливый», «уравновешенный - неуравновешенный».

В этом перечне качеств заключен характерологический «идеал» и «антиидеал» личности для студентов. Для других социальных групп могут выдвинуться на первое место другие качества личности. Например, у подростков и спортсменов это место занимает физическая сила.

СПИЛ по содержанию изменяется в зависимости от ведущего способа жизнедеятельности людей.

Таким образом, содержательная структура СПИЛ отражает все многообразие связей человека с миром вещей и людей. Она репрезентирует онтологическую структуру личности, которая включает в себя не только субъектные, но и объектные свойства человека и, в частности, характеристики особенностей внешнего облика.

Особенности внешнего облика в процессах житейского взаимопознания приобретают значение признаков психологических качеств личности. Это обстоятельство ставит задачу специального научного исследования процессов познания людей по внешнему облику, задачу изучения практической реализации взаимосвязи эталонов и стереотипов интерпретации личности.

Когнитивные эталоны и стереотипы психологического познания человека.

В процессе взаимопознания люди опираются на объективные проявления человека в совместной деятельности. В числе таких проявлений находятся объектные свойства человека, которые представлены в его внешнем облике, поведении и отчужденных от него продуктах общественно-трудовой деятельности. Объектные свойства человека в процессах общения и СПИЛ рассматриваются как признаки его психологических качеств. В процессах непосредственного общения значительная роль принадлежит внешнему облику как совокупности признаков психологических качеств личности.

Внешний облик человека включает совокупность элементов физического облика, выразительного поведения и оформления внешности. Особенности физического облика образуются анатомо-конституциональными особенностями лица и тела человека. Выразительное поведение рассматривается как функциональные характеристики динамического проявления конституциональных компонентов внешности. К ним относятся мимика,

пантомимика, жестикуляция, походка, осанка, голос, речь. Все эти элементы внешности являются функциями движения. В психологии они получили название выразительных движений, так как в практике человеческого общения за ними закрепилось социально-психологическое содержание личностной сущности человека.

Сложные психологические образования динамично проявляются во внешнем облике и поведении человека в виде совокупности определенных признаков, организующихся в пространственно-временные структуры [125, 188, 201,]. Каждая такая структура включает конкретные характеристики мимики, пантомимики, интонации, темпа движений, качества деятельности и пр., являясь сигнальным комплексом психических процессов, состояний и качеств личности. По выразительным особенностям функциональных признаков внешнего облика человека люди судят обо всем многообразии его личностных свойств. Функциональные признаки в этом смысле ближе, чем признаки физического облика, стоят к психологической сущности воспринимаемого человека. Потому что психологическая деятельность человека предстает вовне в виде движений как внешне данных функциональных состояний организма [190].

О движениях как выразителях психики писал ещё И.М.Сеченов: «Мозг есть орган души, т.е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность...

Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводятся окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению» [156, с.4-5].

Это утверждение справедливо и по отношению к думанью «про себя». И.П.Павлов писал: «Давно было замечено и научно доказано, что раз вы думаете об определенном движении, вы его невольно, этого не замечая, производите» [106, с.316]. Эти неуловимые для сознательного контроля микродвижения организма получили название идеомоторных актов, которые могут запечатлеваться в виде мимической и пантомимической «игры» конституциональных элементов внешнего облика человека.

В процессе непосредственного общения функциональные признаки за счет своих выразительных возможностей, при сознательной регуляции их, превращаются в средства воздействия одного человека на другого.

С этой точки зрения, развитие системы выразительных движений для целого ряда профессий является необходимым. Особенно это касается артистов, педагогов, пропагандистов, административных и политических деятелей и других общественных организаторов. При этом им нужно не только в совершенстве владеть техникой выразительных движений, но и знать, какие из них допустимы с людьми разных национальностей, классов, профессий, возрастов, пола и других общностей. Вся система функциональных признаков внешнего облика человека приобретает в общественной жизни людей социально-психологическое звучание, которое необходимо прочитывать в практике межличностного общения.

К оформлению внешности относятся различные атрибуты одежды и косметики, которые заключают в себе информацию о национальных, половых, возрастных, классовых, профессиональных, социально-групповых, имущественных, эстетических особенностях человека.

Особенности физического облика человека в прикладном отношении изучаются анатомией, антропологией, физиологией, криминалистикой, медициной.

В связи с проблемой СПИЛ здесь уместно упомянуть о двух направлениях исследований внешнего облика, которые имели место в физиологии и медицине.

Н.А.Белов в своей работе «Физиология типов» [18], вышедшей в 1924 году, поставил вопрос о связи внешнего облика человека с эндокринными процессами, которые рассматривались им как функции желез внутренней секреции. Им была выдвинута гипотеза о том, что эндокринная активность организма влияет на развитие конституциональных особенностей физического облика человека.

В своих исследованиях он приводит большое количество фактов влияния повышенной или пониженной функции желез внутренней секреции на рост человека и отдельных элементов лица и тела. В частности: на волосатость головы, лица, тела; на цвет, эластичность и влажность кожи; на склонность к ожирению, к подвижности, утомляемости, аппетиту, слюнотечению и т.д. Им описаны около 20 типов внешности в связи с секреторными функциями желез.

Мы не приводим здесь описание этих типов, так как большинство из них обрисованы как крайние характеристики конституциональных особенностей человека, обусловленных патологически повышенной или пониженной функцией какой-либо железы внутренней секреции. Поэтому все типы внешности в классификации Н.А.Белова предстают как аномальные, и на норму они, как целое, не накладываются, что ограничивает прикладное значение этих типов рамками медицинской практики.

В медицине особенности внешнего облика рассматриваются как дополнительные показатели некоторых заболеваний организма и психики. Восприятие внешности и особенно функциональных признаков помогает опытным врачам устанавливать диагноз заболевания.

Расстройства мимики и пантомимики указывают на неблагополучное состояние функций соответствующих отделов мозга, которые заведуют регуляцией движений. Эти расстройства могут быть связаны с психическими заболеваниями.

Л.М.Сухаревский в книге «Клиника мимических расстройств» о мимике рта пишет следующее: «В диагностическом отношении более значимой является мимика расслабленной ротовой щели, обусловленная снижением тонуса соответствующих мышц (гипотония, парез). Внешне она проявляется в расширении ротовой щели, иногда отвисании нижней челюсти. При отсутствии органической симптоматики мимика расслабленной ротовой щели свидетельствует о снижении активности личности» [162, с.10].

Диагностическое значение мимических движений при психических заболеваниях Л.М. Сухаревский резюмирует следующим высказыванием: «В клинике колебания амплитуды мимических выражений имеют известное диагностическое значение, позволяя по характеру мимических проявлений наряду с другими критериями определять клиническую форму заболевания. Для маниакальных состояний характерна флуктуация мимической игры. При депрессивных состояниях мимика замедлена и ослаблена. Порывистая, угловая смена мимической игры встречается при катонических состояниях, энцефалите и прогрессивном параличе» [162, с.12-14].

Направление этой работы раскрывает конкретное содержание связей между психикой и функциональными признаками внешнего облика человека.

Для психологии центральным вопросом остается проблема формирования психологических знаний о человеке в процессах житейского общения [200].

Суть этого процесса состоит в том, что психологические качества человека приписываются ему на основе отражения причинно-следственных отношений человека с окружающим его миром вещей и людей. Наблюдаемые причинно-следственные отношения человека с окружающей его действительностью осознаются как субъектные характеристики личности, которые человек обнаруживает при взаимодействии с внешними по отношению к нему объектами [194, 202].

В этом смысле каждое качество личности характеризует особенности взаимосвязи человека с миром людей и вещей.

В житейской практике общения познание причинно-следственных отношений с объектным миром совершается стихийно и по стохастическим закономерностям. Опыт познания этих взаимосвязей фиксируется в форме социально-психологических знаний людей друг о друге. В этом опыте устанавливаются повторяющиеся типические формы взаимосвязи внешнего действия человека, направленного на объект, с субъективными характеристиками личности. Эти формы образуют шаблон поведения человека, который имеет внешне выраженные признаки, характеризующие особенности причинно-следственных отношений человека с объективной реальностью.

В сознании познающего признаки внешнего проявления интегрируются в эталоны восприятия и психологической оценки субъектных свойств человека. Эталоны внешности на уровне восприятия существуют для познающего как некоторый конституциональный тип личности. Например, эталон внешнего облика боксера характеризуется приплюснутым носом, квадратным подбородком, короткой стрижкой, пружинистой походкой; в эталон внешности учителя включается выражение строгости, серьезности, а также аккуратности в одежде.

Воспринимая внешность другого человека, мы осознанно, а чаще непроизвольно, определяем возможное социально-психологическое значение эталонных признаков внешности, которые хранятся нашей памятью как психологический опыт познания людей.

Эти эталоны выполняют функцию своеобразных «пусковых механизмов», разворачивающегося во времени процесса интерпретации свойств личности.

Американский психолог П.Ф.Секорд образно назвал их «физиогномическими ключами», структура которых предопределена анатомической структурой лица и его экспрессией (мимической маской) [201, 204].

Эталоны, которые человек принимает в качестве «мерки», оценивая окружающих лиц, являются персонифицированным выражением его нравственно-эстетических и антрополого-психологических требований к людям. Это – его более или менее осознаваемые представления о том, как должны выглядеть внешне и как должны себя вести люди, реализуя свои права и обязанности [23].

Эталоны, которые один и тот же человек актуализирует у вступающих с ним в контакт людей, принадлежащих к различным общественным классам, входящих в различные возрастные и половые группы, представляющих различные профессии, никогда не бывают совершенно одинаковыми. Они всегда несут на себе печать пути, который прошли их «владельцы», формируясь как личности. По мере развития у «владельцев» этих эталонов качеств, так или иначе характеризующих их как субъектов труда, познания и общения, эталоны постоянно обогащаются новыми чертами и переосмысливаются [23].

Источниками формирования эталонов являются как личный опыт человека, так и выработанные обществом нормы, которые человек усваивает при обучении, воздействии средств массовой информации и непосредственных контактов со значимыми и авторитетными людьми. Активную роль в формировании связи эталонов внешности со стереотипами интерпретации личности играет литература и другие виды искусств. При этом любопытно отметить, что искусство чаще влияет на закрепление сложившихся эталонов и стереотипов познания человека, так как художники используют их как опознавательные признаки персонажей, в то время как наука, открывая фактическую неоднозначность эталонов, чаще разрушает принятые в обществе стереотипы СПИЛ.

Формирование у каждого человека новых эталонов, по мере установления у него контактов с новыми категориями лиц и накопления новых впечатлений о них, теснейшим образом связано с одновременно развертывающимся процессом классификации познаваемых людей по определенным группам на основе установления сходства и различия в их личностных характеристиках, т.е. с развитием процесса категоризации [23].

В одних случаях такая категоризация производится человеком с целью решения практической задачи, и от начала до конца осуществляется сознательно. В ряде случаев она производится стихийно.

Помимо эталонов, выполняющих при познании одним человеком другого роль «мерок», которые, образно говоря, прикладываются к познаваемой личности и дают возможность отнести эту личность к какому-то типу, в процессе интерпретации происходит «приписывание» человеку качеств личности в соответствии с этим эталоном. Это явление «приписывания» получило название «стереотипизации», а «наборы» качеств, которые человек

приписывает познаваемому человеку, были названы «оценочными стереотипами» [24].

Здесь возникает вопрос об однозначности связей эталонов внешности с оценочными стереотипами личности, т.е. существует ли единство в трактовке одних и тех же лиц со стороны разных людей, совпадает ли содержание оценочных стереотипов людей при восприятии одного и того же человека?

В наших экспериментах, которые проводились с фотографиями, разные испытуемые, принадлежащие к одной социальной общности (студенты), проявили однозначность в приписывании качеств личности одному и тому же незнакомому человеку. Эта однозначность относительно отдельных качеств личности достигала вероятности равной 0,72 [126].

Видимо, одно и те же лицо, выступая объектом познания, содержит в своей анатомии и экспрессии ряд признаков, которые имеют похожее значение для многих воспринимающих его людей. Тот факт, что одно и то же лицо воспринимается одинаковым образом, говорит не только о существовании единой общественной трактовки различных лиц, но и о том, что в самом объекте заложены основания для такой однозначности. Объект особенностями своей структуры как бы руководит возможной субъективной трактовкой, приводя большинство интерпретаций к единообразию.

В этом процессе ведущая роль в СПИЛ принадлежит при первом впечатлении объектным свойствам внешнего облика как эталонам стереотипизации. Ярко выраженная особенность внешности, легко ассоциируемая с типом личности, приводит мнение разных людей к вероятной однозначности.

В связи с этим возникает проблема изучения конкретных эталонов внешнего облика и специфической интерпретации их в процессе СПИЛ. В русле этой проблемы нам удалось выделить три класса таких эталонов и стереотипов СПИЛ: 1) антропологические, 2) социальные, 3) эмоционально-эстетические.

К антропологическим эталонам внешности были отнесены ее конституциональные признаки, формализованные в понятиях «национального типа внешности», «полового типа внешности», «возрастного типа внешности», «тип внешности, анатомически похожий на знакомого человека».

Каждый из этих эталонов предполагает определенные пути СПИЛ. Улавливая во внешнем облике черту того или иного антропологического типа, познающие склонны приписывать воспринимаемому человеку качества личности соответствующей национальности, пола, возраста или знакомого человека, похожего на познаваемого.

В наших опытах одна из испытуемых следующим образом реализовала половой эталон внешнего облика познаваемого человека: «Лицо мужского типа. Мальчишеские озорные глаза, даже волосы коротко подстрижены. Вероятно рабочая». Испытуемая улавливает во внешности, прежде всего, элементы «мужской» конституции. Это обусловило содержание даваемой характеристики под углом зрения приближения или отдаленности к мужским качествам личности.

Нередко отмечались факты отождествления внешности воспринимаемого человека с человеком, знакомым познающему. Например: «По ассоциации она мне напоминает Зою Космодемьянскую. Своею мальчишеской прической». Или: «Мягкое, нежное лицо – похожа на мою маму – очень женственный характер, мягкая, нежная, верная...»

Или: «Взгляд какой-то..., чувствуется какая-то внутренняя грусть, не то злоба, а вообще похожа на одну знакомую, с которой связаны такие мысли». В этих случаях легко заметить как осуществляется перенос знаний с личности знакомого человека на похожего на него по внешности.

Суждения по аналогии являются наиболее распространенными способами понимания людьми друг друга. Этот способ основан на простейших ассоциациях по сходству, оперирующих самым первым и поверхностным рядом взаимозависимостей.

Поэтому люди, неудовлетворенные таким способом, стремятся отыскать во внешнем облике такие черты, которые позволили бы им на первый случай получить, хотя и самую общую, но и более глубинную информацию о личностной сущности человека.

Эта задача чаще всего решается через определение национальной принадлежности воспринимаемого человека. Особенно это касается случаев, когда трудно или совсем невозможно обнаружить сходство во внешности с какими-либо более дифференцированными эталонами. Например, в наших опытах это выглядело так: «открытая русская душа», «немец, любит пиво» и т.п.

Во всех перечисленных случаях СПИЛ очень формальна, и познающие чувствуют натянутость своих характеристик воспринимаемым. Но, несмотря на это, антропологическая интерпретация все же закрепились в практике общения и взаимопознания людей, поскольку это имеет психологический смысл при установлении контактов.

Этот смысл заключен в том, что наиболее общие стереотипы известны всем и служат некоторой единой основой установления взаимоотношений независимо от того, насколько адекватен этот всеобщий стереотип понимания действительным качествам конкретного человека, с которым происходит общение. Ошибки во взаимопонимании в рамках общеизвестного стереотипа обнаруживаются и также легко устраняются, легко прощаются, и часто к всеобщему удовлетворению служат здоровой основой для юмора, поскольку всем понятна наивность подобных представлений относительно отдельно взятого человека.

Другая разновидность типов СПИЛ связана с использованием социальных эталонов восприятия и стереотипов суждений о личности.

При социальном способе интерпретации познающий исходит из эталонов внешнего облика как признаков общественного положения воспринимаемого человека. Они могут быть заключены в конституциональных особенностях внешности, экспрессии, оформлении внешности.

Улавливая во внешнем облике признаки того или иного социального эталона, познающий причисляет воспринимаемого человека к конкретной

социальной категории людей, и вслед за тем приписывает ему свои стереотипные представления о психологических особенностях этой категории людей.

Например: «рабочий – простоват», «учительница – умная, добрая, требовательная, честная, справедливая», «начальник цеха – требователен», «офицер – подчиняется только приказу», «капитан корабля – мужественный, смелый, волевой».

При данном способе СПИЛ процесс разворачивается следующим образом:

1. во внешнем образе устанавливаются признаки социального эталона,
2. определяется общественно-групповая принадлежность человека, роль и статус в системе общественных отношений,
3. человек наделяется психологическими качествами личности, которые соответствуют наиболее вероятному проявлению их у людей данной социальной группы.

В жизни нередки случаи, когда о социальной категории человека мы узнаем до знакомства с ним в момент первой встречи. Тогда знания о социальной принадлежности человека могут радикальным образом направить наше впечатление о нем в русло социального стереотипа и опережать непосредственное отражение его психологических качеств. В этом случае процесс СПИЛ подчинен уже не столько эталонам внешности, сколько социально-психологической установке на статусно-ролевую характеристику его личности. В этих случаях мы как бы пренебрегаем впечатлением от внешнего облика, руководствуясь мыслью о том, что психологическая сущность человека может не совпадать с его внешностью, и в силу того, что социальная характеристика ближе личностной сущности человека, мы в большинстве случаев предпочитаем опираться на общественно формализованные сведения о личности.

Эту закономерность демонстрируют опыты, в которых испытуемым перед демонстрацией нескольких лиц говорилось о том, что это за люди.

В опытах А.А.Бодалева при показе одного и того же лица испытуемым говорилось, что это «герой», другой группе - что это «преступник». Было замечено как вслед за изменением установки менялось и содержание словесных портретов на этого человека.

Однако не все люди идут слепо за подобными социально-психологическими установками. В большинстве случаев опытов А.А.Бодалева (65%) социально-психологическая установка как бы вступала в борьбу с впечатлением от внешнего облика. Особенно это проявлялось, когда внешний облик, его черты, по представлениям испытуемых, не соответствовал его общественно-ролевой характеристике.

Факты этого рода свидетельствуют о том, что эталоны внешности являются довольно значимыми, несмотря на очевидность социальной информации. Для ряда людей социально-психологическая установка не возымела своего действия. Испытуемые в этом случае останавливались на

описании только внешнего облика, не переходя к психологической интерпретации его.

Противоречие между внешним обликом и статусно-ролевой определенностью возникает в сознании познающего как нарушение социальных принципов личностной реализации человека. Оно осмысливается как несоответствие возможностей человека с его социальными достижениями в общежитском представлении, как психологическое несоответствие внешних данных и поведения.

Воспринимаемое несоответствие такого рода порождает неприятные переживания у познающего, раздражает его в житейском смысле и переносится на отношение к познаваемому человеку. «Не люблю несоответствия внешнего облика и поведения. Если, например, преподаватель лысый, то должен вести себя солидно» - пишет один из студентов в опытах И.А.Уркина по изучению первого впечатления у студентов о преподавателях [164].

Несоответствие внешности и поведения в силу когнитивного диссонанса вызывает чувство внутреннего неудобства, которое неосознанно переносится на отношение к познаваемому человеку. Это чувство вызвано ломкой сложившегося стереотипа взаимопознания людей. Несоответствие, непривычность порождает неопределенность, проблемность ситуации, необходимость отказаться от привычного, что требует дополнительного напряжения ума и затрат психической энергии.

Наличие формального признака как социального «ярлыка» личности, казалось бы, облегчает задачу понимания. Но это с той же легкостью может породить и ошибки. Поэтому не случайно большая часть испытуемых, все же, не оставляет без внимания внешние признаки, которые при первом впечатлении непосредственного общения являются единственными объективированными показателями психологических качеств человека.

За обозначением общественно-ролевого положения человека в нашем сознании закреплено вполне определенное понимание личностной сущности. Эта связь возникает на основе произвольного или непроизвольного наблюдения за поведением и деятельностью людей различных общественных категорий. Каждая из категорий подразумевает наличие типовых признаков личности, которые включаются в наши представления о людях.

В общественно-ролевых стереотипах личности, связанных с конкретной профессиональной деятельностью людей и их должностным положением, находят отражение те требования деятельности, которые предъявляются человеку, ее выполняющему. Оценка и понимание личности в этом случае осуществляется под углом зрения тех профессиональных средств, которые необходимы для успешной реализации человека в труде.

Так совместно с Э.С.Чугуновой и С.М. Михеевой нами были изучены стереотипы оценочных представлений инженеров о необходимых им профессиональных качествах личности рядового инженера, ведущего и руководителя подразделения, т.е. выявлялась статусная обусловленность понимания профессионально необходимых качеств личности инженера.

Оказалось, что узловые качества различны по своему набору у инженеров разных должностей.

Так, оценка отношения к работе рядового инженера производилась с наибольшей значимостью по качествам: «трудолюбие» и «внимательное отношение к работе». Для ведущего инженера наибольшую значимость приобретает уже «творческое отношение к работе». Это обусловлено тем, что деятельность ведущего инженера в большей мере связана с конструированием, т.е. творческой стороной инженерной деятельности. Основная роль руководителя подразделения – это роль организатора. Поэтому наиболее значимой характеристикой его отношения к работе являлось требование «болеть за производство».

Специфическими для рядового инженера в группе качеств, характеризующих общий стиль поведения и деятельности, были отмечены: «исполнительность», «дисциплинированность», «настойчивость», «терпеливость», «оперативность»; для руководителя предприятия – «авторитарность», «принципиальность», «собранность», «энергичность», «инициативность».

Различались требования к знаниям. Если для рядового инженера они ограничиваются «техническими знаниями по своей специальности», то ведущему инженеру требуются еще и «математические знания», а поскольку он является руководителем небольших творческих групп, ему предъявляются и более широкие требования; «политические знания», «знание личных прав и обязанностей», «общая культура». Среди прочих знаний для руководителя являются важными: «информированность о деятельности предприятия», знание вопросов организации труда».

Не столь очевидной оказалась дифференциация требований к качествам ума. Но и здесь проявилась некоторая специфика. Так, для рядового инженера наиболее значимым оказалось качество «логичность ума»; для ведущих инженеров и руководителей – «гибкость ума» и «критичность ума». Специфическими для руководителя определялись – «рассудительность», «чувство юмора, остроумие», что обусловлено большим значением для этой роли общения с людьми.

Статусно-должностные различия прослеживаются и при оценке инженерно-организационных умений. Если у рядового инженера требования адресуются к собственно инженерным умениям, то с повышением должностного статуса больший вес приобретает организационный компонент труда. У среднего звена эти умения имеют более конкретный характер, а у высшего – более обобщенный. Например, для рядового инженера важнейшими являются качества: «умение решать техническую задачу», «умение работать с литературой и справочниками»; для ведущего – «умение решать техническую задачу», «умение объяснить техническую задачу», «умение осуществлять взаимодействие с другими подразделениями», «умение распределять работу»; для руководителей подразделений – «умение распределять работу», «умение проводить техническую политику», «умение осуществлять взаимодействие с другими подразделениями», «умение контролировать работу» и др.

В структуру организационно-технических требований рядового инженера вошли: «знать свой коллектив», «умение руководить людьми». В структуре требований к ведущему и руководителю высоко оценивались почти все качества административно-организаторской деятельности. Они отличались только тем, что к руководителям предъявлялось требование «умение убеждать людей», а к ведущим инженерам – «умение создать благоприятные отношения в коллективе».

При характеристике отношения к людям в требованиях к рядовому инженеру были качества: «честность», «порядочность», «воспитанность», «тактичность», «умение ладить с людьми»; к ведущему инженеру – «честность, порядочность», «коллективизм», «требовательность к другим», «объективность», «беспристрастность», «чуткость, внимательность»; к руководителю – «забота о росте подчиненных», «честность, порядочность», «воспитанность, тактичность», «умение не сковывать инициативу других», «объективность, беспристрастность».

При определении отношения к себе от рядовых инженеров ожидают, прежде всего, «уверенности в себе», «самосовершенствование»; от ведущих – «уверенности в себе», «самосовершенствование», «самолюбие», «самокритичность»; от руководителей – «уверенность в себе», «самокритичность», «требовательность к себе».

При характеристике способностей в качестве первоочередных для рядового инженера определялись: «технические» и «мыслительные»; для ведущего – «технические», «математические», «мыслительные», «изобретательские», «исследовательские»; для руководителя – «организаторские», «мыслительные», «технические». Эта дифференциация необходимых способностей обусловлена функциональной структурой деятельности инженеров различных должностей.

Рядовым инженерам по профилю всех качеств отводится роль исполнителя, ведущим – роль основных творческих работников, руководителям – роль организаторов. Эта дифференциация вполне адекватна уровням взаимосвязи инженеров рассматриваемых категорий с причинно-следственными отношениями на предприятии. Представления инженеров друг о друге в этом смысле соответствуют объективным социально-психологическим требованиям к их профессии.

Эти данные подтверждают гипотезу о том, что психологические качества в практической деятельности людей приписываются на основе отражения причинно-следственных связей человека в его предметной деятельности с миром вещей и людей.

Посредством представлений о требованиях друг к другу люди регулируют отношения в процессах совместной жизнедеятельности. Поэтому изучение ролевой структуры общения приобретает значение актуальной практической задачи.

В любой группе людей ролевая структура общения детерминирована общественным положением каждого его члена. Общественное положение обусловлено успехами в выполняемой деятельности и занимаемым местом в

структуре межличностных отношений. Например, общественное положение студентов в учебной группе зависит от его успехов в учебе, от его положения в официальной и неофициальной системе межличностных отношений. Официальное лидерство в учебной студенческой группе находило выражение в исполнении обязанности старосты, комсорга, профорга. В неофициальной структуре общения наибольшим признанием пользуется тот человек, которого чаще всего определяют как хорошего товарища.

Наибольшим авторитетом среди официальных лидеров в учебной группе пользуется староста, который выполняет административно-организаторские функции. Он является официальным выразителем интереса студенческого коллектива.

Типичная ролевая структура общения студентов в учебной группе представлялась следующими ролями: старостой, комсоргом, профоргом, «отличником», «хвостистом», «хорошим товарищем». По этим ролям мы провели специальное исследование СПИЛ.

При изучении представлений о ролевой структуре общения в студенческой группе мы использовали действие психологического механизма установки. Группе студентов-испытуемых (20 человек) по тахистоскопической процедуре предъявлялись фотографические изображения лиц. После первого предъявления при экспозиции, равной 0,02 сек., от испытуемых были получены свободные характеристики на одно мужское и одно женское лицо из ряда демонстрируемых. При последующих предъявлениях тех же самых лиц в ряду новых других испытуемым создавалась установка на интерпретацию этих двух лиц посредством определений: 1) «староста» 2) «отличник», 3) «хвостист», 4) «хороший товарищ» [128].

После каждого повторного предъявления лиц испытуемых просили охарактеризовать их произвольно. Полученные СПИЛ включали группы качеств, которые имели неодинаковую вероятность определений. Сравнение вероятностей осуществлялось как внутри каждой из категорий интерпретации, так и между ними. Качества, обладающие наибольшими вероятностями внутри одного вида интерпретации, назывались основными, а те, которые обладали наибольшей вероятностью при сравнении различных видов интерпретации между собой, назывались специфическими. При этом некоторые качества оказывались одновременно и в числе основных, и в числе специфических.

Как видно из таблицы 6, наиболее характерными для интерпретации без установки являются определения социально-групповой принадлежности человека, оценка привлекательности внешнего облика, определения национальности и вида деятельности. Это является исходной информацией при восприятии незнакомых людей.

Таблица 6

Распределение качеств на основные и специфические в интерпретации без установки

Категории качеств	Вероятности качеств	
	основных	специфических

Социально-групповая принадлежность	0,87	0,87
Внешняя привлекательность	0,25	0,25
Национальность	0,12	0,12
Вид деятельности	-	0,07
Отношение к себе	0,15	
Коммуникативные свойства	0,15	

В таблице 7 приведена типичная структура представления студентов о старосте. Здесь в первую очередь отмечается отношение к деятельности, далее – умственные способности, отношение к себе и другим людям. Для старосты, с точки зрения студентов, особое значение имеют его темперамент, роль в группе, наличие воли и организаторских способностей, активное участие в общественной жизни и способность считаться с интересами группы, не идя у нее на поводу.

Таблица 7.

Распределение качеств на основные и специфические в интерпретации лиц с установкой «староста курса»

Категории качеств	Вероятности качеств	
	основных	специфических
Отношение к деятельности	0,40	
Умственные способности	0,35	
Отношение к себе	0,32	0,32
Обобщенные определения характера	0,30	0,30
Отношение к людям	0,27	
Темперамент		0,20
Роль в группе		0,15
Волевые свойства		0,15
Организаторские способности		0,15
Общественная деятельность		0,12

Статусная определенность человека значительно расширяет объем интерпретации, изменяет ее содержание, определяя комплекс свойств, необходимых для выполнения данной роли. Этот комплекс отражает функциональную структуру взаимосвязей человека в совместной деятельности. Поэтому в интерпретации «старосты» нашли отражение качества личности, необходимые для успешного выполнения этой роли.

Интересным является вопрос о близости СПИЛ старосты и СПИЛ «хорошего товарища», так как во многих социально-психологических исследованиях установлено, что совпадение официальных и неофициальных структур отношений положительно сказывается на решении общегрупповых задач.

Из таблицы видно, что наиболее существенными качествами «хорошего товарища» являются те, которые выражают отношение к другим людям. Эта группа качеств и умственные способности отмечаются в числе первых также и при интерпретации старосты курса.

Таблица 8.

Распределение качеств на основные и специфические
в интерпретации лиц с установкой «хороший товарищ»

Категории качеств	Вероятности качеств	
	основных	специфических
Умственные способности	0,30	
Отношение к людям	0,37	0,37
Отношение к друзьям	0,37	0,37
Отношение людей к объекту интерпретации	0,35	0,35
Коммуникативные свойства	0,30	0,30
Эмоциональные свойства		0,22

Совпадение представлений о неформальном лидере по обозначенным качествам указывает на группы свойств личности, которые являются стержневыми для лидера студенческой группы вообще. Тем не менее, между структурами интерпретации старосты и хорошего товарища есть различия. Для хорошего товарища, по мнению студентов, важно то, какое отношение он способен вызвать к себе со стороны других людей. Оценка этих качеств выражалась в следующих определениях: «любим товарищами», «вызывает к себе доверие», «привлекает рассудительностью», «пользуется популярностью». От хорошего товарища студенты, прежде всего, ожидают доброты, отзывчивости, честности, общительности, сочувствия и умения быть веселым.

При интерпретации старосты высокую вероятность выбора имела группа качеств, выражающих отношение к деятельности, хотя эта группа свойств и не являлась для них специфической. Столь же высокая вероятность отношения к деятельности отмечается в интерпретациях отличника и хвостиста (таблицы 9 и 10). Это указывает на то, что оценка деятельности связывается с оценкой выполняемой работы. Примечательно то, что отношение к деятельности в интерпретации «хвостиста» попадает в число специфических качеств, значительно превышая вероятность всех других. По мнению студентов, «хвостистами» становятся не столько из-за отсутствия способностей, сколько из-за отрицательного отношения к учебе как следствия низкого уровня мотивации.

Таблица 9.

Распределение качеств на основные и специфические
в интерпретации лиц с установкой «отличник»

Категории качеств	Вероятности качеств	
	основных	специфических
Отношение к деятельности	0,40	
Умственные способности	0,42	0,42
Отношение к людям	0,22	
Общие способности	0,35	0,35
Учебные способности	0,27	0,27
Познавательные потребности и интересы		0,12
Научные потребности и интересы		0,07
Эстетические потребности и интересы		0,10
Литературные потребности и интересы		0,07

Таблица 10.

Распределение качеств на основные и специфические
в интерпретации лиц с установкой «хвостист»

Категории качеств	Вероятности качеств	
	основных	специфических
Отношение к деятельности	0,57	0,57
Умственные способности	0,20	
Обобщенные определения характера	0,17	
Общие способности	0,17	
Потребности и интересы вообще	0,27	0,27
Сексуальные потребности и интересы		0,15
Отношение к труду		0,07
Отношение к жизни		0,07

В число определений отличника входят характеристики ряда интеллектуальных потребностей и интересов. Качества общих, умственных и учебных способностей являются основными и специфическими для интерпретации студента как отличника.

Таким образом, наличие информации об успехах в деятельности побуждает к характеристике способностей, потребностей и интересов личности. Во всех интерпретациях сравнительно высокой вероятностью обладает оценка умственных способностей, что позволяет рассматривать ее как один из важнейших критериев оценки личности в студенческой среде.

В СПИЛ старосты, хорошего товарища и отличника сравнительно высокими вероятностями обладала оценка отношения к людям. Это сходство в СПИЛ указывает на линии психологического сближения данных ролей. Следовательно, отличник и человек, пользующийся репутацией хорошего товарища, имеет ряд качеств, которые предрасполагают их к выполнению функций старосты.

Вопрос о том, кто должен занять пост старосты, постоянно возникает в практике учебно-педагогического процесса. Ориентировка в решении этого вопроса на отличника и хорошего товарища является обоснованной. Однако, если для отличника это обоснование мы находим в положительном отношении к деятельности и высоко развитых способностях, то для хорошего товарища – в положительных отношениях с людьми. Кого предпочесть? Наверное, того, чья психологическая структура ближе к старосте. Если рассматривать группу специфических свойств старосты в этом плане, то мы увидим, что в студенческой группе роли старосты с большей вероятностью будет соответствовать студент с комплексом качеств «хороший товарищ» (таблица 11).

Таблица 11

Вероятности специфических определений

Категория качеств	Вероятности при установках		
	«староста»	«хороший	«отличник»

		товарищ»	
Темперамент	0,20	0,10	0,15
Роль в группе	0,15	0,12	
Волевые свойства	0,15	0,07	0,10
Организаторские способности	0,15	0,12	0,02
Общественная деятельность	0,12	0,15	0,07
Сумма	0,77	0,46	0,34

Эмпирические данные о СПИЛ ролевой структуры в студенческой группе указывают: 1) на те свойства личности студента, по которым возможно сближение ролей «старосты», «хорошего товарища», «отличника» (умственные способности, отношение к людям); 2) с позиции каких свойств личности оцениваются отстающие студенты (отрицательное отношение к деятельности, неопределенность потребностей и интересов); 3) на качества личности наиболее ценные в студенческой среде (интеллектуальные способности); 4) на качества личности, которые являются специфическими для старосты (отношение к себе, темперамент и др.), для хорошего товарища (общительность, эмоциональные свойства), для отличника (учебные способности, познавательные потребности и интересы); 5) на качества, при характеристике которых складываются идеальные представления студентов о старосте, отличнике и хорошем товарище; 6) на качества личности, по линии которых могут разворачиваться положительные контакты в студенческой учебной группе.

Эти исследования раскрывают значение СПИЛ в практической деятельности людей, демонстрируют особенности проявления социальных способов СПИЛ, их обусловленность предметными связями общающихся людей.

В наших исследованиях была обнаружена еще одна разновидность типов СПИЛ, проявляющихся в эмоционально-эстетических эталонах восприятия внешнего облика и соответствующих стереотипах суждений о личности.

Для каждого человека в общении познаваемый является значительным эмоциональным объектом. Эмоциональное отношение людей друг к другу в значительной мере предопределено особенностями внешнего облика, среди которых физическая красота и экспрессия являются основой эстетической привлекательности человека.

Физическая красота и экспрессия являются побудителями эмоциональных стереотипов СПИЛ.

Как же связаны между собой эталоны эстетической привлекательности с суждениями о психологической сущности человека?

На уровне здравого смысла люди понимают, что красивый человек не обязательно также красив духовно и наоборот, т.е. допускается неоднозначность связи между внешностью и личностью.

На основании этого рассуждения возможна гипотеза здравого смысла, что связь между эмоционально-эстетическими эталонами и психологическими характеристиками в СПИЛ не будет однозначной. Эмпирически она может быть проверена в эксперименте, где для испытуемых дана задача отдельных

характеристик внешности и личности. При этом не следует ожидать однонаправленных отношений к внешности и личности.

Задаваясь этим вопросом в пределах научного знания, мы можем выдвинуть противоположную гипотезу. Основанием к этому служит положение о единстве гностических и аффективных компонентов психического отражения, представленного в целостном психологическом результате взаимодействия человека с окружающим миром. «Вещи и люди, нас окружающие, явления действительности, события, происходящие в мире, так или иначе, затрагивают потребности и интересы отражающего их субъекта. – писал С.Л.Рубинштейн, – Поэтому психические процессы, взятые в их конкретной целостности – это процессы не только познавательные, но и «аффективные», эмоционально-волевые. Они выражают не только сами явления, но и их значение для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности» [154, с.263].

Это положение доказано экспериментальной психологией. Например, было обнаружено сильное влияние эмоционального отношения на точность опознания супругов [206]. Если в другом человеке найдена положительная или отрицательная черта, то она оказывается основанием для приписывания других одновалентных качеств [198].

Исходя из этого, была выдвинута гипотеза, что, если человеку в его субъективном представлении внешность воспринимаемого человека нравится, то вслед за тем должно проявиться положительное отношение и к его личности, что обнаружится в СПИЛ в виде положительных качеств личности. Иначе говоря, если внешний облик человека нравится, то у него больше шансов получить положительную характеристику личности при первом впечатлении.

Экспериментально этот вопрос изучался в опытах с 23 студентами, которым на 30 сек. демонстрировались фотографии незнакомых лиц, после чего они должны были сказать: нравится ли им внешность предъявляемого человека и пояснить свое впечатление описанием внешнего облика. То же самое они должны были сделать и в отношении его личностных свойств. Всего по категории «нравится» предлагалось три варианта ответов: 1) нравится, 2) не нравится, 3) безразличен.

Из 414 сравниваемых оценок совпало 73%. Коэффициент корреляции между оценками внешности и личности по категории «нравится» был равен 0,92. Вслед за положительной или отрицательной характеристикой внешнего облика испытуемые, как правило, предполагали в человеке наличие психологических качеств той же направленности.

Например, одному из женских лиц было выражено положительное отношение к внешности в 30 суммарных баллах из 46 возможных, и к личности – 33. Ее внешность была описана в следующих понятиях: хорошая, красивая, усталая, добрая, волевая, простая, умная, спокойная, нежная, русская; личность ее была наделена следующими качествами: добрая, трудолюбивая, умная, интересная, много пережившая, волевая, спокойная, скромная, аккуратная, честная, хорошая мать.

Здесь очень наглядно предстает однонаправленная связь оценок внешнего облика с психологическими характеристиками личности.

Результаты эксперимента показали, что при первом впечатлении, возникшем на основе восприятия внешнего облика, наблюдается зависимость оценки психологических качеств личности от эмоционально-эстетического отношения к внешности воспринимаемого человека.

Таким образом, подтвердилась в большей мере научная гипотеза, хотя имели место и факты, справедливые для гипотезы здравого смысла.

Итак, человек, получивший положительные характеристики на основе восприятия только внешности, на первых стадиях общения будет иметь преимущество в положительном отношении к нему как к личности перед человеком, который на этой основе вызовет отрицательные эмоции.

В первые моменты общения оценка внешности предопределяется эмоционально-эстетической привлекательностью физического облика. Это отношение определяется понятием «красивый». Но, что значит быть красивым? Имеются ли какие-либо всеобщие эталоны красоты, или каждый человек имеет свой собственный эталон эстетической привлекательности?

Эта проблема широко обсуждалась и освещалась во второй половине XIX века. Интерес к ней появился в результате большого количества антропологических и этнографических исследований среди разных племен и народов.

В 1860 году Кордье представил Парижскому антропологическому обществу работу, в которой доказал, что всякая раса от другой расы отличается присущей ей красотой. Поэтому нет общих признаков красоты: они должны для каждой расы изучаться особо [142].

Этому противоречил реферат, прочитанный в том же обществе в 1885 году Деллонею, который утверждал, что общие правила для определения красоты существуют. Эти правила, по его мнению, покоятся на так называемых «органо-тропических» законах, суть которых в том, что для каждого органа имеется максимум развития, и этот максимум и есть красота. Что же касается красоты всего индивида, то различные органы должны находиться в определенной зависимости и в определенных отношениях друг к другу [142].

В пользу относительности эталонов эстетической привлекательности этнография располагает большим количеством фактов. В них содержатся интереснейшие описания эталонов красоты. В наше время эти эталоны могут показаться парадоксальными, и восприниматься будут скорее как уродства, а не красота.

Человек, чтобы достичь нужного впечатления других людей о собственной личности, очень часто идет на искусственное приукрашивание своего внешнего облика. Причем таким образом, чтобы это отвечало общественным эталонам красоты.

Среди искусственных приемов приукрашивания внешности, помимо одежды и косметики, в истории разных народов было принято раскрашивание тела, татуировка, рубцевание, деформации черепа и стопы, изменение частей лица, искусственное ожирение, подпиливание зубов и другие манипуляции. Все это делалось для того, чтобы повысить свои коммуникативные возможности,

привлечь внимание окружающих, завоевать желаемый общественный престиж, утвердиться в обществе людей как приятный и значимый человек.

Очень часто украшение внешнего облика имело у отдельных народов обрядовое значение. Например, особая татуировка наносилась при достижении половой зрелости, изменении семейного положения, т.е. она служила средством обозначения статусно-ролевых характеристик человека. У некоторых племен татуировка в период половой зрелости носила характер испытания, должного доказать, что девушка или юноша без жалоб могут вынести физические страдания.

У некоторых племен Африки было принято в свежие разрезы на коже втирать соль. В результате образовывались выпуклые рубцы. Девушки, где принят такой ритуал, охотно подвергались этой «пытке», потому, что хорошо исполосованная рубцами спина вызывала восхищение у соплеменников.

Примеров подобного рода можно привести много. Все они указывают на относительность эмоционально-эстетических эталонов внешности человека и на практическую важность их в совместной жизнедеятельности. Уже на уровне обыденного первобытного сознания люди рассматривали внешность как важный компонент их личности, потому что она включалась в процессы общения как социально-психологическое средство взаимодействия на личностном уровне.

Эмоционально-эстетическая привлекательность в процессах общения превращается в факт отношения человека к человеку на уровне чувств. Красота, определяемая как положительное отношение к объекту, зиждется на чувствах воспринимаемого человека и, таким образом, казалось бы, имеет только субъективную основу, конечно же, красота – сугубо человеческая категория отношения к действительности, порожденная особым свойством человеческого сознания. Но это не означает, что субъективное происхождение красоты исключает ее объективную сторону.

Красота как отношение есть следствие взаимодействия субъекта с объектом, в результате чего возникают положительные переживания. Красота существует как образ положительных эмоций, воплощенный в предметных отношениях с окружающей действительностью. Красота объективируется в предмете как его свойство, которое способно вызвать к нему положительную реакцию. В этом смысле красота существует как объективное и независимое от субъекта качество.

Представления об эстетических свойствах внешнего облика точно так же, как все прочие явления психического отражения, претерпевают изменения в ходе культурно-исторического развития общественной жизни людей. Если для первобытного сознания достаточно было иметь кольцо в ноздрях и непомерно вытянутые мочки ушей, то для цивилизованных людей ощущение красоты связано с более глубинным отражением человека, и не только его физического облика, но и духовного богатства его личности.

Красота человека как эталон его эстетической привлекательности связывается в основном с анатомическими особенностями внешнего облика, т.е. речь идет, как правило, о физической красоте. Но люди часто говорят друг

о друге – «некрасив, но обаятелен». Здесь имеется в виду, что человек, хотя и не обладает данными физической красоты, тем не менее, приятен. Раскрывая перед собой или другими людьми источник такого впечатления, обычно ссылаются на приятное, доброе, веселое, располагающее выражение лица. При этом следует отметить, что экспрессия порождает более стойкое отношение к человеку как к личности.

Это происходит не случайно, поскольку сущностные отношения людей предопределены не столько их физическими данными, сколько психологическим потенциалом личности, который оказывается более весомым в социальном взаимодействии людей и, вслед за тем, в эмоционально-эстетическом, поскольку они здесь связаны с более существенными сторонами личности.

Эмоциональный способ СПИЛ, хотя и опирается на физическую красоту, но в большей мере основан на отражении экспрессивных эталонов эстетической привлекательности человека. Это происходит потому, что практика взаимодействия показала большую отделенность физических характеристик внешнего облика от личностной сущности человека в сравнении с выразительными свойствами внешности, с которыми личностные особенности человека связаны более непосредственно.

Во-первых, экспрессия как выразительные движения являются более непосредственным внешним воплощением состояний человека, которые можно легко наблюдать.

Во-вторых, виды деятельности, которые выполняет человек, диктуют свою технологию действий, и если человек много и сосредоточенно думает, много смеется или, напротив, часто хмурится, или делает много добра, или много страдает и т.д. и т.п., то, в силу частого повторения этих состояний, в его внешнем облике формируются и соответствующие типические выражения, которые свидетельствуют о модальном состоянии человека. Хмурые лица русских людей не случайны. В них запечатлено доминирующее самочувствие, порождённое социальной реальностью общественного бытия.

Эта более непосредственная связь экспрессии со свойствами личности определяет ее решающую роль в процессах СПИЛ.

Итак, эмоционально-эстетические эталоны заключены в экспрессии физического облика, определяя эмоционально-психологическую привлекательность познаваемого человека.

Люди, склонные к эмоционально-эстетическому способу СПИЛ, оценивают человека, прежде всего, с точки зрения его эмоциональной привлекательности, приписывая ему в зависимости от положительного и отрицательного впечатления качества той же валентности. При этом приписываемые качества личности не обязательно связываются с конкретными эталонами экспрессии. В этих случаях эталон порождает только общее отношение к человеку, а психологические качества приписываются произвольно. Например: «Красивые волосы - общительная, любит общественную работу, нетактична, выскочка»; «располагающее лицо – добрый, ко всем доброжелательный, безвольный, нерешительный, безынициативный»;

«не нравится прическа – некрасивая нижняя часть лица – женщина недалекая, обремененная какими-то мелкими заботами, необщительная, трудно сходится с людьми» Здесь объектные свойства отодвигаются на второй план, а первостепенную роль начинают играть произвольные видения познающего.

Эмоциональный путь интерпретации может идти как от восприятия лица в целом, так и от эстетической оценки его отдельных элементов. Первый путь можно назвать эмоционально-интегративным, второй – эмоционально-аналитическим.

Ярким примером эмоционально-интегративного способа СПИЛ может послужить следующая характеристика: «Ужасна. Ни уму, ни сердцу. Спекулянтка, алкоголик и еще хуже». Примером эмоционально-аналитического способа СПИЛ может быть следующее высказывание: «Милая улыбка: тихая, скромная»; «красивые, веселые глаза: веселый жизнерадостный характер».

Чаще при эмоциональном способе СПИЛ встречался эмоционально-интергративный тип СПИЛ, который опирается на эмоционально-эстетическую привлекательность лица в целом. Эмоционально-аналитический тип СПИЛ чаще связан с оценкой губ, глаз, прически, носа и реже с оценкой подбородка, лба, ушей, бровей.

Для эмоционального способа СПИЛ характерно то, что люди опираются здесь в основном на экспрессивные особенности внешнего облика (выражение, взгляд), которые образуются общей мимической «маской» лица, мимической «игрой» глаз и губ. Например: «каменное выражение лица – человек высокомерный»; «умный, сосредоточенный взгляд – прямой, строгий, внимательный, упорный, трудолюбивый человек»; «обиженное, злое выражение лица – самодурство и капризность в характере»; «прямой, открытый взгляд – прямой, хотя и грубоватый характер»; «злая усмешка – жесткий, индивидуалист, лицемер».

Таким образом, в наблюдаемых нами способах эмоционально-эстетической интерпретации личности, были замечены четыре его разновидности: 1) эмоционально-интегративный, 2) эмоционально-аналитический, 3) эмоционально-независимый, 4) эмоционально-последовательный.

Эмоционально-независимым способом СПИЛ мы называем такой, когда на основе общего отношения к внешности или ее отдельным элементам, характеристика личности по ряду качеств содержательно не связана с определением личностных черт. Например: «усталый взгляд – пережила войну, скоро пойдет на пенсию»; «чувственные губы – красивые брови, глаза – любимец женщин».

Если сравнивать описанные способы СПИЛ, то можно заметить, что антропологические эталоны внешности более очевидны и однозначны, чем социальные и эмоционально-эстетические, в то время как стереотипы понимания по адекватности и индивидуализированности отражения психологической сущности личности располагаются в обратном порядке.

Этот вывод подтверждают эксперименты, проведенные Л.С.Куимовой [76]. Суть опытов состояла в том, что врачам-психиатрам предъявлялись

кинофильмы, где в нескольких ситуациях были сняты больные с заранее установленным диагнозом. Врачам не говорилось, что это больные. После просмотра фильмов врачи составляли свободные характеристики на людей из фильмов.

По способу СПИЛ врачи были разделены на две группы. Одни из них свое впечатление строили формально-аналитическим путем, т.е. поэлементного сопоставления признаков внешнего облика и поведения с психологическими состояниями и качествами, определяя эту связь в абстрактных и условных понятиях, касающихся чаще всего антропологических и социальных характеристиках личности. Другая группа, обращаясь к более глубинным психологическим понятиям, шла через целостное отражение экспрессивных сторон поведения человека.

Вторая группа проявила большую адекватность в познании наблюдаемых людей. Эта адекватность выразилась в более верном определении вида, тяжести и давности заболевания. Здесь отмечались частые расстройства психики, связанные с нарушением памяти, мышления, эмоций, внимания, воли и др., т.е. давалась довольно подробная и исчерпывающая характеристика личности больных с большей степенью адекватности, чем это делали врачи, прибегавшие к первому способу СПИЛ.

Таким образом, можно предположить, что развитие способностей к познанию людей лежит на пути формирования целостного, интегративного восприятия признаков внешнего облика как экспрессивных компонентов личностного проявления.

Алгоритмы житейского познания психологии человека.

В результате проведённых исследований проявились алгоритмы психологического познания людьми друг друга по внешнему облику.

Познание начинается с процесса идентификации объекта восприятия с ранее известными объектами. При успешной (адекватной) идентификации происходит его *узнавание* или *опознание*. При узнавании воспринимаемый объект по ряду признаков идентифицируется с некоторым классом объектов. При опознании идентификация происходит с одним единственным объектом по его индивидуальным признакам, то есть присущим только этому объекту.

При восприятии человека человеком узнавание связано с идентификацией его как человека вообще и при дифференцированном узнавании как человека определенного пола. Опознание возможно только в отношении ранее воспринимаемого человека. Но это не означает, что мы не видим множества других элементов внешнего облика человека, которые на стадии *интерпретации* являются *признаками психологических и других качеств* человека.

Интерпретация является процессом замыкания ассоциативных связей элементов внешнего облика как *знаков* с содержанием их *значений*, усвоенных в опыте взаимодействия людей друг с другом. Происхождение этих связей основано на фиксировании зависимостей между внешними формами существования человека и качественными результатами его активности. В

результате элементы внешнего облика и других форм объективации активности человека приобретают функцию знаков психологических качеств субъектов взаимодействия. Они превращаются в *элементы-признаки* психологического содержания человека. Элемент внешних форм проявления многогранен и многосвязен как знак разных значений. Поэтому интерпретация одного и того же элемента-признака может иметь большой разброс смысловых значений. Из-за этого проблема адекватности интерпретации превращается в проблему индивидуально-типологической изоморфности наших представлений друг о друге. Как же они складываются в процессах психологического познания?

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИЗОМОРФИЗМ. Он проявляется в отношении к внешнему облику воспринимаемого человека. Если внешний облик вызывает у субъекта восприятия положительный эмоциональный отклик, то человек интерпретируется как положительная личность и наделяется преимущественно положительными качествами. В моих экспериментах это происходило с вероятностью 0,84. При отрицательном эмоционально-эстетическом отношении человек интерпретируется как личность с заметными недостатками, и наделяется преимущественно отрицательными качествами при вероятности 0,41. Отрицательное отношение видимо попадает под более строгий контроль сознания.

ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ. Он возникает, если воспринимающий обращает внимание на антропологические черты лица как признаки этнической принадлежности. Относя по ним воспринимаемого человека к тому или иному этносу, он приписывает ему характерные национальные черты с акцентом на положительные или отрицательные в зависимости от *доминирующего отношения* к данному народу.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ. Он проистекает из отождествления воспринимаемого человека с профессиональной группой по характерным признакам внешнего облика, улавливаемых в экспрессии и в оформлении внешнего облика. Соотношение положительных и отрицательных качеств зависит от общественного статуса и личного признания профессии.

ВОЗРАСТНОЙ ИЗОМОРФИЗМ. Идентифицируя возрастную принадлежность, воспринимающий человек приписывает качества в зависимости от своих возрастных взаимоотношений.

ГЕНДЕРНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ. Дифференциация по полу воспринимаемых людей приводит к реализации гендерных установок в психологической интерпретации друг друга. Отношение к полу здесь осложнено эмоционально-эстетическим отношением, которые могут взаимно усиливать положительные или отрицательные характеристики конкретного лица.

ИЗОМОРФИЗМ ПО ЗНАКОМСТВУ. В этом случае интерпретация разворачивается на основании отмеченного внешнего сходства воспринимаемого человека с кем-нибудь из *знакомых*. В результате незнакомому человеку приписываются качества знакомого.

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЙ ИЗОМОРФИЗМ. В этом случае интерпретация происходит с опорой на анатомическое телосложение и рост. Например,

«толстый – добродушный», «худой – злой»; «низкий – инфантильный», «высокий – зрелый» и т.п.

Все эти алгоритмы СПИЛ указывают на своеобразие ассоциаций элементов-признаков внешнего облика с психологическими качествами личности. В них заключена целостность внешнего и внутреннего в психической деятельности человека как процесса взаимопознания. Обнаружение этих закономерностей позволяет представить обобщённую модель процесса психологического познания.

1.1.6. Идентификация личности в процессе психологического познания человека

Обобщение результатов эмпирических исследований восприятия человека человеком в целостном конструкте психологического познания человека предполагает рассматривать отдельные факты этого процесса в контексте проблемы *идентификации* воспринимаемого человека как физического объекта и личности. Идентификация, в данном случае, рассматривается как процесс *отождествления* воспринимаемого человека с индивидуально-типическими особенностями его внешнего облика и психологической сущностью личности. Идентификация пронизывает все уровни психологического познания, обеспечивая ему конгруэнтную целостность результата психического отражения.

Идентификация друг друга партнёрами социального взаимодействия предполагает адекватное познание, но не всегда является таковым, что привносит в процесс психологического познания человека ряд артефактов, вызванных парадоксами души и тела, психики и организма, субъекта и объекта, личности и общества, а также другими антиномиями бытия и сознания.

В случае психического отражения людьми друг друга в первую очередь открывается парадокс «внешности и личности», заключающийся в противоречивом единстве физических и психологических характеристик человека. Это единство заключено в *знаковой функции внешнего облика*, заключающего в себе сведения о личности, представленные *смысловыми значениями психологических качеств* человека. Психологическое единство внешности и личности предопределено их функциональной связью как *знака и значения*. Следовательно, идентификация друг друга партнёрами социального взаимодействия происходит по законам семиотики, где на месте *знака* выступают *элементы-признаки* внешности человека, а на месте *значений психологические качества* личности.

Идентификация человека как физического объекта предполагает его *узнавание* – один из результатов перцептивных процессов психического отражения. Узнавание происходит как процесс сличения физических признаков объекта (в данном случае лица человека) с образцами его строения (образа), хранящимися в перцептивном опыте субъекта познания. Поэтому узнавание возможно относительно уже известных человеку объектов внешнего мира. Сенсорное и нейропсихическое обеспечение идентификации на этом уровне психического отражения делают этот процесс практически неосознаваемым. Он

подчинён психофизиологическим и психофизическим законам психического отражения. Эти законы указывают на доминирование физических свойств элементов-признаков лица, в частности, на их контрастность, которая придаёт им большую или меньшую интенсивность как свойства комплексного раздражителя. Каждый из таких элементов выполняет функцию *знака*, в котором воспринимающие друг друга люди усматривают *психологические значения признаков* внешнего облика человека – целостного объекта психического отражения. По части элементов лицо идентифицируется как целое, а по целому происходит дифференцированное узнавание воспринимаемого человека по полу, возрасту и этничности. Это приводит к *категоризации* воспринятого объекта (в данном случае человека). Категоризация придаёт процессу психологического познания всё большую смысловую конкретизацию. Определение пола дифференцируется на мужчин и женщин, возраста – на молодых и пожилых, этничности – на известные реципиентам национальности.

По мере пересечения порогов узнавания идентификация объектов восприятия становится всё более конкретной. От обобщённого узнавания человека реципиенты переходят к дифференцированному различению воспринимаемых лиц по полу. Вместе с тем происходит идентификация по возрастным и этническим признакам анатомического строения лица. Это указывает на анатомическую врождённость половых, возрастных и этнических признаков внешнего облика людей. Эти индивидуальные признаки человека оказываются существенными не только для дифференцированного узнавания, но и при антропологической интерпретации типичных психологических качеств женщин и мужчин, людей определённого возраста и этнической общности.

Признаки индивидуальной идентификации воспринимаемых лиц могут осознаваться, но определяются реципиентами с большим трудом. Это говорит преимущественно о бессознательно усвоенных анатомических эталонах физического облика людей в процессах социального взаимодействия посредством стихийного общения и познания. Знания об этих эталонах рационализируются наукой и возвращаются в массовое обращение через образование и информационные процессы, что приводит к большей осмысленности психологического познания человека.

Если испытуемым задать вопрос о признаках объекта, по которым они производили его узнавание и опознание, то каждый из них назовёт наиболее примечательные из всего множества признаков конкретного объекта реального восприятия. При этом для каждого испытуемого в роли опознавательных признаков оказывались разные элементы-признаки лица конкретного человека. Наиболее константными признаками физической идентификации человека при *опознании* оказались *экспрессивные* характеристики лица (доброе или злое, весёлое или грустное, радостное или печальное выражение). Экспрессия определялась по мимике и эстетической привлекательности. Всё множество таких характеристик указывает на *эмотивные* качества, которые относятся уже не столько к физическим свойствам внешности, сколько к психическим состояниям человека и его психологическим качествам. Идентификация в

процессах опознания лиц по экспрессии, открывшаяся в наших опытах в 60-ые годы прошлого столетия, позволяет считать этот признак внешнего облика человека наиболее информативным признаком его индивидуальности.

Это даёт основание говорить о доминировании в психологическом познании человека как личности эмотивных компонентов его психической организации. Они являются результатом трансформации аффективных процессов психического отражения в *чувства и отношения* партнёров друг к другу. Эмотивные факторы человеческих отношений начинают доминировать в социальной перцепции и общении. Они проявляются в *оценках* внешности и личности воспринимаемых людей. В наших опытах корреляция положительных оценок внешности и личности достигала 0,92. Однако при отрицательном впечатлении от внешности корреляция с оценкой личности заметно снижалась до 0,64. Реципиенты это объясняли тем, что не красивый человек не всегда – «плохой». В этом факте обнаруживается смысловой разрыв внешности и личности, который за счёт осознания различий физической и психологической привлекательности создаёт парадоксы психологического познания на уровне социально-психологической интерпретации партнёрами друг друга.

Это указывает на момент перехода от отражения физических свойств человека к идеальным психическим свойствам и психологическим качествам личности. В результате был уловлен момент, с которого начинается *интерпретация* элементов-признаков физического облика человека как психологических качеств личности. В процессе интерпретации происходит *идентификация человека как партнёра социального взаимодействия*, что переключает её направленность на психологические качества личности и обращает внимание воспринимающих к психологической выразительности (экспрессивности) внешнего облика партнёров.

Экспрессия, как своеобразная мимическая конфигурация лица, открылась в виде объективированного признака идеальной реальности (психологических качеств человека), скрытых от прямого наблюдения. Экспрессия лица и выразительное поведение человека представляют собой внешние формы объективации психологического содержания, трактуемое как внутреннее достояние человека, необходимое ему для успешного социального взаимодействия.

Идентификацию следует рассматривать в этом случае как результирующий феномен психических процессов, протекающих в рамках аффективного и гностического отражения объекта восприятия, психологического познания себя и других, совместной предметно-практической деятельности, социального взаимодействия, духовной деятельности человека и общества.

Такая постановка проблемы предполагает дифференциацию феноменов идентификации человека в процессах психического отражения, психологической и предметно-практической деятельности, общения и духовного бытия.

В процессах психического отражения феномены идентификации проявляются в фактах *узнавания и опознания* партнёрами друг друга. Они являются результатом психофизиологических и психофизических процессов.

Психофизиологический процесс добавляет к процессу психического отражения аффективный окрас, который проявляется в эмоционально-чувственном впечатлении от объекта отражения. Побудителем этого впечатления является физический облик человека, который либо нравится партнёрам, либо нет. В феномене «нравится – не нравится» заключено эмоционально-эстетическое отношение партнёров друг к другу. Это отношение наши испытуемые чаще всего связывали с *выражением лица*, которое становилось для некоторых из них наиболее опознавательным признаком при идентификации воспринимаемого человека. В эмоциональной чувственности и следующего за ней отношения содержится *психологическая субъективность* психического отражения, которая проявляется в *первичном впечатлении* от внешнего облика партнёра и в *осмысленном представлении* о личности.

Феномен первого впечатления воспроизводит эмоционально-эстетическое отношение партнёров друг к другу. Оно основано на идентификации внешнего облика с его эстетическими эталонами, принятыми в общественной культуре и усвоенными партнёрами социального взаимодействия. Эти эталоны получают распространение в массовом сознании посредством их культурологического воспроизводства. Идентификация партнёров по эмоционально-эстетическим эталонам предопределяет первое впечатление друг о друге, которое трансформируется в первичное эмоциональное отношение. В свою очередь это отношение выполняет функцию неосознаваемой установки на интерпретацию психологических качеств личности. В социальном взаимодействии эти явления трансформируются в феномен *физической привлекательности*.

В процессе социально-психологической интерпретации идентификация партнёра постепенно смещается на социально значимые качества личности. В первую очередь реципиенты стремятся определить социально-групповую и ролевую принадлежность партнёра. Об этих социально значимых характеристиках личности реципиенты судят по оформлению внешности, одежде и всё той же экспрессии, заключённой в мимической динамике или маске лица. Средствами идентификации личности становится одежда, косметика, телесные движения и многие другие выразители имиджа личности. Реципиенты не вполне осознанно отыскивают в материализованных формах внешнего облика знаки желательных психологических качеств партнёра. В результате формируется феномен *психологической привлекательности* партнёров.

В сложных и ответственных процессах социального взаимодействия психологическая привлекательность становится наиболее важным аргументом сближения людей, сотрудничества и согласия. Она может изменить первичное эмоциональное отношение к партнёру, возникшее на основе первого впечатления от физического облика. Такого рода парадоксы смещают идентификацию личности с критериев внешнего облика к признакам психологических достоинств личности.

Однако познать необходимые партнёрам достоинства их личностей не так-то просто. Субъективная произвольность в этом процессе достигает когнитивного артефакта, заключённого в формуле: «Ты такой, как я о тебе думаю!». Субъекта

такой позиции уже не волнует адекватность и справедливость своего мнения. Проблема идентификации вдруг смещается к стремлению сохранить собственную идентичность как безошибочного субъекта познания и человеческих отношений. К этому побуждает страх потерять собственное лицо в глазах партнёра и вместе с тем достоинство своей личности.

В результате возникает сложная коллизия социального взаимодействия, приводящая не столько к сотрудничеству и согласию, сколько к непониманию друг друга и конфликтам.

Итак, проблема психологического познания человека человеком состоит в смысловом раскрытии знаковой сущности элементов-признаков внешнего облика партнёров. Этот процесс разворачивается как многосложная идентификация партнёров с затребованными социальными ролями и психологическими качествами субъектов совместной деятельности и общения. Следовательно, смысловая матрица социально-психологической интерпретации партнёрами друг друга находится в сферах их индивидуальных интересов и потребностей друг в друге. Это наталкивает на мысль, что процесс психологического познания нужно начинать с выяснения запроса и ожиданий субъектов социального взаимодействия друг к другу. В результате будет получаться идентификационная модель партнёров социального взаимодействия, на которую можно опереться в координации и коррекции человеческих отношений.

Итак, для всех способов СПИЛ характерна определенная условность, так как субъекты познания не могут объяснить, почему они наделяют воспринимаемого человека теми или иными качествами личности. Этот самый сложный вопрос остается открытым пока и для науки.

В результате наших исследований данной проблемы мы считаем, что ответ на этот вопрос нужно искать не только и не столько по линии отношений «конституциональные свойства организма – психологические качества личности», сколько по линии отношения «причинно-следственные взаимосвязи человека с миром вещей и людей – психологические качества личности». Взаимосвязи человека с миром вещей и людей объективируются в трёх видах коммуникации: 1) предметно-действенной, 2) невербальной, 3) вербальной. Эти виды коммуникации выполняют функции *знаковых систем*, информирующих о содержательных взаимоотношениях человека как субъекта предметно-практической деятельности и общения. Знаковые функции предметных действий человека, экспрессии телесных движений, речи направлены на информирование партнёров о причинно-следственных отношениях субъектов социального взаимодействия с миром вещей и людей. В этой информации заключены сведения о психологических качествах личности, характеризующие эффект реально возникающего отношения человека с конкретными объектами и субъектами взаимодействия. Таким образом, эти знаковые системы заключают в себе психологическую информацию об участниках предметно-практической деятельности в процессах социального взаимодействия. Все разновидности взаимосвязей человека в предметном и социальном

взаимодействии осмысливаются в понятиях о качественных характеристиках личности.

Предметное действие – это одновременно и объективная форма взаимосвязи человека с окружающей действительностью, и субъективная форма выражения его личностной сущности.

Телесное движение человека – это и реакция человека на внешние воздействия и физиологические состояния организма, но в тоже время – это объективированная форма его индивидуального переживания и отклика на эти воздействия и состояния.

Речь – это форма объективации идеального мира человека в звуковых и графических знаковых системах, передающих смысловое содержание причинно-следственных отношений человека с миром вещей и людей.

Эти и другие исследования психологического познания человека как субъекта общения в социальном взаимодействии людей открывают новую страницу психологической науки. На этой странице появляются новые научно-исследовательские факты, расширяющие прежние представления академической психологии о структуре личности, о возрастающей роли аффективных компонентов в процессах психологического познания человека, о методическом несоответствии психофизиологических и психофизических парадигм задачам *психологического познания человека* и другие, побуждающие к разработке целостного конструкта психической организации человека. Они дают основание к разработке особой методологии психологического познания, релевантной рефлексивной природе этого процесса.

Современные исследования «социальной перцепции» вступили на путь использования рефлексивной методологии психологического познания, что подталкивает к осмыслению возможных методологических последствий из опыта изложенных здесь исследований. Методологическая трансформация знаний, открывшихся в исследованиях социальной перцепции, наверняка изменит многие прежние представления о теоретических основах психологической науки, если вообще возможно считать сложившийся парадигмальный плюрализм за такие основы. Поэтому задача методологической трансформации знаний, полученных в этих исследованиях, состоит в том, чтобы сформулировать принципы психологического познания человека на основе *интегрального синтеза психологии человека*.

Раздел 2. Методологические выводы из опыта психологического познания человека.

- 1.2.1. О психологии человека как предмете психологической науки.
- 1.2.2. О гносеологии и онтологии психологического познания человека.
- 1.2.3. О психологической реальности и объективации психологии человека.
- 1.2.4. О парадигмальных основах психологической науки.
- 1.2.5. Об интегральном конструкте структуры личности.
- 1.2.6. Об амбивалентности психологических качеств и отношений человека.
- 1.2.7. О парадоксах души и тела.
- 1.2.8. О месте психологии в системе наук.
- 1.2.9. О знаковой форме существования психологии человека.
- 1.2.10. О научной категоризации понятия «человек».

Раздел 3. Инструментарий интегрального синтеза психологического познания.

- 1.3.1. Процедура групповой оценки личности.
- 1.3.2. Процедура гомеостатического эксперимента.
- 1.3.3. Процедура измерения взаимоотношений в группах.
- 1.3.4. Процедура измерения согласованности мнений в первичных группах.

Раздел 2. Методологические выводы из опыта психологического познания человека.

1.2.1. О психологии человека как предмете психологической науки.

Вывод 1. Он касается расширительного представления о предмете психологической науки и вытекает из данных социально-психологической интерпретации людьми друг друга в практике социального взаимодействия. Оказалось, что субъекты обыденного взаимопознания определяют друг в друге достоинства и недостатки партнёров в понятиях о *психологических качествах* личности. Это важно для совместной деятельности людей, так как позволяет, или нет, надеяться на своего партнёра. В тоже время речь может идти об определении *душевных состояниях и духовных качествах* человека, наряду с характеристиками *психической деятельности*. В этом случае предметом психологического познания является и *психика* как функция мозга, и *душа* как функция самосознания, и *психологические качества* как функция социального взаимодействия. Эти три класса продуктов психической деятельности человека входят в состав *психической организации человека*, которая может рассматриваться в логике интегрального понятия о предмете психологической науки, исчерпывающе определяющего его целостность.

Речь, в данном случае, идёт о целостном конструкте предмета психологического познания, заключённого в понятии «психическая организация человека». Содержание психической организации человека наполнено свойствами души, психики и психологии человека.

Психическая организация человека является предельно общим понятием о предмете психологической науки. Понятия «душа», «психика», «психология человека» определяют содержательные аспекты изучения психической организации человека. Они исторически последовательно появлялись на предметном поле психологической науки по мере смещения акцента в понимании психической деятельности человека как переживания, отражения и выражения. Контент «переживания» предопределил понимание предмета психологического познания как души. Контент «отражения» - как психики. Контент «выражения» - как психологии человека.

Душа в психической деятельности переживает состояния тела и самой себя, отношения человека с миром вещей и людей. Она интересуется субъекта как область чувств и нравственных переживаний. Душа является феноменом самосознания и выполняет функцию внутреннего регулятора поведения и деятельности человека. Она руководит переходами от самосознания к сознанию и наоборот. Душа волнуется, оценивает и вдохновляет. В парадигме души субъект психической деятельности в основном обращён к себе. Это возможно благодаря рефлексивным механизмам мозга, которые позволяют отражать отражаемое и осознать собственную психическую деятельность. Можно сказать, что деятельность души – это деятельность рефлектирующего сознания.

Психика в этой деятельности отражает внутренние и внешние воздействия на человека. Это происходит посредством сенсорной организации, которая

реагирует на эти воздействия нервными импульсами и рефлексамии. Субъект психической деятельности получает в результате сведения о физических свойствах воздействующих объектов. Психика формирует образ этих объектов. Она ориентирует субъекта в объектной реальности предметного мира, раскрывая его полезные и вредные свойства под задачу адаптации и сохранения жизни. Психика познаёт и ориентирует человека в пространстве, времени и свойствах материи. Можно сказать, что *деятельность психики – это познавательно ориентирующая деятельность*.

Психика и душа взаимодействуют внутри психической организации человека. Психика обогащает душу новыми впечатлениями и знаниями. Душа их оценивает, интерпретирует и стимулирует.

Психология человека является качественным выражением психического потенциала субъекта предметно-практической деятельности, социального взаимодействия и других проявлений его активности. Она обнаруживает себя во внешнем облике, предметных действиях, поступках, поведении и в многообразных формах профессиональной и образовательной деятельности, а также в общении. В каждом психологическом качестве человека запечатлён синтез внутреннего психического потенциала с внешними формами его объективации, которую совершает человек, осуществляя одновременно роль субъекта психической и роль субъекта предметно-практической деятельности. Эти роли дифференцируются только в научном анализе психологии человека как явления бытия. Можно сказать, что психология человека – это результат объективации внутреннего во внешнем проявлении, идеальной реальности в виртуальных и материальных формах её существования. Душа и психика участвуют в этом процессе как внутренние механизмы психической деятельности, продуктом которой является психология человека.

Душа, психика и психология человека являются феноменами психической организации человека. Они составляют *предметное содержание* психологического познания человека и, следовательно, психологической науки. Душа, психика, психология человека являются базовыми категориями психологической науки, определяющими специфику её предмета. Это три интегральных понятия, полноценно раскрывающих целостность психической организации человека. Их особость в отношении друг друга определяется детерминирующей связью с компонентами структуры *психической организации человека*. Эта связь постоянно обсуждалась и обсуждается в рамках проблемы определения предмета психологической науки. Сразу же отметим неправомочность претензий на взаимозаменяемость этих трёх категорий при определении предмета психологической науки и употребление их как синонимов. Все три понятия о предмете психологического познания появлялись в силу неполноты их объёма в отношении целостного предмета психологической науки – *психической организации человека*. Это происходило тогда, когда психологическое познание продвигалось к ещё не полностью осмысленным реалиям психической организации человека.

Первое понятие о *специфическом предмете психологического познания* было осмыслено в трактате о *душе* Аристотеля. Это слово широко используется в

мифологических представлениях всех народов для обозначения таинственного внутреннего мира человека. В них душа трактуется как особая нетленная субстанция, оживляющая тело и переселяющаяся после его смерти в других людей и объекты материального мира, а согласно религиозным концепциям в иной мир божественного бытия.

Никифор Зубовской, преподаватель психологии Могилёвской духовной академии, довольно точно использовал категорию «душа» для определения предмета психологической науки ещё в 1848 году. Это происходило накануне проникновения естествознания в нервную деятельность живых организмов, что повлекло замену понятия о душе, понятием о психике для обозначения предмета психологической науки в зарождавшейся тогда академической психологии. Учебник психологии Зубовского оказался, таким образом, последним словом о душе как предмете психологического познания. Он примечателен тем, что ему удалось определить и специфическое содержание понятия души, и претензию на охват этим понятием всех сторон психической организации человека. [58]

В частности он писал: «Внутреннее начало жизни, и деятельности людей мы называем *душою*». «Собрание сведений о *душе человеческой* ... составляет науку, получившую название *Психология*». «*Душа выражает* свое бытие как *сила* в различных видах и *действиях*». «*Душа действует своею волею* на вещественные силы, давая *направление* их действиям или движениям». [58] В этих высказываниях мы видим, с одной стороны, утверждение понятия души как полного термина для обозначения предмета психологической науки и, с другой стороны, определение специфических функций души *выражать и направлять* внешние действия человека изнутри в соответствии со своей волей.

«Сознание наше возвышается над нервной системой», писал Зубовской в своём учебнике. «*Душа неразрушима и бессмертна*». «*Душа не знает старческой дряхлости; с каждым днем она укрепляется и юнее. В возрасте старческом душа достигает надлежащей силы и совершенства*». «*Жажду духовных совершенств не удовлетворил ни один из смертных на земле*». [58] В этих высказываниях звучит мысль о мотиве бессмертия человека, который реализуется в духовном совершенствовании человека благодаря деятельности души. Это больше, чем деятельность нервной системы.

«*Душа непосредственным своим влиянием на тело производит в нем движения, соответственные своим мыслям и желаниям, и наоборот – движения, происходящие в теле, производят соответственные ощущения в душе*». [58] Это весьма плодотворная мысль о паритетной роли души и тела в производстве внутренних ощущений как психических состояний человека, что продуктивно для современных идей психосоматики и психотерапии.

«С переменной нравственного характера переменяется непременно и *физиогномика* лица, и выражение взоров, и все телодвижения. Наружность человека есть верный указатель нравственного состояния души его». [58] Удивительно тонкое наблюдение за соотношением внешнего и внутреннего проявления души.

«Благодаря *самосознанию* сама душа составляет новый предмет для своей деятельности». [58] Указание на душу как феномен самосознания позволяет понять её психологическое происхождение.

Чрезвычайно эвристично для нашего времени звучат его суждения о свободе, которую до сих пор не могут обрести жители планеты. «Свободой мы называем *способность души избирать*». «Выбор и прогрессивное поступление вперед, очевидно, невозможно там, где царствует *необходимость*». «От свободы нашей защищена та сторона души, в которой сохраняется *природа и человеческое достоинство*» [58], то есть следование естественным законам воспроизводства жизни. Нарушение этих законов приводит к артефактам поведения индивидуумов.

«Душа *выражает* себя в трех главных видах деятельности: в *познании* всего существующего; в *ощущении отношения* предметов к ней и в *стремлении* к владению предметами или в удалении от них». [58] Речь, по сути, идёт о когнитивных, аффективных и мотивирующих функциях души.

В этих характеристиках деятельности души настойчиво звучит мысль о её направляющей функции в процессах жизнеобеспечивающего взаимодействия человека с миром вещей, людей и самим собой. Основные функции души определяются как самосознание и регуляция субъектом своих отношений.

Душа - это *идеальная сущность духовного существования* человека, присутствующая во внутреннем плане его сознания, таинственная и труднодоступная для непосредственного познания со стороны, своеобразная «вещь в себе». Она является феноменом *рефлексивного потенциала* высших нервных структур мозга, *интегральным психическим образованием* – продуктом психологической деятельности субъекта.

Деятельность души основана на *переживании и выражении* эмоциональных впечатлений и отношений к себе, другим, миру, жизни. Душевная деятельность превращает индивида в человека как субъекта жизнедеятельности. Человек приобретает свойства и качества целостного «Я» и статус «психологического фактора» в социальном взаимодействии людей.

В откликах человека на воздействия среды и организма душа реализует *субъектную активность* человека, которая стимулируется мотивацией и проявляется в волевых усилиях. Душа объективируется в высказываниях и различных продуктах творческой деятельности, а также в экспрессивном поведении человека. Она обнаруживает себя в виртуальном пространстве общения и человеческих отношений. В этом пространстве человек находит наименьшие ограничения для реализации своего индивидуального потенциала в новых формах объективации. Это позволяет человеку выделить себя из процесса общественной стандартизации, заявив об уникальности своей личности.

Рефлексивная деятельность души формирует представление человека о самом себе, как отделённой от других сущности. Результатом этого являются образы-представления о «Я» со своими потребностями, возможностями и переживаниями сложных отношений субъекта с миром вещей, людей и самим собой. В образах «Я» скрываются психологические проблемы человека,

которые содействуют или препятствуют обретению здорового психологического самочувствия. Это обстоятельство выводит проблему «Я» на передний план психотерапевтической практики. Поэтому З.Фрейд не случайно вводит понятие «Я» в число основных категорий психоанализа и в теоретический конструкт психической организации человека.

Со второй половины 19 века научная психология расстаётся с понятием «душа» из-за её недоступности материалистической методологии физического эксперимента. Интроспекция как научный метод познания души отвергался из-за отсутствия в её процедуре измерительных операций, позволяющих применять точный математический анализ феноменов души-психики. Но главная претензия к интроспекции состояла в том, что возникло недоверие к *высказываниям* человека о его переживаниях, основанных на рефлексии своих состояний. Проверить их объективность методами естествознания было невозможно. Только в психоанализе высказывания принимались за *психологическую реальность*, за что подвергался жесточайшей критике со стороны приверженцев психофизиологической и психофизической парадигм. Возможно, поэтому Фрейд использовал категорию «Я» вместо понятия души. Возможно, эти обстоятельства привели к понятию *психики* как более приемлемому для обозначения предмета психологической науки, к которому обратились естествоиспытатели того времени.

Психика определяется как свойство высокоорганизованной материи, являющейся особой формой *отражения* субъектом объективной реальности. Важнейшая особенность *психического отражения* в его *познавательном эффекте и субъективности* человека. При этом оно выполняет ещё очень важную *функцию ориентации* человека в пространстве и времени реального объектного мира бытия.

В упрощенном виде психика определяется, как функция мозга и нервной системы, и обусловлена (детерминирована) в основном их деятельностью и воздействием внешних факторов на организм. На этом материалистическом методологическом основании появились психофизиологические исследования нервно-психической деятельности. Рефлексы рассматриваются как основные механизмы психической деятельности. Материализованной формой этой деятельности являются *реакции, телесные движения, действия*, то есть разнообразные *отклики субъекта* на внешние и внутренние воздействия. Психическая деятельность в этой парадигме была редуцирована до деятельности нервной системы, свойства которой выдавались за свойства психики.

Специфика психологического предмета стала проступать при обсуждении *функций* нервно-психической деятельности. Через понятие «*функция*» раскрывается предназначение действий и деятельности её производителя (субъекта). Это позволило уточнить статус нервной системы всего лишь как *инструмента психической деятельности*, совершаемой человеком, а не мозгом. В результате определились два ряда функций психической деятельности: *имплицитных* (аффективные, гностические, регуляторные) и *эксплицитных* (коммуникативные, информационные, когнитивные, эмотивные, конативные,

креативные). Если имплицитные функции проистекают из деятельности нервной системы, то имплицитные – из социального взаимодействия и предметно-практической деятельности человека. В процессах общения и труда эксплицитные функции порождают многообразие психологических и социально-психологических феноменов, составляющих общечеловеческое содержание социального взаимодействия людей в их совместной жизнедеятельности. Это содержание интериоризируется в психологических качествах личности и экстериоризируется в различных формах объективации психического потенциала человека.

Эти функции реализуются в *психических процессах*, специфика которых предопределена возможностями *отражательной деятельности органов чувств и мозга, рефлектирующим самосознанием и способностями выражения идеальной реальности в материализованных формах бытия*. Речь в этом случае идёт об *аффективных, гностических, рефлексивных, креативных, коммуникативных, информационных, когнитивных, эмотивных, конативных* процессах.

Эти процессы являются источниками соответствующих *психических свойств*, которые являются первичными элементами структуры *психических образований* – *целостных продуктов психической деятельности*. Речь в этом контексте может идти о *психофизиологических, психофизических, психорефлексивных, деятельностно-психологических, социально-психологических, ментально-психологических образованиях психической организации человека*. Эти образования являют собой *интегральный синтез продуктов* психической деятельности субъекта. Они возникают в процессах *взаимодействия* человека со своим организмом, физическими свойствами материальных объектов, внутренним миром своих переживаний, рукотворным миром предметной среды, с другими людьми, с культурной атрибутикой виртуального пространства.

В этом взаимодействии психическая деятельность протекает в шести стратегических направлениях (векторах), порождая соответствующие психические свойства и психические образования в структуре психической организации человека.

1. В направлении взаимодействия человека со своим организмом в пределах телесной организации психическая деятельность порождает класс *психофизиологических свойств и образований* психической организации. В их числе *аффективные, мотивационные, темпераментные, регуляторные* психические образования. См. таблицу А. На этом векторе происходит психофизиологическое отражение внутренних состояний тела и души. В ходе психологической деятельности субъекта они трансформируются в эмоции, чувства, потребности, влечения и другие психические образования. Доля субъективной детерминации в них ещё не велика. Приоритет в обусловленности этой трансформации принадлежит организму. Хотя в мотивационных и особенно в регуляторных психических образованиях происходит усиление влияния субъекта на психическую деятельность этого уровня. Это проявляется как вторичная детерминация психической

деятельности внешне ориентированной деятельностью человека. Непроизвольные (бессознательные) отклики на состояния тела и души, попадая под контроль сознания, содержательно преобразуются в целесообразные действия субъекта, способность к которым определяется психологическими качествами личности.

Таблица А.

Психофизиологические образования		
<i>Общие</i>	<i>Особенные</i>	<i>Единичные</i>
Аффективные	Эмоции Чувства	Радость, горе, печаль, веселость, гнев, стыд, страх и т.п.
Мотивационные	Потребности, влечения, склонности, желания, интересы, намерения, мечты, ценностные ориентации	Увлеченность, любознательность, мечтательность, сексуальность, одержимость, безразличие, безрассудство, осторожность и т.п.
Темпераментные	Энергетизм, динамизм, реактивность, нейротизм, тревожность	Возбудимость, инертность, заторможенность, вялость, активность, выносливость, утомляемость, беспокойность, уравновешенность и т.п.
Регуляторные	Воля Внимание	Организованность, сосредоточенность, настойчивость, сдержанность, дисциплинированность и т.п.

2. По вектору взаимодействия человека с физическими объектами внешнего мира психическая деятельность воспроизводит *психофизические свойства и соответствующие психические образования* как компоненты структуры психической организации человека. См. таблицу Б. Этот вектор психофизического взаимодействия обеспечивается деятельностью сенсорной организации, включающей органы чувств и соответствующие структуры мозга. Благодаря этому происходит аналитический синтез внешних воздействий на человека в образах ощущений, восприятия, памяти, представлений, мышления и воображения. В качестве психологического отклика возникают психические образы объектов внешнего мира – идеальные продукты психической деятельности человека. В результате субъект получает сведения о мире своего бытия, которые трансформируются в знания о вещах, людях и себе самом. Психическая деятельность превращается в психологическую деятельность познания. Гностические функции трансформируются в когнитивные, и человек приобретает свойства субъекта познания, основанного на мыслительной деятельности. В результате происходит усиление *субъективизации* психической деятельности.

Таблица Б.

Психофизические образования		
<i>Общие</i>	<i>Особенные</i>	<i>Единичные</i>
Сенсорно-перцептивные	Ощущение Восприятие	Сензитивность, интенсивность, модальность, предметность, целостность, структурность и т.п.
Мнемические	Память Представления	Забывчивость, памятьливость, фрагментарность, емкость и т.п.
Интеллектуальные	Мышление Воображение	Опосредованность, обобщенность, абстрактность, логичность, аналитичность, понятливость,

		проблемность, сущность, фантастичность, эвристичность, интуитивность, прогностичность и т.п.
--	--	--

3. По вектору взаимодействия человека с феноменами своей психической деятельности возникают *рефлексивные свойства и соответствующие психические образования* в структуре психической организации. См. таблицу В. Это вектор *психологического* взаимодействия человека со своими образами, состояниями, чувствами и другими феноменами предметно-психологической деятельности. Результаты рефлексивного взаимодействия человека порождают идеальные психические образования, составляющие духовные компоненты психической организации человека. Эти компоненты предопределяют главное содержание *субъектности* человека, а также *субъективности* психического отражения и психологической деятельности. Сознание и самосознание человека всё заметнее вмешиваются в регуляцию его поведения и деятельности, проявляя соответствующие качества его личности, оставляющие след в человеческих отношениях. Идея, порождённая сознанием, начинает руководить поведением и деятельностью человека. Идея светит во мраке заблуждений и меркнет в солнечном свете истины. Слеплённые идеей добра и справедливости не замечают сотворённого ими зла. В этом заключён психологический парадокс сознания, проистекающий из нравственного самосознания субъекта. Этот парадокс интериоризируется в психологических качествах личности амбивалентных по своей природе (совестливость – бессовестность, робость – смелость, эгоизм – альтруизм и т.п.). На этом векторе психической деятельности возникает душа как результат переживаний человеком своих отношений с миром людей и вещей. Душа становится источником мучительных переживаний человека, порождающих *совесть* – внутреннего контролёра его поступков, поведения и деятельности. В её недрах зарождаются понятия о нравственных отношениях социального бытия. Суд совести – самый строгий суд выносит безапелляционный приговор. Вина становится очевидным фактом собственного поведения (корысти, воровства и других нарушений норм общественной жизни).

Таблица В.

Психорефлексивные образования		
Общие	Особенные	Единичные
Рефлексивные	Сознание, самосознание, дух, душа, бог, совесть, вера, надежда, любовь, идея	Совестливость, робость, духовность, душевность, религиозность, самоотверженность, убежденность, терпимость, эгоизм, зло и т.п.

4. На векторе преобразовательного взаимодействия с предметным миром психические свойства, возникшие на трёх первых векторах взаимодействия, трансформируются в *предметно-действенные свойства и психические образования* человека. См. таблицу Г. Их можно определить как деятельностно-психологические образования. В деятельности психические свойства трансформируются в *способности* человека к предметному преобразованию

мира вещей. Деятельность *субъективизирует* человека до роли *творца*, превращая его в исполнителя *предметно-психологической* деятельности. Роль творца активизирует реализацию *психологического потенциала личности*, представленного её психологическими качествами, которые обнаруживаются в реально наблюдаемых предметных действиях и продуктах деятельности. Личностная обусловленность становится фактором, определяющим качество совершаемой деятельности.

Таблица Г.

Деятельностно-психологические психические образования		
Общие	Особенные	Единичные
Психомоторные	Телесные движения Предметные действия	Жесты, мимика, пантомимика, интонации, тембр, громкость, координированность, пластичность, ловкость и т.п.
Креативные	Способности, мастерство, талант, гениальность, стиль	Инициативность, оригинальность, находчивость, парадоксальность, индивидуальность и т.п.

5. На векторе социального взаимодействия людей друг с другом первичные психофизиологические, психофизические и рефлексивные свойства трансформируются в *социально-психологические образования* психической организации человека. См. таблицу Д. Они являются результатом *общения*, в процессе которого индивидуальная психологическая детерминация деятельности превращается в *субъект-субъектную* детерминацию совместной жизнедеятельности людей. Это означает, что все социально-психологические качества личности являются результатом совместных усилий партнёров по групповой деятельности, то есть *групповыми эффектами*. Вне общения эти качества, как бы, не существуют, а только предполагаются как коммуникативный потенциал человека. Эти качества определяют не только психологические особенности личности, но и возможные *отношения* людей друг с другом. Их практическая ценность особенно велика в совместной жизни и деятельности людей. Эти качества составляют психологическое содержание общественной атмосферы и социально-психологического климата в первичных группах и контактных сообществах людей. Они представляют непреходящую ценность общественного бытия.

Таблица Д.

Социально-психологические психические образования		
Общие	Особенные	Единичные
Коммуникативно-речевые	Язык, речь, средства общения	Грамотность, стилистика, понятливость, общительность, разговорчивость, косноязычие, молчаливость и т.п.
Нравственные	Общественные отношения Межличностные отношения	Справедливость, доброта, ответственность, симпатия, самостоятельность, сочувствие, дружба, сотрудничество, взаимопомощь и т.п.

6. На векторе взаимодействия с виртуальной реальностью, представленной атрибутикой культуры, в структуре психической организации человека возникают *ментальные свойства* и *соответствующие психические*

образования. См. таблицу Е. Сами по себе эти свойства составляют знаково-символический багаж *бессознательного «Я»* по Фрейду [166, 167] и *коллективного бессознательного* по Юнгу [176]. Однако содержание бессознательного предопределено укоренившимися *значениями*, которые меняются под влиянием не только интериоризированной культуры, но и обучения, образования, искусства, средств массовой информации и пропаганды. Накопительные процессы духовной культуры объективируются в искусстве, языке, обычаях, традициях, праздниках, ритуалах и других формах социального взаимодействия людей. Они интериоризируются в стратифицированных объединениях людей, предопределяя их субкультурные различия в типологии характеров, являющихся ментально-психологическими образованиями личности.

Таблица Е.

Ментально-психологические образования		
Общие	Особенные	Единичные
Индивидуальное бессознательное: Имплицитная картина мира Я-концепция	Эмоциональное заражение Внушаемость Подражание Идентификация	Архетипы: Мифологические Религиозные Художественные
Коллективное бессознательное: Социальные представления Общественное мнение Общественная идеология бытия	Аффилиация Обычаи Традиции Ритуалы	Социальная идентичность: Групповая Ролевая Статусная

В этих таблицах представлены основные понятия, которыми пользуется современная психологическая наука для описания своего предмета, раскрывающего содержание *психологии человека* – качественного атрибута субъекта общения, труда, познания и других видов предметно-практической деятельности людей. Эта качественность проиллюстрирована в таблицах третьей колонкой. Список этих качеств не закрыт. Он имеет тенденцию к расширению и уточнению по мере вхождения человека в новые функциональные отношения на шести векторах его взаимодействия (с организмом, природными объектами внешнего мира, со своим внутренним миром, с предметной средой, с другими людьми и миром неосознаваемых влияний). Во второй колонке содержатся понятия о психических образованиях, определяющих механизмы и инструментарий психической деятельности человека. В первой колонке названы интегральные психические образования, составляющие основные компоненты структуры психической организации человека.

Исследования психики средствами психофизического эксперимента привели к открытию самого уникального феномена психического отражения – *субъективности* психологического отклика при отражении физических свойств объектов внешнего мира. *Субъективность* проявилась, во-первых, в том, что разные испытуемые при одних и тех же условиях предъявления им объектов видели их по-разному. Более того, человек при повторном восприятии одного и того же объекта в константных условиях может дать совершенно разные ответы, характеризующие этот объект. Эти факты невозможно

объяснить в русле методологии физического эксперимента, и поэтому они отбрасывались как ошибки.

Однако именно в этих «ошибках» заключена тайна субъективности как психологического феномена. В. Вундт объяснял «субъективность» апперцепцией, опытом прошлого восприятия, который различен у каждого человека, а также особой психологией народов. Феномен субъективности стал основанием для сомнений в возможностях экспериментальной процедуры в психологических исследованиях вообще.

Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. В *физическом* эксперименте изучаются взаимосвязи между *физическими* свойствами одного или двух объектов, а в *психофизическом* – между *физическими* свойствами объекта взаимодействия и *психическими* свойствами субъекта. Эти разнокачественные свойства и объекты взаимодействия в психофизических и психофизиологических экспериментах не могут находиться в прямых зависимостях, которые для физического эксперимента очевидны. *Поэтому методология физического эксперимента в процедурном контексте плохо согласуется с природой психологических явлений, где индивидуальному ресурсу психики субъекта принадлежит решающая роль в ответе на стимул.* В психологическом исследовании, включая и экспериментальную процедуру, на результат влияет не только стимул (в данном случае объект восприятия), не только ситуация взаимодействия с объектом (внешние условия среды), но главным образом те *значения*, которые ассоциативно вызывает данный объект в данной ситуации у субъекта (человека-испытуемого). Таким образом, формула «стимул-реакция» в психологическом исследовании трансформируется в формулу «знак-значение». К этой формуле вплотную подошли два современных направления психологической науки – *психосемантика* и *психосемиотика*. Именно эта формула напрямую обращает психологические исследования к *психологии человека*, в которой заключено главное предметное содержание прикладной и практической психологии.

Основное назначение этой аналитической модели состоит в содержательной конкретизации системы теоретических понятий, в которых описывается психическая организация человека. По логике этой композиции возникает эмпирическая определенность психических явлений, рассматриваемых научно-теоретической гносеологией. Конкретизированные абстракции становятся доступными для эмпирических исследований по логике психологической науки. Особенно важно, что данная модель позволяет содержательно интерпретировать научные конструкторы психической организации человека и находить эмпирические референты соответствующие предмету конкретных исследований. Эта модель – подсказка для дифференциации предметных границ в эмпирических исследованиях и последующей интерпретации полученных фактов, которые касаются психологии человека.

«Психология человека» по отношению к его «психической организации» является качественной формой проявления психических свойств этой самой «психической организации». Если «психические свойства» являются элементами внутренней структуры «психической организации» человека, то

«психологические качества» являются интегральными компонентами внешних форм проявления «психологии человека». В них в словесной форме фиксируется наблюдаемое и осмысленное действие, поведение и деятельность человека. Слово-понятие о проявленном психологическом качестве раскрывает *функциональную связь* субъекта с объектом, а также содержит *оценку и отношение* исполнителя деятельности к тому, что он делает и к объекту взаимодействия. Поэтому психологические качества человека можно рассматривать как имплицитные оценочные шкалы его личности. В них замыкается связь внешнего и внутреннего в осмысленных понятиях о психологии человека.

Перечень этих качеств ограничен открытыми и осмысленными функциями человека как субъекта *взаимодействия* с миром вещей, людей и самим собой. Он всё время расширяется по мере вхождения человека в новые функциональные отношения с миром своего реального бытия, что обогащает психологический потенциал субъекта взаимодействия как личности и индивидуальности.

Специфический набор этих качеств характеризует индивидуально-типологическое содержание психологии конкретных людей, которое обнаруживается в реально проявленных функциональных отношениях субъекта взаимодействия. Например, в психологических портретах политических лидеров 90-х годов при характеристике коммуникативного потенциала чаще назывались «болтливость» с отрицательной оценкой и «открытость» с положительной оценкой. При характеристике волевых качеств назывались «упрямство и нерешительность» с отрицательной оценкой, «настойчивость и решительность» с положительной оценкой.

Нужно отметить, что в свободных характеристиках человека человеком появляются обобщённые определения индивидуально-типовых особенностей личности, указывающие на модальные психологические качества субъекта совместной жизнедеятельности людей. Например, «карьерист», «диктатор», «размазня», «реформатор», «профессионал», «реалист» и другие. Следует обратить внимание на *метафорическую* форму таких определений.

«Психология человека» как предмет психологического познания обнаруживает себя в *общении* людей. Человек человеку открывается в своих непосредственных действиях, поступках и деятельности, подлежащих естественной психологической оценке, выраженной в понятиях о психологических качествах личности.

«Психология человека» как феномен представлен совокупностью психологических качеств, репрезентирующих потенциал психической организации в объективированных формах общения, познания, учения, игры, труда и отдыха. Эти формы субъектной активности человека воспринимаются и осмысливаются как *качества* действий, поступков, поведения и деятельности людей в их совместной жизнедеятельности. Важнейшим фактом определения этих качеств является *наполнение их смыслом психологического содержания*, которое относится, прежде всего, к *исполнителям деятельности*. Оценка

деятельности переформатируется в понятия о психологических качествах субъекта этой деятельности.

Деятельность как функция субъекта является отправлением и экстерииоризацией его сущностных сил, заключённых в психическом потенциале человека. Деятельность человека приобретает *преобразовательный* характер, а человек через свою деятельность становится *творцом* предметного мира своих потребностей и себя самого со всеми вытекающими последствиями. Осмысление этой роли происходит в понятии «*субъектность*». Это понятие подводит к парадигме *субъектной* детерминированности психической деятельности человека. Эта детерминированность может происходить по велению разума, чувств и воли, которые включаются в психический процесс на стадиях *переживания, выражения и творчества*. Через них психический процесс превращается в «психологическую деятельность», которая наполняется *отношением* к объектам взаимодействия и *пониманием* их сущности, а также *оценкой* возможностей решить проблемы человека как субъекта конкретной ситуации взаимодействия.

Субъектность как атрибут психологии человека проистекает из возможностей человека к *произвольным* действиям, поступкам, поведению и деятельности. С одной стороны, это за счёт свободы выбора обеспечивает эффективность адаптации к меняющимся условиям жизни, но, с другой стороны, превращается в *произвол*, угрожающий естественным законам жизнеобеспечения и воспроизводства вида. Это обстоятельство налагает на человека особую *ответственность* при концентрации личной власти, которая усиливает влияние фактора субъектности на судьбы многих людей и жизнь сообществ. Влиятельная функция субъектности породила такие понятия как «психологический фактор», «психологические барьеры», «психологическая установка», «психологические стереотипы», лингвистическими аналогами которых являются слова-понятия «привычка» и «консерватизм» как психологические качества субъекта.

Субъектность варьирует в пределах индивидуальной типологии личности. Для её обозначения используется понятие о *психологическом складе личности*, под которым понимается своеобразная констелляция психологических качеств человека как субъекта общения, познания, труда и других видов деятельности. Наиболее психологичные систематизации психологического склада личности сводятся к описательным алгоритмам форм проявления какого-либо психологического качества человека. Самым глубоким описанием характеров можно считать одноимённое эссе Феофраста, которому удалось раскрыть около тридцати модальных качеств личности его современников – жителей древней Греции по единому алгоритму психологической интерпретации их поступков, поведения и деятельности. В центре внимания этих очень интересных интерпретаций оказались человеческие отношения, в которых собственно и объективируется психологическое содержание субъектности. Приведём один пример таких характеристик: «*Пустословие – это пристрастие к докучливо длинным и необдуманым речам*. Вот какой человек пустослов. Усаживаясь рядом с незнакомцем, он принимается расхваливать собственную жену. Потом

рассказывает, какой сон приснился ему прошлой ночью, затем подробно перечисляет блюда, которые ел за обедом. Дальше – больше. Он заводит речь о том, что люди ныне пошли гораздо хуже прежних, а пшеница на рынке дешева, и как много понаехало иностранцев ...» и так далее, и тому подобное. [Феофраст. Характеры. Изд-во «Наука», Л., 1974, с.8].

Итак, психическая организация человека представляет собой целостное единство души, психики и психологии человека. Именно эти три предметные области познания психологической науки определяют её специфическое содержание. Оно последовательно раскрывалось в исследованиях психической деятельности на каждом из векторов взаимодействия человека с миром своего бытия. Эти вектора предопределили дифференциацию парадигмальных подходов психологической науки к своему предмету – *психической организации человека*, которая до сих пор изучается не целостно, а по частям согласно этой дифференциации. Возникла проблема *интегрального синтеза* парадигмальных основ через осмысление их на основе целостного конструкта психической организации человека.

1.2.2. О гносеологии и онтологии психологического познания человека.

Вывод 2. Психологическое познание обращено к внутреннему миру человека через формы его проявления. Внутренний мир велик и разнообразен. Основной интерес психологического познания направлен на определение психологических качеств личности, которые проявляются во внешне выраженных формах процесса социального взаимодействия людей. Поэтому в познании возникает проблема взаимосвязи и соотношения внутреннего и внешнего, субъективированного и объективированного психологического содержания, которое заключает в себе человек и проявляет в общении с другими людьми. В психологическом познании человека происходит интегральный синтез *психического отражения, отображения и выражения психологической сущности партнёров социального взаимодействия*. Это приводит субъектов психологического познания человека к целостным формам интеграции *психической и психологической* деятельности в процессах общения. Анализ психологического познания человека в понятиях *психической деятельности* раскрывает его структуру с позиций общей теории восприятия, а – в понятиях *психологической деятельности* акцент в анализе этого процесса смещается к феноменологическим формам объективации его результатов. Продуктом психологического познания человека является *социально-психологическая интерпретация личности* – итог интегрального синтеза восприятия и понимания субъектов социального взаимодействия по внешним признакам их физического облика, предметных действий, поступков, поведения, деятельности и её продуктов.

Гносеология психической деятельности рассматривает её как *процесс отражения* внешних и внутренних воздействия на нервно-психическую организацию, включающую органы чувств и мозг.

В меру этого положения социальная перцепция как процесс *психологического познания человека* изначально в своей гносеологической модели определяла его

в системе общепсихологических понятий, в числе которых опорными были «восприятие» и «понимание» человека человеком. При этом, формулировка «психологическое познание человека» для обозначения этого процесса не использовалась как научное определение его специфики. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к работам А.А.Бодалёва, где «восприятие человека человеком» и «понимание людей друг другом» исследуются раздельно, даже без намёка на их единство. Восприятие человека человеком в его работах обращено к отражению *физических свойств* внешнего облика. Пониманию же отводится роль психологического механизма «приписывания» [23, 24] воспринимаемому человеку характерологических особенностей личности. Вопрос о психологическом механизме приписывания остаётся открытым. Попытки объяснить его по логике и методологии когнитивной психологии не увенчались успехом, так как она остаётся в плену «субъект - объектной парадигмы психического отражения» и не учитывает партнёрских позиций взаимности и совместности в социальной перцепции. Для этих позиций проблема адекватности понимания психических образов нивелируется проблемой адекватности ожиданий желательных качеств партнёров для успешного социального взаимодействия.

Несколько большими перспективами в прояснении этой проблемы обладает социальная психология, которая располагает данными о процессах восприятия и понимания человека человеком, интегрированных *общением* в явления *социально-психологической интерпретации – продукт социального взаимодействия*. Именно в общении людей происходит качественная трансформация потенциала психической деятельности в социально-психологическое взаимодействие. Результат такой трансформации достигается за счёт необходимости *осознать* свои *впечатления* о партнёрах и *выразить* их для других. Стимулом такой интеграции является потребность в достижении *совместности и согласия* в социальном взаимодействии, которое преобразует прирождённый потенциал телесно-психической организации человека в инструмент психологической деятельности, более наполненной смыслами партнёрства, чем психическая деятельность.

Процессами психологического познания человека человеком наполнена жизнь каждого человека. Другой человек вместе с нами представляет высшие ценности социального взаимодействия, которые нам необходимо понимать, чтобы не совершать лишних ошибок, приводящих к разочарованиям и конфликтам. Для этого было бы неплохо знать закономерности взаимного познания людей. По опыту жизни мы знаем, как важно разбираться в тайных мотивах своего партнера по социальному взаимодействию.

Жизнь человека – это процесс преобразовательной активности человека не только в отношении природы и предметного мира, но и по отношению к другим людям и самому себе в различных формах социального взаимодействия, к которым относят общение, познание, труд, обучение, игры, развлечения, отдых и многие, производные от них виды деятельности.

Психологическим содержанием наполняются *человеческие отношения*, которые великий «душевед» Ф.М.Достоевский считал неизменной сущностью

жизни каждого человека и всех вместе [51]. Изменяются условия жизни, а человек остается с теми же страстями, чувствами, переживаниями, отношениями, мотивами к возвышению, к власти, к наслаждению, наконец, к бессмертию и многим другим побудителям социальной активности. Человеческие отношения - область вечных и непреходящих ценностей жизни людей. Любить и быть любимым превосходят все достижения человека в его деятельности, бытие и общении.

Познание человека человеком наиболее тесно связано с общением людей. Психологическое познание человеком других людей и самого себя органически вплетено в процессы общения как внутренний механизм регуляции взаимодействия человека с другими людьми и самим собой. На основе психологического знания о партнерах социального взаимодействия и о себе человек принимает многие решения о тактике и стратегии своего поведения в контексте сотрудничества или конфронтации.

Психологические знания являются ценнейшей информацией для понимания людьми друг друга. Из житейского опыта мы хорошо знаем, что без взаимопонимания партнеров по совместной жизни и деятельности очень трудно рассчитывать на успех и в общих делах, и в личных достижениях. Отсутствие взаимопонимания разрушает человеческие отношения, психологическую близость партнеров и солидарность в общностях, группах и любых социальных организациях.

Нас огорчает, когда мы узнаём, что нас не так поняли. А, это означает, что нас совсем не понимают, и, следовательно, нам нечего рассчитывать на поддержку со стороны таких людей; что наше дело будет неотвратимо провалено, и нам угрожает разрыв отношений.

Психологическое познание человека в общественной практике социального взаимодействия не заканчивается само по себе. Его результаты начинают влиять на человеческие отношения либо в сторону их улучшения (любви, симпатии, доброжелательности и т.п.), либо в направлении ненависти и вражды. В свою очередь, сложившиеся взаимоотношения становятся психологическим стимулом или препятствием в достижениях личности, группы, общества. Не случайно многие мыслители прошлого и мудрые люди по жизни считают человеческие отношения в положительном их выражении самой большой ценностью человеческой жизни. Например, английский философ Д.Локк писал о том, что никто не может жить в обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения о своих близких и тех, с кем он общается – это бремя слишком тяжело для человеческого терпения. Сократу приписывают мысль о том, что смысл жизни человека в познании самого себя. А, такое познание невозможно без общения и психологического познания других людей, находящихся рядом с нами.

Следовательно, научно-практический смысл психологического познания человека состоит в необходимости правильно выстраивать свои *взаимоотношения в социальном взаимодействии* людей, находить согласие друг с другом в совместной деятельности на основе понимания возможностей каждого партнера и их индивидуальных интересов.

Психологическое познание человека - это явление обыденной жизни, включённое в контекст социального взаимодействия людей. Оно исследуется научной психологией в терминах социальной перцепции. Процесс такого исследования также является «психологическим познанием». Получается, что «психологическое познание» осуществляется в отношении «психологического познания человека». В данном случае «психологическое познание» является научно-познавательной деятельностью, а «психологическое познание человека» её объектом. В то же время «психологическое познание» вообще и «психологическое познание человека» в частности содержат в себе черты «познавательной деятельности», которая всегда являлась основным объектом научно-психологических исследований.

Возникает необходимость дифференциации «психологического познания человека» и «познавательной деятельности вообще» как объектов «психологического познания» и отличных друг от друга познавательных процессов. В то же время «познавательная деятельность вообще», «психологическое познание» и «психологическое познание человека» выступают то в качестве *обыденного процесса познания*, то в качестве *научно-исследовательской деятельности*. И в том, и другом случае они взаимосвязанные явления. Различия между ними состоит в том, что «познавательная деятельность» является *отражением* всевозможных свойств любых объектов, «психологическое познание» ограничено отражением психических свойств биологических объектов, а «психологическое познание человека» направлено на отражение его психических свойств как *психологических качеств личности*.

Психическое отражение является общим местом для всех разновидностей познавательной деятельности. [141]. Это указывает на то, что познавательная деятельность является *психическим процессом*. Основными инструментами этого процесса являются органы чувств, мозг и порожденная ими *психика*. Но это только природные средства познавательной деятельности, имеющиеся в наличие у каждого человека. Наука на помощь себе создает специальные орудия познавательной деятельности для усиления эффективности этой деятельности. Инструменты и орудия познавательной деятельности, методы и методики в силу своей материальной наглядности маскируют истинное содержание познания как *психического процесса*, который всегда заключён в оболочку материальных действий. Поэтому он ускользает от прямого контакта с ним как с осознаваемым явлением. Возникает иллюзия его эфемерности из-за *идеальности* психического отражения. Но именно в этом заключена сущность познавательной деятельности. В чем же различия *психического отражения* в этих трех видах познавательной деятельности?

До сих пор психологическая наука не обременяла себя этими методологическими проблемами и использовала все три понятия без должной их дифференциации. Однако появление «психологии человека» в качестве объекта научно-психологического познания делает эти проблемы актуальными для психологической науки в целом, а не только для исследования процессов

познания людьми друг друга. Одна из задач этого параграфа – определить специфику психологического познания человека.

Сначала несколько слов о *познании вообще* как особом *психическом* процессе, который является одной из составляющих практического взаимодействия человека с миром вещей, людей и самим собой.

Познание возникает из прирожденной гностической функции *психического отражения*, направленного на *изучение свойств объектов*, с которыми человек взаимодействует в целях своего жизнеобеспечения. В процессе познания, прежде всего, происходит *отражение* физических воздействий объекта на человека. Специфика этого отражения состоит в том, что физические воздействия посредством *психической деятельности* с помощью органов чувств и мозга преобразуются в сведения (знания) о свойствах и качествах объектов взаимодействия. Это преобразование происходит во внутреннем плане психической деятельности по неизвестным и чаще всего неосознаваемым закономерностям. На поверхности этого процесса остаются только *внешне выраженные действия*, которые мы производим в *предметно-практическом взаимодействии*, и некоторые *объективированные результаты* этого взаимодействия.

По внешним действиям наука реконструирует внутреннее содержание познавательного процесса, доставляющего нам знания о наблюдаемых и «невидимых» свойствах и качествах объектов взаимодействия. Результатом такой реконструкции на уровне психической деятельности являются *образы-представления объектов взаимодействия*. В них заключены наши первичные сведения о мире вещей, людей и самих себе. Осознание *образов как систематизированных представлений* о мире вещей, людей и самих себе выводит процесс *психического отражения* на уровень *психологической деятельности*, что предполагает проникновение за оболочку внешних отношений с объектом в структуру его внутренних свойств и отношений.

Психическое отражение – это всего лишь один из компонентов *психологической деятельности* человека как субъекта познания. Психологическая деятельность предполагает *подключение сознания* человека через *осмысление* своего *взаимодействия* с объектом отражения и его свойств, а также *функциональных связей* с этим объектом. Результатом этого процесса становится *понимание причинно-следственных зависимостей* объектов взаимодействия друг от друга. Именно такое понимание позволяет человеку предвидеть последствия своих действий, поступков, поведения и деятельности. Свое понимание человек *выражает* в *высказываниях (текстах) и изображениях (рисунках)*. В них запечатлеваются его знания об объектах взаимодействия в *информационных формах виртуального пространства*. В знаниях, как осознаваемом результате познания, оседает весь опыт познавательной деятельности человека. В этом опыте заключены следы как осознаваемого, так и неосознаваемого перцептивного процесса. Это обнаруживалось в *ассоциациях* на предъявляемый в опытах объект (лицо или предмет) с какими-то ранее знакомыми. Такие ассоциации обнаруживались при неясном видении объекта. Испытуемые в этом случае пытались по некоторым

не очень понятным признакам объекта угадать, к какому классу объектов материального мира он принадлежит. В этом проявлялась *апперцепция* психического отражения уже как *отображения* и обусловленность его всем опытом взаимодействия с объектами внешнего мира. Более длинный ряд ассоциируемых объектов свидетельствует о более богатом перцептивном опыте человека. Однако в научном эксперименте не всем испытуемым удается обозначить свои ассоциации в понятийной форме. Следует заметить, что между *отражением* и *выражением* всегда существуют некоторые явления, относящиеся к *отображению* – переходному звену от психического процесса к психологическому процессу. Если результатами отражения являются *сенсорные коды* свойств объектов взаимодействия в виде нервных импульсов, то результатами отображения – *ассоциации* и *впечатления* от воздействий этих свойств на органы чувств и *образы-представления* самих объектов. Это уже не «чистый» психический образ объекта, а с включением в него содержания не осознаваемой апперцепции. На долю *выражения* приходятся *вторичные представления* и *суждения* об объектах познания, воспроизведённые в знаковой форме (рисунках и текстах). Для них характерна систематизация и обобщение. В этих формах сохраняются *релевантные отношения по сути* объектов познания при возможных изменениях некоторых внешних признаков объекта познания. Эта *суть* заключена в *функциональных взаимосвязях* человека с объектами взаимодействия. Именно эти *функциональные отношения* воспроизводятся и в содержании *психического образа* как итогового результата *отражения*, и в *образах-представлениях* и *впечатлениях* как результатах *апперцептивного отображения*, и в *рисунках* и *текстах* как результатах *выражения*. Именно функциональные отношения являются константной характеристикой всех психических образований в структуре психического процесса. В социально-психологической интерпретации человека человеком при социальном взаимодействии эти компоненты процесса психологического познания человека обеспечивают *психологическую идентификацию* партнёров как субъектов совместной жизни и деятельности.

Социальное взаимодействие и общение вынуждают изучать процесс психологического познания человека в конуре «субъект – субъектной парадигмы». В этом процессе познание человека трансформирует однонаправленное психическое отражение во *взаимопознание*. Это означает, что на уровне социально-психологической интерпретации личности партнёры соотносят свои образы-представления с социальными ожиданиями друг о друге. Они раскрываются в определениях функциональных отношений, характеризующих ролевые позиции субъектов социального взаимодействия как объектов психологического познания человека человеком.

Человек от рождения находится в положении познающего субъекта в силу биологического устройства своего организма как чувственного инструмента взаимодействия с объектами внешнего мира и самим собой. К этим инструментам относятся органы чувств, которые доставляют человеку информацию (сведения) о себе, объектах взаимодействия и самом процессе этого взаимодействия. Поэтому познание – это прирожденный процесс

жизнедеятельности человека. Познавательная деятельность обеспечивает человеку ориентацию в свойствах предметного мира, ориентацию в пространстве и времени, позволяет предвидеть перспективы своих отношений с миром вещей, людей и самим собой. Познание органически вплетено в жизненные процессы человека и человечества. Все начинается с познания, им и заканчивается.

В связи с важностью познания других людей и самих себя для адекватной самореализации и достижения успеха *психологическое познание* всегда попадает на передний план человеческой жизни. Не случайно, что объекты внешнего мира интересуют человека в первую очередь как предметы собственных потребностей. Именно под этим углом зрения он и обращается к ним в своей познавательной деятельности. В процессе этой деятельности человек приобретает знания об объектах, в которых он жизненно заинтересован. Поэтому потребность в знаниях об объектах опосредствована потребительской ценностью этого объекта, заключенной в его свойствах и качествах. Потребительская ценность партнёров задаёт вектор содержательного наполнения социально-психологической интерпретации.

Человек в ряду других объектов окружающего мира представляет собой высшие ценности совместной жизнедеятельности людей. В общении с людьми мы определяемся в своих житейских потребностях, жизненных планах, возможностях самореализации. Созависимость людей стимулирует наше *психологическое познание* друг друга. В общественной практике социального взаимодействия мы постоянно находимся в роли познающего своих партнеров по жизни и совместной деятельности. Эта роль «практического психолога», занимающегося психологическим познанием человека, придана нам необходимыми и неотвратимыми условиями жизни. Мы органически соединены с этой ролью настолько, что не осознаем её специфику в отличие от других социальных ролей. Из-за этого психология партнера, которая является предметом психологического познания, «растворяется» в его социально значимых признаках, и, тем самым, нивелируется в наших житейских представлениях друг о друге.

Психологическое познание человека вплетено во все аспекты человеческой жизни в виде «скрытого» от самосознания процесса, так как он завуалирован материальными формами совместной деятельности, на которых сосредоточено наше внимание, предопределяющее сознательное восприятие друг друга как «средств» достижения своих и общих целей жизни. В результате возникает впечатление отсутствия или незначительности *психологии человека* как естественного атрибута личности. На самом же деле «психология человека» вплетена в ткань общественной жизнедеятельности людей как «человеческий фактор», предопределяющий успехи и достижения в совместной деятельности людей. Только действие этого фактора не для всех очевидно, особенно для «технократов». Они техническими и технологическими усовершенствованиями стремятся уменьшить влияние «человеческого фактора» в промышленном производстве и вместе с тем в гуманитарных сферах жизни общества. Но эти усилия тщетны, так как человек, в конечном счёте, предопределяет всё, что

создано им для себя и других. Возникает парадоксальная ситуация, когда «технократ» отказывает людям, следовательно, и себе, в признании «психологии человека» как обязательного атрибута Homo sapiens (существа разумного). Такая позиция угрожает человечеству виртуальным самоубийством и превращением людей в тупых исполнителей технократических функций, по кальке которых выстраиваются манипулятивные технологии социального взаимодействия и стандартизация жизни через образование и потребление. Это облегчает *контроль* в управлении, но блокирует развитие человека и духовной сущности бытия. Отказ от «психологии человека» как жизненно необходимого предмета социального взаимодействия и психологического познания приводит к девальвации человеческой жизни как главной ценности общественного бытия. Человек превращается в легко заменяемый элемент, встроенный в технологию даже материально очень хорошей жизни. В результате человечество входит в новую эпоху рабства – технологического. Признаки его уже заметно проявляются в компьютерной зависимости, образовательных стандартах, в понятиях о «человеческом капитале», стандартах потребления и других рамках, ограничивающих развитие сущностных сил человека. Идея «прокрустова ложа» живёт и побеждает.

Завуалированность «психологии человека» во внутреннем содержании нашей психической организации создает трудности в психологическом познании этой скрытой от прямого наблюдения сущности. Но в обыденном сознании нам кажется, что мы «насквозь видим друг друга», так как напрямую судим о психологических достоинствах и недостатках по внешним проявлениям. Это указывает на то, что «психология человека» как внутреннее *объективируется* для нас в житейском познании друг друга в формах, доступных для наблюдения. Следовательно, *психологическое познание человека* представляет собой *процесс восприятия и интерпретации объективированных форм проявления психологического содержания личности*. К таким формам относятся внешний облик, телесные движения, предметные действия, поступки, поведение, деятельность и ее продукты.

Ценность человека как партнера жизненно необходимого взаимодействия определяется его *психологическими качествами*. Они рассматриваются, как возможности удовлетворить наши житейские потребности в другом человеке. Поэтому процесс познания другого человека является «психологическим познанием» и отличным от познания других объектов материального мира. Особенность психологического познания человека состоит в том, что в результате взаимного восприятия внешности (физической данности) человека субъекты познания *судят* о свойствах, которые не даны нам в ощущениях как материальные качества, но предполагаются в наличие как идеальная сущность человека. Такая опосредованность возможна за счет психологической рефлексии как идеального процесса, протекающего во внутреннем плане человеческого сознания. В этом случае нет прямого соприкосновения с психологической реальностью другого человека. Она скрыта за оболочкой внешнего облика, в котором мы находим *признаки* психологических качеств партнера.

Внешность в этом процессе является носителем *признаков психологического содержания личности*. Внешность, являясь физическим (материальным) объектом, в психологическом познании человека человеком является формой проявления внутренних (идеальных) свойств личности.

Предметом психологического познания являются *психологические качества* психической организации человека, которые он проявляет в социальном взаимодействии людей через внешность, поступки, поведение и деятельность. В свою очередь, внешность и другие формы проявления и выражения психологических качеств являются *объектами* психологического познания человека человеком. Внешнему облику, включающему экспрессию и телесные движения, анатомическое строение, расовые и этнические признаки, косметику, одежду и другие способы оформления, уделяется много внимания в процессах житейского познания и социального взаимодействия. Элементы и компоненты внешнего облика постоянно подвергаются психологической интерпретации как признаки типовых и индивидуальных свойств личности.

В процессе интерпретации происходит осознание *значений*, отраженных признаков материальных форм проявления человека, как *качеств субъектов*, определяющих их *возможности в сотрудничестве* в роли *партнера* совместной жизнедеятельности. Происходит своеобразное преобразование *значений* материального признака в психологическое качество. Например, анатомическая данность – «высокий лоб» превращается в психологическую данность – «умный человек». Это указывает на проблему соотношения внешности и личности в психологическом познании человека.

Исследования социально-психологической интерпретации личности по внешнему облику постоянно указывают на взаимосвязи психологического и физического в человеке как внутреннего и внешнего. Эта взаимосвязь не является неукоснительно детерминирующей друг друга, так как она функционирует в логике психосемантических отношений *знака и значений*.

Итак, специфика «психологического познания человека» заключается в направленности познавательного процесса на *психологические качества человека*, определяющие *сущность его личности, выступающей в роли субъекта социального взаимодействия*. В этом познании внешние проявления человека в поведении, деятельности и физическом облике *интерпретируются* как *психологические качества личности*, которые являются *главным предметным содержанием* психологического взаимопознания людей. *Объектами* такого познания являются многочисленные *формы объективации* психического потенциала человека во внешнем облике, предметных действиях, в продуктах деятельности, в поступках и поведении. *Процесс* психологического познания приобретает черты социально-психологической интерпретации партнёрами друг друга. *Результатами* этого процесса являются *образы-представления* о *социально значимых ролях* субъектов социального взаимодействия.

Если *социально-психологическая интерпретация* воспроизводит *онтологию образов-представлений* людей друг о друге в высказываниях и других формах *выражения*, то *восприятие и понимание* – его *гносеологическую формулу*,

закрывающую в себе *отражение физического облика* человека и *ассоциативного отображения психологической сущности* человека в феноменах *чувственного впечатления и суждений*. Эта онтология и гносеология психологического познания человека достигает своего интегрального синтеза в *психосемантических связях* знаковой функции внешности с психологическими значениями человека как партнёра социального взаимодействия. Условная закономерность этих связей возникает в совместной жизнедеятельности людей благодаря возможностям общения, в процессе которого происходит актуализация этих связей.

Изучение *онтологических форм* психологического познания человека вплотную подводит научную мысль к более ясному пониманию *психологической реальности*, наполняющей жизнь человека и общества.

1.2.3. О психологической реальности и объективации психологии человека.

Вывод 3. Объективация результатов познавательной деятельности вначале происходит только для познающего субъекта в виде *психических образов* отражаемых объектов и *впечатлений* от них. Психические образы и впечатления – это данности для субъекта познания, которые трансформируются в процессах *социального взаимодействия и общения* (информационной коммуникации) в *знания*, заключающих в себе духовные ценности общественного бытия. Психические образы и знания составляют две взаимосвязанные реальности. Одна из них *идеальная*, другая *виртуальная*. Эти реальности через предметно-практическую деятельность воплощаются в *материально выраженный продукт*, предназначенный для удовлетворения всё расширяющегося спектра человеческих потребностей. В результате формируется предметный мир человеческих потребностей. Это мир *материализованных* возможностей телесно-психического потенциала человека как *творца, делателя и создателя*. Следовательно, психическую деятельность необходимо рассматривать ещё и как механизм *объективации* идеальных представлений и идей в предметно-практической деятельности и социальном взаимодействии людей. Под объективацией в данном контексте разумеется перевоплощение впечатлений, психических образов, представлений и идей в материализованные формы существования. Это важнейший момент человеческой жизнедеятельности. От недостатка идей особенно никто не страдает, но от неспособности их воплощения в реалиях бытия страдают все. Если сказать коротко и упрощённо, то объективация – это переход внутреннего содержания психической деятельности во внешние формы практики.

Идеальная реальность заключена во внутреннем плане психической деятельности человека и представлена *психическими образами и впечатлениями* субъекта, его *психическими состояниями и переживаниями*. *Психические образы и впечатления* возникают из *психофизического взаимодействия* человека с объектами материального мира посредством органов чувств и мозга. *Психические состояния* возникают из *психофизиологических изменений в организме* человека под воздействием на него физических свойств объектов отражения и среды. *Переживания* – это

следствие *рефлексии (интегрального синтеза)* человеком своей психической деятельности и ее результатов посредством коры головного мозга. В реальности психофизические, психофизиологические и психорефлективные процессы являют собой целостное единство психической деятельности, но в научном анализе их следует различать по функциям и формам проявления. Именно эти процессы наполняют «психический резервуар» внутреннего мира человека конкретным содержанием, почерпнутым из взаимодействия с реалиями внешнего мира.

Виртуальная реальность возникает из потребности людей обмениваться психическими образами и переживаемыми состояниями. Это происходит в процессах *общения* посредством *информационной коммуникации*. В образах, впечатлениях и состояниях содержатся сведения об отражаемых объектах и вызванных ими переживаниях и отношениях. Они перерабатываются в сообщения о свойствах отражаемого объекта и в чувства субъекта психического отражения. В сообщениях происходит *отображение* зафиксированных человеком свойств объекта *отражения*, и в то же время *выражение* своего впечатления и представления об объекте. Психические образы, впечатления и представления об объектах взаимодействия являются идеальными психологическими формами существования знаний. Знания, обличенные в устные и письменные тексты сообщений, являются уже *виртуальной реальностью* – переходной формой между идеальным и материальным миром человеческого бытия. Знания – это всегда о том, что существует в мире вещей, людей, в самом человеке, но еще не сами эти вещи, люди или сам человек. Знания сами по себе ирреальны в отношении объектов отражения. Это – лишь сведения о них. Знания создают информационное пространство, которое становится самостоятельной предметной областью специализированных профессий (ученых, учителей, журналистов и других работников информационной коммуникации).

Материальная реальность, которая является объектом познавательной деятельности и жизненно необходимого взаимодействия, изменяется в процессе *преобразовательной деятельности человека* под влиянием его представлений об этой реальности. Всемогущ ли человек в этой преобразовательной деятельности? Или есть обстоятельства непреодолимой силы? Где они: в самом человеке или внешних условиях? Возможно ли ограничение познания внутреннего мира без обращения к внешнему миру? В каких отношениях находятся психические образы, знания и объекты познания?

Психическая организация человека воплощается в формах идеальной, виртуальной и материальной реальности. *Идеальная реальность* представлена впечатлениями, переживаниями, психическими образами, представлениями, неосознаваемыми отношениями субъекта. Они составляют внутреннее психологическое содержание психического отражения. *Виртуальная реальность* возникает из знаково-символических форм выражения идеального содержания психической деятельности человека в социальном взаимодействии посредством общения. В них фиксируются значения и смыслы, пережитые и понятые людьми друг для друга. В результате виртуальная реальность образует

информационное пространство в виде *знаний*, накопленных человеком и обществом в исторической ретроспективе. *Материальная реальность* в смысле – *рукотворная предметная среда* жизнедеятельности человечества является формой *объективации* его творческого преобразовательного потенциала, создающего *предметный мир своих потребностей*. В процессах перевоплощения идеальной реальности в виртуальную через тексты и визуализацию, а затем в предметный мир через материальную деятельность происходит воссоединение внутренних и внешних форм существования психики, души и психологии человека. В результате внутреннее либо достигает единства с внешними формами бытия, либо противоречит ему, расщепляя это единство в сознании индивидуумов на взаимоисключающие сущности.

Проблема объективации психических явлений как внутреннего мира человека, заключённого в его переживаниях и психических образах, является ключевой в научно-психологическом познании человека. Дело в том, что психика – это *идеальная сущность* внутреннего мира человека. В этом смысле она дана только ему как некоторая «вещь в себе» и только для себя. Она скрыта от прямого внешнего наблюдения, и доступ к ней невозможен, если человек не *выразил* своих переживаний и представлений в каких-либо *материализованных формах*. Эти формы заключают в себе психологическое содержание внутреннего мира человека. В них внутреннее находит своё выражение и существует как данность для других людей.

Поэтому познание психического явления со стороны возможно только *косвенно* через интерпретацию форм внешней активности человека как субъекта реальной деятельности по овеществлению своих идеальных представлений, психических состояний и переживаний. Это обстоятельство в психологическом познании на передний план продвигает проблему *проявления идеальных форм психической деятельности в материализованных формах объективации*.

Ещё в 1864 году И.М.Сеченов в книге «Рефлексы головного мозга» [156] рассматривал *непроизвольные и произвольные движения* человека как формы существования психики. Однако главное внимание было уделено *рефлексу* как основному *механизму нервно-психической* деятельности мозга и нервной системы животных. В результате телесные движения были редуцированы до *физиологических реакций в нервных тканях в виде процессов возбуждения или торможения*. Произошло абстрагирование от человека как обладателя психики и *субъекта психической деятельности*, на месте которого изучалась *нервно-физиологическая деятельность мозга*. Психическая деятельность сводилась к нервно-физиологическим процессам. Исследование *психики* как особого явления подменялось изучением материального *механизма* её деятельности.

Психика рассматривалась как *функция мозга* вне факторного участия в ней человека – *субъекта этой деятельности*. Абсолютизация принципов физического эксперимента в академической психологии привело к абстрагированию от человека как *активного участника психической деятельности, способного повлиять на её результаты*. Произошло переключение научного анализа с форм объективного существования

психических явлений в телесных движениях на рефлекторный механизм нервной деятельности. В дальнейшем это вылилось в психофизический параллелизм в экспериментальной психологии, который сводит (редуцирует) сложные акты психической деятельности человека к физиологическим процессам, происходящим в нервной ткани мозга. В свою очередь это привело к убеждению об односторонней детерминации психической деятельности человека со стороны физиологии высшей нервной деятельности. Роль человека в этом процессе была сведена до положения реагирующего устройства (органов чувств и мозга). Его *субъектная роль*, основанная на *волевой регуляции* психической деятельности, не принималась в расчёт, хотя Сеченов указывал на эту функцию психологической регуляции произвольных движений. Психическое как нечто связующее человека с объектами, стимулы с реакциями было потеряно.

Рефлекторный механизм нервно-психической деятельности сулил проникновением во внутренний мир человека без его непосредственного вмешательства, от которого «объективная психология» считала необходимым избавляться как от субъективной помехи, нарушающей сам принцип объективности. Поэтому все субъективные отклики испытуемых исключались из анализа психического отражения приверженцами психофизиологической и психофизической парадигм. Эта тенденция закреплялась в методологии научного познания применением математической статистики, где средние величины трактуются как показатели истины. В них психологическая сущность конкретных людей как индивидуальностей нивелировалась окончательно. В научном результате оставалась только вероятная тенденция психической деятельности как механизма лишённого практического приложения к конкретному человеку.

В.М.Бехтерев в своих трудах по «рефлексологии и объективной психологии» [21] считал рефлекс основным объективным проявлением психической деятельности, хотя он понимал и прямо указывал на другие всевозможные формы объективации психического потенциала человека в его деятельности вплоть до искусства. Но в этих других формах объективации психического всё заметнее становилась роль субъекта. Он нарушал принцип объективного физического эксперимента – обязательную повторяемость результатов, своей произвольностью в психической деятельности. В рефлексе же, как механизме психической деятельности, всех прельщала возможность обойти *влияние субъекта* на проявления его психики. Все приверженцы такого подхода в научном познании психологии человека хотели проникать во внутренний мир человека без его *субъективного участия*, то есть изучать *субъективное* без вмешательства *субъекта*, что, собственно, предполагала «объективная психология» того времени. Вмешательство субъекта в его же психическую деятельность рассматривалось как фактор, нарушающий объективность психологического познания.

В этой парадигме *результат психической деятельности субъекта* рассматривается только как функция мозга через рефлекторный механизм без того вклада, который делает человек в объективированные продукты этой

деятельности. Парадокс этой парадигмы состоит в том, что психика как *феномен субъективности* изучалась без *индивидуальной субъективности*. Изучались процессы возбуждения и торможения, их динамика в ответ на раздражители и внешние стимулы, ассоциативные структуры, образованные аксоно-синаптическими связями нейронов в различных отделах мозга. Различия в свойствах и параметрах стимулов сопоставлялись с различиями в динамике этих процессов. Так возникал психофизический параллелизм, отдалявший психологическое познание *психологии человека* от неё самой.

Полученные различия относились на счёт психики, которая на самом деле объективировалась в *действиях субъектов* и множестве других предметно выраженных формах. Но именно этому не уделялось должного внимания. Сопоставлялись стимулы с рефлексом как нервной деятельностью мозга, но не с продуктивными результатами психического процесса, отображёнными в психических образах и других психических образованиях. Основное внимание уделялось физиологическому механизму психической деятельности, а не ей самой.

Весьма перспективная попытка воссоединить физиологический механизм с психическим процессом была предпринята Л.М.Веккером во второй половине 20-ого столетия. [32]. Он обратился к проблеме возникновения психического образа как результата *информационного* процесса. Психический процесс был представлен как преобразование (трансформация) энергетических воздействий свойств объекта (стимула) в информацию в знаковой форме этого объекта в виде «психического изображения». Процесс такой трансформации (собственно психический процесс) протекает как кодирование (анализ) свойств объекта в релевантные физиологические импульсы посредством органов чувств. Эти импульсы достигают различных отделов головного мозга, где происходит декодирование (синтез) воспринятых воздействий в *знания* об объекте и его свойствах. В результате в психическом компоненте процесса отражения сначала возникает «психическое изображение», которое представляет собой «код» объекта отражения. Оно возникает посредством афферентных структур анализатора (органов чувств) в контактной зоне с объектом отражения. Оно не похоже на сам объект по своей физической конфигурации. Это – некий «сигнал» об объекте, я бы добавил – *знак* объекта, а не сам объект в его натуральной форме, содержательные характеристики которого открываются в сознании субъекта через процессы сличения, узнавания, опознания (идентификации). Примером этого процесса может служить слуховое восприятие – мы слышим звук («сигнал» - знак), по которому происходит идентификация объекта. Узнавание объекта включает механизм ассоциаций с ним, в числе которых не только другие объекты, запечатлённые памятью, но и переживания субъекта, его потребности и другие психические образования целостной психической организации человека. Все они определяют *значения и смысл* (значимость) данного объекта для конкретного человека. В результате «психический образ» конкретного объекта у конкретного человека весьма «субъективирован». Возникает всё та же «вещь в себе» - *идеальная реальность*, доступность которой обусловлена её *выраженностью* в формах

внешней активности субъекта, существующей как реальный *отклик* на объект взаимодействия. Эта часть психического процесса, **выражение субъективности в отклике**, перетекающего в *предметно-психологическую деятельность человека* не была исследована из-за сосредоточенности на механизме, а не *продуктивном результате* психического процесса, в котором, собственно, и заключено психологическое содержание психического отражения.

В связи с этим в современной парадигме объективной психологии необходимо определиться не только с рефлексом как механизмом психической деятельности, но и с её объективированными формами выражения психического. Важно прояснить не только механизмы объективации психических явлений, но и раскрыть их *содержание*, которое *субъективно* по своей сущности и *объективно* по формам существования. В формах существования происходит *целостная* репрезентация внутреннего содержания субъекта как внешнего. Если это так, то содержание внешнего (материализованных форм существования психического) *едино* с содержанием внутренних (идеальных форм психики), *едино* не значит одинаково. Неодинаковость единства материальных форм и идеального содержания психических образов не предполагает логики психофизического параллелизма в экспериментальном исследовании, ни логики дуализма в научной интерпретации психологического факта.

Именно в *содержании* феноменов взаимодействия человека с объектами внешнего мира, с другими людьми и с самим собой воспроизводятся свойства и человека, и объектов его взаимодействия. В содержании этих феноменов представлен *синтез* свойств, взаимодействующих сущностей. Синтез предполагает трансформацию (преобразование) исходных свойств носителей в новые качественные образования. Это означает, что содержание результатов этого взаимодействия, представленное в различных формах объективации, будет заключать в себе особые *психологические качества* человека как субъекта конкретных процессов *психического отражения, познавательной деятельности, рефлексии, предметно-практической деятельности, социального взаимодействия и духовного общения с другими людьми.*

В этих процессах происходит овеществление психического в трёх классах форм его существования: *идеальных, виртуальных, предметных.*

Идеальные формы существования психического представлены *психическими состояниями, психическими образами, переживаниями, отношениями, оценками, волевой мобилизацией* человека. Их синтез представляет многообразие *психических образований* психической организации человека.

Виртуальные формы существования психического представлены знаково-символическими средствами информационного пространства, в котором выражены представления людей о мире своего существования. Эти представления систематизируются в виде знаний, формирующих имплицитные, научные, религиозные и мифологические картины мира и месте человека в нём. В этих формах происходит объективация индивидуальных и коллективных представлений, в которых заключено содержание наших ощущений,

восприятия и осмысление свойств мира нашего бытия, понимание его сущности и перспектив нашего развития и жизни. Эта объективация представлена в виде многочисленных текстов и языков народов.

Предметные формы существования психического представлены вещами, произведёнными людьми за всю историю своей созидательной деятельности. Этот новый рукотворный мир предметного бытия является объективацией сущностных сил человека как субъекта творческого преобразования природы и общества.

Все эти формы являются результатом (продуктами) психических процессов. Поэтому их нужно рассматривать и изучать в соответствующих контекстах взаимодействия человека с миром вещей, людей и самим собой. Каждый из процессов актуального взаимодействия будет порождать особые формы объективации психического в зависимости от усиливающейся роли человека как субъекта, включающего потенциал своей психической организации в полной или ограниченной мере.

Итак, проблема объективации психического предполагает ответ на вопрос о репрезентации идеальной реальности (внутреннего мира человека) во внешних формах её существования (объектах внешнего мира). Проблема соотношения внутреннего (психического) и внешнего (объективированного проявления психологии человека) объясняется чаще всего в логике философского дуализма, а в экспериментальной психологии исследуется на принципах психофизического параллелизма.

*Все исторические попытки экспериментальной психологии установить каузальные (причинно-следственные связи) между психическими и физическими свойствами человека посредством корреляционного исчисления вероятностных совпадений не внушают доверия из-за **разного качества** сопоставляемых свойств (психических и физических). Это приводит к абсурдности интерпретации эмпирических фактов в случаях корреляции одних и тех же физических свойств нервной системы с разными психологическими качествами человека и формами их проявления. Например, с сильным типом нервной системы может быть и добрый, и злой человек; и умный, и глупый. Качественные различия психических свойств человека и физических свойств организма предопределяются их функционированием по различным законам жизнедеятельности организма и психики. Поэтому они не могут находиться в причинно-следственных отношениях. Их сопричастность может обнаруживаться только как необходимые условия сосуществования без каузальной зависимости функционирования.*

Решение этой проблемы нужно искать в логике философского монизма и в целостных формах проявления психических свойств как психологической реальности в эмпирических исследованиях через анализ объективированных форм их существования. Целостные проявления психических свойств осмысливаются в понятиях «психологические качества человека». Например, добрый, умный, волевой и т.д. Эти качества открываются наблюдателям в объективированных формах поведения и деятельности субъекта. Именно эти

формы становятся объектами эмпирического изучения психологии человека (предмета психологического познания).

Решение этой проблемы предполагает дифференциацию и одновременно интеграцию предмета, объектов и субъектов психической деятельности человека в контекстах его взаимодействия с миром природы, вещей, людей и самим собой. Это имеет первостепенное отношение к определению и классификации проблемных полей эмпирических исследований психологии человека, а также к моделированию научно-исследовательских процедур, где воспроизводится психологическая реальность в релевантных формах её существования.

Психология человека как качество субъекта взаимодействия с миром вещей, людей и самим собой обнаруживается в ряде усложняющихся процессов этого взаимодействия, что приводит к качественной трансформации психической деятельности. Исторический опыт научно-психологического познания позволяет дифференцировать шесть уравней трансформации психического процесса, на каждом из которых доминируют разные качественные проявления целостной психической организации человека и соответствующие формы объективации.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ.

На первом уровне психический процесс протекает как *процесс психического отражения*. В этом процессе и человек, и объекты отражения рассматриваются в логике «объект – объектных» отношений. Основные психологические качества, порождаемые этим процессом, относятся к психофизиологическим образованиям (аффективным, мотивационным, темпераментным). Функция физического отражения трансформируется в функцию эмоционального отношения – первичный признак субъективности, обнаруживаемый и в мире животных.

Само слово отражение предполагает минимальную активность взаимодействующих субстанций, на месте которой в психическом отражении находится человек и мир в объектной презентации. Мир в этом процессе представлен природой, обществом, предметами производства и потребления, самим человеком, который представлен своей телесно-психической организацией. Именно эта организация является «отражающим устройством» в процессах взаимодействия человека с объектами внешнего мира и самим собой. По жизни процесс психического отражения складывается стихийно и произвольно с обеих сторон, если абстрагироваться от субъектных ролей человека. На практике это происходит тогда, когда человек низведён до положения незащитного раба в силу социальной депривации его личности.

В этом процессе субъектная активность человека сведена к роли произвольно функционирующего существа, которое располагает нервной системой и мозгом, обеспечивающим его отражательную функцию. Возможности человека в этом процессе детерминированы потенциалом его психической организации как отражающей системы. Этот потенциал является «психологическим зеркалом» психического отражения. Он минимизируется в

своём проявлении до уровня животных реакций на воздействия среды, ограничивающие его свободу.

Содержание этого процесса характеризуется *откликами человека на внешние и внутренние воздействия* со стороны объектов взаимодействия. В процессе психического отражения эти отклики *непроизвольны*. В их числе изучаются *непроизвольные реакции и телесные движения, автоматизированные действия, привычки, паттерны и стереотипы поведения, стиль деятельности*. Это сложившиеся и не вполне осознаваемые отклики индивидуумов. В них целостно представлен *субъективный потенциал* психической организации человека, наработанный развитием вида в филогенезе.

Первичными компонентами непроизвольных откликов в процессе психического отражения являются *аффективные реакции* на объекты взаимодействия. Они проявляются в положительных или отрицательных эмоциях, вызванных объектом взаимодействия. Эти эмоции выполняют функцию первичного регулирования отношения к объекту взаимодействия. Положительные эмоции побуждают к сближению с объектом взаимодействия и овладению им. Отрицательные эмоции трансформируются в избегание объекта вплоть до его уничтожения.

Для аффективного отражения характерна *амбивалентность* (двойственность полярных чувств), которая, например, выражена в пословице «и хочется, и колется». Эти чувства трансформируются в отношения «приятия-неприятия» и проявляются одновременно в расположении и отталкивании, симпатии и антипатии, любви и ненависти.

В числе непроизвольных форм проявления аффективного содержания на передний план субъективного отклика выходит *выражение лица и многие пластические рисунки телесных движений* (мимика и пантомимика). Поэтому *внешний облик* человека выходит на передний план психологического познания в процессах непроизвольного отражения. Его *экспрессия* является самым информационным объективатором психологии человека, особенно при общении в процессах социального взаимодействия.

В процессе психического отражения как непроизвольного отклика на внешние и другие воздействия преобладают чувства и опыт коллективного бессознательного, который реализуется на индивидуальном уровне реагирования субъекта. В этом опыте чувств представлены видовые способы адаптации, которые могут оказаться не эффективными к реалиям современного бытия. В этом случае открывается потенциал психического процесса как психическая деятельность субъекта, что приводит к усилению роли субъекта в процессах социального взаимодействия.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На втором уровне психический процесс превращается в *познавательную деятельность*, в реализации которой человек функционирует в качестве субъекта. Это контекст «субъект – объектных» отношений. Основные психологические качества, порождаемые этим процессом, относятся к

психофизическим образованиям (сенсорным и перцептивным, мнемическим, интеллектуальным). Функция отражения трансформируется в функцию познания. Человек в этом процессе активизируется в качестве *субъекта познания*. По мере всё большей включённости *субъекта* во взаимодействие с миром вещей, людей и самим собой психический процесс превращается в *психическую деятельность*. Её особенность состоит в усилении регулирующего влияния человека на процесс «субъект – объектного» взаимодействия.

Это открылось при изучении *адекватности восприятия*. Было замечено, что в условиях, затруднённых для восприятия объекта, разные испытуемые в своих *ошибках называют объекты*, чем-то схожие с предъявляемым объектом.

Индивидуальные вариации этих ошибок обязаны *прошлomu опыту (апперцепции) субъекта предметного взаимодействия*. Этот опыт весьма индивидуален, и именно этим представляет особый интерес в психологии познания конкретного человека. В апперцепции происходит актуализация индивидуального бессознательно хранящегося опыта, приобретённого человеком в чувственных контактах с миром вещей и людей.

Апперцепция является ярко выраженным компонентом субъективности психической деятельности человека. Апперцепция обнаруживается по ассоциациям, плохо различаемого объекта, с известными человеку объектами по опыту прошлого восприятия предметного мира. Например, если на сотые доли секунды предъявлять изображение большой шишки южной сосны, то при неправильном узнавании она ассоциировалась с ёлочкой, ёршиком, пирамидой и другими объектами, извлечёнными испытуемым из своего опыта предметно-практического взаимодействия. В этом случае испытуемые непроизвольно обнаруживают влияние своей *апперцепции*, в которой заключена их *субъективная реальность*. *Объективаторами* такой субъективности являются «ассоциативные ошибки», заключённые в *вербальных ответах* испытуемых. Но именно анализом этих ошибок в психофизических экспериментах пренебрегали до недавнего времени.

В связи с этим напрашивается идея объективного проникновения в индивидуальный опыт испытуемых через изучение их ассоциаций с рядом экспериментально предъявляемых объектов, специально подобранных под задачу конкретного исследования индивидуальной апперцепции. Например, исследования потребительских интересов или потребностей личности.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В РЕФЛЕКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На третьем уровне психический процесс трансформируется в *психологическую деятельность* за счёт подключения *рефлексивного механизма*, обеспечивающего *самопознание* человека. Это – контекст интроспективного «субъект – субъектного» отношения, где человек одновременно предстаёт для себя в роли и познающего, и познаваемого субъекта. Основные психологические качества, порождаемые этим процессом, относятся к психорефлексивным образованиям (самосознанию и сознанию). Функции

отражения и познания трансформируются в функцию имплицитного мировоззрения и психологического анализа своей личности и других людей.

Такого рода объективация предполагает *вербализацию* человеком своих переживаний, представлений и внутренних интенций в языковой форме *символизации смыслов* взаимодействия с объектами. Эта *психологическая деятельность* субъекта основана на рефлексивном потенциале психической организации человека.

Результаты психического отражения становятся предметом психологической деятельности на основе рефлексии, которая происходит в формах *символической коммуникации*, представленной *языками, изобразительным искусством* и *рукотворным предметным миром*.

Потребность в вербализации проистекает из необходимости социального взаимодействия людей. Вербализация предполагает языковую форму символизации смыслов взаимодействия с объектами, открывшихся индивидуальному сознанию субъекта. В *психологической деятельности* субъекта происходит рефлексивный анализ своих переживаний и представлений. Она является источником не только осмысления своих отношений с миром вещей и людей, но и источником самосознания. На этом этапе трансформации психический процесс достигает своего высшего уровня и превращается в *психологическую деятельность*. Предметом этой деятельности являются собственные представления человека о себе и объектах внешнего мира. Эти представления являются результатом внутреннего диалога субъекта с самим собой, совершаемого по законам функционирования внутренней речи. Результаты этой деятельности продуцируются в осмысленных отношениях человека с миром вещей, людей и самим собой. Они объективируются в *текстах суждений* и рисунках, раскрывающих имплицитную картину мира субъекта, психологическое содержание которой заключено в индивидуальных представлениях человека и общественных знаниях, усвоенных индивидуумом в социальном взаимодействии людей. Всеобщим результатом психологической деятельности людей является виртуальная реальность, которая образует информационное пространство человеческого бытия.

В этом пространстве в *знаково-символических* формах объективируются субъективные представления людей о мире своего бытия. Благодаря научно-техническому прогрессу созданы эффективные средства информационной коммуникации, которые позволяют каждому человеку выразить своё мировосприятие для других. Более того виртуальность этого пространства делают знания, заключённые в нём нетленными в отличие от материальных объектов предметного мира. Это даёт шанс субъекту психологической деятельности на духовное бессмертие, что невероятно важно для понимания перспектив человека на путях реализации своего индивидуального потенциала.

Итак, в психологической деятельности человек наиболее полно может проявить особенности своей психологии посредством различных форм информационной коммуникации. По сути – это формы человеческого общения, которое начинается с взаимного восприятия внешнего облика как интегрального знака личности и завершается, но не заканчивается, всеми

средствами социально-психологического воздействия друг на друга с целью достижения психологической общности и согласия. Результатами этой деятельности являются многочисленные *феномены человеческих отношений* как главных ценностей общественной жизни индивидуумов. Они превращаются в самый влиятельный фактор жизнедеятельности людей.

Мировоззренческие представления о смысле жизни и законах бытия, порождённые рефлексивными процессами психической деятельности, начинают выполнять функции стратегического планирования социального взаимодействия и предметного производства для воспроизводства жизни каждого человека и общностей.

Эти три уровня психического процесса интегрируются в социальном взаимодействии людей через общение, предметно-практическую и духовную деятельность.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРЕДМЕТНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Психический процесс за счёт трансформации креативного потенциала психической организации человека в *предметно-практической деятельности* превращается в *творческую деятельность*. Это контекст «субъект – предметного» отношения, где человек предстаёт в роли *творца* предметного мира (субъекта овеществления своих потребностей). Основные психологические качества, порождаемые этим процессом, относятся к действительно – психическим образованиям (психомоторным, креативным). Они интегрируются в *способностях* человека как субъекта предметно-практической деятельности. Все функции психического процесса и общения трансформируются в функцию преобразования предметного мира и себя.

В этой деятельности субъектная произвольность достигает своего абсолюта. Человек в ней делает то, что соответствует его потребностям, но в соответствии с их пониманием. Дело в том, что не исключаются и ложные представления о ценностях бытия, о чём свидетельствует экзистенциальная философия. Эти потребности *объективируются в предметном мире* в соответствии с представлениями о сущности бытия. Особенность этого мира в его *рукотворности*. Этот новый мир человеческого бытия являет собой овеществлённые *потребности и творческие способности* субъектов в предметно-практической деятельности. Предметный мир представляет материализованную сущность психического потенциала человека, представленный его потребностями и способностями к преобразовательной творческой деятельности.

Следовательно, предметный мир можно «прочитывать как раскрытую книгу» креативного потенциала субъектов предметно-практической деятельности, на месте которых выступают и отдельные личности, и социально дифференцированные группы людей.

Субъекты этой деятельности овеществляют потенциалы своей психической организации в *продуктах* предметно-практического *производства и потребления*. Археологический анализ вещественных следов исторической деятельности позволяет реконструировать *образ жизни* прошлых поколений

людей с точки зрения разных наук о человеке и обществе. В его описании обязательно присутствуют и психологические портреты народов, и отдельных творцов предметного мира.

В психологическом анализе продуктов предметно-практической деятельности заключён ещё не используемый потенциал объективной психологии.

В предметном мире очень важной для человека составляющей является *эстетическое чувство*, которое сохраняет положительное отношение современников к объектам исторического прошлого. В этих чувствах трансформируется аффективная компонента психической организации человека. С точки зрения утилитарной потребительской психологии не очень ясно, почему красота объекта так важна. Наверное, тем, что эстетика объекта порождает *положительные эмоции*, которые активируют мотивационный потенциал человека.

Роли *производителя и потребителя* функционально разнонаправлены и плохо сбалансированы в общественной жизни людей. Это можно увидеть по предметному антуражу людей как *собственников*. В то же время эти роли составляют суть не только общественных противоречий, но и индивидуально личностных. Противоречия реализации этих ролей в предметно-практической деятельности выводит на передний план проблему *этических отношений*, которая регулируется моральными нормами общественного бытия. Психологическим источником этих норм является *оценочный компонент психического отражения*, который объективируется в аксеологической деятельности рефлектирующего сознания человека.

Итак, в предметно-практической деятельности происходит объективация *творческого потенциала и потребностей* человека в виде объектов *рукотворного мира*. Субъекты этой деятельности *объективируют* потенциалы своей психической организации в *продуктах* предметно-практического производства и потребления. В результате ценность человека в социальном взаимодействии предопределяется его ролями производителя и потребителя. В ролях производителя объективируются творческие способности человека, а в ролях потребителя – мотивационная основа жизнедеятельности людей. Это означает, что объективное познание способностей и мотивации человека можно совершать посредством анализа продуктов предметной деятельности субъекта.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Социальное взаимодействие происходит посредством общения. В *общении* психический процесс трансформируется в *социально-психологическую деятельность*. Оно расширяет контекст субъект - субъектного взаимодействия до взаимодействия человека и общества. Это обуславливает появление в психической организации человека социально-психических образований (коммуникативных и нравственных). Они трансформируются в психологические качества социального интеллекта и характера человека. Функции трёх уровней психического процесса трансформируются в функции общения (коммуникативные, информационные, когнитивные, эмотивные,

конативные, креативные). Они соответственно реализуются в процессах *взаимосвязи, сообщения, взаимопознания, взаимоотношения, согласования, взаимовлияния*.

Основным психологическим содержанием социального взаимодействия являются *человеческие отношения*. Они объективируются в процессах *информационной коммуникации*, средства которой являются инструментами общения. Они составляют материальную основу общения как процесса социального взаимодействия. В числе этих средств существуют те, которые даны индивиду от природы его телесно-психической организации, и те, которые созданы людьми специально для расширения своих возможностей в общении. В первом случае речь идёт о *невербальных и вербальных средствах общения*. Во втором – о *технических средствах связи* в самом широком контексте.

В этом процессе преобладает «субъект – субъектная» парадигма. Между субъектами возникает *пространство человеческих отношений*, которое они создают для более или менее успешного решения проблем совместной жизни и общественно-производственной деятельности. Однако фактор объектов, обеспечивающих воспроизводство жизни индивидуумов и сообществ, сохраняет своё значение как общая «предметная основа» социального взаимодействия, по поводу которой разгорается драма человеческих отношений.

Человеческие отношения закрепляются в *ролевой структуре* совместной деятельности людей. По цепочке «функция – роль – отношения» разворачивается процесс объективации психологических феноменов социального взаимодействия. Например, функциональная дифференциация трудовой деятельности по профессиям закрепляется в более или менее значимых ролях (артиста, инженера, учителя и т.д.). Значимость этих ролей в социальной организации общества, в свою очередь, предопределяется как общественной значимостью профессий, так и отношением к конкретным людям в этих ролях. Однако эта тенденция в межличностных отношениях может поменять свою значимость за счёт личных достоинств субъекта социального взаимодействия.

Отношение к социальным ролям у человека и к самому себе проявляется в феноменах *социальной идентификации* и *достижения своей индивидуальности* как мотива самореализации.

Многообразие человеческих отношений описывается двумя рядами понятий. Один из них определяет *онтологию человеческих отношений* как форму их бытия. Речь в этом случае идёт об *общественных отношениях, групповых, межличностных, личных и отношении к себе*. Эти понятия указывают на носителей человеческих отношений. Другой ряд понятий определяет *предметное содержание* этих отношений (их гносеологию). К ним относятся *психические, психологические, социально-психологические и социальные отношения*.

Субъекты социального взаимодействия создают феноменологию *групповых эффектов – эмпирических интеграторов человеческих отношений*. Речь идёт о

взаимоотношениях, которые являются своеобразными результатами (продуктами) совместной деятельности, общения, психического отражения, правового и морально-нравственного регулирования совместной деятельности, что предполагает их нормирование.

Итак, человеческие отношения закрепляются в *ролевой структуре* совместной деятельности людей. По цепочке **«функция – роль – отношения - норма»** разворачивается процесс объективации психологических феноменов социального взаимодействия.

Функция объективируется в том, что человек делает. **Роль** – в положении человека в групповой иерархии. **Отношения** – в формах обращения друг с другом. **Норма** – в правилах, ритуалах, обычаях, традициях, законах социального взаимодействия. Основным психологическим содержанием социального взаимодействия являются **человеческие отношения**. Они объективируются в процессах информационной коммуникации **средствами общения**. Отношение к социальным ролям у человека и к самому себе проявляется в феноменах **социальной идентификации и достижения своей индивидуальности как мотива самореализации**.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Психический процесс на высшем уровне своего функционирования трансформируется в *духовную деятельность* человека и общества. Это предельно интегрированный процесс функционирования человека как субъекта трансцендентального взаимодействия с природой и обществом. Это контекст погружения в неизвестное и таинственное. Психологические качества, проявляемые в этом процессе, относятся к бессознательным психическим образованиям (ментальности, архетипам, аффилиации, имплицитной картине мира, религиозной и мифологической идентификации с Богом).

Источниками духовной деятельности человека являются *мотивы обретения смысла жизни, познание мира и своего места в нём, проблема бессмертия и другие таинственные явления бытия*. Эту деятельность обеспечивает потенциал рефлексивного отражения. В результате возникают многочисленные *имплицитные концепции жизни и смерти* человека. В исторической ретроспективе все они могут относиться к трём мировоззренческим формам: *мифологическим, религиозным и научным*. Именно в них фиксируется интеллектуальный результат общечеловеческого познания мира и себя в нём.

Мифологическое мировоззрение воплотило свои результаты в организации общинного образа жизни посредством обычаев, традиций, обрядов и ритуалов, в которых закреплялись представления людей о себе, сущности души, своего предназначения, объектах идентификации, человеческих отношениях и всего, что могло наполнять жизнедеятельность первобытной общины.

Модальной проблемой концепций мифологического самосознания оказалась *антиномия души и тела*. Эмпирический опыт указывал на их сопричастность, а неосознаваемые источники трансцендентального познания настойчиво пробивали мысль об их разных функциях в обеспечении *наследственного потенциала жизни* общины и среды обитания. Душа, выполняющая функцию

транскоммуникативной трансляции этого опыта, рассматривалась как субстрат *бессмертия*, присущий не только человеку, но и всем другим объектам природы. В именах человека душа обретала знаковую объективацию. Поэтому детей до сих пор называют именами предков.

В мифологическом мировоззрении первобытное сознание человека обращено к знаково-символической объективации бессознательных ощущений, переживаний, чувств, оценок и отношений, которые проявляются в произвольных откликах души и тела на внешние воздействия. Присутствие этого содержания в психологии современного человека отмечал З.Фрейд и его страстный последователь К.Юнг. [166, 167, 176].

В религиозном мировоззрении возможности бессмертия души расширяются до возможностей существования в ином мире. Для этого человеку предписывается соблюдать алгоритм нравственного поведения в земной жизни и верить в Бога, о присутствии которого в душе человека свидетельствует наличие *совести – контролёра нравственного поведения человека*. Секрет *веры* является главной психологической проблемой религиозного мировоззрения.

В научном мировоззрении проблема бессмертия души аргументируется возможностями общественной транскоммуникации, материализованные средства которой позволяют зафиксировать результаты опыта и духовной деятельности каждого человека в виртуальном пространстве информационной коммуникации. Важно сделать это пространство доступным для каждого человека. Над этим и работает научно-технический прогресс.

В духовной деятельности психология человека объективируется в *знаково-символических форматах языка общения, искусства, науки, религии, мифологии, предметного мира и атрибутике образа жизни*, воспроизводящей этические и эстетические нормы человеческой жизни.

Итак, коренной проблемой концепций *мифологического самосознания* оказалась антиномия *души и тела*. Эмпирический опыт указывал на их сопричастность, а неосознаваемые источники трансцендентального познания настойчиво пробивали мысль об их разных функциях в обеспечении наследственного потенциала жизни общины. *Душе* отводилась функция *транскоммуникативной трансляции* этого опыта. Она рассматривалась как субстрат *бессмертия*, присущий не только человеку, но и всем другим объектам природы. В именах человека душа обретала *знаковую объективацию как инструмента наследования опыта непосредственных родителей*.

В религиозном мировоззрении возможности бессмертия души расширяются до возможностей существования в ином мире. Для этого человеку предписывается соблюдать алгоритм нравственного поведения в земной жизни и верить в Бога, о присутствии которого в душе человека свидетельствует наличие *совести – контролёра нравственного поведения человека*. *Вера* является главным аргументом *истины*. *Молитва* – главным объективатором веры в Бога.

В научном мировоззрении проблема бессмертия души аргументируется возможностями *общественной транскоммуникации*, материализованные средства которой позволяют зафиксировать результаты опыта и духовной

деятельности каждого человека в виртуальном пространстве информационной коммуникации.

Данная концепция объективации психологического содержания указывает на существование единства внутренних и внешних форм существования психики, души и психологических качеств человека в его реальной жизнедеятельности.

1.2.4. О парадигмальных основах психологической науки.

Вывод 4. Познание психики, души и психологических качеств опиралось на разные парадигмы научных исследований. Исследования *психики*, опиравшиеся на методологические принципы естествознания (физики и физиологии) породили *психофизиологическую* и *психофизическую* парадигмы.

Исследование *души*, опиравшиеся на принципы рефлектирующей философии, вылились в *психо-рефлексирующую* методологию самопознания. Это направление развивалось от интроспекции до психоанализа и современной психосемантики.

Исследования *психологических качеств* личности развернулось в прикладной психологии, опиравшейся на принципы *взаимодействия* человека с человеком в предметном мире своих потребностей и культуре. В результате прикладных исследований и практики психологической помощи возникли три новых парадигмальных основ психологического познания человека: *социально-психологические, предметно-деятельностные* и *духовно-психологические*.

Это основной вывод о ***методологии интегрального синтеза*** в психологическом познании человека, об основных направлениях научного познания психических явлений, их происхождения и детерминированности, о принципах познания психологии человека и целостной модели психической организации человека.

Проблема парадигмальных основ психологической науки активно обсуждается на страницах научных публикаций. В их ряду заметный интерес вызывают идеи Д.Юркевича, В.Аллахвердова, А.Журавлёва, Ф.Васюлика, В.Чикер и других [4-6; 30, 31, 54, 55, 60-62; 65, 69, 71,72, 86, 90, 92, 93, 135, 151, 171, 177-182].

Обращение к этой проблеме обусловлено необходимостью обобщения достижений психологической науки и практики за период её академического и прикладного развития. В ходе этого развития складывались различные парадигмы психологического познания её разнокачественных предметных свойств. В результате появлялось множество моделей процесса психического отражения, которые воспроизводили лишь отдельные грани психической организации человека и психологического познания человека.

На повестку дня методологии психологического познания всё настойчивей продвигалась проблема целостного конструкта психической организации человека, которая тесно связана с задачами комплексных исследований человека.

Б.Г.Ананьев искал возможность эмпирического воспроизводства этой целостности в *комплексных исследованиях*, основанных на реализации эвристического потенциала *межпредметных связей* как внутри

психологической науки, так и в *междисциплинарном* контексте всех наук, изучающих человека и общество [11].

Проблема методологии комплексных исследований затребовала новую модель *психической организации* человека как *целостного психического образования*. Б.Г.Ананьев пытался представить эту целостность иерархией индивидуальных и личностных свойств, интегральный синтез которых должен проявляться в индивидуальности [11]. Однако конструкт этой целостности на основе отдельно взятой парадигме создать не удавалось.

Теоретическая модель «психики», на которую опирался Б.Г.Ананьев, не полностью воспроизводила содержание всевозможных свойств «психической организации человека». «Психика» традиционно трактовалась как функция мозга, что ограничивало другие подходы в исследованиях «психической организации человека», затрагивающие другие детерминации психической деятельности человека. К этому времени отечественная психология ограничивалась психофизиологическими и психофизическими парадигмами. Нерешённость методологических проблем *психологического познания* не позволяла психологической науке ясно и окончательно определиться ни со своим предметом, ни со своей спецификой в ряду других наук, изучающих человека, хотя Ананьев и предпринимал такие попытки.

Задача анализа парадигмальных основ психологической науки, в первую очередь, состоит в определении границ её предметных полей в целостной структуре *психической организации человека*. Без этого невозможно рассчитывать на успех при проектировании комплексных исследований психологии человека, где проблема целостного воспроизводства психической организации является ключевой.

За период своего формирования как классической науки и профессиональной практики психология открыла для себя все грани целостности своего предмета – *психической организации человека*. Эти грани дифференцируются по шести векторам бытийного *взаимодействия* человека с миром людей, вещей и самим собой (смотри КОМПОЗИЦИЮ).

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

КОМПОЗИЦИЯ	Психо-физиологические	Психо-физические	Психо-рефлексивные	Деятельностно-психологические	Социально-психологические	Духовно-психологические
ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	Организм – Психика	Внешний мир – Человек	Внутренний мир - Человек	Предметный мир – Человек	Общество – Человек	Культура – Человек
ПРОЦЕССЫ	Психическое отражение	Психическая деятельность	Психологическая деятельность	Производственно-потребительская деятельность	Социальное взаимодействие	Духовная деятельность
СВОЙСТВА	аффективные	гностические	духовные	креативные	нравственные	ментальные
ФЕНОМЕНЫ	Эмоции Чувства Мотивация Темперамент	Образы объекта: ощущений, восприятия,	Внимание Воля Переживание	Способности Потребности	Взаимоотношения СПК Морально-	Душа Дух Бессознательное

	нт	памяти, представления мышления, воображения Знания Интеллект	Самосознание		нравственная атмосфера	(индивидуальное и коллективное) Сознание
ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ	Нервные импульсы Телесные движения Реакции	Высказывания Предметные действия Изображения	Внутренний диалог Изобразительные формы Высказывания Регулятивные действия	Преобразовательная деятельность Продукты деятельности	Поступки Коммуникация Информация Общение	Поведение Традиции Обычаи Язык Искусство Праздники
ДЕТЕРМИНАНТЫ	Мозг и нервная система Свойства организма: биохимические, физиологические, анатомические Субъект отражения	Материальные свойства объектов Предметная среда Органы чувств Знаки Субъект познания	Рефлексирующие структуры мозга Рефлектирующий субъект психологической деятельности	Предметно-практическая деятельность Субъекты производства-потребления	Человеческие отношения Субъекты социального взаимодействия Условия информационной коммуникации	Символическое пространство Информационные потоки Субъекты духовного общения
ПСИХОМЕТРИКА	Энцефалография Биологические измерения	Психофизические шкалы Пороги различения	Контент-анализ Самооценка	Экспертные оценки Параметры качества	Социометрия Шкалы социальной дистанции	Психосемантическое измерение
МОДЕЛИ	Стимул – Реакция	Объект - Субъект	Я – Я	Предмет – Субъект	Субъект – Субъект	Я Архетип Бог
ТЕОРИИ	Нейропсихология Патопсихология Психосоматика Бихевиоризм	Гештальтизм Когнитивная психология	Интрорспекция Ассоциативная психология	Психотехника Профорентация Эргономика	Социальные инстинкты Коллективная рефлексология Групповая динамика Конструкционизм	Психоанализ Психотерапевтические практики Психосемантика Психосемантика

В их числе взаимодействие человека со своей *телесной организацией* (вектор взаимодействия «организм – психика»). Это взаимодействие является источником нейропсихических свойств, трансформирующихся в психической деятельности человека в аффективные свойства соответствующих психофизиологических образований (феноменов). Они обеспечивают контроль состояний организма и телесного самочувствия человека, а также устанавливают адекватный баланс потребностей с возможностями тела и души.

Исследование психических образований, порождённых этим вектором взаимодействия, происходит на принципах *психофизиологической парадигмы*.

Другой вектор взаимодействия направлен на *объекты физического мира* («внешний мир – человек»). Это взаимодействие порождает гностические свойства, которые трансформируются в психофизические образования как компоненты познавательных процессов в целостной структуре психической организации человека. Они обеспечивают адекватное узнавание, опознание и понимание объектов взаимодействия. Исследование психических образований этого вектора взаимодействия основаны на принципах *психофизиологической парадигмы*.

Ещё один вектор взаимодействия, вытекающий из рефлексивных возможностей психической организации человека, направлен на *рефлексию собственной психической деятельности* («внутренний мир – человек»). Это процесс отражения-отражения, в результате, которого *психическая деятельность* преобразуется в *психологическую деятельность*, где субъекту отражения принадлежит определяющая роль в детерминации этих процессов. Эта роль реализуется посредством психических образований регуляторного назначения и осознания *самости, самостоятельности, ответственности*. В этом взаимодействии возникают психические образования на основе трансформации духовных свойств человека. В результате человеку к роли субъекта психического отражения добавляется статус субъекта *самосознания*.

В рефлексивных зонах психической организации человека происходит интегральный синтез аффективных и гностических потоков, порождённых психофизиологическим и психофизическим взаимодействием человека с миром людей, вещей и самим собой. Результатом такого синтеза являются сложные психические образования *духовного* содержания. Духовные психические образования являются результатом рефлектирующего сознания, которые обязаны своим происхождением *психорефлексии*, ставшей, в свою очередь, механизмом формирования гуманитарного знания. Поэтому исследования рефлексивных психических образований происходят на основе междисциплинарного синтеза психологии с гуманитарными науками на принципах *психорефлексивной парадигмы*.

Эти три парадигмы оказались в основе академического развития психологической науки. Однако прикладные исследования психологии человека как субъекта труда, учёбы, игры, отдыха открыли новые грани психической организации человека.

Одна из них связана с *предметно-практической деятельностью* человека, другая с *социальным взаимодействием* людей в их совместной жизнедеятельности. В результате сложились ещё две парадигмы: *деятельностно-психологическая* и *социально-психологическая*. Они являются методологическими основами прикладной психологии, исследования которой открыли качественные формы проявления психического потенциала человека, и новые грани целостной психической организации человека. Эти парадигмы дали основание для дифференциального синтеза деятельностно-психологических и социально-психологических качеств личности.

Деятельностно-психологическая парадигма сформировалась в исследованиях взаимодействия человека с предметным миром. Этот процесс стал активатором реализации творческого потенциала человека в его производственно-потребительской деятельности. Креативные свойства психической организации человека в этой деятельности трансформируются в его способности и потребности. От них зависит качество рукотворного предметного мира как мира объективированных потребностей людей. Детерминирующая функция развития человека всё более и более переходит к субъектам этой деятельности. В этой деятельности интегрируются все потенциалы психической организации человека.

На векторе «общество-человек» зарождаются исследования, подчинённые методологии социальной психологии. Социальное взаимодействие по этому вектору является источником социально-психологических качеств личности и групповых феноменов. Они с всё большей очевидностью начинают детерминировать все стороны жизнедеятельности людей. Наибольшую ценность в этом взаимодействии приобретают нравственные качества личности и морально-нравственная атмосфера в обществе. Они окрашивают человеческие отношения в тона радости и горя, любви и ненависти, дружбы и вражды, и многие другие взаимоотношения партнёров. Именно эти взаимоотношения становятся главными условиями человеческого счастья.

Каждая из этих пяти парадигм нацелена всего лишь на одну из шести граней психической организации человека. Научные исследования каждой из граней психической организации человека приводило к разработке специфической методологии, на парадигмальных основах которой проводились различные эмпирические исследования психической организации человека и формировались теоретические представления психологической науки о собственном предмете. Однако, занимаясь в эмпирических исследованиях частью психической организации человека, все хотели этой частью объяснить целое, что не имело должного успеха, так как в пределах каждой из парадигм был доступен для валидного исследования ограниченный класс психических свойств человека. Затруднения в эмпирическом воспроизводстве целостной психической организации происходят из-за отсутствия исчерпывающего конструкта психической организации человека на теоретическом уровне и понимания её многофакторности существования в процессах взаимодействия человека с миром его бытия.

Казалось, что психическая организация как целое раскроется в психотерапевтической практике, где клиенту предоставляется возможность свободного проявления своих проблем. Фрейд в конечном счёте вышел в своих изысканиях на один из источников невротизации – «взаимодействие человека с культурой своего бытия». На этом векторе взаимодействия человека с миром формируются *ментальные* свойства его психической организации, которые представляют собой системный синтез всех других психических свойств под влиянием интересов общественного бытия. Ментальные свойства человека обнаруживают себя в его духовной деятельности, направленной на анализ главных мотивов и смысла жизни. Они запрограммированы в культурных кодах

и погружены в бессознательную сферу психической организации человека. В психоаналитических процедурах идёт поиск эффективной технологии погружения человека в сферу бессознательного с целью осознания соотношения самости (архетипического прототипа) и социальной идентичности (одного из феноменов «Я»). Достижение такой идентичности должно снимать переживаемое напряжение от нерешённых проблем личности в её частной и общественной жизни.

На этом пути психологической помощи психологу приходится работать с психической организацией человека в целом, постепенно выделяя в ней личную боль души как частную проблему его индивидуальной психологии. В этом случае опора на целостную модель психической организации человека обеспечивает высокий уровень профессионализма в деятельности психолога, гарантируя ему понимание внутренних связей проблемы клиента с резервами его психической организации.

Приоритет целостного подхода в *психоаналитической* парадигме очевиден, но эмпирические проявления его пока плохо формализуются и не поддаются точным измерениям, из-за чего академическая психология скептически относится даже к положительным достижениям этой практики.

Таким образом, проблема целостного конструкта психической организации человека остаётся актуальной на сегодняшний день. Такой конструкт должен являть собой *интегральный синтез* всех названных здесь парадигм по основанию *векторов взаимодействия человека с миром своего бытия*. Каждая из шести обозначенных парадигм освещает одну из граней этого взаимодействия. А каждая из граней взаимодействия является частью предметной целостности психической организации человека. Сложение этих граней в геометрическую фигуру даст куб – образную целостность психической организации человека.

Особенность *куба – образа психической организации человека* в том, что каждая точка на его гранях, изображающая какое-либо свойство или психологическое качество, или психическое образование, может связаться с другими точками, расположенными на других гранях, образуя индивидуальные вариации корреляционных отношений между ними. Поиск этих отношений в конкретных исследованиях возможно удовлетворит парадигму *интегрального синтеза* при изучении *индивидуальных* особенностей психической организации человека.

Парадигма *интегрального синтеза* в психологических исследованиях базируется на уже сложившихся парадигмальных основах психологической науки. Важно их правильно использовать в комплексных психологических исследованиях при *моделировании предмета* конкретных эмпирических исследований. Для того чтобы это делать необходимо очертить основные признаки каждой из парадигм по свойствам, феноменам, формам проявления, детерминантам, психометрике, моделям и теоретической реализации.

Но в первую очередь необходимо определиться со спецификой *процессов* на каждом из векторов взаимодействия. При взаимодействии организма и психики – это процесс *психического отражения* внешних или внутренних воздействий

на нервную систему животного организма. Отражение предполагает *отклик* на воздействие со стороны телесной организации субъекта отражения. Предполагается, что в отклике и заключено нечто относящееся к *психике*, характеризующее её содержание. Различные формы отклика как результата отражения представляют собой вполне реальные сущности, в которых *объективируется* содержание психических свойств носителей (животных и человека). В качестве таких форм рассматриваются нервные импульсы, рефлексy, реакции, инстинкты, паттерны поведения, телесные движения. Их сопоставляют друг с другом по измеряемым параметрам, которые *интерпретируются* как психические свойства испытуемых, вплоть до сложных феноменов психической организации человека.

На векторе взаимодействия человека с объектами внешнего мира психическое отражение трансформируется в *психическую деятельность*, особенность которой в усилении *влияния субъекта* на восприятие материальных свойств объектов окружающего человека мира. Проявляется это в *апперцепции* и в *селекции* объектов и их свойств под воздействием *потребностей* субъекта. В результате при психофизическом отражении наблюдается рассогласованность между тем, что предъявляется испытуемым для узнавания, и тем, что реально они обнаруживают для себя. Но это не значит, что они не видят тех физических свойств объекта, которыми он обладает. Дело в том, что они интерпретируют эти видимые физические свойства по-разному, то есть *субъективно*.

На векторе *рефлексивного* взаимодействия человека с самим собой психическое отражение превращается в процесс удвоенного отражения («*отражения-отражения*») за счёт рефлексов коры головного мозга, направленных на регулирование собственной психической деятельности человека и его отношений к другим и к себе. В результате в структуре психической организации человека возникает *самосознание*, обеспечивающее *психологическую деятельность*, предметом которой является собственная *психология* человека. Всё это происходит на векторе взаимодействия человека со своим внутренним миром посредством диалогической функции внутренней речи. Разумеется, что содержание этого мира субъекта наполнено впечатлениями от воздействий на него внешнего мира.

На векторе деятельностно-психологического взаимодействия человека с предметным миром, созданным самим человеком и человечеством, происходит дальнейшая трансформация психического отражения. Оно приобретает черты *производственно-потребительской деятельности*, в процессе которой внутреннее психологическое содержание этой деятельности спрятано за очевидными формами орудий и продуктов, являющихся наглядными объектами материализации психического потенциала человека и общества. В процессе этой деятельности человек создаёт предметный мир своих потребностей, воплощая в нём творческий потенциал своей психической организации. Этот новый рукотворный мир становится мощным фактором не только психического развития отдельных людей, но и эволюции вида *Homo sapiens* с непредсказуемой перспективой.

На векторе социально-психологического взаимодействия человека и общества психическое отражение многократно усложняется под влиянием *социального взаимодействия*. Оно предполагает *общение* людей, являющееся источником сложнейших феноменов социально-психологического качества. Это – *качества человеческих отношений*, которые приобретают значение самых сильных факторов влияния на формирование и развитие индивида, личности и индивидуальности. В социальном взаимодействии люди подвержены влиянию друг друга настолько, что попадают в произвольную зависимость друг от друга, даже сознавая пагубность этого взаимодействия. Психологический подтекст человеческих отношений в процессах общения выводится наружу. К этому приводит потребность к откровению (открытости), чтобы установить адекватные отношения к себе и с другими. Ничто так не ценно для человека, как расположение к нему окружающих. Социальное взаимодействие через процесс общения переполняется психологической деятельностью человека в чистом виде. Именно здесь открываются глубинные пласты психологии человека.

Интегральный синтез всех человеческих достижений представлен в *культуре бытия*, социального взаимодействия и совместной жизнедеятельности. Взаимодействие человека с атрибутикой национальной и общечеловеческой культуры формирует не вполне осознаваемые способы его существования. Атрибутика культуры включает в себе орудия *духовной деятельности*, посредством которых осуществляется транскомуникация между людьми и сообществами. Результаты этой деятельности наполняют жизнь человека в сообществах специфическими традициями, обычаями, праздниками, ритуалами, которые стихийным образом регулируют человеческие отношения в соответствии с интересами общины. В этих формах объективируется по убеждениям В.Вундта «душа народа» [40], а по убеждениям К.Юнга «коллективное бессознательное» [176], составляющее таинственную основу психологии конкретного человека. З.Фрейд же напрямую обратился к психологическому анализу атрибутики культуры как явления индивидуальной психологии своих клиентов [166, 167]. Обращение в психотерапевтической практике к явлениям индивидуального и коллективного бессознательного привело к развитию *медитационных* способов воздействия на клиентов. Психоаналитическая парадигма открыла ещё одну грань психической организации человека, детерминированной культурой бытия, человеческих отношений и искусством.

Каждая из парадигм связана с исследованием своего специфического класса *свойств*, возникающих из процессов взаимодействия человека с тем или иным объектом психического отражения.

Психофизиологическая парадигма оформляется при исследовании *нейропсихических свойств* человека, возникающих из взаимодействия организма и психики посредством нервной системы. На них указывал ещё В.М.Бехтерев в работе «Объективная психология», изданной в 1907 году [21]. В качестве предмета психологического познания Бехтерев называл «невропсихику», нейропсихические свойства которой можно изучать

объективными методами, регистрируя субъективные отклики на объективные воздействия, проявляющиеся в форме *реакций*, в качестве механизмов которых рассматривались условные и безусловные рефлексы. Ему казалось, что таким образом найден независимый от субъекта путь во внутренний мир человека. Однако на этом пути было опущено собственно *психологическое* звено реакций человека на объекты психического отражения. Это звено проявляется в *отношении* субъекта к тому, что с ним происходит. Речь идёт, в первую очередь, об *аффективных свойствах* психического отражения, в которых проявляется эмоционально регулирующей компонент этого процесса. Если нейропсихические свойства продуцируются *деятельностью мозга*, то аффективные свойства – *психической деятельностью человека*. Именно аффективные свойства являются предметом психологического познания.

Реакции являются первичной и не всегда контролируемой со стороны субъекта формой *объективации* психологического отклика, проявлением внутреннего во внешнем плане существования. Реакция рассматривается как факт *психологической реальности*, которая доступна измерению, что приближает психологию к точным наукам. О чём они могут говорить?!

Это принципиальный вопрос, так как ответ на него раскрывает границы познавательных возможностей данной парадигмы, касающиеся *психологии человека* как интегрального феномена его психической организации. Эти границы определяются интерпретационными моделями психических образований, рассматриваемых в качестве *психологических феноменов* присущих уже человеку, а не его мозгу. Эти феномены являются результатом трансформации нейропсихических и аффективных свойств посредством психической деятельности человека.

В пределах психофизиологической парадигмы речь может идти о психических образованиях, порождённых взаимодействием человека со свойствами своей телесной организацией (организма). Психические образования являются своеобразными *психологическими продуктами* психической деятельности субъекта психофизиологического взаимодействия. В их числе описываются *аффективные* (эмоции и чувства), *мотивационные* (потребности), *психодинамические* (темперамент), *регуляторные* (внимание и воля). Именно они являются интерпретационными моделями реактивных проявлений нейропсихических и аффективных свойств человека.

Указание на *формы проявления* психической деятельности человека как *факты психологической реальности* является весьма продуктивной методологической идеей, которая не получила заслуживающего внимания с времён В.Бехтерева. Ценность этой идеи состоит в указании на *объективированные формы существования психического*, что позволяет перейти в интерпретации психологического факта от логики «психофизического параллелизма» к логике монизма, предполагающей совместность существования формы и содержания психологии человека.

Однако, в тоже время, любые формы проявления субъекта психической деятельности нуждаются в *выявлении психологического подтекста* (интерпретации внешнего как внутреннего), ответственность за которую в

случае самонаблюдения лежит на испытуемом, а в случае объективации психической деятельности субъекта в материализованных формах его активности ответственность за их интерпретацию переходит к экспериментатору. Насколько такая смена ответственности за интерпретацию наблюдаемых в этой парадигме *реакций* продвигает психологическое познание к действительному положению вещей (адекватности и истинности)?! Этот вопрос остаётся открытым, хотя предпочтение отдаётся экспериментатору. Он всё же профессионал.

Существенным признаком обоснованности той или иной парадигмы является вопрос о детерминированности изучаемых психических явлений, а, следовательно, и психологии человека.

Приверженцы психофизиологической парадигмы склоняются к приоритету природных свойств организма и нервной системы, где функциям мозга отводится роль главных детерминант психической деятельности. Детерминирующая роль субъекта психической деятельности в этой парадигме принижена в силу слабого влияния её на произвольные реакции.

Основная модель этой парадигмы «стимул – реакция» неоднократно подвергалась критике как раз из-за отсутствия детерминирующей роли субъекта со своим особым индивидуальным отношением ко всему с ним происходящему.

Всевозможные теории, выросшие и вырастающие на этой парадигме, сводятся к интерпретации модели «стимул-реакция». В композиции названы ключевые их них для понимания трансформации этих принципов психологического познания, которое происходит в настоящем. Особого внимания заслуживает *психосоматика*, освещённая идеей взаимовлияния человека и организма. Психосоматика ищет баланс детерминирующего взаимовлияния организма и психики через осмысливание роли субъекта в этом процессе.

Каждая из парадигм развивает измерительные средства соответствующих ей психических свойств. Важнейшие из этих средств названы в композиции и не нуждаются в особых комментариях. В этом состоит существенный вклад в психометрику объективированных форм психологического содержания процессов взаимодействия человека с миром вещей, людей и самим собой.

На психофизиологической парадигме сформировалось одно из магистральных направлений психологического познания человека, но не исчерпывающее многообразие свойств его психической организации.

Психофизическая парадигма сформировалась в исследованиях познавательных функций психической деятельности, которые системно проводились в лаборатории экспериментальной психологии В.Вундта в конце 19-ого столетия. Это вывело исследователей на *гностические* свойства психической организации человека. В их числе изучались *сенсорные, перцептивные, мнемические, интеллектуальные* свойства познавательных процессов и *психических образов* объектов внешнего мира. В результате академическая психология получила эмпирический материал, позволяющий определять качественные различия образов ощущений, восприятия, памяти,

представлений, мышления и воображения. Были определены и общие для них особенности (структурность, обобщённость, осмысленность, константность). Наиболее разработанные конструкты психических образов были представлены в обобщающей работе Л.М.Веккера «Психика и реальность» [32].

Это направление сосредоточилось на проблемах формирования конструкта психического образа как результата (продукта) психической деятельности человека. В итоге академическая психология пополнилась знаниями о познавательных процессах и новыми измерительными средствами. Эти знания легли в основу «Общей психологии» С.Л.Рубинштейна [153], «Гештальтизма» и «Когнитивной психологии».

Основным изучаемым феноменом стал *целостный образ* объекта психического отражения, его структура, иерархия признаков при узнавании, пороги различения, соотношение с фоном.

Достижения этого направления стали включаться в решение практических задач организации информационного пространства в рекламной практике, в рационализации средств массовой информационной коммуникации, в педагогической и инженерной психологии.

В психофизическом эксперименте *отклик* субъекта на объект восприятия помимо рефлекторной реакции сопровождается *устным ответом* на вопрос «что он видит?» и/или *предметным действием* по инструкции экспериментатора. Это существенно расширяет арсенал *форм объективации* психологической реальности для научно-исследовательской деятельности.

В психофизическом эксперименте появляется проблема *адекватности* психического отражения как познавательной деятельности. Критерием адекватности восприятия объекта является его *узнавание и опознание*. Контент-анализом развёрнутых высказываний испытуемых о воспринимаемых объектах в пределах этой парадигмы пренебрегали, что приводило к существенным упущениям субъективной детерминированности психического образа объектов восприятия. И всё же процедурные возможности психофизического эксперимента расширяют не только феноменологию психической деятельности для научного познания, но и позволяют обратиться к более сложным формам её объективации. Другое дело, что эти формы проявления психического не всегда подвергаются анализу со стороны исследователей. Например, «контент-анализ» свободных характеристик воспринимаемых объектов в условиях порогового видения позволил бы проникнуть в индивидуальную апперцепцию человека как субъекта взаимодействия с внешним миром.

На векторе взаимодействия человека с материальными объектами внешнего мира всё заметнее проявляется «субъектная» детерминированность психического отражения. Она проявляется в индивидуальных вариациях психического образа наряду с физическими детерминантами объекта познания. К детерминации этого процесса подключаются факторы предметного и информационного фона восприятия объекта, ситуация взаимодействия с ним. Всё это усложняет психометрические задачи экспериментальной процедуры. В целях измерения психофизического воздействия используются пороги восприятия объектов, психофизические шкалы и экспертные оценки.

Базисная модель этой парадигмы представлена процессом субъектного отражения предъявляемых в эксперименте объектов.

Теоретическая интерпретация результатов исследования психических образов породила «гештальтизм» и «когнитивную психологию», стремящихся к целостной реконструкции психических образов воспринимаемых объектов и к прояснению субъектной обусловленности и субъективности психических образов.

Методологические принципы построения экспериментальных процедур в психофизиологии и психофизике оказались схожими. В них заметно тяготение к методологии физического эксперимента, которая не может дать удовлетворительного объяснения феномену *субъективности* психического отражения, который нивелируется среднестатистическим суммированием индивидуальных откликов испытуемых. Среднестатистические проявления условного субъекта указывают всего лишь на диапазон потенциальных возможностей человека при его взаимодействии с миром вещей, людей и самим собой, но не дают представление об индивидуальной психологии конкретного человека. Тем не менее, эти два направления являются основами становления *академической психологии*.

Психорефлексивная парадигма обращается к исследованию внутреннего мира человека. Этот мир возникает из рефлексивного самоанализа (интроспекции) человеком своих переживаний. Эта парадигма находит свои основания в рефлексивных механизмах деятельности мозга. Они обеспечивают контроль и регуляцию собственной психической деятельности через *осознание* её результатов в виде психических состояний, переживаний, психических образов, оценок и отношений. Рефлексия открывает возможности психологической деятельности человека в отношении себя, где он сам для себя становится объектом психического отражения и предметом психологического познания. Потенциал рефлексии поначалу использовался интроспекцией в сочетании с психофизическим экспериментом в виде отчётов испытуемых о сопутствующих состояниях сознания. Как их обработать и интерпретировать не знали, и поэтому отказались от интроспекции как метода психологического познания.

Однако во второй половине 20-ого столетия научная психология опять обратилась к *высказываниям* испытуемых, в которых заключались развёрнутые характеристики объектов взаимодействия и собственного «Я». Были придуманы приёмы и процедуры статистического *анализа текстов*, составляющих содержание «свободных характеристик» объектов взаимодействия. К этому добавился анализ *изобразительных форм проявления* человеком своих впечатлений о себе и других. Появились процедуры измерения *самооценки*. Можно сказать, что интроспекция возвращается под знаком психорефлексивной парадигмы. Важно, что это возвращение сопровождается осознанием, ранее не замечаемых, форм проявления внутреннего мира человека в его внешней объективации. Этим она обязана развитию прикладной и практической психологии, которые обратились к анализу предметного мира и познавательным возможностям других наук,

изучающих ментальные, нравственные и творческие проявления человека в совместной жизнедеятельности людей.

Главным объектом психорефлексии является сам человек с переживаниями своих проблем по жизни, общению и деятельности. В этом процессе человек расщепляет себя на несколько психологических сущностей своего «Я»: «Я-хочу», «Я-могу», «Я-должен», «Я-интимное», «Я-реальное». В рефлексивном процессе самоанализа между ними возникает внутренний диалог, часто довольно путанный. Эта психологическая деятельность более других её видов детерминирована рефлектирующим субъектом. От этих образов себя пролегает путь к регуляции своего поведения и деятельности, психологическая эффективность которой предопределяется концентрацией внимания и воли на «Я-должен». Именно эта инстанция позволяет усмирить бурю проблем мотивирующего «Я-хочу» и волнующего «Я-интимного». От оценок этих «Я» веет страхом и уверенностью, разочарованиями и надеждами, самоуничижением и достоинством и другими состояниями души.

Эта парадигма продвигает научное познание к внутреннему миру человека.

Деятельностно-психологическая парадигма обращается к психологии человека как субъекту *предметно-практической деятельности*. Она добавляет человеку роли *производителя и потребителя*. В роли производителя человек создаёт *материальные и духовные ценности*, которые являются *объективированными* формами реализации его способностей, таланта, профессионализма. Поэтому суждение о человеке по делам оказывается самым адекватным относительно его личности.

Производственная деятельность общественно организована и поэтому более других форм активности человека детерминирована внешними факторами организации, управления и технологическими зависимостями. Человек в системе сложного производственного процесса выполняет одну из технологических функций совместной деятельности. Тем самым происходит ограничение его индивидуальной творческой активности, что затрудняет реализацию мотива самореализации. Этот мотив приносится в жертву общественному интересу.

Если эта парадигма используется в рамках прикладных исследований, то исследователи должны ожидать последствия этой жёсткой детерминации в реализации креативного потенциала человека.

Если эта детерминация рассматривается как общая обусловленность психического развития человека, то исследователи должны озаботиться рационализацией факторов деятельности в интересах *самореализации* человека.

В этом втором случае речь может идти о раскрепощении сущностных сил человека, заключённых в его телесной и психической организации. В этом случае речь должна идти о правах на *свободный* труд, обучение и другие виды деятельности, что будет приводить к усилению субъектной детерминированности на векторе взаимодействия человека с предметным миром.

Эта парадигма расширяет психометрический потенциал научной психологии *экспертными оценками* и *параметрами качества* деятельности и её продуктов.

Она расширила круг психологических исследований специальными теориями и направлениями, в числе которых *психотехника, профориентация, эргономика* и другие. Самый заметный вклад в научное оформление этой парадигмы внёс Г. Мюнстерберг в двадцатые годы 20-ого столетия [98, 99].

Другие акценты в исследованиях психологии человека расставляет роль *потребителя*. В этой роли человек через *выбор* потребляемых предметов раскрывает спектр своих потребностей. Потребности детерминируют *спрос* товаров на рынке, и через него производство. Казалось, что человек своими потребностями задаёт направление производственной деятельности. Но это далеко не так. Выбор на потребительском рынке может не удовлетворять потребностям человека, но есть реклама, которая навязывает не ходовой товар, есть ситуация без выбора, когда жизненная необходимость понуждает к потреблению того, что есть. Эти проблемы лежат уже в плоскости организации и управления *социальным взаимодействием*.

Социально-психологическая парадигма зарождается в исследованиях взаимодействия человека и общества. Главной предметной областью для неё являются *взаимоотношения* людей.

Морально-нравственные отношения оказались наиболее значимыми в общественной жизнедеятельности людей. Это предопределено потребностью каждого человека в другом человеке, и, прежде всего, как это прояснилось задачей воспроизводства вида, в человеке другого пола. Во взаимоотношениях человека с человеком важнейшим условием их благополучия является их *паритет*. Это предполагает баланс интересов, который достигается при их полном *согласовании*, что возможно, если партнёры способны к постоянному диалогу и снисхождению, солидарности, преодолению эгоцентризма и многим пожертвованиям в пользу сохранения своей общности.

Взаимоотношения проявляются в различных формах *общения* людей, в *поступках*. Общение многосложный процесс, *объективирующийся* в *средствах коммуникации, в информационных сообщениях, в вербальном и невербальном поведении*. В средство общения может превратиться любое *предметное действие*, направленное на другого человека. Поступок, совершаемый человеком в отношении другого человека, всегда нагружен нравственным выбором.

Человеческие отношения, являясь фоном и ценностью социального взаимодействия, детерминируют формирование и развитие психологии конкретных людей через сообщества, к которым они принадлежат. В персональном общении усиливается детерминация личными качествами субъектов социального взаимодействия.

Эта парадигма пополнила психометрические измерения *социометрией, решёткой Келли, шкалами социальной дистанции* и другими.

Социально-психологическая парадигма начинает изучать психологию человека по «субъект-субъектной» модели, для которой характерно равенство детерминирующих воздействий на взаимоотношения как результат взаимных усилий партнёров.

На основе этой парадигмы появляется множество социально-психологических теорий, среди которых наиболее заметными по своему признанию оказались «социометрия», «групповая динамика», «конструкционизм».

Духовно-психологическая парадигма возникла из психотерапевтической практики. Она оформилась в трудах З.Фрейда, который пришёл к выводу о культурной детерминации психологии человека.

Культура содержит *образцы личностной идентичности*, которые человек усваивает от рождения через семейное воспитание, не имея ещё сформированного фильтра сознания. Содержательное наполнение психологии ребёнка происходит посредством механизмов психической деятельности: подражания, эмоционального заражения, внушения, убеждения. Первые три механизма апеллируют к бессознательным компонентам психической организации человека.

Воспитывая ребёнка, родители передают ему усвоенные ими ценности, осевшие в анналах коллективного опыта родного этноса. Эта трансляция происходит по законам человеческого общения, процессы которого стереотипно автоматизированы и не вполне осознаются обеими сторонами.

Ценности, транслируемые в общении родителей с детьми, прежде всего, связаны с нормами человеческих отношений, которые являются естественными данностями жизни человека. Представления о нормах человеческих отношениях складываются в исторической практике каждого из народов. Отбор этих норм происходит по критериям эффективной адаптации этноса к конкретным условиям его жизни. Воспроизводимые таким образом нормы отношений формируют экологию социально-психологического бытия этнической общности и семьи. Эти ценности воспринимаются как должные, и не поддаются критике общественного сознания.

Носители традиционных ценностей, хранящихся в «коллективном бессознательном», активно сопротивляются общественной модернизации, утверждающей идеалы будущего всего человечества. Это противоречие З.Фрейд представил как конфликт «Я» с «Супер-эго». В этом конфликте традиционные ценности имеют преимущество потому, что они внедрены в бессознательные компоненты психической организации человека с момента рождения.

Бессознательно усвоенные стереотипы социального взаимодействия закрепляются в символическом пространстве бытия – социальной экологии этноса. С другой стороны модернизированные средства информационной коммуникации настойчиво транслируют другие нормы человеческих отношений и совместной жизнедеятельности людей.

«Я» конкретного человека ищет арбитра в этом духовном противостоянии, и находит его в близком человеке, в референтной группе, в Боге или в самом себе (в «Сверх-Я» или в «Я-должен»). Все эти инстанции зиждутся на совести человека.

В этой парадигме Фрейд исследовал проблемы своих клиентов по их *высказываниям*. Сейчас психосемантика и психосемиотика значительно

расширяют научно-исследовательские возможности психологического познания психологии человека как целостного феномена его психической организации.

Итак, шесть парадигм психологической науки охватывают все стороны психической организации человека. Каждая из них сосредоточена на своем классе свойств, источником которых является направленность доминирующего взаимодействия человека с миром своего существования.

Психическое отражение, включаясь во все направления взаимодействия, трансформируется в психическую и психологическую деятельность, которые, в свою очередь, включаются в производственную, социальную и духовную как факторы субъективизации жизнедеятельности людей в сообществах.

Субъективизация происходит за счёт реализации психического потенциала человека, который действует как фактор бытия. Этот потенциал представлен психическими образованиями, открытыми и изучаемыми в пределах каждой из шести парадигм.

Субъективное содержание психологии человека *объективируется* в различных формах внешнего действия, поведения и деятельности человека, а также в материальных и духовных ценностях, опредмеченных в рукотворном мире человеческого бытия. Они являются отчуждёнными от их создателей формами существования *психологической реальности*, образующей пространство «ноосферы».

Объективация психического потенциала человека происходит под влиянием многосторонней детерминации, где участвует человек как активный субъект любого взаимодействия с миром вещей, людей и самим собой.

Каждая из парадигм вносит свою лепту в разработку измерительных средств психологической науки и теоретических интерпретаций психической деятельности человека.

Однако ни одна из парадигм так и не выстроила целостного и всеобъемлющего конструкта психической организации человека. Это становится препятствием для продвижения психологического познания к индивидуальной психологии конкретного человека, в чём следует усматривать главную цель психологической науки.

Опыт разработки целостного конструкта психической организации человека по *методологии интегрального синтеза*, где все парадигмы использовались для решения этой задачи, представлялся в публикациях сотрудников кафедры «практической психологии» под названиями «психология человека» и «интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей». В 1991 году началась апробация этого конструкта в интегративной учебной дисциплине под названием «психология человека», включённой в образовательную программу подготовки психологов в РГПУ им. А.И.Герцена. Этот опыт засвидетельствовал улучшение качества подготовки психологов по курсу «общей психологии» и возможности синтезировать нескончаемые потоки научной информации в системные блоки психической организации человека. Это подтвердилось и в эмпирическом исследовании психической организации школьников, проведённом сотрудниками кафедры «практической психологии»

в 1992-1997 годах при поддержке РФФИ и РГНФ. Остаётся сожалеть, что исследования этого цикла были прерваны.

Целостный конструкт психической организации человека воспроизводится в психологических интерпретациях личности при взаимном обыденном познании человека человеком. Его результаты дают основания сделать выводы о целостном конструкте личности как объекте психологического познания.

1.2.5. Об интегральном конструкте структуры личности.

Вывод 5. Исследования восприятия человека человеком раскрыли *онтологический* конструкт личности, воспроизводящий её целостность как объекта социального взаимодействия. Он включает в себе все компоненты психической организации человека в отличие от общепсихологического конструкта личности, что ведёт к новой модели её структурной организации. Если в гносеологических конструктах личности речь шла о темпераменте, направленности, способностях и характере человека, то онтологическая модель личности включает все качества, свойственные человеку как объекту и субъекту социального и предметно-практического взаимодействия. В их числе социально-ролевые признаки человека, его внешний облик, половая и возрастная принадлежность, физическая, социальная, деловая и психологическая привлекательность, система взаимоотношений с людьми. Все определения этих свойств человека происходят в понятиях о *психологических качествах личности*, наполняющих наши представления о *психологии человека* как предмете психологического познания.

Это вывод о *целостной структуре личности как партнёре социального взаимодействия, а также психологических качествах личности как предмете обыденного и научного познания человека. Этот конструкт является следствием эмпирических данных социальной перцепции человека человеком, где обнаружилось единство гносеологических и онтологических моделей личности.*

Интегральная модель психологической структуры личности представляет собой синтез гносеологической и онтологической концепций личности, сложившихся в общей и социальной психологии. Если гносеологические модели личности разрабатывались в рамках «субъект - объектной» парадигмы, то онтологические модели личности формировались на базе эмпирических исследований социальной перцепции, последовательно реализующих «субъект - субъектную» парадигму в исследованиях *психологии человека*.

Новизна в конструкте личности проявилась в содержании *социально-психологической интерпретации личности* по внешнему облику человека [124 - Панферов, 1970]. Выяснилось, что социально-психологические представления наполняются характеристиками человека, выходящими за пределы гносеологической структуры личности, принятой в общей психологии, где она изучалась с позиции человека как *субъекта отражения предметного мира*. В ситуации социального взаимодействия эта позиция дополняется *ролью субъекта общения*, которая превращает партнёров ещё и в *объекты психологического познания*.

В процессе общения партнёры являются друг для друга одновременно и *объектами*, и *субъектами* психологического познания. Это обстоятельство раскрывает личность со стороны *физических и социальных свойств* человека в дополнение к психическим свойствам. Более того процесс психологического познания подвергается влиянию обоих взаимодействующих субъектов, что позволяет считать их индивидуальные представления друг о друге результатом взаимных психологических вкладов, происходящих в процессе взаимной *презентации и селекции функционально значимых качеств личности партнёров*. Нужно помнить, что критерии такой презентации и селекции социально-психологических качеств личности заключены в функциональном содержании конкретной ситуации социального взаимодействия. Такая ситуация является важным фактором психологического *взаимопознания* партнёров, нацеливая их внимание на качества друг друга как партнёров конкретной предметно-практической деятельности и общения. Именно это обстоятельство выводит психологическое познание человека на *онтологические признаки личности*, которые до поры до времени находились за пределами гносеологических конструктов психологической структуры личности и экстраполировались в научно-теоретических понятиях, абстрагирующихся от конкретного содержания их эмпирического бытия.

Это не следует понимать как отвержение теоретических конструктов гносеологической структуры личности. В них обозначились предельно *интегральные психические образования*, вбирающие в себя элементарные психические свойства, состояния, процессы и функции в гносеологически преобразованном виде.

В их числе, в первую очередь, называется «направленность личности», во внутренней структуре которой рассматриваются *мотивационные* компоненты психической организации человека. К ним относят влечения, склонности, желания, интересы, намерения, планы, ценностные ориентации, мечты и другие компоненты, мотивирующие человека. Всё это относится к *конативным* функциям психической деятельности человека, направляющим его к предметному миру своих потребностей. В «направленности личности» определяются *субъективные установки личности* на объекты внешнего мира, людей и самого себя. Эти установки выполняют целеполагающую функцию в поведении и деятельности человека, создавая тем самым определённую его жизнедеятельности. Эта определённость возникает в объективированных формах поведения и деятельности, но не объясняет происхождение тех или иных установок в случаях обусловленности их бессознательными влечениями и склонностями конкретного человека. И всё же человек стремится их понять средствами самопознания и самоанализа.

Этой задаче служит другой важнейший компонент гносеологической структуры личности, связанный с *рефлексивной функцией* психической организации человека. Она интегрируется в феноменах «самосознания». Речь в этом контексте идёт, в первую очередь, об образах «Я», самооценке, идентичности себе и другим, о самоуверенности, самолюбии и чувстве личностного достоинства. Эти и другие феномены самосознания возникают в

процессах познания себя в ряду других людей в контексте социального взаимодействия с ними. Без других нет возможности адекватного самопознания личности. Поэтому теоретическая гносеология самопознания невозможна без отражения эмпирического фона социального бытия человека, где он выступает, прежде всего, как *субъект взаимодействия с другими людьми*, а не только с предметами своих органических потребностей.

Ещё одним важнейшим компонентом гносеологической структуры личности являются «способности» человека как субъекта предметно-практической деятельности и социального взаимодействия. В этом компоненте происходит реализация *креативных* (творческих) функций психической организации человека. Принято считать, что общие и специальные способности человека базируются на задатках, знаниях, умениях и навыках. Они более других компонентов психической организации человека поддаются развитию и самосовершенствованию. Развитие общих и специальных способностей человека является главной задачей образовательной деятельности. Решение этой задачи предполагает формирование *творческого потенциала*, как *отдельного человека, так и нации*, посредством общего образования подрастающего поколения в школах, а также подготовку *мастеров и специалистов* профессиональной деятельности в учреждениях следующих образовательных ступеней.

Если качество *знания* человека можно определять как его «компетенцию», то качество *умений и навыков* следует определять как «квалификацию» мастера и специалиста. К слову надо заметить, что проблема *квалификации* как главная цель *профессиональной подготовки* в современных образовательных стандартах почему-то снята. Если *компетенция* зиждется на *объёме знаний и информированности* человека, то *квалификация* – на *способностях оперировать знаниями и творческом использовании их* при решении конкретных задач профессиональной деятельности и совместной жизнедеятельности людей. Эти способности ближе к технологической реализации знаний, чем просто компетенция.

Задатки – ещё один компонент гносеологической структуры личности, определяются как *прирождённый потенциал возможностей* человека в различных сторонах предметно-практической деятельности и социального взаимодействия. Образовательная деятельность – это способ развития задатков, расширяющих творческие возможности человека как субъекта познания, общения и профессионального труда. Поэтому образование – это не услуга, а процесс *формирования и воспитания личности, способной творчески решать всё усложняющиеся проблемы общественного бытия* с перспективой на будущее. Хорош бы был Макаренко, если бы он оказывал услуги своим колонистам!

В тесной связи со способностями находится «характер» - ещё один интегральный компонент структуры личности. В нём происходит интеграция *эмотивных функций* психической организации человека, проявляющихся в системе *отношений субъекта* к многочисленным объектам предметно-практического и социального взаимодействия, а также к себе самому. Эти

отношения выступают как внутренние субъективные условия реализации потенциала способностей человека. Например, характера часто не хватает для реализации вполне очевидных способностей человека. Линия разрыва в таких случаях проходит по волевым качествам характера. Характер как система отношений погружает нас в глубины психологии человека. В этих глубинах формируется эмотивный потенциал личности, стимулирующий *нравственную, эстетическую и волевою коммуникацию* в социальном взаимодействии людей. Этот потенциал проявляется в разнообразных *взаимоотношениях* людей в сообществах. Он является очень важным социально-психологическим условием реализации личности, потенциала её способностей. В структуре эмотивного потенциала человеческих отношений определяются *психические, психологические, социально-психологические и социальные* отношения, которые проявляются в *личных, межличностных, групповых и общественных* отношениях. Характер – это системное интегральное психическое образование личности. В нём проявляется глубинная *субъективность* позиций человека к себе, другим, к деятельности, предметному миру и природе – ко всему, что окружает человека и сопровождает его по жизни. Отдельные черты характера определяются в понятиях *«психологические качества личности»*. В ряду таких определений встречаются метафоры, указывающие на модальные качества личности. Характер обнаруживает себя в общении людей, что позволяет рассматривать его как форму проявления *субъектности* человека в социальном взаимодействии людей. В роли носителей характера рассматривается не только личность, но и группы (большие и малые) людей, вплоть до народов и наций. По отношению к народам употребляется понятие «ментальность», под которой имеется в виду *стереотипный набор модальных психологических качеств*, присущих той или иной общности людей. Например, если учительница, то строгая; если немец, то педант и тому подобное.

К гносеологической структуре личности относят ещё и *темперамент*, характеризующий динамические особенности психической деятельности человека. На основе психофизиологических свойств темперамента определяются возбудимый, инертный, уравновешенный, эмоциональный и другие типы личности. Эти особенности, отмечаемые у конкретного человека, нередко относят к свойствам характера. Они служат основанием для прогнозирования поведения и деятельности личности. Таким образом, появляются понятия об индивидуальных стилях поведения и деятельности, в которых обнаруживается соответствующая динамика, или понятие о типах темперамента по классификации от Гиппократов до Павлова, Теплова, Небылицына и других. Однако эти особенности динамики психической деятельности не относятся к определению системы человеческих отношений, то есть к характеру, и поэтому должны рассматриваться как элементы динамики психической деятельности в целом, характеризующие темпо – ритмы протекания психических процессов, поведения и деятельности человека.

Содержательное наполнение всех этих компонентов гносеологической структуры личности определяется понятиями о *психологических качествах* человека. Особенность этих понятий в близости к эмпирическим формам

проявления психического как целого. Целостность психического содержания в человеке фиксируется в дифференциальном осмыслении проявляемых человеком качеств как некоторых функциональных возможностей что-то делать и как-то относится к другим, предметному миру, природе, к себе. В результате происходит синтез разных свойств разных психических образований в некотором произведённом действии и поступке человека. Наблюдатели этих действий и поступков определяют их *качество* в психологических понятиях о личности. Само же это качество не обязательно связывается наблюдателями с отдельными компонентами психической организации и гносеологической структурой личности. Оно связывается с *исполняемой функцией* человека как субъекта совместной деятельности и общения. Любая функция *человека-делателя* для своего исполнения включает всё многообразие психических свойств, в превращённом синтезе интегрального психологического качества. В результате в каждом психологическом качестве происходит пересечение свойств разных психических образований, осмысленных и определённых в гносеологии психологической науки.

Итак, гносеологическая структура личности включает характеристику *мотивационных побудителей активности человека, мировоззренческие представления о себе и мире, потенциал способностей, систему отношений и динамику поведения и деятельности*. Эта характеристика выражается в понятиях о *психологических качествах* человека как субъекта предметно-практической деятельности и социального взаимодействия людей. Однако в ней отсутствуют важнейшие характеристики человека как *объекта* общения и *партнёра* в совместной жизнедеятельности людей, где человек является *носителем и проводником психологического влияния* на все аспекты общественного бытия. Именно это возможное и фактическое влияние принимается в расчёт в совместной деятельности и общении людей, привлекая их взаимное внимание к *объектным формам существования психического*.

Если изучать человека как *эмпирический объект* психологического познания, то в его характеристиках появятся качества, относящиеся к свойствам его телесной организации (антропологическим особенностям в первую очередь). Эти особенности воспринимаются как *признаки* принадлежности человека к *социальным общностям* людей. По ним происходит *первичная идентификация социальных качеств личности*. Эти качества не фигурируют в гносеологической структуре личности, которая опирается на общепсихологический конструкт психической организации человека. Однако именно *социальная идентификация становится отправной информацией для психологической интерпретации человека как личности*.

В исследованиях социальной перцепции человека произошло расширение научных представлений о психологической структуре личности, которая проступила во всей полноте своих онтологических проявлений.

По строению тела и лицевых черт происходит идентификация человека в первую очередь с антропологическими общностями людей (этнической, половой, возрастной), а также с большими и малыми группами социальной общности (профессиональными, политическими, религиозными, семейными,

приятельскими и многими другими), то есть определяется *социально-групповая принадлежность личности*. Эти характеристики до сих пор не всеми представителями науки включаются в психологическую структуру личности. Но именно социально-групповая принадлежность человека является фактором типовой дифференциации его психологии. Например, психологии русского, немца, американца и других народов; психологии учителя, военного, чиновника и других профессий и так далее по социальным группам людей. По сути, речь идёт об *онтологической структуре личности*. Она наряду с социально-групповой принадлежностью включает характеристику внешнего облика и эстетической привлекательности, социального статуса и общественных ролей, видов деятельности и поведения, способностей и характера, потребностей и интересов, темперамента, отношений и мотивов, то есть всего, в чём проявляет себя человек, находясь в обществе других людей.

Многоаспектность социального взаимодействия порождает и многоаспектность социально-психологической интерпретации личности, воспроизводя её и онтологическую, и гносеологическую структуру. Если гносеологическая структура личности воспроизводит основные *компоненты психической организации* человека по представлениям общей психологии, то онтологическая структура личности воспроизводит *функционально-ролевые проявления* человека как субъекта социального взаимодействия по представлениям социальной психологии. Если компоненты психической организации представлены в понятиях «психические образования», то функциональные характеристики человека представлены в понятиях «роль» и «деятельность». Если гносеологическая структура личности является порождением научно-теоретического конструкта психической организации, то онтологическая структура личности является порождением эмпирического познания людьми друг друга в практике социального взаимодействия.

Понятие «психологические качества», определяющие содержательную активность человека в совместной жизнедеятельности как субъекта общения и предметно-практического взаимодействия, являются всеобщими для характеристики элементов как гносеологической, так и онтологической структуры личности.

В связи с этим возникает *проблема систематизации психологических качеств личности* как элементов целостной структуры личности. Для решения этой задачи необходимо обозначить классификационные рубрики свободных эмпирических определений личности как партнёра социального взаимодействия.

В качестве таких рубрик могут выступить *вопросы*, на которые мы отвечаем себе в процессах взаимной деятельности и познания партнёров. В числе этих вопросов оказываются:

- 1) *кто перед нами?*
- 2) *что он делает?*
- 3) *как он это делает?*
- 4) *почему и для чего он это делает?*
- 5) *в каком он настроении?*

- 6) *какие у него отношения с людьми?*
- 7) *в чём индивидуальные особенности его личности?*

Могут быть и другие вопросы-ответы, адресованные к тем или иным компонентам онтологической и гносеологической структуры личности, которая рассматривается в практике социального взаимодействия под углом зрения функционального прагматизма. Эти вопросы воспроизводят логику и правила синтаксиса и грамматики языка, задавая, таким образом, алгоритм соответствия гносеологии и онтологии личности как объекта обыденного и научного познания.

Что отмечали респонденты, отвечая на эти вопросы?!

Во-первых, говорили о *внешнем облике* человека. Кто-то в первую очередь определял своё эстетическое отношение по шкалам «нравится – не нравится», «красивый – не красивый», «симпатичный» или нет. Кто-то характеризовал антропологическое своеобразие по расовой, этнической как национальной, половой, возрастной принадлежности. Кто-то находил во внешнем облике воспринимаемого человека признаки социально-групповой принадлежности по исполняемым ролям. В результате определились категории, по которым происходила дифференциация личностей при ответе на вопрос «кто». В их числе:

- *физический облик;*
- *социально-групповая принадлежность;*
- *роли в группах и общностях вхождения (производственные, общественные, семейные и другие);*
- *образование;*
- *статус личности.*

Вся эта информация черпалась из фотографического изображения лица, которое представляет собой знаковый комплекс психологических качеств личности. В наших опытах эти характеристики воспринимаемого человека могли происходить только на основе *экспрессивных конфигураций* (выражения лица), свойственных тому или другому человеку.

Следует обратить внимание на преобладание *ролевых* определений личности воспринимаемого человека. Именно в *ролевой структуре личности заключено её главное онтологическое содержание*. Эти характеристики личности обнаруживались в разнообразных определениях воспринимаемого человека как физического, социального и психологического объекта социального взаимодействия. Например: «этот человек – слесарь, бригадир, активист, душа бригады, окончил техникум; любящий отец, похож на украинца, средних лет, симпатичный, лицо удлинённое, волосы тёмные, среднего роста». Обращаем внимание на то, что в определении «слесарь» заключено сразу две характеристики социально-групповой принадлежности (по профессии и социальному классу). Это указывает на использование *обобщённых понятий-слов* в языковой культуре. Такие понятия сами по себе нуждаются в психологической дифференциации смысла.

Все эти характеристики личности респонденты могли вывести только из внешнего облика незнакомого им человека. Удивляет то, как много личностно-

психологической информации респонденты могут извлечь из простого фотографического изображения лица человека. И это ещё не всё.

Респонденты, наделяя воспринимаемого человека содержательными характеристиками, высказывались о его предполагаемых занятиях и деятельности. В наших исследованиях речь шла о таких видах деятельности как *производственной, общественной, учебной, военной, спортивной, организаторской, творческой, игровой, развлекательной, сексуальной, семейной*. Эта важная для социального взаимодействия информация додумывалась в социально-психологических интерпретациях личности как потенциального партнёра с оценочными характеристиками его успешности. Например, «хороший производитель», «плохой ученик», «любящий отец семейства» и т.п. Включение ролевых определений в аксеологический (оценочный) контекст указывает на важность понимания деятельности и её качества в потенциальном партнёрстве социального взаимодействия людей.

Вопрос о качестве деятельности приводил интерпретаторов к характеристике общих и специальных способностей воспринимаемого человека. В этом контексте возможные знания гносеологии способностей соединялись с житейским опытом социального взаимодействия. В результате происходило взаимное обогащение понятиями о *способностях человека как субъекте конкретных видов деятельности*. В их числе назывались: умственные, художественные, творческие, технические, организаторские, учебные, производственные, спортивные, физические, сенсорные, моторные, мнемические, коммуникативные, юмор и другие способности человека.

В онтологии взаимопознания важным оказалось понимание потребностной мотивации осуществляемой человеком деятельности. В этом случае назывались всевозможные потребности человека, ради которых он выполнял, обозначенную респондентами деятельность. О них речь шла в связи с четвёртым вопросом алгоритма онтологического познания людьми друг друга.

В этом алгоритме проявлялся интерес респондентов к настроению воспринимаемого человека, что важно учитывать в ситуациях конкретного социального взаимодействия людей. Это очевидно в практике общения людей. Отмеченное настроение предопределяет возможность успеха-неуспеха в реальном контакте и совместной деятельности людей. Поэтому настроение как компонент психического состояния является важной онтологической характеристикой потенциальных и реальных партнёров социального взаимодействия и взаимопознания.

Особое внимание в житейском психологическом познании уделялось человеческим отношениям потенциального партнёра. Во-первых, тем отношениям, которые, по мнению респондентов, он проявляет к другим людям, и, во-вторых, тем отношениям, которые проявляют люди к нему. В первом случае раскрывались отношения к людям другого пола, супругам, родителям, родственникам, друзьям, детям, равным по статусу, находящимся ниже и выше по социальному положению. Во втором случае речь шла об отношении других людей к человеку как субъекту социального взаимодействия. Например, «любим товарищами», «вызывает к себе доверие», «привлекает

рассудительностью», «он подвержен влиянию со стороны других людей», «в решениях полагается на мнение других», «обаятельный» и тому подобные.

Раскрыв реальные качества человеческих отношений партнёров, человек как субъект социального взаимодействия может выстроить тактику и стратегию своего поведения, соответствующую их пониманию.

Однако довольно сложно в одном контакте с другим человеком развернуть на словах столь детальную характеристику его личности. Поэтому субъекты взаимопознания прибегают к определениям личности, приближающимся к метафорическим по языковой форме и краткой по синтаксической структуре выражениям. Эти выражения содержат обобщённые определения личности, в которых заключены её *модальные* качества. Например, «славный дядя», «современный», «много переживший», «интересный», «растяпа» и т.п. Эта группа понятий подчёркивает индивидуальное своеобразие человека как социального типа личности. Они были отнесены к рубрике «интегральных определений личности». В них субъекты взаимопознания стремятся выразить основное качество личности, важное для регуляции совместной жизнедеятельности, затребованное совместной деятельностью и общением.

Итак, «субъект – субъектная» парадигма, реализуемая в социальной перцепции, полноценно раскрывает все психологические проявления личности. В *социально-психологической интерпретации отражается интегральная модель личности в качестве субъекта социального взаимодействия, представляющего определенную партнёрскую ценность; она более полная и эмпирически более релевантная в сравнении с известными гносеологическими конструктами структуры личности.* Поэтому в эмпирических исследованиях имеет смысл пользоваться именно этой моделью.

Онтологическая структура личности вбирает в себя всё содержание гносеологических представлений о личности в виде *психологических качеств*, объективированных в его внешнем облике и других формах материализации телесно-психического потенциала человека. Они осмысливаются и обозначаются в высказываниях людей друг о друге словами-понятиями общественного языка народа. Это открыло проблему внешнего облика как первичной формы объективации психологии личности и новый взгляд на парадигму объективного психологического познания.

В то же время эти результаты побуждают к пересмотру конструкта психической организации человека, исходя из его роли субъекта социального и предметно-практического взаимодействия. Но об этом будет сказано позже. Логика явления личности как психологии человека понуждает обратить внимание на природу «психологического качества» как интегративного элемента структуры личности.

1.2.6. Об амбивалентности психологических качеств и отношений человека.

Вывод 6. В социально-психологических интерпретациях личности обнаружилась *амбивалентная сущность психологических качеств* человека. Она проистекает из аффективного компонента психического отражения объектов взаимодействия. «Не сделав добра – не сделаешь и зла», гласит

народная мудрость. Это означает, что «добро-зло» не просто антоним, но и явление противоречивой целостности. Такого рода антонимы выражают двойственную *оценку* нашего переживания, вызванного поступком партнёра. Она встроена в психологическое познание как бриллиант в оправу высшего смысла бытия. Эта оценка детерминирована значениями угрозы, безопасности, полезности объекта взаимодействия для реализации мотивационной установки партнёров. Первичная эмоция определяет соответствие качеств партнёров их встречным мотивам. Это соответствие-несоответствие формирует положительно-отрицательную эмоцию, которая трансформируется в отношения «приятия-неприятия», предопределяя дальнейшее развитие совместной жизнедеятельности. Поэтому любое психологическое качество обозначает антиномию человеческих отношений, которые биполярны и не имеют «нулевого» значения. «Ноль» - это знак толерантности, свидетельствующий о безразличии. Но безразличие ничем не лучше равнодушия. Следовательно, за толерантностью маскируется отрицательное по своей валентности отношение. Толерантность – это этическая норма сокрытия отрицательного отношения к партнёрам социального взаимодействия. «Не люблю, но терплю» - вот формула толерантности.

Это вывод о психологических источниках парадоксального поведения человека, в числе которых внутренняя амбивалентность эмоций и чувств, противоречивость сознания, отражения и выражения, слова и дела, несогласованность человеческих отношений. Осознание этих парадоксов происходит в определениях психологических качеств личности.

Если классические направления психологической науки (психофизиология и психофизика), опираясь на «субъект – объектную» парадигму, ищут прямых зависимостей между физическими и психическими свойствами, то исследования социальной перцепции, осуществляемые на основе «субъект – субъектной» парадигмы, направлены на изучение зависимостей между психологическими сущностями партнёров. В результате исследователи сталкиваются с амбивалентной природой психологических качеств личности и парадоксами человеческих отношений. В этом случае первичная произвольная психофизическая реакция может быть заблокирована интересами социального взаимодействия (толерантностью), а отклики партнёров друг на друга могут оказаться неожиданными и весьма противоречивыми. Амбивалентность чувств разрушает толерантность человеческих отношений, когда кто-то из партнёров перестаёт соблюдать *этические нормы* отношений, принятые в другой общности людей. Проблема урегулирования человеческих отношений в этом случае предполагает достижение *нравственно-этической совместимости* субъектов социального взаимодействия.

Всё начинается с эмоционального реагирования на внешний облик друг друга, а заканчивается оценками личности и суждениями о психологических качествах партнёров социального взаимодействия.

В связи с этим возникает проблема «психологических качеств» как амбивалентных феноменов психической деятельности, заключающих в себе

потенциал парадоксального поведения личности. Через познание внутренней противоречивости психологических качеств человека пролегает путь к познанию сложнейших коллизий человеческих отношений и парадоксов личности.

Во-первых, психологические качества – это *явления* психологии личности во *внешних формах* субъектной активности человека, относимые, однако, к *внутренним конструктам* психической организации человека. Это означает, что партнёры как бы видят психологические качества во внешнем облике друг друга, но относят их к скрытой внутри личности сущности, которая не дана в ощущениях, но открывается в материализованных формах поведения и деятельности через их интерпретацию как признаков реальной психологии человека.

Во-вторых, психологические качества – это *понятия* о функциональных проявлениях человека в предметно-практической деятельности и общении. В них *реальность внешних действий и поступков* человека воспринимается как *внутренняя психологическая реальность*, определяющая потенциал индивидуальных возможностей личности в социальном взаимодействии.

В-третьих, психологическое качество личности, как понятие, всегда нагружено *оценками*, совершаемых действий и поступков. Оценки основаны на удовлетворённости партнёров качеством действий и поступков, а также на отношении партнёров друг к другу. *Оценочный контекст*, присутствующий в определениях психологических качеств личности, проистекает из *аффективной природы* психического отражения человеком объектов взаимодействия. Оценочный окрас восприятия проявляется в *непроизвольном эмоциональном реагировании* на конкретный объект взаимодействия, на месте которого в социальном взаимодействии оказывается партнёр. Эта первичная эмоция трансформируется в *первичное психическое отношение* «приятия-неприятия» партнёра. Осознание партнёрами этого отношения благодаря психологической рефлексии подтверждается осмысленным определением психологического качества, которое присуще партнёрам по их мнению. В случаях неприятия, но необходимости сотрудничества, партнёры отыскивают другие, но положительные качества личности, посредством психологической интерпретации достоинств личности как субъектов необходимого сотрудничества.

Таким образом, *первичное и непроизвольное психическое отношение* трансформируется в *необходимое психологическое отношение*. В свою очередь, на основе возникшего контакта и взаимной аффилиации, благодаря усилиям обоих партнёров происходит формирование *взаимоотношений* – социально-психологического феномена общения. Во взаимоотношениях внимание акцентируется на востребованные общностью партнёров психологические качества личности. Это приводит к синтезу индивидуальных психологических качеств партнёров в феноменах *групповых социально-психологических отношений*. Эти отношения претерпевают очередную трансформацию в социальном взаимодействии малых и больших общностей людей как коллективных субъектов *общественных отношений*. Партнёры в этих

процессах вынуждены проявлять востребованные психологические качества для достижения необходимых им успехов социального взаимодействия.

Вся эта психологическая деятельность партнёров социального взаимодействия обеспечивается психическим потенциалом эмотивных функций психической деятельности человека. Поэтому модальные интересы людей в социальном взаимодействии связаны, прежде всего, с проявлениями дружбы, любви, сочувствия и им подобных отношений. Однако каждому из этих отношений и психологических качеств личности имеется свой антоним, указывающий на их двойственную эмоциональную природу. Например, дружбе – вражда, любви – ненависть, сочувствию – равнодушие и так всем психологическим качествам личности и человеческим отношениям. Это говорит о том, что в каждом таком отношении и психологическом качестве личности присутствует заряд как положительных, так и отрицательных эмоций и чувств.

Преобладание эмотивных функций обнаружилось в исследованиях социально-психологической интерпретации, где проявилась первостепенная роль *эмоционального отношения* воспринимающего к воспринимаемому человеку.

Во-первых, эмотивные функции проявили себя как *механизм влияния* на содержательные характеристики личности воспринимаемого в процессе социально-психологической интерпретации. У испытуемых преобладало эмоционально-эстетическое отношение к внешнему облику воспринимаемого человека. Это проявлялось в высказываниях: «Ужасная!», «Красавчик» и тому подобных. Вслед приписывались соответствующие отрицательные или положительные качества в основном характерологического определения личности. Об этом свидетельствует очень большой коэффициент корреляции между оценками внешнего облика и оценками психологических качеств личности при первом впечатлении о незнакомом человеке. Однако, в случаях положительной оценки внешности, по данным моего эксперимента он был равен 0,92, а в случаях отрицательной оценки внешности всего 0,64. В первом случае математическая вероятность (по коэффициенту конкордации) приписывания положительных качеств личности равнялась 0,84, а во втором всего 0,41. Этот парадокс совсем не прямолинейных зависимостей может объясняться смягчением отношения к достоинствам личности при очевидной физической непривлекательности партнёра. В этом случае, возможно, вступают в силу факторы *этических отношений*, в то время как в первом случае более существенно влияние *эстетических отношений* на психологическую оценку личности.

Вопрос адекватности в этих случаях отпадал, так как испытуемый считал себя безупречным в этом суждении. Если я таким вижу человека, значит, он такой и есть – вот аргумент нашей адекватности. В этом случае воспринимающий человек полагается на свой опыт и свои убеждения.

Во-вторых, эмотивные функции проявляются в качестве *механизма психологической депривации* неадекватно воспринимаемого человека в случаях негативного эмоционального впечатления от его внешности. Еще Локк считал,

что человек не может слишком долго находиться под гнетом постоянного нерасположения к себе окружающих, так как это слишком тяжело для человеческого терпения. Иллюстрацией к этой функции человеческих отношений могут послужить исследования формирования характера гипофизарных карликов выполненных польским психологом Обуховским [104].

Он наткнулся на *парадоксальные последствия отношения* к патологически низкому росту карликов со стороны людей с нормальным ростом.

Он пришел к выводу, что слишком низкий рост вызывает у людей *однообразные формы отношения как произвольные реакции* на эту особенность внешности. А это, в свою очередь, приводит к однородным специфическим ответным реакциям карликов, формируя у них соответствующие черты личности.

Так, К.Обуховским было отмечено, что для большинства карликов при нормальном уровне интеллектуального развития характерен инфантильный юмор, некритический оптимизм, непосредственное отношение к людям и высокая выносливость к стресс-ситуациям. Это объясняется тем, что к карлику относятся как к игрушке. Его мечты и страдания вызывают упрек и удивление. Положительным подкреплением сопровождаются только те формы поведения, которые отвечают приписываемой ему роли забавной игрушки [104 - К.Обуховский. 1966].

В-третьих, эмотивные функции обеспечивают сбалансированный отклик на несоответствие *физической и психологической привлекательности; социальной и деловой привлекательности* в межличностном общении. В массовом социальном взаимодействии, общественной предметно-практической и профессиональной деятельности эти несоответствия являются серьёзной психологической помехой в общественной реализации личности.

В исследованиях социального взаимодействия и социальной идентичности, где доминирует когнитивистская и конструктивистская парадигмы не уделяется должного внимания *эмотивным функциям психической деятельности человека*, что приводит к упущению глубинного психологического содержания и искаженным объяснениям психологических механизмов социального поведения личности.

Отношения в социальном взаимодействии выполняют функции **психологического влияния** на содержательные изменения в психологических представлениях людей друг о друге, которые (представления), в свою очередь, начинают играть роль психологических регуляторов **межличностных отношений**, трансформирующихся в установку приятия или неприятия людьми друг друга. Получается замкнутый круг самовоспроизводящихся оценок и отношений. Разорвать его можно только при достижении *нравственно-психологической совместимости* партнёров социального взаимодействия. В данном случае совместимость не означает нивелировку различий, как это имеет место в конструкционизме и мультикультурализме. Наоборот совместимость предполагает *приятие различий* как потенциала развития совместной жизнедеятельности.

Изучение отношений связывает исследователя с субъективной реальностью более непосредственно, чем социальные представления. Но отношения субъекта трудно доступны для эмпирической репрезентации. Многие исследователи не находят убедительных методических средств для изучения феноменов эмотивного происхождения, иных останавливает трудоемкость исследовательских процедур, направленных на изучение человеческих отношений. Чтобы вскрыть субъективную реальность человеческих отношений, нужно обратиться к свободным проявлениям изучаемого человека (экспрессии, телесным движениям, общению, свободным высказываниям, поступкам и другим формам объективации социального взаимодействия).

Психологические отношения субъектов социальной перцепции и социального взаимодействия всегда амбивалентны. В них происходит слияние положительного и отрицательного полюса отношений. Интегральный синтез амбивалентности наших чувств представлен в понятиях о психологических качествах личности, располагающихся в аксеологическом пространстве биполярных шкал (*красивый-некрасивый, умный-глупый, добрый-злой и тому подобных*).

В процессах социального взаимодействия эти шкалы могут быть развернуты в промежуточных качествах личности. Например, по шкале «красивый-некрасивый» могут встретиться такие определения как «привлекательный», «обаятельный», «несимпатичный», «страшненький» и тому подобные.

Эти факты указывают на совместимость взаимоисключающих характеристик людьми друг друга, а, следовательно, и отношений между ними, которые принято называть в социальной психологии межличностными. Предельное состояние такого *парадокса* может быть представлено формулой: «люблю, потому что ненавижу», в логике черномырдинского афоризма: «лучше водки, хуже нет».

Исследования социально-психологической интерпретации раскрыло нам парадоксальность психологии человека как личностного феномена. Именно этот парадокс, которым пренебрегает классическая экспериментальная и академическая психология, являет нам основы субъектности, где доминируют эмотивные функции, в то время как в когнитивистской традиции акцент делается на субъективности психического образа, адекватность которого определяется зеркальным подобием объекту, что оказывается менее важным в социальном взаимодействии людей, чем их собственные взаимоотношения.

Мы видим, что данный эмпирический парадокс трансформируется в современной психологической науке в противоречивые теории психической организации человека, продвигая научные знания в глубины «психологии человека», которая начинает занимать в предметном поле психологической науки достойное для себя место.

Парадоксальность психологии человека проистекает из единства противоречий тела и души, материального и идеального, организма и психики, нервной и психической деятельности, аффективного и гностического, психического отражения и психологической рефлексии и многих других. В

конце концов, все они проявляются в противоречивом единстве бытия и сознания.

В пределах отдельно взятого человека все эти противоречия представлены его свойствами как объекта природы и субъекта психической деятельности с функцией *сознания*, которое становится источником множественных парадоксов поведения людей в их совместной жизнедеятельности. Психологическая наука и практика жизни постоянно сталкиваются с парадоксами сознания, в которых субъектная активность человека направляет его поведение и деятельность вопреки естественным законам жизни тела. В субъект-объектных конструктах психической деятельности человека представлены противоречивые отношения психики и реальности, с которой человек взаимодействует. Эти противоречия преодолеваются человеком посредством парадоксальных решений, которые выполняют задачи адаптации к новым условиям бытия. Однако сознание не всегда находит правильное решение, и в этом заключён ещё один парадокс *психологии человека как явления и психологии как науки*.

В антиномии «души и тела» заключён основной парадокс человека как существа разумного. Этот парадокс является источником мировоззренческих переживаний человека, в которых происходит осмысление проблем жизни и смерти человеческого бытия. Эти проблемы проистекают из деятельности *самосознания* (души) человека, в результате чего возникают обыденные и научные представления человека о самом себе, смысле жизни, смерти и возможного бессмертия

Ключевым противоречием жизни души и тела является их *взаимовлияние*, что предполагает довольно сложный баланс детерминирующих свойств телесной и психической организации человека. Именно об это противоречие постоянно спотыкаются различные направления психологической науки.

Амбивалентность указывает на сопричастие положительных и отрицательных эмоций как стартового состояния для психологической деятельности субъекта психического отражения. Первичная эмоция в этом процессе спонтанна и бессознательна. Она проступает как чувственный тон неясный по происхождению его валентности. Объект изначально либо нравится, либо не нравится, что не понятно без подключения аналитической функции сознания, которая осуществляется посредством аксеологической деятельности субъекта. В этой деятельности внешний облик человека воспринимается как знаковая система положительных и отрицательных значений личности. Отсюда и проблема *значимости партнёров* совместной жизнедеятельности.

Знак эмоции как *отношения* зависит от предчувствия полезности объекта и его соответствия эстетическим эталонам, усвоенным в перцептивном опыте человека. Предчувствие полезности понуждает партнёров к изменению знака валентности первичной эмоции. Такого рода парадоксы сопровождают динамику психологической деятельности человека в процессах общения и совместной деятельности.

Психологическое давление на преобразование эмоций усиливается вместе с оценочной функцией сознания. Необходимость оценки объекта взаимодействия с точки зрения его полезности или бесполезности доводит процесс психической деятельности до таких глубин психологического переживания, при котором становится трудно установить равновесие в амбивалентной структуре чувств. Оценка в психологическом познании человека завершается определением его психологических качеств, амбивалентность которых обозначается соответствующими антиномиями. Например, «добрый – злой», «ответственный – безответственный», «милосердный – агрессивный» и многими другими.

Эмоциональная амбивалентность психического реагирования и психологической рефлексии являются источником *субъективности* психической и психологической деятельности, которую следует рассматривать в качестве специфического свойства предмета психологического познания человека. В *субъективности* психологической деятельности человека заключены его психологические качества, характеризующие своеобразие личности как индивидуальности. Разумеется, что субъективность как качества психологии человека проявляется не только в идеальных, но и материальных формах и результатах психологической и предметно-практической деятельности человека.

В «субъект – субъектной» парадигме возможно наиболее полное проявление парадоксов психологического познания. Исходный момент всех парадоксов в этой формуле заключён в том, что человек предстаёт в ней одновременно и субъектом и объектом психологического познания и социального взаимодействия. Поэтому именно она нуждается в скорейшем методологическом осмыслении. Эта формула побуждает соотносить в психологическом познании *внутренний мир* человека со *словесными* формами выражения этого мира и *деловой* (предметно-практической) реализацией. Но между этими тремя этапами самореализации человека складываются парадоксальные отношения непоследовательности и не совпадения. Например, «хотели как лучше – получилось как всегда», или «подумал одно, сказал другое, сделал третье». Каждый из этих этапов жизни человеческого духа образует своеобразные психологические реальности, в которых объективируются потенциалы психической организации человека и человеческих отношений.

1.2.7.О парадоксах души и тела.

Вывод 7. Основным источником парадоксальности психологии человека и человеческих отношений является противоречие *души и тела*. В нём заключено понимание *жизни и смерти* как сущности бытия мира и человека. Основная проблема, связанная с этой антиномией, проистекает из мотива достижения *бессмертия*, при ясном понимании телесного конца. Отсюда возникает вопрос о бессмертии души как нетленной сущности сознания. Если это так, то в чём это бессмертие проявляется и объективируется для живущих людей? В чём след и знак души?

Скорее всего, анализ этой проблемы должен быть связан с перевоплощением идеальной реальности в виртуальные формы существования. Знаковые системы имеют материальных носителей и в тоже время являют нам нетленные значения в виде *знаний*, которые всё время пополняются познавательной активностью отдельных людей, поколений и человечества в целом. Знание психологии партнёров превращают их в носителей и трансляторов идеальной реальности их души, что обеспечивает её пребывание в бесконечном пространстве *ассоциативных полей жизненных смыслов* субъектов социального взаимодействия. Этот процесс может ограничиваться возможностями только нервно-психической организации. Но он бесконечен, что и предопределяет бессмертие души. Но прежде, чем заняться заявленными парадоксами, необходимо уточнить смысловое значение ключевых понятий, используемых в качестве базовых научных категорий.

ЧЕЛОВЕК – уникальное существо, обладающее *сознанием* и особой телесной организацией; *объект* природы и *субъект* деятельности; включает в себе противоречивое единство *материальных и идеальных* свойств; *парадокс природы*; феномен эволюционного усложнения форм жизни на Земле; способен к *самопознанию* и *преобразовательной деятельности*; имеет *душу*. Живёт в *сообществах* с подобными себе индивидуумами; характеризуется *индивидуальной психологией*.

ПСИХОЛОГИЯ – качественное проявление психических свойств в объективированных формах поведения и деятельности человека; душевный склад психических свойств и состояний человека; индивидуальные особенности характера и способностей человека; явление психической организации человека; потенциал психической организации субъекта деятельности, самореализации и развития; атрибут человека; феномен психической деятельности человека.

ДУША – феномен самосознания человека; инстанция субъективных переживаний и чувств человека; эмотивное психическое образование; рефлектирующий орган психической организации человека, идеальная субстанция внутреннего мира человека.

ПАРАДОКС – 1) непривычное явление, противоречащее общепринятому взгляду, представлению, убеждению; 2) сосуществование взаимно отрицающих противоположных свойств в одном объекте, их амбивалентное единство; 3) в науке – неожиданное явление, не соответствующее обычным представлениям.

Второе определение из этих трёх точнее раскрывает сущность парадокса души и тела, суть которого в том, что душа и тело находятся в противоречивых отношениях идеального и материального. Они сначала сосуществуют в одном человеке, предопределяя его специфическую целостность, но в дальнейшем они трансформируются в разные и отделённые друг от друга формы бытия.

Антиномия души и тела включает в себе парадоксальные отношения *материального и идеального; конечного и бесконечного; смертности и бессмертия*. Эти, казалось, не совместимые и отрицающие друг друга свойства

бытия сошлись в парадоксальном явлении эволюционного развития форм жизни на Земле – в человеке.

Его тело *материально, конечно и смертно*, а душа *идеальна, бесконечна и бессмертна*. Эти свойства взаимодействуют и противостоят друг другу, открывая человеку, разные возможности в сохранении и воспроизводстве *жизни тела и существования души*. Тело *живёт* по биологическим законам и умирает в соответствие с ними, а душа *существует* по законам *духовного бытия*, которые открывают для человека возможности оставаться в исторической памяти человечества своими духовными вложениями, и тем самым гарантировать бессмертное существование в пространстве духовной культуры.

Благодаря идеальным свойствам психической деятельности человека в мотивационной сфере его психической организации формируется стремление к *бессмертию*, которое начинает выполнять функцию перспективной цели жизнедеятельности каждого человека в отдельности и человечества в целом. К реализации этой цели человечество движется как в направлении продления жизни тела с перспективой трансплантации органов вплоть до полного обновления организма, так и в направлении усовершенствования информационной коммуникации, позволяющей *объективировать* в знаково-символической форме идеальные продукты психической деятельности человека.

Однако на этих путях к бессмертию антиномия «души и тела» порождает множество парадоксальных проявлений идеальной *произвольности* души в частной жизни отдельных людей в виде индивидуальных переживаний, поведения, деятельности и представлений о собственном предназначении в противоречивом пространстве материального и духовного бытия.

С одной стороны, душа порождена психическими свойствами телесной организации человека. С другой стороны, совершая духовную деятельность, человек освобождается от телесной зависимости и приобретает новые не телесные формы бытия. В конструкте «душа-тело», возникшего в человеке, душа, в силу своей регулирующей функции, подчиняет жизнь тела соответственно чувствам и представлениям человека о себе и своём предназначении, предопределяя тем самым перспективы индивидуального развития и общественной самореализации. В результате духовная работа самосознания может вступать в противоречие с биологическими законами материальной жизни человеческого тела. Это приводит к множественным артефактам в поведении и деятельности людей (гомосексуализму, гендерному неравенству, инфантилизму на фоне акселерации, суицидам, педофилии, агрессии, к феминизму и мультикультурализму в политике, к религиозным и этническим конфликтам в международных отношениях и многим другим).

Справедливости ради нужно сказать, что парадоксы сознания порождают не только артефакты со знаком минус, но и прогрессивные идеи, продвигающие человечество к бессмертию за счёт более совершенной организации жизни. Однако на этом пути неограниченные фантазии человеческого разума уносят человека в бездну неадекватных представлений о себе, других, природе,

мироздания, затуманивая естественные законы природы, по которым сохраняется жизнь человека, и воспроизводятся наиболее эффективные формы существования всего человечества.

Возможности душевной автономии позволяют человеку использовать независимость жизни *духа* от естественных законов жизни *тела* в соответствии с индивидуальным *самосознанием и самоидентификацией*, которые не всегда адекватно отражают индивидуальное и личностное предназначение человека под задачу воспроизводства и сохранения жизни вида. *Самосознание и самоидентификация* становятся весьма влиятельными психологическими факторами, предопределяющими индивидуальный путь социализации человека и его отношения с другими людьми и отношения к себе. Возникает ситуация произвольности выбора жизненного пути в предпочитаемых ролях, с которыми мы себя идентифицируем.

Иллюзии сознания могут порождать призраки необычных ролей (например, вампиров), невозможных для адекватного исполнения по естественным законам жизни. Например, гомосексуалисты не могут выполнять функцию продолжения рода в ролях родителей (быть отцом и матерью). Они не справляются с влечением к смерти (танатусом), жертвуя естественным предназначением к продолжению рода (эросом), что погружает их в патологические переживания своей идентичности.

Чем многочисленнее становится народонаселение, тем чаще происходят отклонения в индивидуальном поведении людей от естественных законов бытия как следствие потери адекватной идентичности. Насколько такие отклонения угрожают воспроизводству вида *Homo sapiens*?!

Раскованность сознания современного человека его индивидуальной свободой как никогда обостряет гамлетовский вопрос о личном предназначении жизни и жизнедеятельности всего человечества. Без ясного ответа на него происходит утрата смысла общественного бытия и мотива индивидуального существования человека.

Анализ антиномии «души и тела» продвигает нас к ответу на этот вопрос, который всегда был в центре внимания мировоззренческих концепций духовного бытия и бессмертия человека. Многообразие частных взглядов на эту проблему интегрируется в трёх исторически сложившихся мировоззрениях: ***мифологическом, религиозном, научном***. В них высказываются соображения по вопросам *сущности души; пространства посмертного бытия; духовного содержания души; форм существования души; механизмов трансакции души*. Ответы на эти вопросы должны были объяснить возможности и способы достижения бессмертия человека благодаря его особой душевной организации.

Ответы на эти вопросы были важны уже первобытному человеку. В первобытных культурах ответы на эти вопросы запечатлены в многочисленных мифах о рождении, жизни и смерти человека. В них представлены результаты самопознания и картины мира, которые запечатлелись в правилах жизни общин, в обрядах и традициях. Эти правила устанавливались в соответствии с пониманием базового противоречия души и тела – *бессмертия и смертности*.

Решения этой проблемы предполагали сохранение *физического* бессмертия общины и достижение *духовного* бессмертия индивида. Ради этой цели жизнь отдельного человека могла приноситься в жертву для поддержания и воспроизводства жизни общины. Но согласно мифам о душе человек продолжал *существовать*, но не *жить*, как наивно он мог думать, в носителях его имени, в ближайших потомках и даже в объектах природы. Существовать и жить – это не одно и то же. Существовать можно и в не телесной форме, а жить невозможно вне тела.

Проблема *бессмертия* оказалась *главным мотивом* жизни человека и жизнедеятельности человечества. Именно этому подчинены все наши деяния, технические изобретения, прогресс медицины. Первобытная община выжила и превратилась в современное человечество благодаря неустанному биологическому и общественному воспроизводству потомков в физическом и духовном выражении. Человечество неустанно выполняло наставление Бога «плодиться и размножаться», и при этом сохранять все формы жизни на Земле.

Это вполне приятное, но и ответственное занятие для кого-то оказывается обременительным, а иногда и труднодоступным в силу неадекватных переживаний парадокса души и тела, своего предназначения, сложившейся мотивации или её полного отсутствия, парадоксальной самоидентификации.

По мере роста народонаселения, возникновения больших общностей людей первостепенную роль в управлении поведением человека начинают играть *эгоцентрические мотивы*, отдаляющие человека не только от правил жизни общины, советов мудрецов, заповедей Бога, но, что самое опасное, от самого себя. Эти мотивы разрушают отношения взаимного притяжения людей в общении, сужают круг доверенных лиц. Современный человек бросается в Интернет за компенсацией психологической опустошённости в ближайшем окружении. А там виртуальная реальность призрачных идеалов. Каким должен быть путь к реализации главного мотива жизни человеческой – *бессмертия*?!

Поиск ответа на этот вопрос представлен в трёх мировоззренческих конструктах самосознания: *мифологическом, религиозном и научном*. Они последовательно формировались в истории жизни человечества, сменяя друг друга. Однако в жизни отдельного современного человека элементы этих конструктов могут причудливо сочетаться.

Например, бессмертие души в мифологическом конструкте самосознания достигается за счёт переселения души умершего в тело новорождённого. Это происходит посредством присвоения *имени* умершего новорожденному. Это действие порождало различные ритуалы передачи имени умирающего новорождённого. Так называемые «охотники за головами» на самом деле охотились за именем для новорождённых своей общины.

Имя считалось *знаком души*. Имя рассматривалось как переносчик психологических достоинств человека. С именем связывались значимые для общины функции человека как продолжателя и хранителя её жизни и целостности. До сих пор в подсознании современного человека сохраняется желание через имя ребёнка обозначить его особые достоинства, составляющие содержание ожиданий родителей. В религиозном мировоззрении имя человека

также обличено психологическими достоинствами соответствующих святых. Парадокс в том, что ребёнок ещё себя никак не проявил, но уже обличён социально значимыми качествами, проявления которых от него все ожидают. Важно то, что в соответствии с этими ожиданиями происходит воспитание ребёнка в меру педагогических способностей родителей и других, ответственных за это лиц. Имя становится символическим инструментом социализации человека в сообществах. Оно воздействует как психологическая установка на всех участников этого процесса, создавая вокруг ребёнка соответствующую духовную атмосферу.

Таким образом, независимо от мировоззрения имя продолжает играть роль символического идентификатора социально-психологических достоинств личности. Оно выполняет функцию инструмента социальной наследственности духовного потенциала человека и общества. Не случайно современные родители довольно часто называют своих детей именами своих отцов и матерей. Этим они подсознательно стремятся к воспроизводству духовного наследия своей семьи и рода, через увековечивание в своей памяти пережитых детско-родительских отношений. Внуки в иерархии семейных отношений воспринимаются как главные хранители родового вклада в общественную жизнь человечества. Именно им предназначаются функции *последователей и преумножателей* значимых для общества ценностей.

В процессах социального наследования имя является стимулом переживаний социально-психологических связей человека с предыдущими поколениями. Эти переживания приводят человека к осознанию своей главной функции жизни – быть *последователем* духовных и материальных деяний своих предков, обеспечивая тем самым бессмертие рода и себя в этом процессе. Нравственные разрывы в этих переживаниях разрушают человеческие отношения, прерывая закономерное движение человечества к бессмертию. Поэтому имя используется как нравственно-психологический скреп поколений. Это – своеобразная эстафетная палочка, которую передают поколения родителей поколению своих детей как символ предназначения их жизни в потоке жизнедеятельности всего человечества.

Кто и как этому следует – вопросы многообразной эмпирической практики, ответы на которые варьируют в современных сообществах с всё нарастающей неопределённостью новых значений имён. Однако психологическая установка на имя как знак психологических достоинств сохраняется. В связи с этим проблема идентификации человека по имени парадоксальным образом приобретает всё большую значимость вплоть до функции «бренда». К этому приводит интенсификация массовых коммуникаций современного человека, где сложные когнитивные процессы смыслообразования сворачиваются, что приводит к парадоксальному усилению эмотивного восприятия человека по имени-бренду в соответствии с его имиджем. В результате нарастает проблема несоответствия имени как знака с психологическим содержанием человека как субъекта социального взаимодействия. В технологиях создания имиджа человека, находящегося на социально значимых ролях, это противоречие может достигать парадоксального несоответствия. В этих процессах

социального взаимодействия бессознательная мотивация бессмертия трансформируется в осознанный мотив *популярности*.

Одно дело быть популярным в средствах массовой информации, и другое дело проявлять реальные качества творческой личности с нравственным потенциалом при полном соответствии этих качеств поимённому имиджу личности. Парадокс несоответствия знака имени с нравственным содержанием личности в массовых процессах социального взаимодействия достигает критической точки из-за нарастающей социальной энтропии, порождённой ростом народонаселения. Идентичность по имени ослабевает, и на смену ей приходят возрождаемые архаические способы обозначения (татуировки, персинги и другие манипуляции с внешним обликом) своей индивидуальности. В первобытной общине они использовались как знаки-награды за проявленное мужество и другие, функционально важные, качества члена общины, которые высоко ценились за личный вклад в общее дело выживания общности.

Почему же современный человек стремится к популярности своего имени любой ценой?! Неужели всё тот же мотив *бессмертия*, который побуждал человека первобытных общностей убивать ради имени?!

Это риторические вопросы, ответы на которые смещаются к проблеме форм существования души как не тленной сущности человека. В мифологическом мировоззрении такой формой являются имена людей. Имя же – не сама душа, а всего лишь средство трансакции (переселения) души от одного человека к другому. Этот процесс бесконечен как жизнь человечества, и в этом процессе душа обретает бессмертие. Эта концепция бессмертия была характерна для мифологического самосознания в первобытной культуре.

Имя как знак бессмертия присутствует в исторической памяти и современного человеческого самосознания. Об этом свидетельствует традиция увековечивания людей. Она реализуется в различных формах *объективации* памяти об умерших людях посредством надгробных надписей, присваивания имён улицам, предметным объектам и другими способами. За каждой такой объективацией стоят дела, совершённые отмеченными людьми. Однако многое забывается, память о конкретных людях стирается, имена повторяются, совершённые дела приписываются не тем людям. Но это не снижает значения мотива бессмертия, и стремления к осознанию новых форм объективации души как бессмертной сущности человека. Особая концепция бессмертия души сформировалась в религиозных учениях о жизни и смерти человека.

В религиозном мировоззрении бессмертие человека зависит от воли Бога. Человеку уготована новая жизнь, либо в раю, либо в аду по решению Бога. Фантазии на эту тему очень похожи на Земную жизнь. Эта жизнь в неведомом пространстве и времени даётся как награда или наказание за земные деяния человека. Душа бессмертна сама по себе. Она дана человеку Богом, и к нему возвращается после земной жизни. Вопрос о форме существования души у Бога остаётся открытым. В земной жизни душа является внутренним началом жизни и деятельности людей. Она остаётся невидимой пока не получает *форму внешнего выражения*, то есть объективации. Всеобщей формой существования души является *идея*, данная человеку от Бога. Остаётся вопрос о формах

выражения идеи как дара Божьего. Если она не выражена человеком для других людей, то она умирает вместе с ним. Такая концепция бессмертия может быть воспринята только на веру, к чему и призывают сторонники религиозного мировоззрения. Парадокс жизни и смерти остаётся неразрешимым под идею бессмертия души. Акцент сделан на зависимости возможной загробной жизни от праведности жизни на Земле, представленной в богоугодных деяниях. Требования к такой жизни сформулированы в известных заповедях, которые проповедовал Христос. Смысл их в самоотречении во имя Бога и жизни «как у Христа за пазухой».

В христианской концепции евангелистов настойчиво звучит мотив противопоставления духовного бытия материальным интересам жизни человека. Только через духовную деятельность лежит путь к Богу. Однако содержание духовной деятельности и её обьективированные формы остаются не раскрытыми. Как эта деятельность включается в материальные процессы жизнедеятельности людей – вопрос вопросов, так как жизнь человека как материального объекта природы не может существовать вне этих процессов.

Тем не менее, тема духовности важна тем, что она предполагает особую форму деятельности души, порождённой психическим потенциалом сознания. И здесь на передний план в обсуждении проблемы бессмертия начинает выступать научное мировоззрение. Сможет ли наука облегчить переживания мотива бессмертия современного человека?!

На этот вопрос давал ответ В.М.Бехтерев в 1916 году в своём докладе на тему: «Бессмертие человеческой личности как научная проблема». Важность этой проблемы он связывал с нравственной основой человеческого бытия. «...Если нет бессмертия, то в жизни нет и морали, и тогда выступает роковое: «всё дозволено!». [22 - В.М.Бехтерев, с.225.] Это всего лишь обоснование важности обсуждаемой проблемы бессмертия. А, как доказать, что бессмертие – это такая же реальность, как обычная жизнь обычного человека?!

Научная концепция бессмертия души вращается вокруг проблемы *материализованной обьективации* психической деятельности человека, представленной в различных формах *духовной культуры*. Она сводится к вопросу о том, как в *конечных* формах материализованной обьективации духа происходит *существование бесконечной сущности души человека*?! Возможно ли это, если в любой материализованной форме жизни происходит аннигиляция идеального потенциала души?! В каком виде сохраняется и как функционирует этот потенциал?!

Ясно только одно, что он всегда внутри любой формы человеческого бытия, и в то же время свободно пересекает их ограничения, выходя за их пределы. Он, находясь в физических и конечных границах тела, должен сохранять свою *идеальную сущность*, как обязательное условие нетленности духовного бытия. Речь должна идти о поиске *всеобщего механизма идеальной трансформации духовного потенциала как бессмертного атрибута* неизбежно аннигилирующих форм материальной деятельности людей. Решение этой проблемы чаще всего разворачивается по логике философского монизма,

которая зачастую приводит к редукции многообразия явлений к какой-либо одной всеобщей форме существования.

В.Бехтерев начинает анализ этой проблемы с определения *энергии* как единой вселенской сущности материального существования всех объектов, в том числе и человека. Тело человека это – трансформированная вселенская энергия, которая никогда не убывает, а только видоизменяется по формам своего проявления в жизни природных объектов. «... Мировая энергия ... служит началом и материального, и духовного мира, следовательно, в потенциальном состоянии она должна содержать в себе и материальное, и духовное». [22, с. 231]. Это означает, что конечное по форме тело живого человека после смерти путём распада превращается в другой вид мировой энергии – вечной и единой сущности материального бытия. «Это учение ... мы обозначаем именем эволюционного монизма, ... приводящего все вообще внешние проявления видимого мира к единой «мировой» энергии как началу всего сущего». [22, с.232].

По этой концепции человек является «творением» *взаимодействующих* сил природы. Он участвует в не прекращающемся круговороте природы своей деятельностью, которая подчинена закону сохранения энергии. «Ни одно человеческое действие, ни один шаг, ни одна мысль, выраженная словами или даже простым взглядом, жестом, вообще мимикой, не исчезают бесследно». [22, с. 234]. Эта вечность результатов человеческой активности сохраняется, по мнению Бехтерева, благодаря «социальной преемственности» в процессах социального взаимодействия. «Дело в том, что если действие человека, его слово, мимическое движение или жест производятся в присутствии других лиц, способных усваивать всё, что они видят и слышат, то ясно, что эти явления, будучи воспринятыми другими, либо претворяются путём непосредственного подражания, внушаемости и усвоения в те или другие формы их нервно-психической деятельности, либо, встретив со стороны их противодействие, вызовут тем самым особую в них реакцию, словом, так или иначе отразятся на их последующей деятельности в окружающем мире». [22, с. 234-235].

В этом мы видим прямое указание на *общение* как социально-психологический механизм наследования и передачи опыта в объективированных формах социального взаимодействия. Энергия духовного потенциала реализуется в этом процессе, совершая *идеальные трансакции* между людьми и поколениями, обеспечивая сохранность достижений жизнедеятельности всего человечества.

Посредством общения происходит, с одной стороны, *выражение* психологических реалий субъекта, его *переживаний, представлений, желаний, намерений и решений* – всего того, что составляет содержание его души как *инстанции самосознания и понимания внешнего мира*. С другой стороны, всё это *воспринимается и интерпретируется* партнёрами социального взаимодействия согласно закономерностям психической деятельности, оседая в глубинах *сознания, подсознания и бессознательного*. Телесная же энергия, трансформируясь в психическую энергию, обеспечивает субъекту большие или меньшие возможности интериоризации-экстериоризации общечеловеческого

опыта, а также его реализации *в роли извечных последователей и преобразователей* культуры прошлого. «Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно». [22, с. 235]. «...Духовная личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно ...». [22, с. 236]. Речь идёт о «духовной личности», которая никогда не умирает в отличие от телесного индивида.

Таким образом, Бехтерев приходит к идее «социального бессмертия» человека. В основе социального бессмертия он видит жизнь духа, который путём взаимовлияния переходит «в тысячи окружающих человеческих личностей» с помощью «культурных приобретений», касающихся, прежде всего, средств общественной связи и трансляции достижений человеческого разума, запечатлённых в предметном мире, созданном психической энергией человечества, высвободившейся в его созидательной деятельности.

В результате Бехтерев делает вывод о существовании «духовной общечеловеческой личности, в которой живёт ... частица каждой отдельной личности». [22, с. 238].

В этом выводе происходит редукция *многообразия форм проявления индивидуального психического потенциала* в собирательном понятии, где реальная жизнь отдельно взятого человека вдруг растворяется в новой для него неопределённости – «общечеловеческой личности». Непреодолимой является проблема *идентификации индивидуального вклада* каждого человека в общечеловеческие достижения культуры, заключённой в многообразных формах предметного мира и *информационного пространства*. Каждую из форм принято идентифицировать по имени их создателей, но множество создателей бесконечного духовного пространства остаются неизвестными.

Напомним себе, что знаком личности принято считать имя человека. Но Бехтерев сомневается, что это надёжное средство идентификации человека в исторической перспективе. «Могу сказать, что когда речь идёт о создании духовной человеческой культуры, этого живого духовного общечеловеческого организма, то имена огромного числа предков, несомненно, участвовавших в созидании этой культуры, утрачиваются навсегда и в потомстве сохраняются только имена отдельных личностей, счастливо выделившихся в ходе истории человеческой культуры. Но разве в именах дело?!» [22, с. 239]. И, вот, как он отвечает на этот вопрос: «... Великие творения, до сих пор действующие обязательным образом на современного человека, явились в результате синтетической работы большого ума той или иной эпохи, и в этом вся суть». [22, с. 240]. «В конце концов, в общечеловеческом прогрессе имеет значение конечный результат в форме проявленного действия как синтеза всей жизнедеятельности человеческой личности данной эпохи». [22, с. 241]. Этот синтез можно рассматривать как *бесконечную цепь ассоциаций*, вызванных объективированной формой духовного содержания в сознании любого человека. Процесс этот *идеален и бесконечен*, что является условием бессмертного существования души.

Эта концепция бессмертия закономерно привела к созданию памятников «неизвестным солдатам», сохранению картин неизвестных художников, и, что

самое удивительное, к теории малых дел, которые неизбежно вливаются в общий поток культурного развития всего человечества.

Однако в глубинах человеческого переживания своей идентичности бурлят страсти честолюбия, тщеславия и зависти, которые парадоксальным образом не позволяют индивидууму принять концепции бессмертия, обезличивающие его существование. Историческим примером такого поведения является Герострат, который увековечил своё имя сожжением храма. Эти чувства проистекают из переживания *неприяття своей неизвестности*. Неизвестность переживается как неизбежная социальная смерть человека, с которой никто не может внутренне согласиться. Поэтому человек ищет популярности и общественного признания через какую-либо деятельность, не исключая и разрушительную деятельность.

Общество заметно реагирует на *экстраординарные и инновационные* результаты субъекта деятельности. Общественное признание необходимо каждому человеку из-за потребности в уважении и внимании к своей личности. Такого признания можно достигнуть в семье, в первичных группах непосредственного общения, в отдельных социальных общностях (в первую очередь, профессиональных и других), в обществе в целом. Это может произойти, а может и не случится. Поэтому человек ищет более надёжные способы утверждения своей значимости, как в сфере общественных отношений, так и в индивидуальном переживании *тождественности самому себе*. В связи с этим проблема бессмертия души и духовного вклада в общественные формы существования приобретает индивидуально-психологические контексты, завязанные на вопрос предназначения жизни отдельно взятого человека и личной удовлетворённости своим индивидуальным бытием.

Все концепции бессмертия в основном пытаются разрешить вопросы форм существования души конкретного человека после его смерти, механизмы трансакции духовного потенциала умершего человека к последующим поколениям, то есть *объективации* всё же *жизни* после смерти. Бессмертие трактуется как *жизнь* в иных, неземных, формах существования, не телесной, но всё же жизни. Хотя очевидно, что «жизнь» и «существование» в отношении души и тела не являются синонимами. Вечная жизнь как пребывание человека в телесной оболочке пока не представляется возможной, но вечное существование души как идеальной сущности вполне реально.

В мифологических концепциях бессмертия душа умершего продолжает свой жизненный путь в телесной оболочке других людей всё в тех же земных условиях бытия. Душа умершего присутствует в жизни другого человека в виде психологических качеств умершего, которые наследуются по механизмам переселения душ. Эти механизмы составляют содержания обрядов и ритуалов в соответствии с пониманием этих механизмов. У разных народов они разные, но наиболее распространённым оказался обряд обличения именами, трансформировавшийся в религиозном мировоззрении в обряд крещения новорождённых. Считается, что это – обряд одушевления телесной плоти родившегося человека. Для живущего его имя начинает выполнять функцию психологической установки, предопределяющей главное жизненное предназначение человека.

Душа в этом процессе как бесплотная сущность (идеальная) является носителем психологических качеств, прививаемых новорождённым посредством имени. Следовательно, между именами и психологическими качествами людей мыслится взаимосвязь, реализуемая в идеальном пространстве душевной деятельности человека. Бехтерев, наверное, сказал бы, что эта взаимосвязь осуществляется «нервно-психической» деятельностью человека. На имя человека возникают бессознательно укоренившиеся *ассоциации*, которые ориентируют людей в психологическом пространстве личности по образу и подобию закрепившихся в исторической памяти носителей этих имён. Это указывает на то, о чём писал и Бехтерев, что духовное содержание человека наследуется в различных формах социального взаимодействия посредством *общения*.

Общение – это материальный процесс информационной коммуникации, оперирующий *знаково-символическими формами* социального взаимодействия, за которыми закрепляются *идеальные представления* о людях и себе, объектах внешнего мира, природе и космосе.

Эти представления интегрируются в общечеловеческом знании о себе и мире, образуя информационное пространство виртуальной реальности, которое постепенно материализуется в предметном мире человеком-творцом. Предметный мир предстаёт в завершённых *формах* материальной реальности, которые ассоциируются с их творцами, известными и неизвестными. Однако предметный мир имеет границы, и, следовательно, *конечен*, что не гарантирует вечной памяти в последующих поколениях, а, следовательно, прямого и гарантированного бессмертия своим творцам.

Виртуальная реальность информационного пространства при развитии глобальной сети Интернета позволяет *выразить и зафиксировать индивидуальные представления каждого человека* как момент существования в духовной культуре всего человечества. Текстовая форма существования этих представлений делает их доступными всем живущим пользователям Интернета. Однако содержание этих представлений может устаревать и терять свою актуальность для последующих поколений, но всё же сохранять свою вечность в информационном пространстве человеческого бытия благодаря *бесконечности человеческого разума*, создающего это пространство.

В формах виртуальной реальности человечество преодолевает *конечность* границ предметного мира, и тем самым делает шаг навстречу *бесконечного* существования как обязательного условия *бессмертия*.

Однако и тексты объективированы в материальных, а, следовательно, конечных формах. Любая форма конечна. Но иначе невозможно зафиксировать *идеальные представления субъекта*. Форма становится материальной ловушкой бесконечного духовного содержания психической деятельности человека. Тем не менее, мысль человека, обретая объективированную форму в информационном пространстве, продолжает своё бессмертное существование в *бесконечной цепи ассоциаций*. Они *идеальны*, так как принадлежат отдельно взятому человеку, и порождены его психической деятельностью. Они представляют содержание внутреннего мира человека, наполненного

транзакциями социального взаимодействия. Но именно в них заключена психологическая индивидуальность духовного потенциала человека.

Именно *ассоциации*, являясь внутренним механизмом идеальной психической деятельности, возбуждают в опыте живущих людей духовную эвристику, реализуя тем самым неумирающую психологическую связь между поколениями. Например, произведения классиков художественной литературы отличаются от заурядных текстов *потенциалом возможных ассоциаций*, которые возникают при их прочтении. Эти *ассоциации возникают как психологический ответ на воздействия знаково-символических форм информационного пространства*. Их разнообразие стремится к бесконечности духовного бытия, которое прокладывает путь к бессмертию. Человек как бессмертная сущность предстаёт в ассоциациях настоящего с прошлым.

Ассоциации – абсолютно идеальный процесс, в котором происходит объективация духовного содержания общечеловеческой культуры на индивидуальном уровне существования человека. Это идеальная духовная транзакция осознанного, подсознательного и бессознательного опыта человека и общества является бесконечным процессом существования души человека.

Ассоциации являются психологическим механизмом исторической памяти, на основе которой осуществляется связь настоящего с прошлым и предвидение будущего. Они расширяют пространство духовного бытия до бесконечных границ вселенной, прокладывая нескончаемый путь человека к бессмертию.

Однако ассоциации следует воспринимать всего лишь как механизм существования и функционирования потенциала парадоксов тела и души. Они заключают в себе *идею бессмертия*, и позволяют мыслить её как продукт исторической памяти со всеми социально-психологическими парадоксами человеческих отношений, которые факторизуют селекцию духовного и предметного содержания под руководящую всеми потребность бессмертия.

Пространство бессмертного мира вычерчивает наше сознание в силу развитости нашего мировоззрения (мифологического, религиозного, научного) и психологической науки, обращённой как к механизмам, так и парадоксам психической деятельности человека. Пространство бессмертного мира не может иметь границ, иначе оно - *конечно*, что предполагает и смертность. Даже ассоциативные ряды идеального пространства субъекта ограничены усвоенным опытом, и только потенциально бесконечны, а нам хочется своей вечности как реальности. Такой реальностью может быть *нескончаемый процесс объективации идеальных ассоциаций человека в жизненном пространстве общечеловеческого бытия*.

В итоге можно сказать, что все три мировоззренческие парадигмы бессмертия вращаются вокруг проблем *сущности души; пространства посмертного бытия; духовного содержания души; форм существования души; механизмов транзакции души*.

В *мифологическом самосознании* сущность души в её нетленности. Тело человека является вместилищем души, и оно смертно в отличие от души, которая перемещается в тела новорождённых. Это осуществляется с помощью имени умершего. Имя является «знаком» души и средством транзакции,

которая происходит в специальных обрядах. Душа обладает психологическими качествами, которые передаются от умерших людей к новорождённым.

Пространство бытия души не ограничено пребыванием в теле. Душа выходит за его пределы в обозримое пространство природного ареала и космоса, которые наполнены духами зла и добра. Душа с ними взаимодействует и подвержена их влиянию.

Душа проявляется как достоинства и недостатки человека в жизнедеятельности общины. Она обнаруживает свои качества в действиях, поступках, поведении и деятельности, наблюдаемые в социальном взаимодействии.

В религиозном мировоззрении сущность души в бессмертии от Бога. Бог дал, Бог взял. В человеке она присутствует как идея, управляющая его жизнью.

Душа пребывает с человеком в его Земной жизни и перемещается в загробный мир, где она обретает вечность. Пространство этого мира определено представлениями о рае и аде. Куда попадёт душа, определяет Бог в зависимости от грехопадения в Земной жизни. Но можно вымолить прощение и искупить вину богоугодными делами.

В религии появляется учение о нравственности как следование заповедям Бога. О наказании адом за их не соблюдение.

Обряд крещения использует имена как трансляцию психологической установки на достоинства соответствующих святых.

Основной формой транзакции души с Богом является молитва, а главное предназначение Земной жизни заключено в служении Богу своими духовными деяниями.

В это можно только верить. Психотерапевтическая привлекательность религии заключена в надежде на искупление греха. Душа очищается от скверны в любви к ближнему человеку. Всё построено на психотерапевтической триаде: вере, надежде и любви.

Научное мировоззрение сущность души усматривает в идеальных свойствах самосознания, образующих внутренний мир человека. Основная функция души заключается в рефлексии своих психических переживаний, состояний, отношений, поступков, поведения и деятельности. Она является инстанцией психологической деятельности, оценивающей и управляющей.

Душа расширяет пространство духовного бытия до бесконечности идей человеческого разума.

Идеальность и бесконечность души предопределяют возможность её бессмертного существования в *ассоциативных процессах психической деятельности* человека.

Содержание души наполняется духовными достижениями человечества и психологическими качествами человека.

Это содержание фиксируется в материализованных формах общения, познания и предметной деятельности.

Средства информационной коммуникации обеспечивают духовно-психологическую транзакцию между людьми, народами и поколениями в объективированных формах виртуального пространства.

Основным психологическим механизмом этой трансакции являются *ассоциации*. Они связывают индивидуальную психологию человека со всеми достижениями духовной культуры человечества и объективируют психологический потенциал субъекта в совместной деятельности людей.

Пространство души равно бесконечности человеческого разума и его духовному потенциалу, границы которого человек устанавливает себе сам в меру удовлетворяющей его тождественности самому себе. Эти границы осознаются им в меру понимания своего предназначения в общественной реальности социального взаимодействия.

Предназначение *последователя, приемника, продолжателя* деяний предков, родителей, учителей, старших поколений *запрограммировано в идеальной ассоциативной системе психической деятельности человека*. Именно эти роли позволяют человеку включиться в бесконечный процесс бессмертного бытия человечества, обеспечивая ему нравственную сохранность и целостность личности.

1.2.8. О месте психологии в системе наук.

Вывод 8. Социальная перцепция как научное направление разворачивает психологическую науку к человеку – главному объекту и предмету психологического познания.

В качестве объекта научного познания человек предстаёт как интегральный объект природы, результат эволюции форм жизни на Земле, феномен сознания и самопознания – продукт синтеза всех естественных свойств природных объектов. В нём соединились и физические, и химические, и биологические, и психические, и социальные свойства в своеобразной анатомии телесной организации и совместной жизнедеятельности людей. Такой взгляд на человека, идущий от Пьера Тейяра де Шардена, наводит на мысль о человеке как методологическом основании классификации наук – по базовым свойствам природного объекта. Тогда этим свойствам будут соответствовать по своему предмету *физика, химия, биология, психология, социология – науки первого рода*. К ним следует добавить *математику*, предметом которой являются пространственно-временные параметры любых объектов, *географию и астрономию*, возникших из ориентировочно-исследовательской функции психической деятельности человека, *философию и историю*, реализующих рефлексивный потенциал психической организации человека и способности его памяти.

Все остальные науки множатся из прикладных реализаций достижений наук первого рода. Поэтому их предметные поля – это предметные пересечения наук первого рода на полях предметно-практической деятельности и социального взаимодействия людей. Такие науки называются прикладными. Для них существенной проблемой является осмысление *межпредметных отношений* вокруг целостных объектов предметно-практической деятельности и феноменов социального взаимодействия людей. При этом нужно помнить, что любая из наук реализует потенциал психической организации человека в познавательной деятельности, и поэтому вытекает из природных возможностей

человека к познавательной деятельности, совершаемой средствами его психической организации.

Если это так, то эти предпосылки позволяют более определённо обозначить место психологии в системе наук.

Определение места психологии в системе наук предполагает решение проблемы классификации наук, которая содержит ответ на вопрос о специфике предметного содержания частных наук. Классификация наук предполагает *дифференциальный синтез* их предметных полей. Это означает, что науки должны различаться по специфике своего предмета, и, в то же время, рассматриваться как часть общего познавательного результата целостности интегративных объектов (человека, общества, природы). Ключевой момент данной проблемы заключается в интегральном синтезе предметно дифференцированного научного знания (теоретического и эмпирического) о природе, обществе, человеке. Такой синтез предметных знаний отдельных наук происходит при использовании их в рационализации функциональных возможностей объектов в предметно-практической деятельности и социальном взаимодействии людей. Это указывает на то, что знания наук первого рода о *специфических свойствах* природы, общества, и человека добываются в основном по логике *их аналитической дифференциации*, а знания прикладных наук (второго рода) – по логике *интегрального синтеза*. Если в первом случае – это знания о *свойствах*, то во втором – о *функциях целостного объекта*, обеспечивающего жизненно необходимое взаимодействие с другими объектами.

Свойства и функции всегда принадлежат каким-то объектам. Однако логика аналитической дифференциации их познания приводит к абстрагированию от конкретных целостных объектов как носителей этих свойств, так как разные объекты могут обладать одними и теми же свойствами. В связи с этим возникает вопрос о некотором объекте, содержащем в себе все свойства *живой и неживой материи*. Какой из интегративных объектов, носителей всех шести классов свойств, удовлетворяет этому условию – природа, человек, общество?! В этом треугольнике понятий человек и общество являются объектами живой материи, и входят в число природных объектов (животных). А, существует ли природа сама как целостный объект?! По отношению к материи можно сказать, что существует в качестве биологического синтеза живой и неживой материи. В качестве целостного объекта природа является *ареалом жизни*.

Целостная картина об этих основных объектах познания возможна только на основе синтеза знаний разных наук об этих объектах. Каждая из наук дифференцируется в познании этих объектов по своим специфическим свойствам, являющих предметное содержание частных наук. В результате такой дифференциации объекты расщепляются на элементы без анализа их связей друг с другом, что приводит к распаду целостных представлений о целостных объектах жизненно важного взаимодействия. Вернуться к целостной картине о целостных объектах жизнеобеспечивающего взаимодействия возможно посредством логики предметного синтеза частных наук. Но для этого нужно определиться с дифференциацией специфических свойств объекта в

гносеологии частных наук. Основанием для дифференциации таких свойств являются элементы внутренней структуры объекта, возникающие из функционального взаимодействия данного объекта с внешней и внутренней средой. Такое взаимодействие становится источником естественных свойств объекта. Например, анатомических, биохимических, психических и других свойств человека. Человек как природный объект представляет собой синтез всех её свойств, и поэтому именно в нём нужно искать основания для дифференциации частных наук, в числе которых находится и психологическая наука.

Для психологии на первый план выходит определение её статуса как одной из «первородных» наук, имеющей свой предмет, порожденный природой. В этом смысле психология самодостаточна и паритетна с другими «первородными» науками (математикой, физикой, химией, биологией, социологией). Вместе с тем обозначаются для решения следующие задачи:

- 1) поиск **объекта**, в котором содержались бы предметные свойства всех наук - объект, синтезирующий все свойства природы;
- 2) поиск объектов предметных пересечений психологической науки с другими науками и определение оснований для их дифференциации и интеграции.

Первая задача решается психологией довольно легко. **Объект**, синтезирующий все свойства природы, в котором содержатся предметные свойства всех наук, - это **человек**. Соответственно, человек как интегральный объект природы может быть рассмотрен как основание для классификации наук.

Объектный принцип дифференциации наук подразделяет их на науки о природе, человеке и обществе. Науки о природе стали называть естественными науками, науки о человеке – гуманитарными, науки об обществе – социальными. Выше приведённый анализ объектных отношений между природой, человеком и обществом указывает на то, человек и общество – это тоже природные объекты. Следовательно, науки о человеке и обществе попадают в класс естественных наук. Тогда возникает вопрос об основаниях определения гуманитарных и социальных наук.

Для социальных наук основанием для их «дифференциального синтеза» могут послужить *социальные отношения*, производные от социального взаимодействия как процесса реализации *социальных свойств* человека – их носителя.

Для гуманитарных наук, занимающихся изучением *функциональных проявлений психических свойств* человека, с основанием их «дифференциального синтеза» проблема выглядит сложнее, так как эти науки являются производными от прикладной трансформации *психических свойств* человека в реальной практике жизнедеятельности людей. Например, филология занимается изучением закономерностей устной и письменной речи как *функциями языка* – понятийного средства психической деятельности в общении и познании. История реализует в своих реконструкциях прошедших событий *функции памяти* человека по психологическим законам их воспроизводства. Философия формируется на *рефлексивном потенциале* психической

деятельности человека. Поэтому правильнее было бы относить гуманитарные науки к сферам прикладной психологии.

В качестве объекта человек – представитель животного мира. Он – результат эволюции форм жизни на Земле, что относит его к предметной области биологии, археологии и практически всех наук, так как человек, его свойства и функции изучаются всеми науками. Его телесная организация представляет интегральный синтез всех свойств материи изучаемых и физикой, и химией. Телесная организация человека ограничена в пространстве и времени – предметными областями математики и истории. Его психическая организация представляет собой внутренний мир, который отражается, отображается и выражается в философии и искусстве по закономерностям психологической деятельности познания человека человеком.

Этот мир невидим, идеален и бесконечен, дан человеку в его собственных ощущениях, переживаниях и представлениях. Внутренний мир человека обнаруживает себя в различных формах внешней активности (предметно-практической деятельности). Формы проявления психического в процессах материализации становятся объектами познания внутреннего мира человека. Познание психологии человека происходит косвенно через реакции, действия, высказывания, предметно-практическую деятельность, поступки и поведение, а также внешний облик. Первичными элементами внутреннего мира человека являются его *психические свойства*, которые многократно усложняются по мере расширения функциональных взаимосвязей человека с объектами природы, общества, предметной среды и самим собой.

Психические свойства являются специфическим *предметом психологической науки*. Они проистекают из непроизвольной деятельности организма и произвольной деятельности человека. Психические свойства человека дифференцируются по источникам своего происхождения на психофизиологические, психофизические, психорефлективные, социально-психологические, деятельностно-психологические, ментальные свойства. Эти свойства имплицитны психической организации человека, который их проявляет или не проявляет в своей субъектной активности. Человек как субъект психической, психологической и предметно-практической деятельности вносит в них нечто субъективное, индивидуальное, присущее только ему.

Субъектность превращает процесс познания человека в процесс самопознания. *Субъективность* как следствие субъектности является порождением психологии человека и сугубо психологическим феноменом. Она наиболее развернуто обнаруживает себя в познании человека человеком. Субъектность проявляется в произвольности и намеренности действий, поступков, поведения и деятельности. Действия, поступки, поведение и деятельность человека – сложно детерминированные явления. Поэтому они становятся объектами многих наук, каждая из которых занимается познанием своего специфического предмета, что порождает проблему межпредметных отношений в познании человека как субъекта взаимодействия с миром вещей, людей и самим собой. Это обстоятельство, по мнению Б.Г.Ананьева, ставит

психологическую науку в центр научного познания человека. Междисциплинарный синтез выступает в данном случае как принцип воспроизводства интегральной целостности образа объекта (человека), а предметный принцип классификации наук *предполагает их дифференциацию по свойствам объекта познания.*

Человек как объект познания является предметом всех наук. Это предопределено его *параметрическими, физическими, химическими, биологическими, психическими, социальными свойствами.* Как материальный объект он измеряется по своим пространственным и временным параметрам. Измерение относится к задачам математической науки, которая трансформировалась при изучении человека в антропологию и математическую психологию. Свойства движения человека попадают в предметную область физики, психофизики и психофизиологии. Химические свойства «жизненных соков организма» являются предметом биохимии, фармакологии, психофизиологии и медицины. Жизненные системы человеческого организма ассимилируют в себе многообразие биологических свойств, являющихся предметом биологической науки и психосоматики. Мозг и нервная система человека вместе с его внешней активностью (познанием, общением, трудом) продуцируют *психические свойства*, которые образуют ***предметное поле психологической науки.*** Взаимодействие человека с человеком в сообществах порождает социальные свойства – предметную область социологии. Все эти свойства являются предметной областью соответствующих наук (математики, физики, химии, биологии, психологии, социологии). Их можно отнести к наукам первого рода, порождённым изучением естественных законов природы. Эти науки можно назвать еще и фундаментальными по отношению к другим наукам, возникающим из научного анализа предметно-практической деятельности человека, которые принято называть прикладными науками. На особом месте можно увидеть философию, филологию, историю. Эти науки возникают из уникальных возможностей (функций) психической деятельности человека. Философия развивается благодаря интеллектуальной рефлексии; филология – речевой функции; история – функциям памяти.

Данная классификация указывает на место психологической науки в числе первородных (фундаментальных) наук. Такое видение психических свойств человека должно привести к изменению представления о статусе психологической науки в жизнедеятельности людей вообще. Это статус вездесущего знания, вплетенного в реальные процессы жизнедеятельности людей.

Сама психологическая наука в своём собственном развитии и становлении, которое продолжается до сих пор, дифференцируется на три направления научной деятельности: *академическую, прикладную и практическую психологию.* Эта дифференциация обусловлена различием *целей, средств, способов и результатов научной деятельности* на том или ином направлении, а также реализацией научных знаний в жизнедеятельности людей.

Академические исследования направлены на изучение *непознанных* объектов и их свойств. Это область таинственных явлений природы, общества, человека

и бесконечных форм жизни и существования материи. Познавательная деятельность составляет основное содержание академической науки. Её специфика раскрывается в соответствующих *целях, средствах, способах и результатах (продуктах)*.

Целями деятельности в академической психологии являются *познание законов психической деятельности, формирования и функционирования психологии человека*. В этих целях заключена и основная мотивация «академистов», связанная с любознательностью и любопытством, желанием узнать что-то новое о неизвестном. Это познание ради познания. Прагматические мотивы в этом случае связаны с карьерой учёного, а также тщеславием, честолюбием и самоутверждением.

Средства познавательной деятельности изобретаются самими учёными. Орудия познания в психологической науке нередко получают имена своих изобретателей. Например, «пятна Роршиха», «тест Кетелла», «семантический дифференциал Осгуда», «решётка Келли», «социометрия Морено» и другие. Они тиражируются и модифицируются в различных методических процедурах. Каждая из методик для своей реализации нуждается в инструментальной оснастке. Работа с научно-исследовательскими средствами в академической науке превращается в специальную деятельность под названием «методического эксперимента», направленную на изобретение, апробацию и валидолизацию методических средств. Особое внимание следует обратить на метод свободных высказываний с последующим контент-анализом из-за возможностей релевантного приближения к психологии человека.

Способы научно-исследовательской деятельности осмысливаются как *методология* научного познания, которая объективируется в *методах и технологиях* познавательной деятельности. Они составляют содержание исследовательского процесса как последовательности познавательных действий, операций и приёмов. Всё это составляет содержание научно-исследовательских процедур.

Продуктами академического познания является *система знаний* о предметной области конкретной науки. В психологии – это *психологические факты, закономерности психической деятельности, представления о психической организации человека, концепции и теории*. Всё это относится к фундаментальным проблемам психологической науки. В процессе решения фундаментальных проблем закономерно открываются новые возможности и методы решения практических задач. Академические исследования расширяют запас научных знаний, необходимый для практических изобретений и разработок.

Родоначальником академической психологии можно считать Вильгельма Вундта, который с 1879 года организовал лабораторию экспериментальной психологии, где проводились систематические исследования функций психического отражения посредством экспериментального метода, и начал специальное обучение психологов в Лейпцигском университете.

Прикладные исследования по целям должны решать вопросы *оптимизации деятельности человека* в конкретных условиях. В прикладных исследованиях

используются достижения академических исследований, но применительно к определенной деятельности человека. Акцент в них делается на *функциях конкретной деятельности человека*.

Целями прикладной психологии является *рационализация поведения и деятельности людей* для достижения наибольшей эффективности. Г.М. Андреева пишет, что целью всякого прикладного исследования является непосредственное решение практической задачи, более или менее быстрое внедрение результатов этого исследования для совершенствования каких-то сторон материальной или духовной деятельности общества. Именно этим и обусловлены особенности прикладного исследования.

Средства прикладной психологии создаются для специальных случаев рационализируемой деятельности и поведения. Это чаще всего модификации средств академической науки, хотя могут быть и оригинальные изобретения.

Способы прикладной психологии представляют собой *моделирование условий, функциональных зависимостей, человеческих отношений, мотивов* и других компонентов психической организации человека, объективированных в *моделях конкретной деятельности*, которую предполагается оптимизировать.

Продукты прикладных исследований представляют собой конкретные *модели оптимального взаимодействия в системах «человек - предметный мир» и «человек-человек»*.

В числе родоначальников прикладной психологии следует выделить *Гуго Мюнстерберга*, который в 20-ые годы 20-ого века заложил теоретические основы технологических решений в прикладных исследованиях профессиональной деятельности и определил функциональный подход в решении практических задач профессиональной деятельности.

Практическая психология трансформируется в профессиональную деятельность по оказанию психологической помощи конкретному человеку или группе людей, по преодолению разного рода психологических проблем, по психологической поддержке и сопровождению.

Целью практической психологии является *воссоздание целостной и психически здоровой личности* посредством психологической помощи по запросу клиентов.

Средства психологической помощи заключены в *психотерапевтических способностях* психолога. Он сам является основным инструментом своей профессиональной деятельности, где специальные знания, психологическая одарённость, прозорливость и интуиция реализуются в *средствах общения с клиентом*.

Способы практической психологии заключены в *технологиях общения и воздействия* на клиентов. По форме – это *психологические беседы и консультирование, тренинги*. Важным способом поиска «мишеней» (проблем клиента) является *психодиагностика*. Множество проблем порождает множество частных технологий психотерапевтического воздействия.

Продуктом практической помощи является *психологически адекватная и социально адаптированная личность*.

Родоначальником этого направления психологической науки и практики можно считать **Зигмунда Фрейда**, который не только разработал основные технологические принципы психоанализа, но и научно-теоретическую базу психотерапии как особого направления врачебного дела.

1.2.9. О знаковой форме существования психологии человека.

Вывод 9. Познание психологии человека происходит через восприятие и интерпретацию внешних форм проявления человека в общении, труде и других процессах социального взаимодействия. О психологических качествах личности мы узнаём благодаря *объективации* психологического содержания во внешнем облике человека, его выразительном поведении (невербальном, вербальном), в предметных действиях, деятельности и её продуктах.

Внешний облик человека – это материализованная реальность *признаков* психологических качеств личности. В этом заключается *знаковая функция* внешнего облика. Внешний облик как система знаков является виртуальной реальностью психологических смыслов, сложившихся в практике социального взаимодействия людей. Эти смыслы интериоризируются индивидуальным и общественным сознанием в процессах социального взаимодействия. Через экстериоризацию идеальной реальности в мимике, пантомимике, жестах, позах и других формах поведения и деятельности партнёров происходит выражение этих смыслов. Таким образом, внутренние субъективные состояния, переживания и отношения транслируются через экспрессию телесных движений, образуя с ними знаковое единство в виртуальном пространстве человеческого общения и совместной жизнедеятельности людей. Движения и другие материализованные формы внешней активности человека принимают на себя функцию *знака психологических качеств личности*. Это единство приводит к затруднениям методологической дифференциации «предмета» и «объекта» в научных исследованиях феноменов психической деятельности человека, так как происходит соединение внутреннего (идеального) и внешнего (материального) в виртуальной форме знаковых структур объекта. Во внешнем облике человека эти знаковые структуры являются *признаками психологических качеств личности*. Если психологические качества относятся к предмету познания, то, что же следует принимать за объекты психологического познания человека – анатомические элементы внешнего облика или «знаковые структуры», выступающие в роли признаков психологии человека?! Если элементы внешнего облика являются безусловными материальными объектами *психического отражения*, то «знаковые структуры» внешности человека формируются как признаки скрытых от прямого наблюдения психологических качеств. За счёт чего элементы анатомического строения лица и тела превращаются в знак личности?!

Испытуемые, оправдывая психологическую интерпретацию воспринимаемых лиц, указывали на *физические параметры* элементов анатомической структуры, *эмоционально-эстетические впечатления* и *выразительность* этих лиц. Например, «толстые губы – чувственный человек», «красавчик – приятный человек», «волевой подбородок – боксёр». Именно, за счёт этих характеристик

анатомические элементы лиц превращаются в признаки психологических качеств личности, то есть приобретают функцию знака. Однако эти связи не столь жёсткие, как это имеет место в словестных языках.

Особая роль в этом процессе принадлежит *выразительности (экспрессивности внешнего облика)*. В ней, как показали эксперименты на опознание, заключены самые надёжные признаки индивидуализации человека. Однако ссылка на особую выразительность лица приводила к затруднениям в конкретизации этой выразительности на словах. Следовательно, экспрессия – это своеобразный код образных представлений, функционирующих в виртуальном пространстве социального взаимодействия людей.

Если психологические качества личности являются *предметом* психологического познания человека, то различные *формы экспрессивного кода*, заключённого в телесных движениях, предметных действиях, поступках, поведении, деятельности и её продуктах, являются *объектами* научно-исследовательской практики профессиональных психологов. Из этого следует, что все формы внешнего проявления человека обретают информационную значимость в общении людей. Именно в общении происходит превращение внешнего в *знаки* внутреннего психологического содержания. Знаковая сущность внешних форм проявления человека в поведении и деятельности превращает эти формы в материальных носителей психологии человека с опознавательной функцией психологических качеств личности.

Осмысление знаковой роли внешних проявлений человека позволяет направить научно-психологическое познание психологии людей на выяснение информационных *значений* этих проявлений. Речь в этом случае должна идти, например, об экспрессии или поступке как *выражении* психологических *значений*, закреплённых в практике социального взаимодействия людей.

В этом случае проблема восприятия и понимания человека человеком может изучаться в русле психосемантики, и может формулироваться как проблема семиотики. Тогда в предмете психологического познания человека центральной проблемой становится вопрос о соотношении «знак-значение». На месте *знака* должны изучаться различные *формы материализованного проявления* идеальной психической организации человека, а на месте *значений* «лексика психологического языка» социального взаимодействия и *смысловая интерпретация* выражаемых значений. Именно в этом надо усматривать предметное содержание психологического познания человека – его индивидуально-личностную психологию.

В связи с этим возникает самая сложная проблема научного познания – проблема возникновения психологических смыслов, наполняющих лексику значений и информационное содержание знаков в процессах социального взаимодействия людей.

Эта проблема вынуждает обратиться к ещё неизведанным закономерностям общения, совместной деятельности и человеческим отношениям. Именно в них нужно искать социально-психологическую обусловленность формирования психологических значений и смыслов по логике их зависимости от *качества* действий, поступков, поведения, деятельности, проявленных в общении

отношений. Человеческим отношениям в этих процессах часто принадлежит ведущая роль. Психологическое определение партнёров, как показали исследования социальной перцепции, происходят косвенно через оценку внешних форм проявления как функции личности, включённой в сложные зависимости совместной жизнедеятельности и человеческих *взаимоотношений*.

В логической диаде «знак-значение» осуществляется психологическая связь смыслов с формой их знаковой презентации. Эта связь в социальной перцепции внешнего облика или других форм знаковой объективации телесно-психического потенциала человека возникает в наблюдаемой партнёрами практике их взаимодействия. Но никто из них не осознаёт, как такая конкретная связь возникла, и поэтому не может её убедительно объяснить. При этом отношение к одному и тому же лицу со стороны разных испытуемых статистически значимо совпадало, хотя и с некоторыми вариантами приписываемых психологических определений личности. Это наводит на мысль о существовании ещё неизвестных закономерностях «психологического языка общения» людей. Видимо психологический язык общения, содержащий множественные значения, закреплённые за внешне выраженными знаками, всё же имеет тенденцию к формированию схожих смыслов при интерпретации внешнего облика и других форм проявления психологической сущности человека.

Психологический язык общения произволен и многозначен. Эта его особенность, с одной стороны, размывает понимание смыслов. Но, с другой стороны, сопровождая словесную форму выражения, позволяет как раз уточнять вербальные высказывания, где значения закреплены за словами более жёстко. В то же время, психологический язык общения, представленный выразительным поведением, оказывается более доступным для понимания людьми разных народов, говорящих на разных словесных языках. В этом смысле он обладает большей общностью значений и смыслов. На этом языке могут общаться все народы.

Исследования социальной перцепции позволяют предположить, что смыслообразования психологического языка общения происходит в недрах человеческих отношений, сначала на эмоциональных впечатлениях о партнёре, а затем, на, трансформированных от впечатлений, отношениях, в которых воспроизводятся более устойчивые ассоциации с коллективным бессознательным кодом этнокультурных норм нравственно-эстетических императивов. Безусловно, что психологический язык общения уходит своими корнями в более далёкое прошлое, чем все вербальные языки, а, следовательно, и к более схожей первооснове общинной жизни. В первобытной культуре разных народов намного больше общего, судя по мифам и сказкам, чем в культурах современных народов, разделённых достижениями цивилизации. Вербальный язык с жёсткими значениями и знаковыми различиями стал причиной вавилонской трагедии, а психологический язык общения пока ещё сохраняет смысловую первооснову в житейской логике соотношений «знак-значение».

1.2.10. О научной категоризации понятия «человек».

Современная наука в целом и психологическая наука в особенности накопили огромный эмпирический материал, который по своему объёму выходит за пределы психофизиологических возможностей человека удерживать в индивидуальном сознании бесконечно расширяющиеся объёмы знаний. В результате множественные знания о природе, обществе и человеке остаются не использованными в частной практике отдельного человека.

Информационное пространство жизни человеческой образует виртуальную реальность, в которой человек не имеет чётких ориентиров для обобщений нужных знаний, и их обилие становится бесполезным для решения практических задач жизни. Информация расщеплена до бесконечного ряда фактов, что придаёт этому пространству диффузный характер бытия с избыточным потенциалом знаний. Это само по себе неплохо, если у человека как субъекта взаимодействия с этой реальностью есть чёткие логические инструменты селекции и обобщения знаний под конкретные задачи своей жизнедеятельности.

Одним из таких инструментов являются научные категории, и в их числе понятие «человек». Человек, являясь *объектом* природы, в котором ассимилированы все её свойства, приобретает качества *субъекта*, который влияет на мир своего бытия и создаёт новые условия своей жизни. Эта «объект - субъектная» антиномия человека предполагает сложные и противоречивые соотношения его с другими людьми, природой, предметным миром и обществом. Поэтому на повестке дня жизни человеческой всегда стояла и стоит проблема *самопознания*.

Самопознание – это психологическое явление и по феномену, и по процессу, и по механизму. В нём как в феномене актуализируются не только представление о себе, но и о связях человека с природой и обществом. Это мировоззренческий феномен, предопределяющий установки человека и человечества на жизнь, её законы и установленные правила социального взаимодействия. В этом заключён методологический потенциал представлений человека о самом себе при организации жизни в сообществах. От понимания сущности человека определялись ответы на вопрос – «как жить?», то есть образ жизни и в первобытной общине, и в современном обществе.

Мировоззренческий статус понимания человека проявляется в том, что человек думает о себе и своём окружении, о своих возможностях и взаимозависимостях, в картине мира, где он является главной фигурой бытия. Мировоззренческое понимание, основанное на обыденном сознании, произвольно переносится в научные теории и находит своё воплощение в практике. Учёные тоже люди, и, поэтому их теории не лишены обывательских мотивов.

Если мы думаем, что человек «царь природы», то в научных теориях человек произвольно противопоставляется остальному животному миру, и выводится за его пределы. Он мыслится в качестве особого существа, а не как результата естественной эволюции форм жизни на Земле. В этом случае проблема происхождения человека мифологизируется и выводится за пределы научных

принципов его познания. В результате происходят существенные потери научного знания в понимании его потенциала и перспектив.

В итоге мы имеем постоянную «борьбу» человека с природой за своё выживание, которая привела жизнь человечества к «экологическому кризису», подтверждаемому научной аргументацией и отвергаемому обыденным сознанием из-за не ощущаемости этой опасности.

В науке, по этой же причине, мы выбираем неубедительные основания для дифференциации знаний и классификации наук о природе и человеке по объектному принципу, а не по сходству и различию их свойств. Это приводит к путанице в понимании межпредметных и междисциплинарных связей в науке и образовании. Например, наукам о человеке почему-то отказано в статусе естественных наук, и их стали называть гуманитарными, а не антропологическими. В чём *предметы*, а не *объекты* этих наук?! Этот вопрос остаётся открытым до сих пор.

Если мы думаем, что человек всецело зависит от внешних условий и обстоятельств, то в науке неизбежно появляются концепции социальной детерминированности личности, а в обыденном сознании фаталистические концепции зависимости его судьбы от движения звёзд на небосклоне, дате рождения, имени по святцам и так далее.

Если мы думаем, что всё в человеке предопределено его телесной организацией, то в науке в качестве детерминант его развития рассматривается геном, строение мозга и тела, дактилоскопические рисунки и другие прирождённые особенности человека. Да, влияние всех этих факторов существует, но как велико оно?! А, противостоит ли им сам человек?! Если да, то как?! И последний вопрос важнее других.

С точки зрения практики каждая из концепций судьбы человека может быть временно полезной или вредной для задачи *воспроизводства жизни*, как отдельного человека, так и человечества в целом. Например, концепция «панпсихизма», основанная на убеждении одушевлённости всех объектов природы, побуждала к бережному отношению к ним и воспроизводству экологической целостности среды обитания.

Если мы думаем, что человек – компонент природы, её интегральный объект и результат эволюции форм жизни, в которой соединились все свойства природы, то в науке мы неизбежно перейдём от логики противопоставлений его свойств к логике их взаимодействия. Эта научная посылка продуктивнее других, если мы хотим искать пути осмысления противоречий, заключённых в антиномиях «души и тела», «идеального и материального», «психического и физиологического», «социального и биологического», «внутреннего и внешнего», «природного и культурного», «личности и общества», а также «естественнонаучного и гуманитарного познания».

Все эти противоречия присуще человеку. Он их носитель и источник. Поэтому именно в нём нужно искать ответы на загадки его психологии и бытия.

Общественный интерес к человеку и человека к самому себе всегда подогревался и подогревается искусством, которое является одним из способов

психологического познания личности. Результатом этого познания является психологический портрет человека, представленный различными изобразительными средствами. Именно в эпоху возрождения заметно усиливается тенденция психологизации живописного портрета и литературно-художественного повествования. Это было откликом на возрастающий интерес к проблемам человека и общества.

Проблема человека и общества стала главным предметом в трудах французских просветителей XVIII столетия. Д.Дидро и Д*Аламбер рассматривали понятия «человек» и «общество» в числе категорий исторической науки. Человек назывался высшей общественной ценностью. «Люди созданы ради жизни в обществе ... Действительно, природа и строение человека таковы, что вне общества он не мог бы ни сохранить свою жизнь, ни развить и улучшить свои способности и таланты, ни добыть себе подлинное и прочное счастье». [49, с.62]. Общество, общение и общительность, по мнению Дидро, составляют условия человеческого счастья, если люди не позволяют себе нарушать *справедливость*.

Реальности общественного бытия всё время вращаются вокруг проблемы баланса индивидуальных и коллективных интересов. Справедливость здесь мыслится как самый правильный критерий сбалансированных интересов человека и общества, личности и коллектива.

Эта идеология сформулировала самый зажигательный лозунг общественного благоустройства – «*свобода, равенство, братство*». Именно эти ценности отвечают интересам каждого человека как условия достижения справедливости. Именно эти ценности всколыхнули общественную энергию народов Европы. Именно эти ценности мотивировали революционные выступления масс. Именно эти ценности определяли дух непобедимости наполеоновской армии. Именно эти ценности трансформировали восприятие французской армии как армии освободительной.

Эта идеология человекоцентризма получила своё развитие в политике успешно развивающихся государств во второй половине XX столетия. Она привела к трансформации «дикого капитализма» в социально ориентированный капитализм. Этому способствовала наука, доказавшая решающее значение «человеческого фактора» в повышении производительности труда и росте общественного благосостояния.

США уже в тридцатые годы 20-ого столетия начали умело с помощью науки использовать мотивационный потенциал «человеческого фактора» в организации производства и общественной жизни своего народа. Человек, с одной стороны, «пристёгивался» экономическими ремнями к интересам своей корпорации, с другой стороны, получал правовую свободу на реализацию своих предпринимательских инициатив. На некоторое время удалость достичь приемлемого для всех баланса индивидуальных и общественных интересов.

В России во времена реформ Александра второго один из просветителей шестидесятников, Н.В.Шелгунов [172] предлагал включить в образовательную программу начальной школы «психологию», которая, по его мнению, должна повернуть общественную жизнь лицом к человеку как главной общественной

ценности. Эта идея не получила никакого отклика. Общинный уклад патриархальной жизни в России принижает положение человека перед обществом, личности перед коллективом. Поэтому человекоцентризм не является существенным в русском менталитете на практике социального взаимодействия. Но в то же время, он весьма значимо представлен в самопознании и интроспективной рефлексии своего индивидуального «Я». В этом заключён парадокс души русского человека. В обществе он должен быть как все, а в самосознании его «Я» мнится ему нечто уникальным и отличным от всех в превосходной степени.

До сих пор «психология» как общеобразовательная дисциплина не может пробить себе место в государственных образовательных стандартах России, в то время как в некоторых технологических университетах Великобритании существуют факультеты психологии для соответствующей подготовки «командиров производства». Выпускники таких вузов оказались лучше подготовленными к управленческим функциям.

Психологическая культура человеческих отношений становится важнейшим фактором улучшения жизни всех людей в передовых странах мира. В современном мире психологические знания становятся мировоззренческой основой идеологии человекоцентризма.

Однако человек является объектом познания всех наук. Именно при познании человека происходит интегральный синтез многоотраслевого научного знания.

Б.Г.Ананьев считал, что психологической науке выпадет главная роль в этом синтезе, так как она имеет дело с человеком как *субъектом и познания, и общения, и труда*. Человек в качестве субъекта реализует свой индивидуальный и личностный потенциал в этих трёх основных формах существования как реальностей общественного бытия.

Индивидуальный потенциал человека изучают в первую очередь биологические науки, где человек рассматривается в ряду животных, жизнь которых подчинена природным законам бытия. Эти законы называют естественными. Именно с этих позиций была развёрнута логика эволюционного преобразования видов животных на Земле. Дарвин с этих позиций пытался объяснить происхождение человека как особого вида животных, находящегося по воле божьей на вершине эволюционного процесса. Вывод о вершинной эволюции видов на человеке трактуется как о завершении эволюционного процесса. Так ли это? Вопрос, который остаётся без ответа. Сегодня он приобретает особую остроту в связи с разнонаправленностью процессов акселерации и инфантилизма (биологическим ростом и социальной зрелостью).

Тем не менее, выводы о вершинной эволюции вида *homo sapiens* привели к мировоззренческим трактовкам человека как «царя природы» и противопоставлению его природе, от которой человек должен брать *всё* для воспроизводства своей драгоценной жизни. Это привело к нещадной эксплуатации природных ресурсов и надвигающемуся экологическому кризису.

Французский аббат и антрополог середины XX столетия Пьер Тейяр де Шарден рассматривал человека в качестве *феномена развития форм жизни* на

Земле. [149]. Механизм этого развития усматривался в усложнении форм жизни на клеточном уровне под влиянием изменяющихся условий существования природных объектов. Эти условия влияют на биохимический синтез на клеточном уровне, что приводит к образованию новых форм жизни на уровне целостных объектов растительного и животного мира. Тейяр де Шарден был занят в своей работе не столько проблемой происхождения человека, сколько его специфическими свойствами, в числе которых он значительное внимание уделяет психическим и социальным свойствам. Именно эти свойства дают человеку неоспоримые преимущества в адаптации к изменяющимся условиям жизни. Природный синтез имеющихся свойств достигает в человеке универсализма для воспроизводства жизни, и делает его способным за счёт психического и социального потенциала к преодолению любых неблагоприятных условий жизни.

У человека этот потенциал достигает более высокого уровня развития, чем у других видов животных. Достигается это благодаря способности человека к рефлексивному самопознанию. Отрефлектированный поступок человек может перенаправить в прямо противоположном направлении, чем это было прежде. Например, раскаявшийся преступник, может всю оставшуюся жизнь заглаживать свою вину за проступок, если заработают психологические механизмы самопознания в поисках человеческих отношений как высших ценностей индивидуального бытия и общественной жизни.

Рефлексивное самопознание является психологическим механизмом парадоксального поведения человека в социальном взаимодействии. Этот потенциал рефлексивного самопознания был задействован в психиатрической практике З.Фрейдом, разработчиком технологий психоанализа. В результате наметился заметный прорыв в лечении неврозов человеческих отношений.

Концептуальное осмысление достижений психоанализа привели З.Фрейда к модели психической организации человека, где фундаментальной научной категорией стало понятие «Я». Категориальный статус этого понятия активно используется в современных научных работах, посвящённых самопознанию и самореализации личности в пространстве человеческих отношений.

Эта категория позволяет анализировать причинно-следственную обусловленность процессов социального взаимодействия субъектной активностью человека, предопределённой индивидуальными качествами его психической организации. В то же время она оказалась эвристической для построения новых концептуальных моделей психической организации человека.

Существенный вклад в раскрытие методологического потенциала понятия «человек» был сделан С.Л.Рубинштейном и Б.Г.Ананьевым.

ЗАДАЧА, которую решал С.Рубинштейн посредством понятия «человек», это – *место психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира*. «Происхождение жизни и сознания, соотношение сознания и материального мира – это два главных проблемных узла принципиального значения во всей системе научного знания». [155, Стр. 7]

Для этого нужно было преодолеть дуалистическую логику психофизического параллелизма, где идеальным свойствам психики должны соответствовать физические свойства воздействующих объектов и физиологические свойства нервной системы.

На философском уровне эта проблема сводилась к задаче поиска основ единства *идеального и материального*, единства субъекта и объекта в психической деятельности, то есть метапонятия, которое воссоединяло бы гносеологическую и онтологическую парадигмы научного анализа психики.

Таким понятием является «человек». Но не просто человек, а человек, *взаимодействующий* с миром (природным, вещественным, человеческим). В этом взаимодействии человек является одновременно и субъектом, и объектом познания и предметной деятельности. В понятии «человек» усматривается целостность и единство субъект-объектного отношения, гносеологической и онтологической парадигм научного познания. Эта целостность существует и воспроизводится только в процессах *взаимодействия*.

Гносеологическая роль человека сводится к функциям *сознания субъекта познавательной деятельности* – *идеальной* по своей сути, выведенной за пределы бытийных форм существования, рассматриваемой без человека как абстрактный механизм психической деятельности.

Однако человек, познающий мир, всегда включён в контексты своего *бытийного взаимодействия*, которое порождает особые формы существования психического («существования сущего» по Рубинштейну). ***В этих формах сознание обретает статус бытия.*** Человек в этих формах *проявляет себя, выражает себя и реализует* свой психический потенциал.

Онтологические роли человека состоят в том, что он ***носитель психики, преобразователь природы, творец предметного мира, соучастник социального взаимодействия.*** В этих определениях человека заключена и его *объектная определённость*, и его функции как *субъекта* взаимодействия с природой и обществом. Через эти функции сознание включается в жизнедеятельность человека как фактор, организующий его взаимодействие с миром вещей и людей. Ролью «носителя психики» человек наделён от природы. На роль «преобразователя природы» человек обречён необходимостью жизнеобеспечения. Роль «творца предметного мира» мотивирована стремлением к комфорту и высвобождением его избыточной энергии. Роль «соучастника» предопределена его социальным происхождением как личности.

В результате напрашивается вывод о *психической организации* человека как *инструменте* его *взаимодействия* с миром людей и вещей. В чьих руках находится этот инструмент?! Господа Бога или самого человека?! У Рубинштейна прямое указание на человека, который в этом взаимодействии является *субъектом деятельности*, её активным исполнителем. Он проявляет *волю*, предопределяя содержание и направленность взаимодействия. Он реализует свой потенциал во *взаимосвязях* с природой, обществом, предметным миром и другими людьми.

Поэтому раскрыть психологию человека возможно только через анализ его ***взаимосвязей*** с миром вещей и людей, где психологическое содержание

представлено как внутреннее, проявляемое во внешних формах деятельности человека.

В результате проблема соотношения сознания и материального мира приобретает конкретные черты проблемы соотношения **психологического содержания и форм его существования**. Единство содержания и формы в этом случае представлено *психологическими явлениями*, которые обнаруживают себя как **объективированная сущность человека**.

Именно проблема объективации психического (сознания) является основной методологической проблемой психологической науки. Как её решать?!

С.Рубинштейн определяет **бытийное взаимодействие человека** с миром вещей и людей как **место существования психического** в виде **психологических явлений**, наполняющих океан человеческого бытия. Они составляют **психологическую реальность** жизни человека в социальном пространстве взаимодействия с другими.

СОВРЕМЕННЫЙ анализ бытийных форм существования «психологической реальности» открывает несколько сфер её проявления.

Одна из них порождена *психическим отражением* как познавательной деятельностью (гностическими функциями психики) и *психологическими переживаниями* (аффективными функциями психики), результатом которых являются *образы-представления* субъекта об объектах взаимодействия и *отношения* к ним. Это составляет содержание **идеальной реальности**, которая является основой индивидуального знания и мироощущения человека.

Другая психологическая реальность порождена *отображением и выражением* субъективных образов-представлений и отношений с миром объектов в *вербальных и изобразительных* формах (высказываниях, текстах, рисунках). Происходит это посредством знаково-символической деятельности, свойственной в полной мере только человеку. Результатом этой деятельности является информационно-коммуникативное пространство, которое образует сферу **виртуальной реальности**. Она составляет основу духовного бытия человека.

Третья психологическая реальность порождена *творческой преобразовательной и созидательной* деятельностью (креативными функциями психики) человека. Результатом этой деятельности является **предметная реальность**. В ней происходит *предметная объективация* индивидуальных и коллективных представлений человека. Она является опредмеченной формой существования психологического содержания и индивидуальности, и всего человечества.

Обобщённой формой бытийного существования психологической реальности в индивидуальном проявлении является **психология человека**. Она вплетена во все три сферы человеческого бытия (идеальную, виртуальную, предметную) в виде психологического содержания, приобретающего статус главной ценности человеческой жизни. Именно «психология человека» становится для всех объективированной сущностью человека как субъекта и объекта взаимодействия. «Психология человека» воспринимается партнёрами как **качественная сущность друг друга**, заключающая в себе значимые

индивидуальные достоинства личности, предопределяющие взаимную привлекательность в совместной жизни и деятельности.

Методологическая функция понятия «человек» используется Б.Ананьевым при реализации *целостного подхода* как интегрального синтеза многообразных и разнокачественных психических свойств человека.

Понятия о человеке как индивиде, личности, индивидуальности, субъекте используются Б.Г.Ананьевым как основания для разнокачественного синтеза психических свойств человека. Он полагал, что конstellляции психических свойств по этим основаниям можно получить на эмпирическом уровне, раскрыв тем самым структурную целостность психической организации человека. [11]

Эта гипотеза послужила основанием для замысла комплексных исследований психологии человека. Однако методология таких исследований им не была прописана, так как она формировалась по ходу проводимых им эмпирических исследований. Не был раскрыт и решён основной вопрос - методология реализации *принципа целостности* на эмпирическом уровне. Отсутствовала теоретическая модель целостности психической организации человека.

В нашем понимании эта проблема, прежде всего, связана с анализом психических явлений как *целостных психических образований*, которые различаются по доминирующей функции психической деятельности, взятой в отношении с объектом взаимодействия под определённую практическую задачу человека (субъекта этого взаимодействия).

Например, если студенту нужно сдавать экзамен, то должна произойти мобилизация психического потенциала под эту задачу, что предполагает активизацию *интеллекта, коммуникативно-речевых и нравственных психических образований*. Эти образования явились результатом интегрального синтеза всех других психических свойств под задачу конкретной деятельности человека. Именно эти образования становятся системообразующими компонентами психической организации, определяющими индивидуально-типологические особенности психологии студента.

Руководствуясь таким принципом реализации целостного подхода, на кафедре практической психологии (в дальнейшем психологии человека) РГПУ им. А.И.Герцена в 90-е годы было проведено комплексное исследование психической организации младших школьников. Результаты этого исследования позволили в дальнейшем дифференцировать в общей психической организации человека 12 интегративных психических образований, которые легли в основу систематизации научных знаний о психологии человека как целостном феномене психологической реальности. Эта систематизация представлена в книге «Основы психологии человека» 2009 года издания. Концептуальная часть интегрального синтеза публиковалась под названием «Психология человека» в 2000 и 2002 годах.

Б.Г.Ананьев пытался использовать методологический потенциал понятия «человек» для определения места психологической науки в ряду других. В тот исторический период было важно осознать естественнонаучные и гуманитарные принципы научного познания психологии человека как целостного феномена эволюции форм жизни. Это привело его к необходимости

обсуждения проблем классификации наук. Он показал, что на психологической проблематике пересекаются все науки. Это послужило основанием к выводу о главенствующей роли психологической науки в деле интегрального синтеза всех научных знаний о природе, обществе и человеке, где человек выступает в единстве субъекта познания, общения и труда.

Если рассматривать понятие о человеке как категорию науки и использовать её как основание для классификации наук, то можно получить совершенно новую картину о месте и роли психологической науки в системе наук. Эта картина прорисована нами из того эскиза, который Б.Ананьев набросал в книге «Человек как предмет познания». [11]

При решении этой задачи *человек определяется как интегральный объект природы*, обладающий всеми её свойствами как их носитель. В числе этих свойств человека существует шесть качественных разновидностей: *пространственно-временные, физические, химические, биологические, психические, социальные.*

Этим классам свойств соответствуют шесть наук их изучающих: *математика, физика, химия, биология, психология, социология.* Эти науки можно назвать первородными, так как они связаны с изучением природождённых свойств человека. Все другие науки являются прикладным синтезом знаний этих наук. Историческая последовательность возникновения той или иной науки определялась общественной потребностью в соответствующем знании. Например, потребность в философствовании всегда было и остаётся первоосновой в реализации любопытства и потребности в самопознании.

Эта классификация наук определённо указывает на специфику каждой из них в связи со свойствами человека как объекта познания и потенциалами познавательной деятельности человека как психологического процесса, а также с его потребностями как субъекта жизнедеятельности. Она указывает на спектр обязательных знаний, которые необходимы для всестороннего развития психического потенциала человека в период школьного образования.

Интегральный синтез современного научного знания развивается на принципах антропологической парадигмы. Отсюда возрастает роль психологии как основы человекознания, человековедения и человекоцентризма, определяющих предназначение научных знаний и возможность их включения в мировоззренческий конструкт человека. Именно в этом можно усматривать конвергенцию смысла научного и обыденного познания человека.

Человекоцентристская парадигма начинает доминировать в науке и в общественной жизнедеятельности людей. В науке она вызвана потребностью интегрального синтеза эмпирического знания о природе, человеке и обществе. Человек представляет особый интерес как объект научного познания, в котором представлены все свойства природы и общества. Человек интересен доступностью его познания в лабораторном эксперименте. Человек интересен сам по себе как объект самопознания. Человек является главной ценностью общественного бытия. Человекоцентризм обретает черты идеологии жизни современного человека, а в науке превращается в методологию воспроизводства целостного знания о человеке, природе и обществе.

В связи с этим возрастает значение нового интегрального синтеза психологического знания под понятием «психология человека», позволяющего реализовать идею целостного конструкта психической организации человека не только в науке, но и в образовании.

Раздел 3. Инструментарий интегрального синтеза психологического познания

В этом разделе представлены процедуры эмпирических исследований, реализующих методологию интегрального синтеза. Основным принципом этой методологии является целостная репрезентация предмета исследования в эмпирических формах его существования. Главная задача реализации этого принципа связана с воспроизводством целостности предмета познания в процессах научного исследования. Найденные способы решения этой задачи в конкретных исследованиях образуют технологическую последовательность научно-исследовательской деятельности.

1.3.1. Процедура групповой оценки личности

Появление групповой оценки личности в методическом арсенале социальной психологии связано с прикладными исследованиями личности в педагогической и промышленной психологии в целях эмпирической констатации наличия и степени выраженности (развития) социально-психологических качеств ребенка, ученика, студента, рабочего, бригадира, инженера т. д. и т. п.

Групповая оценка личности во многих отношениях напоминает экспертную оценку, которая широко используется в промышленности при оценке изделий, поэтому нередко групповую оценку личности называют экспертной оценкой личности, с чем нельзя согласиться, так как под экспертом понимается специалист высшей категории, «знаток» конкретно определенной сферы явлений и объектов. В отношении людей экспертами являются специалисты — психологи и педагоги, которые в любом случае могут помочь интерпретировать результаты групповой оценки личности, но выступить в качестве субъектов оценки они могут лишь в том случае, когда сами являются членам производственного коллектива. Поэтому субъектов групповой оценки личности называть экспертами можно метафорически.

Групповая оценка личности имеет своей целью получить характеристику человека в конкретном производственном или другом коллективе путем взаимного опроса его членов друг о друге по определенной программе.

Широкое распространение групповая оценка личности получила в промышленной психологии, где на ее основе пытаются решать вопросы отбора и расстановки кадров.

Анализ работ многочисленных авторов, использующих эту процедуру в целях определения креативного резерва производства, позволяет сделать следующие выводы:

1. Проблема оценки кадров посредством учённого мнения сотрудников является важнейшей задачей в экономике на современном уровне развития

производства и общественной жизни.

2. К решению этой задачи призвана психологическая наука, которая в этих целях чаще всего использует методы групповой оценки личности и тестов.

3. О возможности создания универсальной методики групповой оценки личности (ГОЛ) существует противоречивое мнение. Одни исследователи считают это невозможным, другие, как, например, Ликерт, видят достаточно оснований для предположения, что эффективное руководство имеет почти во всех областях работы одинаковые характеристики.

4. Содержательная сторона методики ГОЛ очень сильно варьируется у различных исследователей по перечню качеств личности, включаемых в бланки для оценки. Эти вариации касаются следующих моментов: а) числа качеств, которое у разных исследователей варьируется от 20 до 180; б) уровня обобщенности определений-слов этих качеств; в) словесных форм, когда одно и то же смысловое содержание представлено в различных понятиях-словах (например, «добросовестность» — «ответственность»). Это выливается в проблему «содержательной валидности» набора качеств смысловому контексту слов-понятий, включённых в опросные листы для групповой оценки личности в конкретных общностях (профессиональных, региональных, возрастных и многих других). Это обусловлено различиями в языковой культуре общностей, а профессиональной деятельности её функциональным содержанием. Это — ключевая проблема по определению качеств личности, являющихся эмпирическими критериями оценки людей в контактных группах.

5. Число респондентов, используемых для характеристики аттестуемых, определяется различными авторами без сколько-нибудь убедительной аргументации и также варьируется с большой неопределенностью. Тем не менее, М. Форверг считает, что объективность ГОЛ возрастает по мере увеличения числа респондентов. Данные Ф. Г. Гурвича позволяют считать, что использование 15—20 экспертов для оценки объекта является статистически оправданным. Практика психологических экспериментов показала также, что 15 испытуемых достаточно для получения результатов на 5% уровне вероятности ошибки.

6. Размерность шкал для количественной оценки качеств (интенсивности их выраженности, веса) у различных исследователей неодинакова. Здесь нет сколько-нибудь единого мнения, и каждый исследователь избирает размерность шкалы в зависимости от того, насколько ему удобнее интерпретировать результат. Однако большинство исследователей пользуется порядковой пятиступенчатой шкалой.

7. Проблемы практического использования методики ГОЛ, определение границ ее возможного применения зависят от того, насколько верно будет понята психологическая сущность групповой оценки личности как социально-психологического явления.

Психологическая сущность ГОЛ. Производственная деятельность каждого человека протекает в условиях взаимодействия с другими людьми (начальниками, подчиненными, сотрудниками, равными по рангу), т. е. в условиях должностного и неофициального общения. Производственная

деятельность людей носит общественный, коллективный характер. В этом смысле статус в производственной деятельности конкурентного работника зависит не только от его индивидуальных способностей, например, к инженерной деятельности, но и от тех персональных отношений, которые сложились у него с другими членами коллектива. Эти отношения могут благоприятствовать или, наоборот, препятствовать развитию, раскрытию реализации индивидуального потенциала личности.

В процессах производственного взаимодействия и общения у членов коллектива складываются взаимные представления друг о друге как о хорошем или плохом специалисте, товарище, человеке и т. д. Эти представления являются результатом каждодневного восприятия деятельности и поведения своих сотрудников, начальников, подчиненных. По содержанию эти представления являются оценочными характеристиками различных свойств личности (характера, способностей, знаний, умений, воли и других).

В процессах общения, на основе возникающих друг о друге представлений формируется некоторое *общественное мнение* о каждом из членов производственного коллектива. В этом заключена социально-психологическая сущность ГОЛ, которая состоит ещё и в том, что она есть результат взаимного познания людей в процессах непосредственного или опосредованного общения. В результате ГОЛ обусловлена многочисленными связями людей в процессах индивидуально-личностного сотрудничества.

Поэтому логично предположить, что ГОЛ будет детерминирована структурой общения между людьми, которые выступают одновременно в ролях объектов и субъектов оценки личности. Структура общения, в свою очередь, детерминирована официальной административно-организационной структурой предприятия и официальными деловыми производственными и личными контактами.

Из социально-психологической сущности ГОЛ как общественного мнения о человеке вытекает *задача анализа структуры общения между объектами и субъектами оценки личности*, необходимость учёта социально-психологической позиции личности в коллективе.

Из того, что ГОЛ есть статистическая совокупность *индивидуальных представлений* о человеке, следует её общепсихологическая сущность, которая состоит в том, что ГОЛ, *как и* всякое представление, есть воспроизведенный (вторичный) образ объекта (человека в данном случае), полученный в прошлом опыте в процессе восприятия этого объекта (человека). Объективная ценность представлений состоит в том, что они базируются на конкретно-чувственном (практическом) взаимодействии с объектом, т. е. на опыте общения с человеком, когда речь идет о ГОЛ. В представлении выделяются и фиксируются наиболее важные, сущностные особенности объекта, что и придает ГОЛ особую диагностическую силу. Существенной проблемой ГОЛ является её адекватность в отношении объекта оценки.

Следующий аспект анализа психологической сущности ГОЛ проистекает из личностной природы объекта оценки. Поскольку объектом ГОЛ является человек, постольку и в содержании ГОЛ отражаются все его индивидуальные,

личностные и индивидуальные особенности как субъекта труда, общения и познания. Здесь мы сталкиваемся еще с одной общепсихологической проблемой — проблемой структуры личности.

Практическое значение этой проблемы для данного исследования состоит в необходимости определения соотносительной важности тех или иных свойств человека при выполнении конкретных функций в производственной деятельности и социальном взаимодействии.

Исследования в области психологии познания людьми друг друга показали, что континуум элементов структуры личности, представленной в общей психологии, не охватывает всевозможных характеристик человека, которые обнаруживаются при социально-психологической интерпретации личности. Это, возможно, связано с тем, что человек в традиционной психологии, которая вышла из философской теории познания, рассматривался как гносеологическая категория, т. е. всего лишь как субъект познания. Социальная психология, которая к тому же сделала своим предметом человека как субъекта общения, расширила представление о личности, включив в изучение личности не только гносеологический аспект человеческого сознания, но и онтологическую сущность его функционирования [124]. Это обстоятельство указывает на необходимость в конструировании методики ГОЛ обратиться к достижениям социально-психологической теории личности.

Все высказанные предпосылки можно заключить следующим определением ГОЛ как социально-психологического феномена: *групповая оценка личности* есть концентрированное выражение общественного мнения о человеке — члене социальной общности — образ-представление о личности, фиксируемый в форме суждения.

Психологическая сущность ГОЛ определяет границы ее практического использования. Здесь необходимо отдавать отчет о том, что ГОЛ не является прямым способом диагностики человеческих способностей. Она есть всего лишь отражение некоторых свойств личности, проявленных человеком во внешнем поведении как деятельности, т. е. ГОЛ, отражает с большей или меньшей степенью адекватности проявленный потенциал личности по внешним признакам поведения и деятельности.

ГОЛ содержат информацию о реальных проявлениях социально-психологического потенциала субъекта, и позволяет определить фактические возможности в поведении личности независимо от того, выяснен ли вопрос о наличии или отсутствии способностей к производственно-ролевому функционированию. Поэтому ГОЛ следует понимать как научно составленную информацию об уровне проявления качеств личности оцениваемого сотрудника в конкретном производственном коллективе.

В связи с этим санкции, связанные с моральным или материальным наказанием человека, на основании ГОЛ осуществлять нельзя, так как это может быть, с одной стороны, несправедливо, с другой стороны, это дискредитирует сам метод и идею аттестации, с третьей стороны, нарушит морально-целостное единство психологической атмосферы в коллективе.

Положительное использование ГОЛ на практике возможно в целях отбора резерва на выдвижение, научной организации коррекционной работы с персоналом и человеческими отношениями в трудовых коллективах, с организационно-управленческими и воспитательными воздействиями на личность.

Проблема адекватности ГОЛ. Адекватность как проявление *истинности* ГОЛ зависит от следующих трех основных моментов. Во-первых, от познавательных способностей субъектов, которые производят оценку «экспертов». Во-вторых, от того, насколько объект оценки (аттестуемый) сумел проявить свои свойства. В-третьих, от позиций и ситуаций, в которых происходит взаимодействие и взаимопознание субъекта и объекта ГОЛ, т. е. «эксперта» и аттестуемого.

Из первого условия, обуславливающего адекватность ГОЛ, вытекает проблема подбора «экспертов». Сложность решения этой проблемы заключается в отсутствии в настоящее время средств диагностики способностей к пониманию других людей. Поэтому проблема подбора «экспертов» пока может решаться с опорой на математическую теорию вероятности, поскольку ГОЛ есть коллективное представление о личности. Здесь возникает вопрос о том, как статистические закономерности детерминируют степень адекватности группового суждения? Какое число «экспертов» можно считать достаточным для того, чтобы обеспечить высокий уровень адекватности ГОЛ? Дело в том, что «экспертом» следует считать не любого человека, а только тех людей, которые находятся или находились с оцениваемым человеком в отношениях личного взаимодействия, т. е. имели опыт общения с ним по поводу решения трудовых, общественных и личных задач. Здесь возникает задача определения деловых и личностных связей в процессе производственного общения. Эти связи опишут СППЛ (социально-психологическую позицию личности) тех людей, которые выступают в роли «экспертов» и аттестуемых.

Социально-психологическая позиция личности (СППЛ) характеризуется системой связей и функциональными отношениями в делах между членами производственного коллектива. Характер деловых контактов людей задаётся официальной (административной) субординационной структурой. Однако целый ряд индивидуальных заданий решается по различным причинам за пределами официальной структуры, на базе неофициально возникающих контактов между сотрудниками. Неофициальные деловые отношения формируются как результат объективной необходимости для выполнения производственных заданий вследствие неэффективности официальной структуры.

Формально СППЛ на уровне официального общения может быть представлена связями в структуре «начальник — подчиненный». На уровне неофициального общения — тремя видами связей: 1) исходящими от личности; 2) направленными к ней; 3) встречных. Система встречных деловых контактов может определить деловое ядро коллектива. Система, устремленных к одному и тому же человеку связей будет характеризовать его как ведущего в деловом отношении. Система исходящих от личности связей будет характеризовать её

коммуникативную активность. Эти связи действуют внутри официальной структуры и могут взаимно перекрываться. Следовательно, «экспертов» следует отбирать с учетом как их официальной, так и неофициальной позиции по отношению к аттестуемому сотруднику.

Второй вопрос по отбору «экспертов» связан с определением оптимального статистически показательного числа «экспертов». Здесь мы имеем возможность сослаться на данные, проводимые в статье Ф. Г. Гуревича «Методы и процедуры получения экспертной информации», где опубликован результат исследования зависимости величины ошибки от числа эксперта. Данные свидетельствуют об уплощении кривой ошибок, когда число экспертов достигает 15 субъектов. По данным этого исследования, 15—20 экспертов можно считать числом статистически достоверным для практически адекватной оценки объекта [48].

Проблема классификации качеств личности аттестуемого человека. Здесь излагаются принципы отбора качеств личности на примере ГОЛ инженера и составление достаточно полного перечня профессионально важных качеств для успешного исполнения их деятельности.

Достаточно полным перечнем качеств можно считать такой, который отражает всю личностную структуру инженера как функционера производства, что предполагает наличие в этой структуре ряда общих и специфических личностных качеств, свидетельствующих о профессиональных способностях инженера.

Профессиональные качества личности формируются в трудовых процессах, специфика которых порождает и профессиональную специфику личности. Труд является главным фактором развития личности. Следовательно, самым объективным и адекватным основанием для определения перечня качеств личности инженера будет функциональная структура его деятельности. Для выяснения этой структуры необходим анализ конкретного трудового процесса инженера, выступающего в качестве рядового исполнителя, руководителя среднего звена (ведущий или старший инженер), руководителя подразделения (начальник лаборатории или отдела).

Другим основанием для классификации качеств личности может послужить эмпирическое представление о личности инженера самих инженеров. Относительный недостаток этого основания состоит лишь в том, что на уровне эмпирических представлений структура личности инженера может быть отражена в менее четких понятиях по сравнению с научными определениями.

Однако это основание содержит в себе адекватную и конкретную детерминацию личности трудовой деятельностью инженера, хотя и отраженную, и субъективно выраженную в индивидуальных представлениях инженеров.

Во-вторых, эмпирические представления изложены на практическом и жизненно понятном языке инженеров. В пользу этого обстоятельства говорит методологический принцип, установленный в результате конкретных исследований в американской социальной психологии: субъекты достигают большего согласия в оценках, когда им разрешают использовать их

собственную терминологию и категории, чем тогда когда они вынуждены давать ответы, выбирая из предложенного перечня [205].

Таким образом, через предварительное изучение эмпирических представлений инженеров о собственной профессии попутно решается еще одна проблема методики — это проблем поиска адекватных по смыслу слов-понятий для обозначения качеств личности инженера.

Функциональная структура деятельности инженера до сих пор обстоятельно не изучена. Имеются лишь общие описания некоторых элементов, и то относящихся к структуре творческого процесса вообще. На основе таких описаний и составляются более или менее удачные перечни некоторых качеств необходимых в деятельности инженеров.

Анализ функциональной структуры деятельности, инженера позволяет определить общий характер труда инженера как творческий труд, основанный на мыслительном оперировании пространственными отношениями вещей и их физическими свойствами. Следовательно, первое место и определяющее, значение в классификационной структуре личности инженера должно быть придано творческим и умственным способностям.

Общепсихологическая структура личности в данном случае может быть использована для группировки эмпирически обозначенных качеств и для последующей их научной интерпретации. Сами же понятия о конкретных качествах инженера этой структуры вывести довольно сложно, и к тому же подобный способ составления перечня не дает надёжных гарантий в правильности его составления.

Поэтому на первом этапе разработки методики ГОЛ инженера необходимо обладать достаточной эмпирической информацией о качествах инженера. Такого рода информация может быть получена путем интервью или методом «свободных характеристик», которые должны быть получены от самих инженеров. В частности, инженерам различных рангов предлагалось в свободной форме ответить на вопрос — какими качествами должен обладать: 1) инженер, 2) ведущий инженер, 3) начальник отдела.

Содержательный анализ, полученной таким образом, информации позволяет определить тот набор качеств инженера, который мыслится как необходимый для данной изучаемой совокупности инженеров. В этой же информации отражен и характерный для них язык (слова-понятия), в которые облакается в практике общения оценочная структура личности инженера.

Такого рода прием поиска перечня качеств позволяет приблизить предлагаемые критерии оценки личности к системе эмпирических критериев, которые бытуют на изучаемом предприятии в производственном коллективе. Таким образом, удастся повысить степень объективности ГОЛ, хотя полностью и не исключаются индивидуальные отклонения в понимании некоторых из качеств.

В опытный вариант методики ГОЛ инженеров, разработанный на кафедре социальной психологии ЛГУ совместно с Э.Чугуновой и С.Михеевой, были использованы 109 понятий, в которых описывались на эмпирическом уровне требования к личности инженера проекта.

109 качеств личности были классифицированы следующим образом:

I. *Качества, выражающие отношение к работе*: трудолюбие, творческое отношение к работе, оптимистическое отношение к работе, внимательное отношение к работе, увлеченность работой, положительное отношение к труду, «болеть» за производство.

II. *Качества, характеризующие общий стиль человеческого поведения и деятельности*: целеустремленность, верность слову, принципиальность, деловитость, авторитетность, исполнительность, организованность, наблюдательность, работоспособность, оперативность, идеологическая убежденность, личное обаяние, дисциплинированность, собранность, инициативность, настойчивость, смелость, продуктивность, активность, аккуратность, находчивость, энергичность, самостоятельность.

III. *Знания*: экономические знания, знание вопросов организации труда, техническая эрудиция, общая культура, математические знания, знание личных прав и обязанностей, технические знания по своей специальности, политический кругозор, гуманитарные знания, информированность о деятельности предприятия, его задачах и планах, богатство словарного запаса.

IV. *Качества ума*: аналитичность, гибкость, сообразительность, рассудительность, критичность, прозорливость, широта, чувство юмора, логичность, способность к духовному обогащению, оригинальность, пространственное мышление и воображение.

V. *Качества, относящиеся к инженерно-организационной деятельности*: опытность в работе, умение обучать работе, умение проводить техническую политику, умение быстро переключаться с одной работы на другую, умение определять перспективу технического прогресса, умение контролировать работу, умение видеть задачу, умение осуществлять взаимодействие с другими подразделениями, умение работать с литературой и справочниками, умение объяснять техническую задачу, умение сделать выводы по заданию, умение ориентироваться в работе, умение планировать работу, умение решать техническую задачу, умение внедрять новое, умение распределять работу, рациональный подход к решению технической задачи (умение учесть технологические требования), умение читать чертеж, схемы, богатство техническими идеями.

VI. *Качества, относящиеся к административно-организаторской деятельности*: умение создать трудовую атмосферу, умение руководить людьми, знать свой коллектив, умение создать, благоприятные отношения в коллективе, умение увлечь людей, умение постоять за коллектив, умение разбираться в людях, умение правильно поощрять и наказывать, умение убеждать людей.

VII. *Качества, характеризующие отношение к людям*: дипломатичность, общительность, честность, коллективизм, справедливость, доброжелательность, доверчивость, не быть мелочным, воспитанность, уравновешенность, умение ладить с людьми, ненавязчивость, способность понимать других, терпимость к другим, уважение к другим, не сковывать

инициативу других, учитывать мнение других, забота о росте подчиненных, требовательность к другим, внимательность, индивидуальный подход к людям.

VIII. Качества, характеризующие отношение к себе: самокритичность, скромность, самолюбие, самоотверженность, самосовершенствование, требовательность к себе, уверенность в себе.

Не требует каких-либо специальных доказательств положение о неравнозначности перечисленных выше качеств в том или ином виде инженерной деятельности, что ставит задачу на выяснение веса каждого из качеств в системе требований к деятельности инженера проекта. Эта задача может быть решена посредством ранжирования каждого качества по заданной шкале.

В исследовании операция ранжирования качеств инженеров проводилась по десятибалльной шкале (от 0 до 9). Однако, как известно, проблема иерархии не решается простым установлением сравнительного веса качеств. Проблема иерархии предполагает выяснение еще и степени связанности, и группировки качеств, так как психологические качества личности не выявляются сами по себе, изолированно друг от друга. Они находятся во взаимообусловленных отношениях, которые, в конечном счете, и определяют силу выраженности того или иного качества.

Решение этой задачи осуществлялось посредством корреляционного, и факторного анализа. Корреляционный анализ позволял определить качества, которые наилучшим образом репрезентируют комплексы требований, а факторный анализ позволял определить их группировку.

В результате этих исследований удалось определить некоторый минимум качеств, который наиболее сильно в статистическом отношении представляет весь объем требований, выраженных в 109 качествах. В их число попали следующие качества:

I. Качества, выражающие отношение к работе: трудолюбие, внимательное отношение к работе, творческое отношение к работе.

II. Качества, характеризующие общий стиль поведения и деятельности: исполнительность, самостоятельность, верность слову, авторитетность, энергичность.

III. Знания: технические знания по своей специальности, математические знания, общая культура, информированность о деятельности предприятия, его задачах и планах.

IV. Качества ума: гибкость, прозорливость.

V. Инженерно-организационные умения: умение решать техническую задачу, умение работать с литературой и справочниками, умение видеть задачу, умение обучать работе, опытность в работе, умение ориентироваться в работе, умение проводить техническую политику, умение объяснить техническую задачу, умение планировать работу.

VI. Административно-организаторские умения: умение создать трудовую атмосферу, умение осуществлять взаимодействие с другими подразделениями, умение руководить людьми, умение убеждать людей, умение постоять за коллектив, умение разбираться в людях.

VII. *Качества, характеризующие отношение к людям:* честность, беспристрастность, воспитанность.

VIII. *Качества, характеризующие отношение к себе:* требовательность к себе, скромность, уверенность в себе, самосовершенствование.

Следует заметить, что структура требований подвижна в зависимости от профиля деятельности и статуса инженера. Поэтому при использовании ГОЛ на предприятиях необходимо в каждом конкретном случае изучить специфику профессиональных требований по выше описанной последовательности.

ГОЛ складывается из оценки человека-объекта по каждому качеству в пределах предлагаемой шкалы. По каждому качеству при интервальной шкале можно получить сумму всех оценок, их среднее значение, средние отклонения, коэффициент вариации и другие статистические показатели. Суммы оценок или их средние значения можно подвергнуть корреляционному и факторному анализу. Для математического анализа ГОЛ применим весь аппарат вариационной статистики.

Итак, в процедуре разработки инструментария групповой оценки личности определилась *технологическая последовательность* научно-исследовательских способов решения методологических проблем интегрального синтеза.

Во-первых, эта последовательность включает решение проблемы *содержательной валидности эмпирических референтов*, в данном случае профессионально важных качеств личности инженеров, репрезентирующих целостность их психологической структуры как субъектов профессиональной деятельности. Эти качества-референты выявляются посредством метода «свободных характеристик». Этот этап исследования проводится по логике описательного плана, преследующего получить всесторонний охват предмета познания. Важным требованием этого этапа является сбор статистически репрезентативного материала. В этом случае необходимо соблюдать правила выборки респондентов по численности и социальной демографии и должностному положению в иерархии профессионального взаимодействия. Задача такого исследования заключается в получении исчерпывающего перечня эмпирических проявлений предмета познания, в данном случае профессионально важных качеств субъектов производственного взаимодействия.

Во-вторых, возникает проблема *структурирования целостности* предмета познания на основе полученного эмпирического материала. Эта проблема усложняет научно-исследовательский план познания, и переводит его из плоскости описательной логики в плоскость логики структурного плана. Она решалась посредством методов математической обработки массива эмпирических данных. Частотный анализ указывал на сравнительную значимость качеств-референтов, корреляционный анализ на иерархию их связей друг с другом, а факторный анализ на системные блоки доминирующих качеств-референтов. Кроме того, структурный план систематизации эмпирического материала должен реализовываться по дедуктивной логике метода «контент-анализа», что с большим успехом было сделано нами в изложенном здесь опыте. При этом математический анализ рассматривается в

этой логике как вспомогательное средство, а не самодовлеющий аргумент. Недостаток математического анализа в психологических исследованиях состоит в том, что содержательные взаимосвязи психологических качеств не удаётся верифицировать количественными измерениями. Этот недостаток компенсируется по логике обобщённой селекции качеств-референтов по основаниям структуры профессиональной деятельности, с элементами которой они связаны содержательно.

После этих этапов исследователи получают содержательно и статистически валидную структуру качеств-референтов, составляющих основу исследовательских средств, для решения прикладных задач аттестации, подбора, обучения и повышения квалификации специалистов определённой профессиональной деятельности.

1.3.2. Процедура гомеостатического эксперимента.

История науки доказала ведущую роль экспериментального метода в развитии и дифференциации научных знаний и становлении частных научных теорий. Достаточно вспомнить тот факт, что психология, одна из древнейших наук, отпочковалась от философии в самостоятельную отрасль знаний только в середине XIX столетия, когда началось систематическое экспериментирование в психологии Фехнером, Вебером, Вундтом и другими.

Возникновение социальной психологии как самостоятельной науки среди других психологических наук также обязано проникновению эксперимента в сферу человеческих отношений, которое произошло в начале XX века благодаря усилиям В.Мёде, А.Ф.Лазурского, В.М.Бехтерева и других. «Возникновение и развитие социальной психологии как науки,— пишет С. Кузьмин, — начинается с проникновения экспериментального метода в исследования личности и группы повсеместным совершенствованием техники получения и количественной обработки материала» [75].

По мере становления научной психологии экспериментальный метод начинает играть все большую и большую роль в научной деятельности психологов как на все расширяющемся фронте прикладных исследований, так и в области теоретических изысканий. «Экспериментальный или статистический: методы первоначально играли весьма скромную роль в движении познания. Однако сейчас без них не может обойтись ни, одна наука» [70].

Что же такое эксперимент?

Эксперимент — исследовательская деятельность в целях изучения причинно-следственных связей, которая предполагает, во-первых, опытное моделирование явления и условий при качественно-количественной определенности их. Во-вторых, активное воздействие исследователя на изучаемые явления. В-третьих, измерение отклика (реакций) на воздействия. В-четвёртых, воспроизводимость результатов.

Эксперимент как деятельность является видом человеческой практики, благодаря чему экспериментальный факт приобретает свойства критерия

истины. Это свойство экспериментального факта превращает эксперимент в самый сильный метод познания.

Второе преимущество экспериментального метода перед другими состоит в том, что он направлен на исследование причинно-следственных отношений между свойствами изучаемых объектов, что собственно, и позволяет по-настоящему овладеть законами природы и общества в практических целях.

При описании эксперимента как деятельности можно обозначить систему необходимых исследовательских этапов и задач.

Теоретический этап исследования - постановка проблемы. На этом этапе решаются следующие задачи:

- 1) формулирование проблемы и темы исследования;
- 2) определение объекта и предмета исследования;
- 3) определение экспериментальных задач и гипотез исследования.

Логика формулирования проблемы и темы обусловлена главенствующей целью исследования, в качестве которой может выступить теоретическая, практическая или методическая задача. В первом случае речь идет об экспериментальной разработке теории, во втором — о прикладном эксперименте, в третьем — о методическом эксперименте. Важно, чтобы название темы включало основные понятия предмета исследования. Границы предмета исследования следует устанавливать при одновременном учёте следующих моментов: 1) цели и задач исследования; 2) объекта исследования; 3) материальных и временных возможностей экспериментирования; 4) результатов научной разработки вопроса, которые зафиксированы в частной объяснительной теории.

Обращение к объяснительной теории направлено на выяснение известных факторов, которые оказывают влияние на объект исследования и его свойства, что позволяет определить круг решенных и нерешенных проблем и сформулировать гипотезы и задачи конкретного эксперимента.

Главная задача этого этапа состоит в разработке предмета экспериментального познания, что требует четких определений концептуальных понятий, в которых описывается предмет. Этот этап может рассматриваться как относительно самостоятельная научно-исследовательская деятельность теоретического характера.

Методический этап исследования. На этом этапе осуществляется разработка методики эксперимента и экспериментального плана.

Методика эксперимента должна воспроизводить предмет исследования в виде переменных экспериментальной ситуации. В эксперименте выделяют два ряда переменных: 1) независимые и 2) зависимые.

«Фактор, изменяемый экспериментатором, называется независимой переменной; фактор, изменение которого вызывает независимая переменная, называется зависимой переменной».

Основная проблема, которая решается на этом этапе, состоит в установлении наиболее полного соответствия переменных экспериментальной ситуации предмету исследования. Речь идет в данном случае о репрезентации

теоретического представления о предмете исследования в эмпирических показателях экспериментальной ситуации.

Разработка экспериментального плана предполагает два момента: 1) составление программы экспериментирования как рабочего плана и последовательности процедур опыта и 2) математическое планирование обработки экспериментальных данных, т. е. математическую модель обработки результатов эксперимента.

Экспериментальный этап. На этом этапе осуществляется непосредственное экспериментирование по сконструированной процедуре опытов. Он связан с созданием экспериментальной ситуации, с наблюдением, управлением ходом эксперимента, измерением и регистрированием откликов испытуемых.

Основная проблема этого этапа состоит в формировании идентичного понимания задачи у испытуемых их деятельности в эксперименте. Эта проблема решается через воспроизводство константных условий для всех испытуемых и *инструкцию*, которая задаёт единую для всех установку на деятельность. На этом этапе очень важна роль экспериментатора и его поведение, так как испытуемые включают его личность в контекст экспериментальной ситуации.

Экспериментальная ситуация характеризуется: 1) условиями опыта (окружающая физическая и социальная среда); 2) тест-объектами (вербальными и предметными раздражителям); 3) инструкцией (установкой на деятельность); 4) экспериментаторами; 5) личностью испытуемого; 6) откликами в виде предметных действий, высказываний и реакций испытуемых.

Экспериментальная ситуация включает в себя ряд организованных и неорганизованных переменных. Организованными переменными называются те, которые включены в опыт как независимые переменные. Все другие характеристики условий, не изучаемые как факторы, относятся к неорганизованным переменным и должны быть предельно константными. Следовательно, окружающая физическая и социальная среда, не включенная в контекст опыта как независимые переменные, должна быть постоянной.

При использовании тест-объектов следует учитывать порядок их предъявления, так как он сказывается на результатах опыта. Поэтому влияние порядка следует нейтрализовать. Для этого существуют методы уравнивания или ротации, которые более надежно обеспечивают нейтрализацию порядка, чем интуиция. Принцип этого метода состоит в том, что данный порядок приводят в соответствие с обратным порядком. Ротация возможна тогда, когда одни и те же изменения проводят несколько раз подряд. Если же предполагается одноразовое изменение, тогда организация порядка проводится по таблице случайных цифр.

Инструкция имеет своей целью привести всех испытуемых к единому пониманию задачи. Она выполняет функцию психологической установки испытуемых на деятельность. Что касается роли экспериментатора, то считается, что для большей объективности результатов экспериментатор, проводящий опыты, не должен знать гипотезу.

Основное правило экспериментирования состоит в том, что все переменные, кроме одной, должны быть константными на протяжении всего опыта, и только одна из переменных, играющая роль изучаемого фактора, может варьировать. Варьирующая переменная всегда должна иметь количественную или качественную определенность и обладать изменяющимися в процессе опыта параметрами.

В настоящее время в эксперименте имеется возможность измерять сразу или последовательно целый ряд переменных. Это открывает новые возможности перед экспериментальным методом, но только в том случае, если вводимые исследователем переменные не просто изменяются в ходе опыта, а изменяются под контролем, т. е. являются организованными. Что же касается основного правила экспериментирования, то оно сохраняет свою силу для всех неорганизованных факторов.

Таким образом, в свете математической теории эксперимента, основанной на факторном анализе, основное правило экспериментирования допускает оперирование сразу несколькими переменными при условии их организации (количественной выраженности и 'планомерного изменения), сохраняя требование нейтрализации по отношению ко всем неорганизованным факторам экспериментальной ситуации на протяжении всего опыта.

Аналитический этап. На этом этапе осуществляются математическая обработка эмпирических измерений и качественный анализ результатов. Далее происходит научная интерпретация полученных фактов и выводов, формулирование новых научных гипотез и практических рекомендаций.

Относительно математических коэффициентов вариационной статистики следует помнить, что они сами по себе не открывают сущности изучаемых психических свойств личности, так как являются внешними по отношению к их сущности, описывая всего лишь вероятностный исход их проявления и отношения между частотами сравниваемых событий, а не между сущностями. «Статистическая обработка данных — это прием, с помощью которого мы извлекаем якобы чистый металл из руды, а инструмент, позволяющий наиболее точно описывать реальное поведение» [168].

Сущность явлений раскрывается посредством последующей научной интерпретации как сопоставления эмпирических фактов по логике причинно-следственных отношений, смоделированных в экспериментальной ситуации. Только после этого можно заключить о практическом и теоретическом смысле экспериментального факта.

Развитие экспериментального метода происходит при появлении новой логической схемы оперирования зависимыми и независимыми переменными, при технических изобретениях, разработке экспериментальных процедур и способов измерения откликов испытуемых на воздействия.

Например, естественный социально-педагогический эксперимент А.Ф. Лазурского осуществлялся по логической схеме, которую можно представить в пять пунктов. Первый этап был направлен на измерение психологических качеств личности испытуемого по трем уровням (низшему, среднему, высшему). На втором этапе происходила социально-педагогическая работа по

развитию отстающих качеств. На третьем этапе проводилось вторичное измерение всех качеств личности после осуществленного социально-психологического и педагогического воздействия. На четвёртом этапе делалось сравнение результатов первого и повторного измерения. На пятом этапе делались выводы об эффективности осуществленных воздействий как психолого-педагогических приемов, приведших к положительным результатам. Экспериментальная схема А. Ф. Лазурского сохранила свое научное значение для прикладных и академических направлений современной психологии.

При изучении «группового эффекта» схемы экспериментального метода усложняются. Так, например, эксперименты В. Мёде (1920), Ф. Олпорта (1924), В. М. Бехтерева (1928) при изучении эффективности психической деятельности индивида в группе состояли из двух экспериментальных процедур. Сначала тот или иной психический процесс изучался у членов группы в одиночку, затем в группе. Результаты первого и второго измерений сравнивались, и по установленной разнице судили о «групповом эффекте».

В этой экспериментальной схеме хорошо завуалирована от испытуемых настоящая цель исследования. Всё внимание испытуемых сосредоточено на выполнении предложенной деятельности, показатели которой выступают в качестве надежных критериев «группового эффекта». Остается сожалеть, что эта экспериментальная, схема в настоящее время не получила широкого распространения и развития.

Современные технические средства связи расширяют возможности экспериментального метода в психологических исследованиях. Это создаёт реальную перспективу для моделирования всё более сложных явлений групповой деятельности. Развитие этой тенденции привело к разработке и использованию гомеостатического принципа в социально-психологическом эксперименте.

Процедура гомеостатического эксперимента состоит в том, что группе испытуемых от двух человек и более (количество зависит от возможностей установки принять то или иное число людей) предлагается одна общая задача совместной деятельности. Индивидуальные действия каждого члена группы должны обязательно влиять на общий ход решения задачи таким образом, что успешность действия одного из членов зависит от действия других. Объективная взаимосвязь и взаимозависимость действий испытуемых, запрограммированные, в экспериментальной установке, провоцируют их на общение.

Приборы типа «гомеостат» могут быть механической, электрической или электронной конструкции. «Гомеостаты» обязательно имеют объект управления и органы управления. В качестве объекта управления могут быть либо какая-нибудь фигура, которую своими совместными действиями должны воспроизвести испытуемые, либо показания какого-либо измерительного прибора с подвижной отметкой, которую испытуемые своими совместными действиями должны привести на указанное деление шкалы. Все действия на приборах испытуемые совершают с помощью органов управления, в качестве

которых могут выступать рукоятки-маховики, ручки потенциометров, тумблеры, кнопки и т. д.

Испытуемым с помощью органов управления предлагается регулировать состояние или положение объекта управления таким образом, чтобы привести этот объект к заданным параметрам. Каждый из испытуемых должен иметь свой орган управления, посредством которого он реализует свои или групповые решения в достижении общей цели.

С помощью различных приборов-приставок можно фиксировать моторную активность испытуемого на органах управления, его вербальную активность, изменения физиологического состояния организма и т. д., т. е. осуществить комплексное исследование личности в пределах моделируемой деятельности.

По возможностям исследования социально-психологических проблем гомеостатический эксперимент может приобрести универсальный характер, разумеется, при комплексировании с другими методами на его основе. Моделируя предметное и социально-психологическое взаимодействие испытуемых, гомеостатический эксперимент ассимилирует в себе преимущества разнообразных логических схем социально-психологического эксперимента, открывая возможность их воспроизводства в одной экспериментальной процедуре.

Например, при исследовании деятельности операторов в условиях различного типа взаимодействия посредством гомеостатического эксперимента на телевизионной установке были воспроизведены сразу несколько экспериментальных схем.

Конструкция установки предусматривала реализацию гомеостатического принципа. На двух телевизионных экранах предъявлялись тест-объекты (геометрические фигуры, лица). На *одном* из экранов изображение подавалось с искажениями, другом оно было в норме. Двое испытуемых должны были настраивать искаженное изображение до нормы. Для этого у каждого из них имелся свой пульт с выведенной на нём ручкой потенциометра (настройки). На одном пульте было возможно изменять изображение одновременно и по вертикали, и по горизонтали на другом — только по вертикали, т. е. испытуемые, ставились в заведомо неравные условия.

В экспериментальной процедуре варьировались три типа объективного взаимодействия. Для этого предусматривали три частных процедуры опытов.

В I-ой процедуре партнерам предоставлялись равные возможности в наблюдении эталона, но влиять на искаженное изображение один из них мог в двух измерениях, другой — в одном. Во II-ой процедуре наблюдать контрольный объект позволялось только испытуемому, который мог изменять изображение в двух измерениях, что усиливало объективное неравенство между испытуемыми в сравнении с I-ой процедурой. В III-ей процедуре наблюдать контрольный объект позволялось только испытуемому, который мог изменять изображение в одном измерении.

По условиям деятельности I процедура моделировала более демократичные отношения между участниками деятельности по сравнению с III и II, поскольку в ней испытуемые и с первого и со второго пульта имели возможность

наблюдать эталон, т. е. находились в равных условиях по отношению к функции контроля. II процедура в наименьшей степени способствовала проявлению демократических отношений, так как функция контроля и возможность более активно влиять на параметры регулируемого объекта сосредоточивались в одних руках.

III процедура была промежуточной по возможности проявления демократических тенденций во взаимоотношениях операторов.

Посредством вариации объективных условий взаимодействия изучались два параметра межличностных отношений как показателей социально-психологического климата в группе: 1) влияние функции контроля и объективно заданной активности на характер ролевых взаимоотношений (ведущий — ведомый), 2) влияние заданных условий взаимодействий и распределения ролей на стиль общения в процессе деятельности. Во II и III процедурах роль ведущих принимали на себя испытуемые, которые имели возможность наблюдать эталон, т. е. те, на кого выпадала функция контроля за процессом правильной настройки изображения.

В первой процедуре оба оператора по отношению к функции контроля находились в равном положении, дифференциация ролей на ведущего и ведомого в большинстве случаев обуславливалась степенью активности в регулировке объектом, т. е. роль ведущего чаще выпадала на долю оператора, который имел возможность изменять параметры изображения в двух направлениях. Данные факты говорят о том, что ролевые отношения обусловлены функциональной структурой деятельности, в которой закладываются объективные основы господствующих тенденций развития межличностных отношений. При этом функция контроля сыграла в данном эксперименте роль существенного условия при выдвижении соучастников деятельности на ведущую позицию, чем функция исполнения. Последняя допускала лишь такую степень активности, которую обеспечивал пульт с двойной регулировкой объекта (по вертикали и по горизонтали одновременно). Исполнительская активность являлась дополнительным условием при распределении ролей в том случае, когда функцию контроля выполняли все участники деятельности (II процедура).

Посредством вариации объективных условий взаимодействия выделялись две главные проблемы в ряду других.

- 1) влияние функции контроля и объективно заданной активности на дифференциацию ролей ведущего и ведомого;
- 2) влияние заданных условий взаимодействия на стиль общения в группе.

Однако опыты начинались не с группового взаимодействия, а с индивидуального обучения перцептивно-моторной деятельности на установке. Это позволило, с одной стороны, определить индивидуальные способности каждого из испытуемых к данному виду перцептивно-моторной деятельности, с другой стороны, включить выявленный уровень способностей в одну из переменных последующих групповых опытов.

Таким образом, в гомеостатической процедуре была воспроизведена экспериментальная схема по изучению «группового эффекта». К тому же была

получена возможность варьировать состав экспериментальных групп по уровню способностей её членов к перцептивно-моторной деятельности. По критерию способностей в опыты были включены группы трёх типов: 1) группа, где оба члена обладали одинаково высоким уровнем развития перцептивно-моторных навыков («сильный — сильный»); 2) группа, где оба члена обладали одинаково низким уровнем развития перцептивно-моторных навыков («слабый — слабый»); 3) смешанная группа («сильный — слабый»).

По схеме индивидуум — группа решалась задача на определение эффективности обучения операторов перцептивно-моторным навыкам в одиночку и в группе. Посредством вариации состава группы по индивидуальным способностям к перцептивно-моторной деятельности решалась задача наиболее эффективного сочетания членов при обучении.

С экспериментом сочетался метод взаимной оценки членов группы, которую они выдавали друг другу по перечню из 40 качеств личности. Посредством этого метода решался вопрос о круге социально-психологических требований, выраженных в виде качеств личности, которые предъявляют партнеры друг к другу в зависимости от принятой в групповом взаимодействии роли ведущего или ведомого.

Кроме того, по ходу опытов велось систематическое наблюдение за общением между партнерами. Второй экспериментатор — наблюдатель количественно фиксировал различные формы обращения испытуемых друг к другу. Это дало возможность определить стиль взаимодействия и дифференциацию ролей в группе, связав их с объективно заданными условиями деятельности.

По условиям второй задачи эксперимента предполагалось, что ролевая позиция в процессе совместной деятельности должна способствовать в общении участников эксперимента формированию своеобразного стиля коммуникативной деятельности, преобладанию одних форм обращения над другими в зависимости от субъективных и объективных условий деятельности (см. табл. 1).

В процессе общения участников эксперимента были установлены следующие формы обращения их друг к другу:

- 1) приказ — обращение, требующее от партнера обязательного исполнения указанного действия;
- 2) просьба — обращение, призывающее к исполнению действия;
- 3) предложение — это рекомендательная форма обращения, которая хотя и содержит в себе цель побудить партнера к действию, но тут же допускает необязательность его исполнения;
- 4) обсуждение — форма, характеризующая паритетность в обмене мнениями;
- 5) согласие — форма, указывающая на достижение паритета;
- 6) отказ — форма, не санкционирующая действия;
- 7) вопрос — форма, направленная на поиск информации, необходимой для коррекции деятельности.

Приказ, просьба и предложение используются как средства побуждения к действию. Отказ и согласие являются средствами санкционирования действий.

Обсуждение и вопрос—это средство коррекции действий и координирования деятельности.

Т а б л и ц а 1
Вероятность использования форм обращения в зависимости от объективных и субъективных факторов совместной деятельности

Условия	Формы обращения	Формы обращения						
		приказ	просьба	предложение	отказ	согласие	обсуждение	вопрос
Объективные	процедура I	0,004	0,014	0,051	0,021	0,070	0,715	0,126
	процедура II	0,157	0,132	0,025	0,019	0,033	0,592	0,042
	процедура III	0,099	0,227	0,099	0,054	0,164	0,249	0,108
	Наличие контрольной функции	0,083	0,125	0,055	0,030	0,092	0,535	0,080
	Отсутствие контрольной функции	0,025	0,014	0,063	0,022	0,057	0,643	0,176
	Пульт двойной активности	0,102	0,082	0,060	0,030	0,085	0,558	0,083
Субъективные	Пульт одинарной активности	0,046	0,127	0,053	0,028	0,085	0,549	0,112
	Ведущий	0,115	0,172	0,064	0,039	0,115	0,456	0,039
	Ведомый	0,013	0,011	0,045	0,015	0,043	0,692	0,181
	Успешный	0,045	0,110	0,085	0,035	0,125	0,445	0,155
	Неуспешный	0,106	0,100	0,027	0,023	0,043	0,673	0,038
	Командный стиль	0,113	0,170	0,085	0,037	0,129	0,336	0,130
	Коллегиальный стиль	0,026	0,052	0,033	0,023	0,033	0,787	0,096
	Исполнительский стиль	0,028	0,025	0,019	0,020	0,043	0,796	0,069

В качестве субъективных условий совместной деятельности выступают помимо названных факторов способности к данному виду операторской деятельности (перцептивно-моторной), и стиль поведения ведущих. Способность участников будущей совместной деятельности выявлялась в ходе предварительных индивидуальных испытаний. Она зависела от того, насколько успешно испытуемый настраивал изображение на этой же установке. Стиль поведения ведущего, определялся в результате наблюдения за ним в процессе совместной деятельности с другими участниками эксперимента.

Установлено три стиля поведения ведущих: 1) «командный», 2) «коллегиальный», 3) «исполнительский». «Командный» стиль характеризуется четкостью отношений руководства — подчинения. Ведущий требует от партнера конкретных и точно обозначенных действий, оставляя за собой «последнее слово». В обращении к ведомым чаще используются приказ, просьба, предложение, т. е. средства, побуждающие к действию других, а также формы обращения, санкционирующие действия других (отказ и согласие).

«Коллегиальный» стиль характеризуется развитием отношений по линии руководства — сотрудничества. Стремление к доминированию ведущего внешне не выражено, но контроль над деятельностью осуществляется не столько на словах, сколько в реальных действиях при активном подключении к ним партнеров, как на уровне исполнительской деятельности, так и при выработке решения. Среди других форм обращения ведущих с ведомыми сотрудниками заметно преобладало обсуждение.

При «исполнительском» стиле отношение руководства фактически отсутствует. Здесь ведущий берет на себя исполнительские функции, фактически вытесняя из предметной деятельности ведомого. Ведущему в этом случае не удастся распределить обязанности с ведомым, хотя он и пытается это сделать. Он не может организовать четких отношений ни по линии руководства — подчинения, ни по линии руководства — сотрудничества. Ведомые отстраняются от полноценного участия в предметной деятельности, но активизируются в сфере общения. В этом случае обсуждение преобладает над другими формами общения. Однако обсуждение приобретает чаще не деловой характер и становится «помехой», так как отвлекает от деятельности ведущих.

«Командный» стиль чаще возникал в условиях взаимодействия, созданных во II процедуре, где функция контроля и двойная исполнительская активность сосредоточивались в одних руках. «Коллегиальный» стиль чаще порождался I-ой процедурой, в которой оба оператора находились в равных объективных условиях — осуществляли функцию контроля. «Исполнительский» стиль ведущего мог проявляться в условиях любой процедуры и зависел ещё от особенностей характера ведущего и специфики неформальных отношений его с ведомым.

Форма обращения «приказ» чаще детерминировалась условиями взаимодействия II-ой процедуры, причем не столько функцией контроля, сколько двойной исполнительской активностью. К просьбам же сравнительно чаще прибегали ведущие в условиях III-ей процедуры, где за ведущим сохранялась функция контроля, а двойной исполнительской активностью был наделён ведомый.

Из сопоставления этих данных можно сделать вывод о том, что приказная форма обращения объективно оправдана тогда, когда ведущий выполняет роль лидера-исполнителя с подкреплением её функцией контроля. При разделении функций контроля и исполнительской между ведущим и ведомым в сторону явного преобладания контрольной у ведущего и исполнительской у ведомого просьба является формой обращения, более соответствующей объективной структуре взаимодействия, чем приказ.

Среди форм воздействия, побуждающих партнера к действию, просьба оказалась наиболее эффективной. К ней чаще прибегали ведущие, даже склонные к «командному» стилю взаимодействия, а также операторы с более высоким уровнем индивидуальных способностей к данному виду предметной деятельности. Из изучаемых форм взаимодействия испытуемые предпочитали обсуждение, на основе которого решались практически все вопросы совместной деятельности. Это говорит о преобладании коллегиального характера взаимодействия между испытуемыми, что создавало в целом благоприятный социально-психологический климат в работающей группе.

Так, посредством исследования форм взаимного обращения можно обнаруживать особенности социально-психологической атмосферы в коллективе и вскрывать факторы, обуславливающие её.

Как видим, гомеостатическая методика позволяет в одной экспериментальной процедуре запрограммировать и рассмотреть сразу несколько факторов, обуславливающих межличностные отношения в коллективе. При этом в силу экспериментального характера методики возрастает объективность результатов исследования, т. е. в ней заключены все преимущества экспериментального метода над другими. Однако в то же время ей присущи недостатки лабораторного эксперимента по отношению к исследованию реальных групп и коллективов. Тем не менее, гомеостатическая методика оказывается вполне приемлемым средством познания объективных и субъективных факторов, определяющих социально-психологический климат в коллективе.

Таким образом, оказалось возможным сочетать в одном гомеостатическом эксперименте сразу несколько экспериментальных приёмов и методов на основе объективных критериев операторской деятельности.

1.3.3. Процедура измерения взаимоотношений в производственных группах

Преобладание положительных взаимоотношений в производственном коллективе способствует повышению производительности труда, снижению текучести кадров, укреплению дисциплины, создает мажорный настрой в общении, способствует развитию творческих сил человека, предполагает в целом его хорошее психологическое самочувствие, повышает культуру отношений во всех сферах жизнедеятельности людей. Исследование взаимоотношений в общественно-трудовой деятельности людей в прикладной психологии осуществляется путем измерения конкретных типов и видов их взаимоотношений в первичных коллективах, которое проводится на основе всех применяемых в психологии методов: наблюдения, эксперимента, опроса и других. Каждый из указанных методов имеет свои достоинства и недостатки.

Первоочередной и важнейшей задачей при разработке инструментария исследовательской деятельности является конструирование предмета исследования, что предполагает определение и последующую классификацию совокупности свойств изучаемого явления (в данном случае — взаимоотношений).

Эта задача решается на основе теоретического анализа рассматриваемого явления. При проведении эмпирических исследований мы установили 10 типов психологического отражения межличностных отношений людей в процессе общения. В методике они получили соответствующие буквенные обозначения: С — практические, О — коммуникативные, К — когнитивные (познавательные), Э — эмоциональные, В — волевые, Р — ролевые, П — правовые, М — моральные, Н — нравственные, Д — коллективистские. Каждый тип взаимоотношений имеет свои эмпирические проявления в виде релевантных взаимоотношений. Практические отношения репрезентировались взаимоотношениями сотрудничества и взаимопомощи. Коммуникативные — легкостью общения и удовлетворенностью ими. Когнитивные отношения — сочувствием и взаимопониманием. Эмоциональные отношения — симпатией и любовью. Волевые отношения — уступчивостью и самостоятельностью.

Ролевые отношения определялись позицией интересного человека и лидера. Правовые отношения — чувством долга и верностью слову. Моральные отношения — добротой и заботой. Нравственные отношения — справедливостью и честностью. Коллективистские отношения — сплоченностью и дружбой.

Исследовательская процедура может охватывать не все указанные виды взаимоотношений. Их число устанавливается в зависимости от задач конкретного исследования и возможностей метода, на основе которого осуществляется измерение взаимоотношений. Например, в условиях наблюдения или эксперимента трудно охватить все типы взаимоотношений в одной процедуре измерения. Опросный же метод позволяет это сделать, особенно при изучении взаимоотношений с использованием, так называемых, закрытых вопросов, предполагающих оценку респондентом (опрашиваемым) его отношений с другими членами коллектива. С помощью оценки личных взаимоотношений с коллективом можно составить косвенную характеристику социально-психологического климата с точки зрения личного самочувствия респондентов. Это необходимо учитывать при использовании данной методики измерения социально-психологического климата в коллективе.

Человек является одновременно членом многих первичных коллективов, с которыми он связан по различным сферам жизнедеятельности (производство, семья, досуг, приятельское общение и другие). В одном первичном коллективе психологическое самочувствие людей как реакция их на социально-психологический климат может быть лучше, чем в другом. Поэтому возникает проблема сравнительного анализа особенностей взаимоотношений в разных коллективах. Поскольку в каждом коллективе личные взаимоотношения могут складываться неодинаково, это должно быть отражено в опросном листе, что ставит проблему классификации групп как факторов формирования тех или иных преобладающих человеческих отношений.

Первичные коллективы как объекты исследования можно классифицировать в соответствии с наиболее общими сферами человеческой деятельности (труда, учебы, быта, досуга). Каждый вопрос в опросном листе повторяется в зависимости от числа исследуемых групп. В частности, мы имеем в виду четыре названных типа первичных коллективов.

При разработке методики исследования социально-психологического климата важно определиться со способом измерения взаимоотношений. С этой целью устанавливается определенный набор вариантов ответов на адресуемые респондентам вопросы. Такой набор должен состояться с учетом известных количественных пределов изменчивости изучаемых взаимоотношений. В основу градации ответов в проведенном нами исследовании был положен принцип определения респондентами частоты проявления различных видов межличностных отношений в ряде первичных коллективов.

Для выяснения частоты проявления тех или иных отношений в коллективе предлагалась шкала с четырьмя вариантами ответов, которые

формулировались для каждого вопроса по следующим позициям: 1) взаимоотношения проявляются часто, 2) взаимоотношения проявляются редко, 3) взаимоотношения проявляются всегда, 4) взаимоотношения не проявляются.

Первая и третья позиции альтернативны второй и четвертой, что соответствует альтернативной природе взаимоотношений, в развитии которых всегда преобладают либо положительные, либо отрицательные тенденции, т. е. взаимоотношения всегда предполагают оценку субъектом положительных или отрицательных последствий межличностных отношений.

Таким образом, конструктивная схема каждого вопроса методики может иметь следующий вид: «Совместная деятельность людей предполагает сотрудничество между ними. Скажите, удастся ли Вам сотрудничать с окружающими Вас людьми?»

	Как часто?			
	«удается всегда»	«удается, часто»	«удается редко»	«не удастся»
а) в трудовом коллективе				
б) в клубном коллективе				
в) в учебном коллективе				
г) в семье				
д) в комнате общежития				
е) в кругу друзей				
и в других группах вхождения ...				

При этом в каждом коллективе отношения между людьми могут складываться по-разному, поэтому важно выяснить, с кем выстраиваются данные отношения. Так, в одной из модификаций методики при изучении взаимоотношений в производственных бригадах респонденты должны были охарактеризовать свои отношения по вертикали (с бригадиром) и по горизонтали (с другими членами бригады).

Следующий круг вопросов конструирования методики связан с математическим анализом эмпирических данных. Чтобы выразить количественно альтернативные тенденции в оценке межличностных отношений, каждому из пунктов шкалы приписывался соответствующий балл: «удается всегда» — (+2), «удается часто» — (+1), «удается редко» — (—1), «не удастся» — (—2). Характер шкалы и эмпирических показателей позволяет выразить количественную определенность изучаемых взаимоотношений (в баллах) и применить известные в вариационной статистике математические показатели.

Однако количественные границы проявления взаимоотношений должны быть качественно интерпретированы. В данной методике числовые показатели взаимоотношений могли изменяться в пределах от +2 до —2 баллов. Четыре интервала шкалы интерпретировались следующим образом:

от +0,1 до +1—взаимоотношения имеют невысокий уровень развития положительной тенденции;

от +1,1 до +2 — взаимоотношения имеют высокий уровень развития положительной тенденции;

от —0,1 до —1 — взаимоотношения имеют невысокий уровень развития отрицательной тенденции;

от —1,1 до —2 — взаимоотношения имеют высокий уровень развития отрицательной тенденции.

При суммировании оценок всех видов взаимоотношений для определения уровня развития социально-психологического климата можно использовать средний балл по всем показателям. Вполне возможны случаи равенства среднего показателя взаимоотношений 0 (нулю). Нулевой показатель свидетельствует о количественном равенстве положительных и отрицательных тенденций в развитии взаимоотношений.

Для сопоставления количественных показателей по двум объектам можно применять специальную графическую форму систематизации количественных показателей в виде индивидуальных и групповых «карт взаимоотношений». К этой форме анализа эмпирических данных целесообразно прибегать особенно тогда, когда речь идет о сравнении тенденций во взаимоотношениях вертикального и горизонтального срезов в производственных коллективах (см. рис. 1).

На рис. 1 изображены девять индивидуальных карт взаимоотношений (1—9) и одна усредненная на данный коллектив (10). На картах посредством проекции точек дается наглядная картина соотношения, в данном случае взаимоотношений членов производственной бригады — межличностных отношения по горизонтали и отношений их с бригадиром по вертикали. По оси абсцисс откладываются числовые значения взаимоотношений с членами бригады, по оси ординат — с бригадиром. Точка находится на пересечении этих двух числовых значений. Каждая точка характеризует один из типов взаимоотношений¹⁷.

Малый внутренний квадрат карты очерчивает зону невысокого уровня развития взаимоотношений. Между границей этого квадрата и границей большого находится зона высокого уровня развития взаимоотношений. Правая верхняя часть карты (I), ограниченная осями абсцисс и ординат — зона положительных взаимоотношений. Левая верхняя часть карты (II) — зона положительных отношений по вертикали и отрицательных — по горизонтали. Левая нижняя часть карты (III) — зона отрицательных взаимоотношений. Правая нижняя часть карты (IV) — зона отрицательных взаимоотношений по вертикали и положительных по горизонтали. Диагонали квадрата образуют четыре треугольника. Верхний и нижний треугольники — зоны преобладания взаимоотношений по вертикали. Правый и левый треугольники — зоны преобладания взаимоотношений по горизонтали. Положение точек характеризует структуру индивидуально-групповых взаимоотношений. Графическая форма анализа результатов исследования расширяет возможности смысловой интерпретации их.

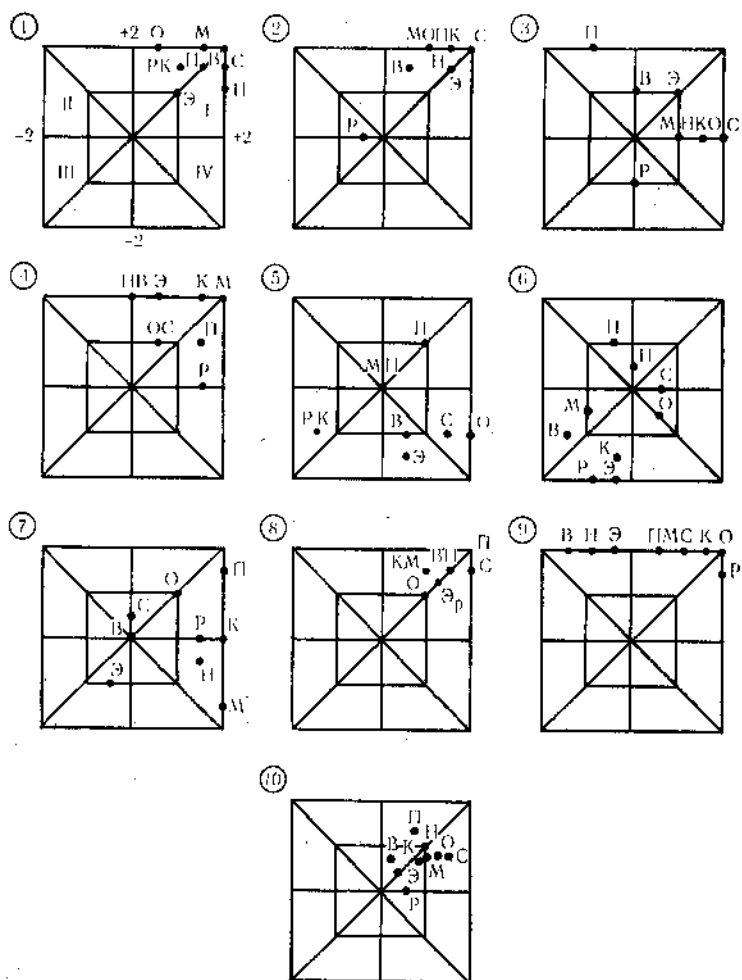

Рис. 1

Так по карте 1 видно, что взаимоотношения члена бригады с коллегами по работе характеризуются высоким уровнем развития положительных тенденций по восьми видам взаимоотношений (С, О, К, В, Р, П, М, Н) и невысокими по Э — эмоциональным взаимоотношениям. Это говорит о недостатках эмоциональной связи данного человека с товарищами по работе. По взаимоотношениям О, М, Р, К наблюдается преобладание положительных тенденций в отношениях с бригадиром, по взаимоотношениям В, С, Н — преобладает тенденция положительные отношения с членами бригады, по взаимоотношениям Э, П имеет место равенство во взаимоотношениях по вертикали и по горизонтали. В целом можно сказать, что психологическое самочувствие данного рабочего в бригаде находится на высоком уровне благодаря положительным взаимоотношениям с бригадиром.

Положение точек на карте «б» свидетельствует о преобладании отрицательных взаимоотношений у данного рабочего. У него полностью отсутствует эмоциональный контакт с бригадиром (точка Э), между ними нет взаимопонимания (точка К), недооценивается бригадиром его роль в коллективе (точка Р), ощущается некоторая скованность в его отношениях с

членами бригады (точка В), чувствуется неудовлетворенность отношением к рабочему со стороны товарищей по работе (точка М).

Отсюда можно сделать ряд психолого-педагогических рекомендаций бригадиру по изменению неблагоприятно сложившихся отношений этого рабочего в бригаде. Бригадиру следует уделять рабочему больше внимания, беседовать с ним о его потребностях, интересах, мотивах к труду, выражать расположение к нему, проявлять симпатию, поднимать его престиж в бригаде, поручая ему более ответственные дела.

Положение точек на карте коллектива (10) свидетельствует о преобладании в нем положительных взаимоотношений по всем видам, но с невысоким уровнем развития по шести из них (Р, В, Э, К, М, Н). Невысокий уровень ролевых и волевых отношений свидетельствует о неудовлетворительном разделении функций в коллективе. Слабо развитая эмоциональная связь показывает доминирование формальных отношений над неофициальными отношениями, о чём говорит сравнительно высокий уровень развития правовых отношений в коллективе (точка П). При этом правовые отношения в данном случае развиваются в основном по линии связи с бригадиром, т. е. они интериоризируются в сознании членов бригады через деятельность бригадира, что подчеркивает его важную роль в коллективных отношениях данной бригады на основе административного авторитета. Это подтверждается смещением практических и коммуникативных взаимоотношений (основных факторов совместной деятельности) в зону горизонтальных отношений.

Таким образом, эта методика позволяет раскрыть психологическую структуру межличностных отношений на индивидуальном и групповом уровнях и определить направления психолого-педагогического воздействия в целях улучшения социально-психологического климата коллектива.

Используя эту методику, можно получить картину взаимоотношений в коллективе: а) по преобладанию положительных или отрицательных тенденций, б) по преобладанию тех или иных типов и видов межличностных отношений в их структуре, в) по уровню развития взаимоотношений. Количественные показатели взаимоотношений могут быть выражены в баллах, в сумме баллов, в среднем балле, в процентах и графически — на индивидуальных и групповых картах взаимоотношений. Каждый из видов взаимоотношений может изучаться в самых разных первичных коллективах по всем направлениям функциональных взаимосвязей.

Данная методика позволяет изучать: 1) индивидуально-психологическую структуру взаимоотношений человека в первичных коллективах; 2) сравнительные особенности взаимоотношений в разных первичных коллективах в зависимости от сфер жизнедеятельности, т. е. детерминацию взаимоотношений характером деятельности коллектива; 3) особенности взаимоотношений как составляющих социально-психологический климат; 4) структуру взаимоотношений вертикального и горизонтального уровней взаимодействия в трудовых коллективах.

1.3.4. Процедура измерения согласованности мнений в первичных группах

В трудовом взаимодействии у членов коллектива вырабатываются взаимные представления друг о друге как о хорошем или плохом специалисте, товарище, человеке и т. д. Эти представления являются результатом каждодневного восприятия деятельности и поведения своих сотрудников, начальников, подчиненных. По содержанию они являются оценочными характеристиками различных свойств личности (характера, способностей, знаний, умений, воли, интересов, потребностей, мотивов и других особенностей психологии человека). Взаимные оценки членов коллектива играют существенную роль при формировании межличностных отношений.

Подобные представления можно фиксировать средствами опросного метода и таким образом косвенно измерять явления, связанные с характеристикой социально-психологического климата в коллективе. В данном случае речь пойдет об измерении *меры согласия* в индивидуально-групповых мнениях и о *степени совпадения социально-ролевых ожиданий*. Указанные факторы социально-психологического климата можно измерять посредством групповой оценки личности. Групповая оценка личности формируется на основе прошлого опыта общения людей, конкретно-чувственных впечатлений друг о друге, которые воспроизводятся в форме словесных характеристик личности и оценок её свойств. Она является обобщенной формой психического отражения качеств человека как партнёра социального взаимодействия.

Представления о личности отражают реальные качества человека и выступают в форме *общественных и индивидуальных мнений* людей друг о друге. Расхождения во мнениях членов коллектива относительно друг друга или каких-либо событий могут обострять межличностные отношения, ухудшая социально-психологический климат. В связи с этим возникает методическая задача измерения *согласованности или несогласованности мнений* в коллективе.

Мнения людей — это мнения не только о реальных качествах личности, но и об идеальных партнёрах. Во мнениях о человеке отражаются общественно-ролевые требования к личности — те социальные ожидания, которым должны отвечать поведение и деятельность человека в соответствии с занимаемым им положением в структуре общественных отношений. Социальные ожидания как взаимные требования членов коллектива могут не только не совпадать, но и противоречить друг другу, создавая тем самым психологическую почву для межличностных конфликтов.

В связи с этим возникает задача измерения *совпадения — несовпадения общественно-ролевых требований*, предъявляемых с разных общественно-групповых позиций людьми друг к другу в процессе взаимодействия. *Методика измерения согласованности — несогласованности мнений в коллективе* может основываться на двух процедурах.

Первая процедура нацелена на обобщенное описание индивидуальных мнений в группе. При опросе респондентам предлагается выбрать несколько суждений о человеке или каких-либо событиях. Число суждений ограничено и

соответствует числу возможных свободных суждений, наиболее часто встречающихся в развернутых характеристиках о предмете суждения. Число предлагаемых для выбора суждений не должно намного превышать оперативный объем памяти, но и не быть очень маленьким, чтобы не слишком жёстко ограничивать свободу выбора. В психологии известно, что средний объем кратковременной памяти при одновременном восприятии объектов колеблется в пределах 5—9 единиц. Поэтому в нашей процедуре предлагалось пять суждений об одном и том же объекте. Расчёт коэффициента *разногласия-согласия* производился по специально разработанной формуле.

Число предлагавшихся в наших экспериментах суждений о предмете группового обсуждения в формуле обозначалось через «*m*». Таких суждений было пять (5). Каждое суждение могло быть выбрано либо всеми респондентами, либо каким-то количеством их, либо ни одним из них. Максимальное число возможных выборов одного и того же суждения ограничено числом респондентов (их было 20), и в формуле оно обозначалось через «*n*». Основной варьирующей переменной в этой формуле являлось число выборов модального суждения, т. е. суждения, выбранного большинством членов группы, и обозначалось оно через «*Mo*». Например, число таких совпадающих суждений об одном из объектов оказалось равное 12.

Таким образом, количественная характеристика *согласованности* — *рассогласованности* индивидуальных мнений в группе определялась соотношением трех величин: *m*, *n*, *Mo*. Это соотношение описывалось формулой:

$$\frac{n - Mo}{Mo (m-1)}$$

По ней исчислялась величина *коэффициента рассогласованности* (КР) индивидуальных мнений в группе. Величина этого коэффициента (КР) может изменяться в пределах от 0 до 1. Поскольку КР находится в обратных отношениях с *коэффициентом согласия* (КС), то $КС = 1 - КР$. При умножении числового значения КС или КР на 100 их величина может быть выражена в процентах.

Мнения в коллективе относительно одного и того же объекта можно измерять неоднократно и таким образом изучать их динамику, что даёт возможность использовать экспериментальный метод в исследовании формирования индивидуального и общественного мнения в коллективе.

Однако величина коэффициентов согласованности и рассогласованности непосредственно не отражает ни индивидуального, ни общественного мнения, потому что эти коэффициенты являются производными величинами, посредством которых осуществляется математическая интеграция показателей индивидуальных мнений. Данные показатели дают обобщенную характеристику индивидуальных мнений, которую можно определить как индивидуально-групповое мнение. На основе показателей КС и КР можно говорить о преобладании какого-либо мнения в группе, сравнивать их как меру согласованности — рассогласованности на межгрупповом уровне.

Вторая процедура измерения мнений имеет большую степень свободы в сравнительном анализе индивидуальных мнений. В этом случае индивидуальные мнения изучаются посредством ранжирования объектов суждения по предлагаемому признаку, а математическое сравнение ранговых рядов производится посредством коэффициента ранговой корреляции, который интерпретируется как показатель меры *согласованности* — *рассогласованности индивидуальных мнений*.

На основе ранговой корреляции индивидуальных мнений можно производить сравнение индивидуальных мнений одного и того же респондента до и после обсуждения вопросов в коллективе; индивидуальных мнений респондентов друг с другом; индивидуальных мнений с групповым мнением; индивидуальных мнений с индивидуально-групповым мнением; индивидуально-групповых мнений с групповыми мнениями.

Для повышения порога статистической достоверности коэффициентов корреляции при ранжировании целесообразно использовать не менее 10 объектов. Однако слишком большое их количество, как показали наши эксперименты, в которых число объектов было доведено до 20, затрудняет для опрашиваемых точность ранжирования, что приводит к повышению вероятности случайных ответов. Оптимальное число объектов ранжирования для этих целей соответствует 11.

Преимущество процедуры ранжирования состоит в том, что она позволяет улавливать динамику и соотношение индивидуальных мнений, устанавливая меру согласованности— рассогласованности всех трёх категорий мнений в коллективе (индивидуальных, групповых, индивидуально-групповых). Недостаток ее заключается в большой трудоемкости методики как на стадии опроса (для респондентов), так и на стадии математической обработки и анализа (для исследователя). Первая процедура в этом отношении чрезвычайно проста. Она имеет преимущества экспресс методики и может применяться, когда требуется составить обобщенную картину согласованности — рассогласованности индивидуальных мнений.

На основе корреляционных отношений и процедуры оценки качеств личности по методике групповой оценки может определяться количественная мера совпадения-несовпадения общественно-ролевых ожиданий как взаимно направленных общественно-групповых требований к профессионально необходимым качествам членов производственного коллектива.

Членам какого-либо коллектива предлагается оценить в баллах качества личности, которые, с их точки зрения, имеют большее или меньшее значение для успешного выполнения тех или иных ролевых функций в совместной деятельности. Таким образом, изучается система эталонных требований членов коллектива друг к другу. В одном из наших экспериментов инженеры трёх должностных позиций (рядовые, ведущие, руководители подразделений) должны были оценить профессионально важные качества личности по предложенной для каждого из них девятибалльной шкале. В результате мы получили девять рядов оценок, которые группировались по восьми подструктурам профессиональной структуры личности инженера. Это

качества, характеризующие: 1) отношение к работе; 2) общий стиль поведения и деятельности; 3) знания; 4) свойства ума; 5) инженерно-организационную деятельность; 6) административно-организаторскую деятельность; 7) отношение к людям; 8) отношение к себе²⁰.

От представителей каждой должностной позиции было получено по три ряда оценок. Один из них включал оценку профессиональных требований к себе (самооценку должностных требований), два других — профессиональных требований к инженерам остальных должностных категорий. Корреляционное сопоставление средних баллов самооценки с оценками, которые были получены с двух других должностных позиций, позволяет измерить совпадение — несовпадение взаимных профессиональных ожиданий, имеющих место в исследуемых производственных коллективах, что можно изобразить в виде корреляционных плеяд (см. рис. 2).

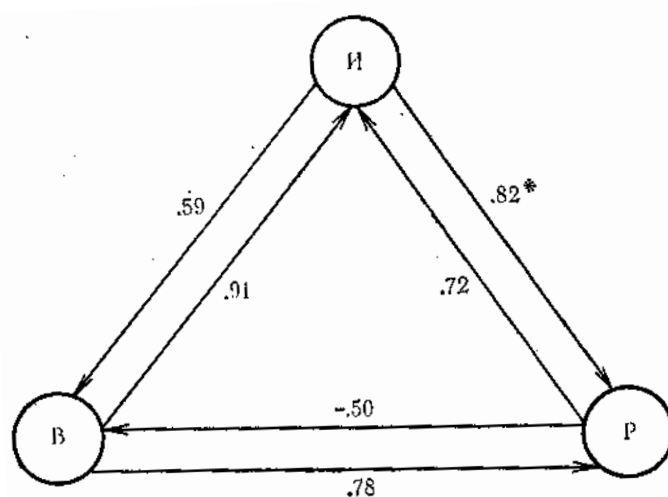

Рис. 2
* 0 (ноль) в написании рангового коэффициента корреляции опущен

На рисунке буквой И обозначен рядовой инженер, буквой В — ведущий инженер, буквой Р — руководитель подразделения. Стрелка указывает, от кого исходит оценка требований, коррелируемая с самооценкой. Так, коэффициент корреляции 0,59 (на рисунке 0 не пишется) — это показатель меры совпадения самооценки ведущего инженера с оценкой его рядовым инженером.

Чем *выше* числовое значение положительного коэффициента корреляции, тем в большей мере совпадают требования, предъявляемые другими, с самооценкой, тем меньше психологических предпосылок когнитивного свойства для межличностных конфликтов. Отрицательный коэффициент корреляции свидетельствует о несовпадении требований, предъявляемых другими, с требованиями к себе и тем самым указывает на существование возможности

психологического конфликта, который, как подводное течение, охлаждает социально-психологическую атмосферу в коллективе.

В данном примере такой скрытый психологический конфликт обнаружился между руководителями и ведущими инженерами, о чем свидетельствует отрицательный коэффициент корреляции ($-0,50$) между требованиями руководителей к ведущим инженерам и самооценкой последних. В ряду этих требований оценивалось 19 качеств, характеризующих инженерно-организационную деятельность в проектном институте. Наибольшее несовпадение требований касалось: 1) умения проводить техническую политику; 2) умения решать технические задачи; 3) умения читать чертежи и схемы; 4) богатства техническими идеями; 5) умения осуществлять взаимодействие с другими подразделениями; 6) умения работать с литературой и справочниками; 7) умения определять перспективу технического прогресса. По 1, 5, 7-му качествам руководители предъявляли более высокие требования к ведущим инженерам, чем они сами к себе, а по 2, 3, 4, 6-му — наоборот. Это говорит о том, что ведущие инженеры ориентируются на те стороны деятельности, которым их руководители придают меньшее значение, чем они сами, т. е. они в первую очередь делают не то, что руководители считают наиболее важным в их деятельности. Несовпадение представлений в деятельности может вызвать спор о том, кто - что должен делать. Рассогласование мнений, выразившееся в несовпадении взаимных требований, рано или поздно перерастает в межличностный социально-психологический конфликт в силу регулятивной роли психического образа (в данном случае общественно-группового образа — представления о профессиональной структуре личности инженеров разных должностей), посредством которого человек управляет своим поведением в процессах совместной общественно-трудовой деятельности.

Описанная процедура анализа результатов групповой оценки личности позволяет сделать предположение о психологических источниках возможных межличностных конфликтов, а также обнаружить, с какими конкретно сторонами совместной деятельности они могут быть связаны, установить меру остроты скрытого психологического конфликта, определить направление профилактических психолого-педагогических мероприятий по предотвращению возможных конфликтов и улучшению социально-психологического климата в коллективе.

Динамика мнений в коллективе. По степени согласованности индивидуальных, коллективных и общественных мнений, функционирующих в первичных формальных и неформальных группах, можно судить об уровне сплоченности коллектива как важнейшем показателе социально-психологического климата, о единстве взглядов людей на различные явления и события в любой сфере совместной деятельности.

Апробация экспериментальной процедуры изучения *динамики* индивидуальных и групповых мнений происходила в студенческих учебных группах под воздействием коллективного обсуждения проблем, тесно связанных с особенностями жизнедеятельности студентов. Это — проблемы

принятия в свой круг «новичка» (динамика мнения о личности), обсуждение профессиональных вопросов (динамика профессиональных мнений), политических событий (динамика политических мнений), формирование художественной культуры (динамика эстетических мнений). Особо изучалась проблема *согласования* индивидуальных мнений в коллективе (динамика консолидации мнений).

В изучении социально-психологического климата коллектива социальная психология исходит из того, что «формирование общественного мнения зависит от уровня и состояния развития коллектива. Так, когда коллектив только-что создается, сформировать единое мнение гораздо труднее потому, что люди, в него входящие, еще не настолько сблизились и понимают друг друга, чтобы сразу прийти к общему суждению»³⁶.

В эксперименте через динамику мнений косвенно исследовалась динамика развития коллективистских отношений в студенческих учебных группах на протяжении пяти лет обучения в вузе. Эксперименты показали сложную зависимость консолидации мнений от времени обучения в вузе, а также от содержания обсуждаемой проблемы, представления о которой в определенной степени опосредованы более или менее устоявшимся общественным мнением. Это удалось обнаружить в результате сопоставления суждений по всем указанным проблемам.

Индивидуально-групповое мнение интегрирует наиболее часто повторяющиеся индивидуальные мнения. Индивидуальные и групповые мнения могут отличаться от коллективного мнения, к которому группа приходит в результате обмена индивидуальными мнениями.

Коллективное мнение отражает взгляды большинства при гласном обсуждении вопроса. Что касается индивидуальных и групповых мнений, то не все из них могут приобрести значение коллективного мнения. Коллективное мнение только одно, а индивидуальных и групповых в коллективе может быть несколько, и они могут неоднократно повторяться в суждениях разных членов коллектива.

В данном случае речь пойдет о динамике самого распространенного, модального, мнения в группе под воздействием обсуждения и выработки коллективного мнения.

В ходе эксперимента предполагалось проверить рабочую гипотезу о том, что в процессе выработки коллективного мнения происходит консолидация индивидуальных мнений в группе и что проявляется это в увеличении частотности модального суждения, т. е. коэффициент согласия (КС) должен быть больше после обсуждения, чем до обсуждения индивидуальных мнений. В то же время экспериментаторы полагали, что возможна обратная тенденция.

Гипотеза проверялась в 29 студенческих учебных группах ЛГУ на шести факультетах (историческом, экономическом, филологическом, химическом, биологическом, математико-механическом). На каждом факультете в экспериментах принимало участие по одной группе с каждого из пяти курсов. Каждой группе было предложено для обсуждения пять тем: 1) личностные характеристики незнакомого человека; 2) политическая тема; 3) эстетическая

тема о живописи; 4) эстетическая тема о театре; 5) профессиональная тема (для каждого факультета своя). По каждой теме о предмете предлагалось пять вариантов суждений, наиболее распространенных в свободных высказываниях студентов.

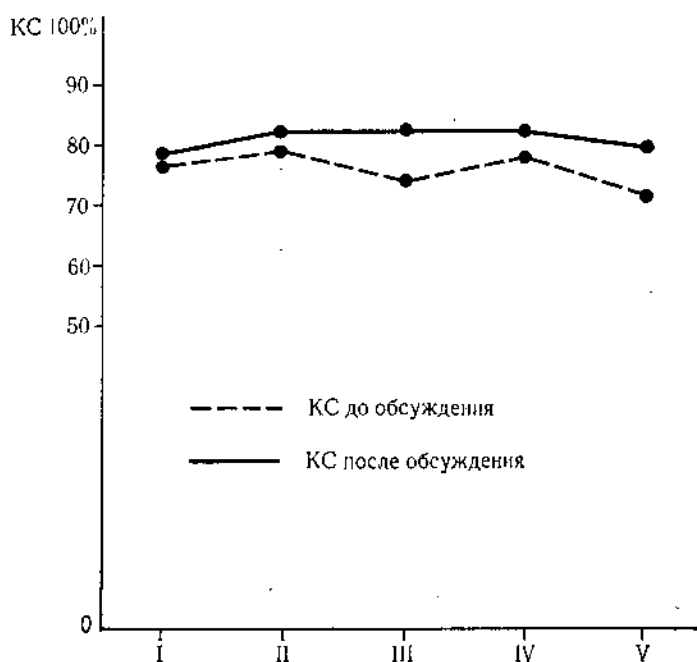
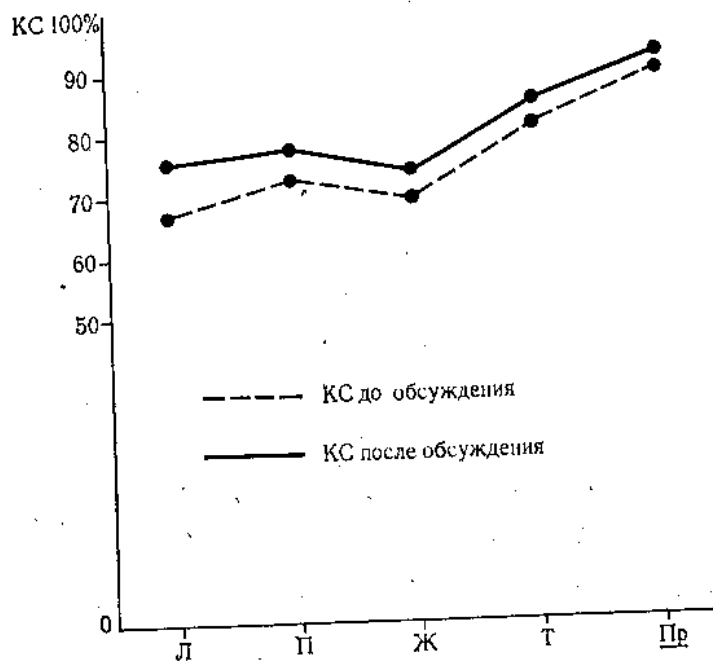

График 1 Средневзвешенные КС по курсам

Каждый студент должен был выбрать один из вариантов, который по смыслу более соответствовал его личному мнению. Затем, членам группы предлагалось обменяться своими мнениями и выработать коллективное мнение, которое отражало бы общую позицию группы по обсуждаемым темам. После коллективного обсуждения мнений каждому члену группы вторично предлагалось на специальном бланке ответов обозначить предпочитаемое суждение.

Вариация первичных и повторных суждений позволила конкретизировать общую гипотезу относительно влияния темы обсуждения и курса обучения (срока совместной учебной деятельности) на динамику индивидуально-групповых мнений.

В 81 эксперименте из 145 величина КС изменялась в ходе обсуждения и выработки коллективного мнения. При этом в 69 экспериментах КС увеличивался, а в 12 – уменьшался.

личности П — политическая тема Ж — о
 офессиональная тема Средневзвешенные КС по

В остальных экспериментах наблюдалось равенство КС до и после обсуждения. Следовательно, коллективные обсуждения могут не одинаково влиять на динамику индивидуально-групповых мнений. Это может зависеть от межличностных отношений (симпатии, сплоченности, коллективизма, конформизма и других).

В этих экспериментах более заметна тенденция консолидации индивидуальных мнений под воздействием коллективного обсуждения проблем (см. графики 1 и 2). Этот факт позволил сделать практический вывод о пользе всестороннего обсуждения мнений в коллективе, так как оно способствует осознанию и формированию чувства общности, достижению большей солидарности между членами коллектива, поддержанию благоприятного социально-психологического климата.

Однако динамика консолидации мнений имеет свои особенности, зависящие от темы обсуждения и от уровня развития коллектива. На это указывают различия как в абсолютных значениях КС до и после обсуждения, так и, что особенно важно для характеристики динамики индивидуально-групповых мнений, в расхождении значений КС до и после обсуждения.

Наибольшая величина КС после обсуждения оказалась в студенческих группах II, III и IV курсов (82%), что свидетельствует в целом о большей консолидации взглядов на этих курсах по сравнению с I и V курсами, где абсолютное значение КС оказалось несколько ниже (соответственно — 79 и 80%). Хотя выявленные различия статистически очень малы, это не снимает вопроса о том, почему они возникают, тем более что подобная динамика межличностного взаимодействия наблюдается и по другим характеристикам жизнедеятельности студенческих учебных групп.

Особенностью этой динамики является то, что на I курсе по сравнению с другими курсами отмечается наиболее низкий уровень развития

коллективистских отношений. Это может объясняться тем, что здесь коллектив еще только формируется (проходит «стадию первичного синтеза», по А. Г. Ковалеву)³⁸. Данная стадия характеризуется недостаточной дифференциацией межличностных отношений, их диффузностью. Каждый член коллектива за пределами группы в основном опирается на свое мнение, так как неофициальные лидеры в группе еще четко не обозначились и на лидерство претендуют одновременно многие члены коллектива. Этим объясняются в целом небольшие различия мнений до и после обсуждения, что проявилось в наименьшей разнице средневзвешенных КС до и после обсуждения. В данном случае она составила всего 2% (см. график 1).

На других курсах эта разница увеличивается, достигая наибольшей величины на III (8%) и V (7%) курсах, что свидетельствует о большем стремлении к согласованию индивидуальных взглядов с коллективным мнением группы и, следовательно, о более высоком уровне развития коллективистских отношений, о большей практической эффективности коллективного обсуждения проблем на старших курсах.

Подтверждением данных выводов является и тот факт, что КС до обсуждения в группах на этих курсах был сравнительно ниже, чем на I, II и IV. Казалось, логичнее в таком случае было бы ожидать и более низких показателей КС после обсуждения на III и V курсах. Тем не менее, абсолютная величина КС после обсуждения на всех курсах почти одинакова. Только на I и II курсах это происходит за счёт большего совпадения индивидуальных мнений до обсуждения, на старших — за счёт эффективности обсуждения. Это свидетельствует о повышении уровня развития студенческих учебных групп как коллективов по мере перехода с курса на курс, об улучшении в них социально-психологического климата, что позволяет косвенно положительно оценивать педагогическую деятельность вузов, воспитательную работу кураторов отдельных студенческих групп.

Однако возникает вопрос: не противоречит ли факт более низких значений КС до обсуждения выводу о более высоком уровне развития коллективистских отношений на III и V курсах? Если предположить, что абсолютная величина КС непосредственно свидетельствует о коллективистских отношениях, то на поставленный вопрос напрашивается утвердительный ответ. Если же исходить из того, что КС до обсуждения отражает меру возможного единства (или разнообразия) индивидуальных представлений членов коллектива, то на данный вопрос следует ответить отрицательно. Ведь на следующих за «стадией первичного синтеза» этапах развития — на «стадии дифференциации» и «стадии синтеза» — возникают микрогруппы³⁹, в которых появляются ситуативные лидеры мнений.

Следовательно, разнообразие индивидуальных мнений в коллективе вовсе не говорит о низком уровне развития коллективистских отношений в нем. Только в том случае, если индивидуальные мнения не консолидируются после обсуждения и выработки коллективного мнения, а наоборот, расхождение во мнениях усиливается, можно говорить о низком уровне развития коллективистских отношений в группе. Такого рода факты наблюдались в 12

экспериментах, зафиксировавших снижение КС после обсуждения, свидетельствуя о неблагоприятном социально-психологическом климате в группе. По четыре раза наблюдалось снижение КС на I и IV курсах, по два — на II и V курсах и ни одного — на III курсе. Данные факты говорят о сложности процессов выработки коллективного мнения.

Тенденций к консолидации индивидуальных мнений в группе при общем снижении единства их с коллективным была зафиксирована посредством измерения корреляционных отношений между индивидуальными мнениями.

Группе студентов IV курса предлагалось определить художественную ценность 20 отрывков художественной прозы. Все высказанные мнения до и после обсуждения сопоставлялись с выработанным коллективным мнением. До обсуждения коэффициент корреляции индивидуально-группового мнения с коллективным был равен 0,62, а после обсуждения — всего лишь 0,42. Эти данные показывают, что в целом разногласия в группе исследуемых студентов по обсуждаемой проблеме обострились⁴⁰.

Однако анализ корреляционных отношений между всеми членами группы попарно до и после обсуждения посредством корреляционных плеяд вскрыл наличие тенденций к консолидации индивидуальных мнений в сочетании с дифференциацией их по микрогруппам (см. рис. 3 и 4).

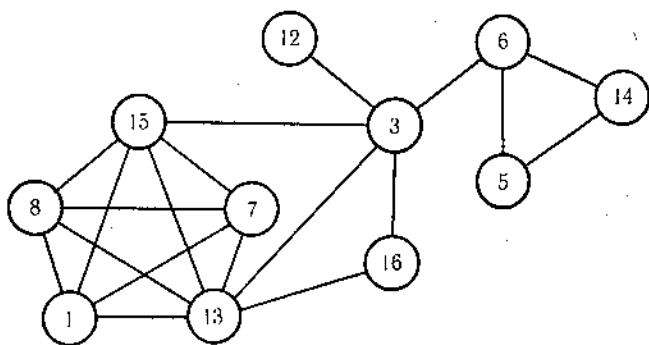

Рис. 3

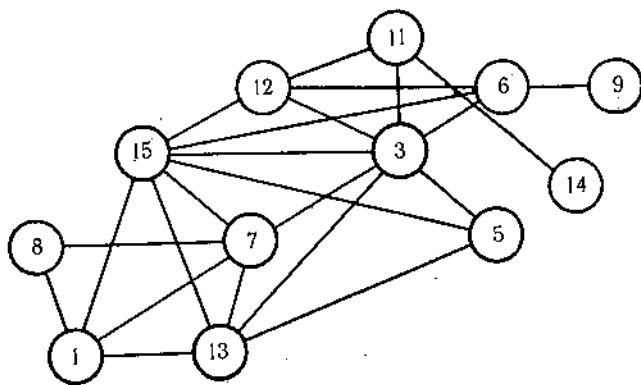
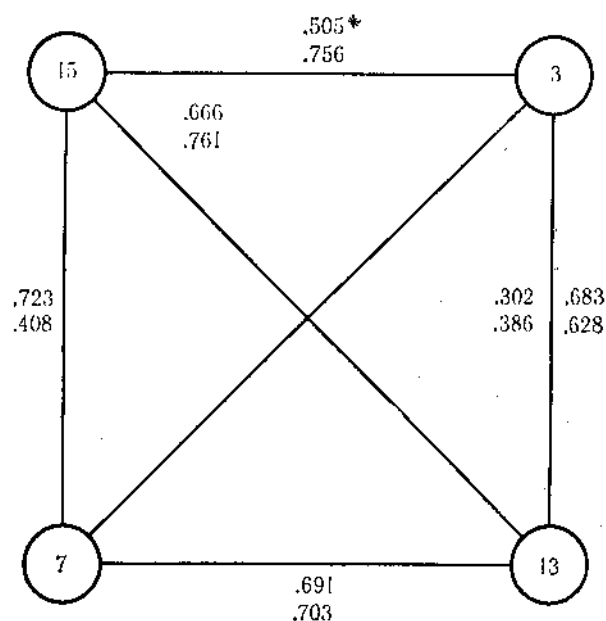

Рис. 4

Стремление к консолидации индивидуальных мнений подтверждается возросшим числом положительных связей между индивидуальными мнениями членов группы после обсуждения, что позволяет сделать вывод о желании наладить положительные взаимоотношения в группе.

До обсуждения корреляционная плеяда (см. рис. 3) на уровне статистически достоверных связей охватывала 11 членов группы из 16 принимавших участие в эксперименте. При этом общее число положительных и достоверных связей равнялось 19. После обсуждения в корреляционную плеяду (см. рис. 4) вошли мнения 12 человек, и число положительных статистически достоверных связей возросло до 23. Однако это не мешает развитию и других тенденций в коллективе, например дифференциации мнений.

Об усилившейся тенденции к дифференциации индивидуально-группового мнения по микрогруппам свидетельствует возросшее число лидеров мнения (с 3 перед обсуждением до 4 после обсуждения), для которых характерно наибольшее число положительных статистически достоверных связей их индивидуального мнения с мнениями других членов группы, а также возросшее число этих связей у лидеров мнений после обсуждения. Так, к числу лидеров мнения тех членов группы, которые имели в плеяде не менее пяти положительных статистически достоверных связей, были отнесены испытуемые № 13, 15, 3 (см. рис. 3). После обсуждения все они сохранили позиции лидеров мнения с прибавлением к их числу испытуемого под № 7, который после обсуждения получил еще одну положительную связь (см. рис. 4). При этом лидер мнения № 13 утратил одну положительную связь, а лидеры мнений № 3 и 15 приобрели по две дополнительные связи.

Голь опущен при написании коэффициента

Рис. 5

Таким образом, в ходе обсуждения были выявлены личностные позиции в коллективе, произошло их уточнение и перераспределение. Это способствовало укреплению коллективистских взаимосвязей, что в свою очередь позволило вскрыть микроструктуру взаимоотношений членов группы.

Три члена группы (№ 2, 4, 10) после обсуждения в еще большей степени противопоставили свои индивидуальные мнения коллективному мнению. Это сказалось на возрастании отрицательных значений коэффициентов корреляции индивидуальных мнений этих членов группы с коллективным мнением и ослаблении связей с индивидуальными мнениями их товарищей. Из 45 связей, приходившихся на их долю в общей корреляционной матрице, 20 связей после обсуждения указывали на очень слабую статистически недостоверную тенденцию к консолидации своего мнения с мнениями товарищей, а 25 связей — тенденцию к противопоставлению собственного мнения мнениям других.

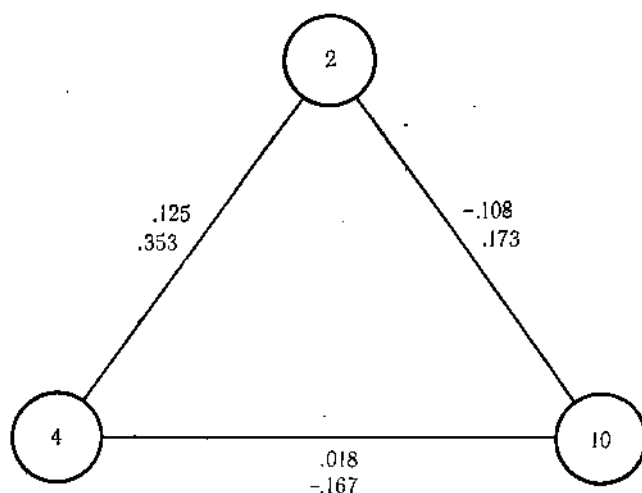

Рис. 6

Возникают вопросы: какова связь индивидуальных мнений лидеров? близки ли их позиции по обсуждаемой проблеме или резко расходятся?

На рис. 5 корреляционные отношения между суждениями лидеров мнений вынесены из общей плеяды. Полученная картина говорит о ярко выраженной положительной и статистически достоверной взаимосвязи их индивидуальных мнений. Следовательно, лидеры образуют довольно прочное ядро коллектива, и влияние их мнений, как показали результаты корреляционных отношений, возрастает после обсуждения (увеличивается число достоверных связей их мнений с мнениями других членов группы).

В то же время исследование показало, что вследствие активного противопоставления своих взглядов членами группы под № 2, 4, 10 был ослаблен авторитет коллективного мнения. В силу проявленной активности этим членам коллектива удалось повлиять на ранговый ряд коллективной оценки художественных достоинств обсуждаемых отрывков. Поскольку переубедить спорящих друг друга практически не удалось, открытое голосование при утверждении оценки отрывка приобрело формальный характер, что и снизило авторитет коллективного мнения. Это подтвердилось тремя статистическими показателями. Во-первых, как отмечалось ранее, произошло снижение коэффициента корреляции индивидуально-группового мнения, выработанного в ходе обсуждения, с коллективно принятым. Во-вторых, большая часть членов группы (10 человек) после обсуждения предпочла

остаться при своем индивидуальном мнении, что проявилось в снижении их индивидуальных коэффициентов корреляции с коллективным мнением после обсуждения. В-третьих, большинство членов группы при вторичной оценке художественных достоинств отрывков — после принятия коллективного мнения — практически не изменили своего индивидуального мнения, а если и изменяли, то не радикально, а слегка подправив его.

Только четыре члена коллектива значительно изменили свои индивидуальные мнения после обсуждения. Это были испытуемые № 8, 9, 11, 16. При этом мнения членов группы № 8 и 16 заметно расходились с коллективно принятым мнением; эти студенты твердо отстаивали свою индивидуальную позицию. Особенно ярко эта тенденция проявилась у испытуемого № 16, индивидуальное мнение которого после обсуждения не имело ни одной положительной статистически достоверной связи с мнением других членов группы, хотя до обсуждения было зафиксировано потенциальное единство его мнения с лидерами мнения № 13 и 3 (см. рис. 3). Мнения испытуемых № 9 и 11 после обсуждения существенно консолидировались с коллективным мнением.

Итоги эксперимента показывают также степень консолидации мнений членов группы, индивидуальные мнения которых более всего отличались от мнений других и коллективного мнения до и после обсуждения проблемы.

Они позволяют установить также, носило ли обнаруженное рассогласование мнений в коллективе оппозиционный характер, или несогласованность является результатом случайной диффузности мнений. В данном случае целесообразно рассмотреть взаимоотношение индивидуальных мнений испытуемых № 2, 4, 10, которые не вошли в корреляционную плеяду положительных статистически достоверных связей. Если между индивидуальными мнениями этих испытуемых существует положительная и статистически достоверная связь, то данная микрогруппа может составить оппозицию коллективному мнению в сфере художественной деятельности. Если же между их индивидуальными мнениями не окажется статистически достоверных положительных связей, то речь может идти, лишь о диффузности этих мнений.

На рис. 6 представлены корреляционные связи между индивидуальными мнениями испытуемых № 2, 4, 10, которые свидетельствуют о том, что эти испытуемые не составляют в данном коллективе особой микрогруппы. Их мнения индивидуально различны и неповторимы по сравнению с мнением не только других членов коллектива, но и друг с другом. Следовательно, рассматривать этих членов коллектива как реально действующую оппозицию нет оснований, так как их мнения носят диффузный характер. Однако это не означает, что по поводу других проблем должна возникать подобная динамика мнений. При исследовании динамики внутригрупповых мнений необходимо всегда учитывать их зависимость от содержания обсуждаемых проблем.

Результаты исследования зависимости динамики согласованности индивидуально-групповых мнений от содержания обсуждаемых вопросов показали, что из пяти тем, предложенных в студенческих группах для обсуж-

дения, наиболее трудными с точки зрения достижения консолидации мнений, а следовательно, и взаимоотношений в коллективе оказались темы о живописи, личности и политике. По театральной и профессиональной теме консолидация мнений была выше (см. график 2). Это объясняется разной степенью сложности предложенных для обсуждения тем, которая была обусловлена большей или меньшей определенностью рассматриваемого предмета, его устоявшейся общественной оценкой (общественным мнением), уровнем знаний группы по данному вопросу.

Наиболее спорным оказался вопрос о живописи. Предложенная для обсуждения цветная репродукция картины французского художника Сезанна «Заросший пруд» вызвала самые разноречивые толки о её художественной ценности. Консолидация индивидуальных мнений о ней (по сравнению с другими темами) достигалась с большими трудностями из-за несовпадения эстетических вкусов у участников дискуссии, что препятствовало выработке единого коллективного мнения. Особенно ярко данная тенденция проявилась в группах IV курса, где после обсуждения картины ни разу не наблюдалось прироста КС и даже, наоборот, в двух группах КС был меньше, чем до обсуждения. В этих группах члены коллектива имели устоявшиеся, но разноречивые представления об эстетических достоинствах картины. Претенциозность индивидуальных суждений на истинность не имела в данном случае единого внешне обоснованного и авторитетного для всех членов группы критерия, что и приводило к наибольшему рассогласованию мнений.

Следовательно, отсутствие внешних критериев истинности суждений (общественного мнения) или достоверных знаний об объекте порождает неопределенность во взаимоотношениях членов группы, вследствие чего снижается значение коллективного начала в них.

При обсуждении профессиональных тем такие критерии, сформированные в процессе обучения, обнаруживались легко. Индивидуальные мнения еще до обсуждения имели высокую степень подобия (89%) (см., график 2). Небольшие разногласия быстро устранялись за счет возможности прибегнуть к компетентной аргументации, равно понимаемой почти всеми участниками дискуссии. В результате в десяти группах была достигнута 100-процентная мера согласия.

По другим темам 100-процентный КС наблюдался всего три раза (один раз по политической проблеме и два раза — по театральной). Театральная тема не вызывала больших разногласий, так как в оценке художественных достоинств ленинградских театров участники дискуссии располагали надежным внешним критерием в виде общественного мнения о реальных творческих достижениях театральных коллективов города.

В суждениях о личности испытуемые находились в наиболее неопределенных условиях относительно наличия объективных критериев индивидуальных мнений, так как им предстояло охарактеризовать незнакомого человека. Наивысший прирост КС после обсуждения свидетельствует о довольно сильном желании коллективов консолидировать свои индивидуальные мнения о другом человеке. В этом проявляется их

критическое отношение к собственным суждениям, понимание их субъективности и даже возможной ошибочности. Прежде всего, группа стремится определить меру соответствия данного человека критерию «наш» — «не наш». Такая психологическая задача обостряет в какой-то мере дискуссию по определению личностных качеств незнакомца и не позволяет группе достичь полного согласия по этому вопросу.

По всей вероятности, определенное разнообразие индивидуальных мнений коллектива относительно посторонних людей является показателем здорового морально-психологического климата в коллективе. В противном случае при 100-процентном положительном восприятии посторонних лиц коллектив утрачивал бы обозримые границы своей общности, а при 100-процентном отрицательном мнении о других — как бы запирает границы своей общности на социально-психологические «замки», превращаясь в трудно контактируемую с другими общность, обедняющую тем самым свою внутреннюю жизнь.

Здесь мы сталкиваемся с диалектикой межгрупповых отношений, которая проявляется в том, что каждый коллектив стремится расширить границы своей общности, а совместная жизнедеятельность требует установления довольно жестких границ личных взаимоотношений в коллективе.

Следовательно, благоприятный социально-психологический климат в коллективе будет зависеть от баланса межличностного взаимодействия членов коллектива друг с другом и вне коллектива.

Политическая проблематика заняла промежуточное положение среди обсуждаемых тем. Это вполне закономерно, так как политические события — это события быстротекущей жизни, и в то же время отношение к ним обусловлено социальными установками общества. Таким образом, динамика мнений в коллективе отражает не только межличностные отношения его членов, но и межгрупповые взаимосвязи.

Данное экспериментальное исследование динамики мнений в коллективе показало, что научно-теоретические представления о социально-психологических закономерностях функционирования мнений предполагают оперирование понятиями «общественное мнение», «коллективное мнение», «индивидуальное мнение», «индивидуально-групповое мнение».

В динамике индивидуальных мнений общественное мнение служит внешним критерием оценки событий, играет роль социально-психологической установки на коллективные суждения.

Коллективное мнение ассимилирует в себе индивидуальные мнения гласного большинства на основе обсуждения проблемы и выражает позицию коллектива, с которой он вступает во взаимоотношения с другими коллективами и обществом.

Индивидуально-групповые мнения характеризуют микроструктуру индивидуальных мнений в коллективе, раскрывая тем самым динамику коллективистских отношений, которые в свою очередь характеризуют стадии развития коллектива и его зрелость как социально-психологической общности.

ЧАСТЬ 3. ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Раздел 1. Психология социального взаимодействия людей.

- 3.1.1. Аналитическая модель социального взаимодействия.
- 3.1.2. Различия социального взаимодействия в диадах и триадах.
- 3.1.3. Основные функционально-ролевые отношения в социальном взаимодействии.
- 3.1.4. Партнёрские качества личности субъектов социального взаимодействия.
- 3.1.5. Психология человеческих отношений в социальном взаимодействии.
- 3.1.6. Проявление психологии человека и человеческих отношений в общении.
- 3.1.7. Проблема гуманитарных технологий в социальном взаимодействии.

3.1.1. Аналитическая модель социального взаимодействия

Аналитическая модель социального взаимодействия в данном случае – это *теоретический конструкт* процессов совместной жизнедеятельности и общения людей. Он включает понятия о субъектах взаимодействия, объектах взаимодействия, целях и способах взаимодействия, а также о самих процессах, образующих интегрированные общности людей.

Субъекты социального взаимодействия: личности, группы, общности людей, общество в целом осуществляют совместную социальную деятельность по законам *диадного и триадного* конструкта, на вершине которого находятся, объединяющие их *предметы* общих интересов и потребностей.

Субъекты социального взаимодействия, выступающие в качестве *личностей*, детерминируют (обуславливают) своими свойствами телесно-психического потенциала и социально-психологическими качествами более или менее успешный итог совместной жизнедеятельности людей. Это – детерминанты психологического происхождения (способности, характер, мотивы, подготовленность к сотрудничеству, психологическая культура отношений).

В реальной практике социального взаимодействия эти детерминанты интегрируются в сознании участников совместной деятельности в понятиях о психологических качествах человека, важных для конкретного контекста этой деятельности. В понятиях о психологических качествах субъектов, например профессиональной деятельности, выражены встречные требования этих субъектов в зависимости от выполняемой роли в процессах совместной трудовой деятельности. Например, рядовые исполнители производства предъявляют требования к своим руководителям в «умении формулировать цели и задачи» - профессионально важном качестве личности. Перечень психологических качеств субъектов профессиональной деятельности раскрывает содержание квалификации соответствующих производственных ролей. Эти психологически выраженные требования представляют собой эмпирически обоснованные запросы на квалификацию и компетенцию исполнителей совместной трудовой деятельности. Такие перечни могут использоваться при аттестации кадрового потенциала в организациях и

учреждениях, а также при разработке образовательных программ целевой подготовки специалистов для рынка труда. Для определения таких перечней должны проводиться специально финансируемые исследования психологами труда.

Субъекты социального взаимодействия, выступающие в виде объединений людей (первичных коллективов и больших общностей), детерминируют результаты социального взаимодействия своими *взаимоотношениями, организационными структурами, закрепленными правами и обязанностями, открытостью или замкнутостью, социальной направленностью к общественным интересам и другими социально-психологическими свойствами* общественных отношений. Это – детерминанты социального происхождения (общественного и государственного управления, экономического, правового, этнического, религиозного и других форм групповой дифференциации людей на специфические общности). Все они относятся к общественным институтам, определяющие макроструктурные условия социального взаимодействия.

Взаимоотношения определяют содержание *социально-психологического климата* в малых и больших группах. Он влияет на психологическое самочувствие партнёров и становится одним из важнейших факторов успешности как группы в целом, так и отдельных участников социального взаимодействия. Он в значительной мере предопределяет приверженность к организации.

Организационные структуры в свою очередь задают условия не только групповых достижений, но и возможности самореализации субъектов социального взаимодействия внутри социальных институтов. Эти структуры оформляются в правах и обязанностях субъектов групповой деятельности, закрепляя через них функционально-технологическую дифференциацию в едином производственном процессе.

Степень открытости и замкнутости социальных образований предопределяется балансом направленности на корпоративные и общественные интересы.

Всё это указывает на многофакторность социального взаимодействия, без учёта которой невозможно эффективно продвигаться в реформаторской деятельности и в повседневной управленческой практике.

Объекты социального взаимодействия – это материально выраженное предметное содержание совместной жизнедеятельности. Оно представлено в объектах природы, в рукотворном «предметном мире» и в других вещественных формах. В качестве объектов социального взаимодействия рассматриваются и живые существа (люди и животные). Объекты воплощают в себе различные интересы, становясь таким образом «предметами» потребностей людей. Это – детерминанты материального мира, в которых происходит объективация целей и задач совместной жизнедеятельности людей. Они указывают на опредмеченные цели индивидуальной и групповой деятельности людей. В них содержится ответ на вопрос – ради чего человек вступает в социальное взаимодействие с другими людьми.

Интегральная цель социального взаимодействия заключена в воспроизводстве индивидуальной и общественной жизни. Из этой цели вытекают задачи *повышения эффективности предметно-практической деятельности*, направленной на производство материальных и духовных ценностей, являющихся предметом потребительского спроса живущих «здесь и сейчас» людей. Эти цели предопределяют социально значимую направленность субъектов социального взаимодействия. В ней озвучиваются общественные мотивы индивидуального существования личности – стратегический вектор социального взаимодействия по воспроизводству жизни.

Социально значимая направленность субъектов социального взаимодействия трансформируется в *цель общественной самореализации* человека. Стремление к самореализации может вступать в противоречие с общественной целесообразностью. В результате возникают конфликтные отношения между *личностью и обществом*, преодолеть которые возможно путем *согласования интересов*. Конфликты целей личности, общества, отдельных групп наполняют социальное взаимодействие людей. В них заключена сильнейшая по своей интенсивности детерминация совместной жизнедеятельности людей, так как конфликт мобилизует все резервы телесно-психического потенциала человека. Достигнутая человеком цель позволяет ему пережить состояние *тождественности самому себе* – важнейшему показателю желаемой самореализации.

Средствами социального взаимодействия являются *инструменты и орудия труда, информационной коммуникации, технические средства связи, транспорт и дорожные сети, продукты деятельности*. Все это образует *инфраструктуру* совместной жизнедеятельности людей. Она является ещё одним важным фактором детерминации социального благополучия человека.

Орудия труда представляют инструментальное усиление функциональных возможностей органов телесной и психической организации в деле производства предметов актуальных потребностей человека. Их освоение развивает человека как субъекта труда, познания и общения. Орудия труда и технические средства связи усиливают функции человека как преобразователя природы, общества и самого себя. Всё большую значимость в решении проблем жизнеобеспечения начинают приобретать виртуальные формы социального взаимодействия.

Способы социального взаимодействия – это *приемы и технологии* использования средств социального взаимодействия как *инструментов воздействия* людей друг на друга. К ним можно отнести все виды манипуляций, а также психологические механизмы *влияния людей друг на друга* (психическое заражение, внушение, телепатию, эмпатию, подражание, убеждение, обсуждение, диалог).

Эти механизмы обеспечивают развитие психического потенциала человека в процессах обучения и воспитания на основе общения взрослых с детьми. Общение взрослых в совместной жизнедеятельности обслуживает их предметно-практическую деятельность средствами информационной коммуникации. С развитием компьютерной связи через интернет роль

виртуального продукта совместной деятельности резко возрастает. Интенсивность информационного обмена возрастает во много раз.

Однако пространство *непосредственного общения*, очерчиваемое собраниями, семинарами, конференциями, саммитами праздниками, фестивалями, спортивными играми и другими массовыми мероприятиями продолжает оставаться актуальным. Что же такого особенного в этом процессе общения?! В чём психологическая тайна влечения человека к человеку?! Чего недостаёт общению через интернет?! Какими процессами и феноменами характеризуется социальное взаимодействие?!

Основными процессами социального взаимодействия являются: *совместная жизнедеятельность, совместная предметно-практическая деятельность и общение*. Они обретают формы *трудовой, познавательной, игровой, образовательной, релаксационной* деятельности, *искусства и образа жизни*. Можно сказать, что процессы социального взаимодействия составляют главное содержание человеческой жизни.

Совместная жизнедеятельность – процесс *воспроизводства, развития и реализации* естественных основ человека через совместную предметно-практическую деятельность, общение и социальное взаимодействие. *Воспроизводство* предполагает восстановления ресурсов как отдельно взятого человека, так и возникающих для этого сообществ. *Развитие* направлено на создание нового ресурсного обеспечения индивидов и сообществ. *Реализация* связана с полноценным использованием потенциалов отдельного человека и сообществ в целом.

Совместная жизнедеятельность характеризуется *организацией жизни* в сообществах по нормам, выработанным в каждом из сообществ, и закрепленным в традициях, обрядах, ритуалах, нравственных принципах, правилах и законах. *Организация* совместной жизнедеятельности в каждом сообществе складывается, с одной стороны, по натуральным (естественным) законам жизни, вытекающим из прирожденных связей человека с его глобальной и региональной природой, закрепленных в эволюционных и онтогенетических процессах жизни человека на Земле. С другой стороны, по законам, созданным человеческим разумом, в результате осмысления исторического опыта социального взаимодействия людей. Противоречия между этими законами являются источниками конфликтных отношений между человеком и природой (экологическим кризисом).

Совместная предметно-практическая деятельность – процесс *коллективного производства и воспроизводства* материальных и духовных ценностей как *предметов* индивидуального и массового *потребления*. В этом процессе социальное взаимодействие приобретает средства производственной деятельности (орудия труда и его продукты). Кроме того, появляются системы знаков (денежных и других), выполняющих функцию меры вклада субъектов взаимодействия в совместную производственную деятельность. Все они расширяют набор инструментов коммуникативной деятельности в сообществах людей. Отметим, что наряду с *коллективной деятельностью* может быть *индивидуальная деятельность*. Однако индивидуальная деятельность не

является абсолютно изолированной от коллективной деятельности. В этом заключается внутренний парадокс совместной деятельности. И в том и в другом случае они несут на себе черты социального взаимодействия, и, в конечном счете, опосредствованы организационными отношениями совместной деятельности. Совместная деятельность предполагает *предметно-практическое взаимодействие и общение*, в процессе которого социальное взаимодействие обретает конкретные *производственно-потребительские* цели и результаты.

Общение – процесс выражения, согласования и взаимовлияния субъектов социального взаимодействия в целях координации совместной жизнедеятельности людей. Такой процесс имеет все черты *психологической деятельности*, предполагающей *коммуникацию, взаимопознание, презентацию людей друг другу, обмен мнениями, воздействие друг на друга, формирование и проявление отношений*. В общении происходит *координация* социального взаимодействия. Материальной основой общения являются средства *информационной коммуникации*.

В целом о *социальном взаимодействии* можно сказать, что это процесс, как стихийной, так и специально организованной *совместной деятельности*, осуществляемой посредством *общения* для решения задач *жизнеобеспечения* людей в сообществах. *Стихийное общение* свойственно людям как общественным животным. Для общения человек наделен от природы *естественными средствами связи* (вербальными и невербальными). *Специально организованная коммуникация* использует *изобретенные (техническим) средствам связи*. Кроме того, специально организованная совместная деятельность предполагает особые *правила и технологии* использования связи в социальном взаимодействии людей.

Социальное взаимодействие в процессах общения порождает социально-психологическую феноменологию. В их числе феномены *взаимосвязи, обмена информацией (сообщения), согласования, управления, взаимопрезентации, взаимопознания, взаимовлияния, взаимоотношения*. К ним также следует отнести феномены *лидерства и конформизма, сплоченности и совместимости, власти, авторитаризма, либерализма, анархизма* и многие другие *групповые эффекты*. Все социально-психологические феномены являются превращенной формой *человеческих отношений* (персональных, групповых и общественных). Все эти феномены являются содержанием социального поведения людей.

Социальное поведение – процесс реализации установок субъектов социального взаимодействия в *поступках и внешних действиях*. Главным психологическим компонентом этих форм проявления внутренней активности человека вовне являются *отношения*. Поступки и другие формы внешнего проявления человека *стереотипизируются* и становятся *привычкой* социального поведения. Привычки человека *интерпретируются* как *психологические черты* его личности, объективированные данности его психологии. В социальном поведении происходит непроизвольное и произвольное проявление *психологических качеств* личности, которые рассматриваются как *внутренний потенциал* субъектов социального взаимодействия.

Социальное взаимодействие людей предполагает *совместную жизнь, совместную деятельность и общение*. *Совместность* является неперенным условием социального взаимодействия. *Общение* является социально-психологическим механизмом социального взаимодействия. Совместность и общение превращают людей в *партнёров* социального взаимодействия.

Партнёрство предполагает *объединение субъектов* социального взаимодействия вокруг *общей цели* совместной жизни и деятельности (жизнедеятельности). Например, рождения ребёнка, постройки дома, производства материальных и духовных ценностей. Это указывает на то, что между субъектами социального взаимодействия находится нечто третье – возможный и необходимый им *предмет (продукт)*, который они должны создать совместными усилиями, так как в одиночку это не получается. Это не исключает индивидуальных процессов и форм субъектов совместной деятельности. Всё зависит от *организационных форм* совместной деятельности.

Целью любой организации является *объединение* участников совместной жизнедеятельности в *группы* для обеспечения возможностей создания необходимого продукта жизнеобеспечения. Идеальной моделью структурной организации групповых объединений является «триада», в том смысле, что в ней как в капле воды заключены все основные свойства океана человеческих отношений.

Триада предполагает три *субъектные позиции*. Две из них позитивно оппозиционные друг другу, и одна позиция связана с функцией «третьей стороны». Эти функции могут динамично перераспределяться между членами группы, но могут быть и жёстко распределены между ними. Примером естественной по происхождению триады является семья, состоящая из матери, отца и ребёнка – прирождённых ролей. Но функции «третьей стороны» и оппозиционера перераспределяются в зависимости от ситуации.

На месте субъектов социального взаимодействия в общественной жизнедеятельности людей функционируют не только отдельные люди, но и целые группы людей – большие и условные. Например, «народ» и «власть» (большие условные группы). Однако, в этой *диаде* при отсутствии третьего субъекта на роли «третьей стороны» затрудняет нормальное социальное взаимодействие между ними. А, судьи – кто?! В обществе на эту роль претендуют и закон с ограничениями свобод, и общественное мнение с чувством справедливости, и совесть со своими угрызениями, и религия с отпущением грехов.

Каждый из этих субъектов определяет границы *недозволенного* поведения в человеческих отношениях. Если, например закон начинает выполнять *разрешающую* функцию, то тем самым он берёт на себя не свойственную функцию *поощрения* каких-то форм поведения, находящихся в компетенции индивидуальных свобод. Главная функция закона заключена в определении *запретительной меры*, и он призван действовать по принципу «что не запрещено, то разрешено». Общественное мнение, совесть и религия выполняют функции третейских судей в зоне не регламентированных законом поступков людей, там, где всё условно разрешено. Условно потому, что человек

находится в зоне «свободного выбора», но по усмотрению своей совести, общественного мнения, религиозных и других убеждений. Все эти явления общественной жизнедеятельности относятся к макроструктурным условиям социального взаимодействия людей в конкретных группах вхождения.

Совместная партнёрская деятельность возникает по поводу, объединяющих потребностей в некотором *предмете*, необходимом для жизнеобеспечения. Такой *предмет* является четвёртым необходимым элементом структуры социального взаимодействия. Он представляет собой *объективированную ценность* для каждого участника совместной жизнедеятельности. Эта ценность объединяет членов группы как опредмеченная *цель* совместной деятельности. На месте цели больших групп и общностей людей, например народов, выступает *идея*, определяющая *смысл существования и предназначение* конкретной общности людей. Идея задаёт вектор социального взаимодействия одной общности в системе человеческих отношений с другими общностями. Например, идея строительства коммунизма объединяла народы СССР. Осознание невозможности достижения этой цели привело к распаду СССР.

Может ли *идея строительства рыночных отношений* объединить народы России?! Если да, то, при каких условиях социального взаимодействия многочисленных социальных групп?! В какие цели, задачи и функции должна трансформироваться эта цель для каждого члена общества и возникающих социальных групп?! Все ли они являются *равноправными субъектами рыночных отношений*?! Полностью ли открыт рынок для продукции каждого из этих субъектов?! Кто и чем может торговать на абсолютно свободном рынке?! Является ли сложившийся рынок свободным и доступным для всех граждан России?! Не выключены ли субъекты труда как основные создатели материальных и духовных ценностей законодательными ограничениями и бюрократическим контролем из преобразовательного процесса экономических отношений и реформирования своей профессиональной деятельности?! Когда власть допустит народ к свободной преобразовательной деятельности?!

Общественная жизнедеятельность и её формулирование в конкретных *целях, задачах и функциях* для конкретных участников социального взаимодействия, на месте которых находится каждый член общества и сложившиеся социальные группы, являются факторами, определяющими успешность или не успешность совместной жизнедеятельности. Поэтому их необходимо включать в аналитическую модель социального взаимодействия в качестве макроструктурных факторов человеческих отношений.

3.1.2. Особенности социального взаимодействия в диадах и триадах.

Персональное взаимодействие людей в контексте любого группового и общественного взаимодействия неизменно приводит к *диадной* структуре общения партнеров этого процесса. Имеется в виду, что реализация любого группового взаимодействия осуществляется в реальном диалоге двух людей. Именно эти двое оказываются ответственными проводниками групповых и общественных интересов. Поэтому без *персонификации* партнеров социального взаимодействия вообще невозможно *взаимодействие как таковое*. Это

предполагает и *обратную связь* между партнерами, и их взаимную *идентификацию*, *общение* друг с другом, и все его психологические особенности, заключённые во взаимной *презентации*, *познании* друг друга, *взаимовлиянии* и *взаимоотношениях*. Персональное взаимодействие всегда имеет адресную направленность от одного конкретного человека к другому, даже если он сохраняет анонимность своей личности. В любом случае защита групповых интересов происходит в формате *диадного взаимодействия*. Диада является *атомарным конструктом* социального взаимодействия как реального процесса общения.

Непосредственное персональное взаимодействие сильно осложнено *личностными особенностями партнеров*. Эти особенности начинают играть роль очень существенных факторов, опосредующих и групповые, и общественные отношения. Для снижения персонального влияния на социальное взаимодействие групп и общества в целом диадный конструкт дополняется ролью третейского судьи, что трансформирует конструкт социального взаимодействия в *триаду*. В роли третейского судьи появляется «агент относительно нейтрального влияния», который призван сбалансировать противоположные интересы партнёрской диады. Однако нужно помнить, что третейский судья тоже человек, имеющий свои симпатии и интересы.

Диадная структура персонального взаимодействия приводит к усилению *социальной замкнутости* взаимодействующих персон. В результате возникают ограничения в *социальном контроле* такого взаимодействия, что приводит к расширению степеней свободы в поведении партнеров, которые нередко выходят за пределы правовых норм, особенно при отсутствии «третейского судьи». В диадном взаимодействии партнёры могут себе позволить всё, что непозволительно в триаде. Например, супружеские отношения заметно изменяются при появлении третьего члена семьи (ребёнка).

Замкнутость диад предрасполагает к интенсификации *интимности* персонального взаимодействия. Этому способствует *эмоционально-чувственное восприятие* партнерами друг друга, установка на расширение спектра межличностных отношений за пределы функциональных задач социального взаимодействия. Диада в этом случае усиливает *релаксационный потенциал* для разрядки личных чувств. Партнёры проявляют и любовь, и ненависть более откровенно и с большей интенсивностью. В диаде возможно преодоление границ общественной морали и многих социальных запретов, существующих в интересах сохранения общества. В диадных формах персонального взаимодействия происходит своеобразная *апробация* новых способов социального взаимодействия. Диада является своеобразным экспериментальным полигоном человеческих отношений. Если же общество вмешивается в диадное взаимодействие посредством «третейских судей», то она сразу же превращается в триаду и перестаёт существовать как диада. Если принять во внимание *виртуальных* третейских судей в виде, например, *совести* или *веры в Бога*, то тогда можно сказать, что диада – это лишь физическая интеграция людей, внутренняя психологическая сущность которой сохраняет черты функционирующей триады.

При персональном взаимодействии в пределах диады затруднен выход из возникших между партнерами *конфликтных отношений*. Это обусловлено все той же замкнутостью диад, ограниченностью социального контроля, повышенной эмоциональной напряженностью конфликтов и *максимализмом* в отношениях при непосредственном персональном взаимодействии, а также *личной ответственностью друг перед другом*. Поэтому в социально-деловом взаимодействии должностные лица интуитивно избегают непубличного персонального взаимодействия, если остерегаются нарушить «нормы-отношения». Они в этом случае ссылаются на «параграф», выполняющий для них функцию рефери, подкрепляющего их действия. Появилась распространённая фраза – «ничего личного». Наоборот, при непубличном персональном взаимодействии в диадах легче избежать общественной ответственности за нарушения «норм-отношений», и тогда социальная динамика взаимодействующих партнёров развивается в направлении избегания социального контроля, отягощающего индивидуальную свободу проявления личных чувств и поступков.

Персональное взаимодействие в диадах подчинено *законам свободного человеческого общения*. В этих законах обнаруживают себя, прежде всего, психические и психологические закономерности человеческих отношений. Они проявляются в *процессе общения*, который можно рассматривать по видам психологической деятельности: 1) *перцептивной*, 2) *презентативной*, 3) *коммуникационной*, 4) *информационной*, 5) *координационной*, б) *воздействующей*.

Перцептивная деятельность в процессе общения включает *восприятие внешнего облика* партнеров персонального взаимодействия и *интерпретацию психологических качеств личности* друг друга. Восприятие и интерпретация соединяются в едином процессе *психологического познания* партнерами друг друга. Это делается для определения *ценности партнера* в совместной жизнедеятельности в качестве сотрудника или соперника, друга или врага и т.д., и т.п. В этом познании большое значение приобретают социальные ожидания людей друг от друга. Эта деятельность является гносеологическим ядром диадного взаимодействия. Здесь практически не находится места для третьего звена социального взаимодействия.

Презентация себя партнеру является еще одним аспектом общения. Она является *демонстрацией* своих достоинств реальному или потенциальному партнеру предстоящего социального взаимодействия. Осуществляется презентация с помощью *выразительных средств*, в числе которых находится мимика, пантомимика, позы, жесты, походка, голос и речь, запахи, одежда. Все это – знаки, символизирующие социально-психологические качества личности. Именно они подвергаются *психологической интерпретации* в процессе восприятия внешнего облика партнеров. Задача презентации состоит в том, чтобы *заинтересовать партнера достоинствами своей личности* и навязать ему себя в качестве достойного человека. Эта деятельность, хотя в диадном взаимодействии персонально направлена, всё же апеллирует к стереотипам социального поведения, которые выполняют реферативную функцию эталона

социальных представлений о личности – этого виртуального члена условной триады.

Коммуникационная деятельность партнеров направлена на поддержание контактов друг с другом как обязательного условия эффективного взаимодействия. Особая трудность в этой деятельности связана с достижением *обратной связи*. Любое социальное взаимодействие разрушается без эффективной обратной связи. При непосредственном общении персонального взаимодействия это достигается за счет способности партнеров *слушать друга друга*. Коммуникация в триаде больше подвергнута дефектам слушания, чем в диаде, так как открывается возможность для переключения внимания на разных членов группы – субъектов рассеивания внимания.

Информационная деятельность в процессах общения совершается в форме *сообщений*. Сообщения содержат сведения о совместной деятельности и особенностях взаимодействующих субъектов, о ситуации взаимодействия, о планах, задачах, целях, способах решения проблем, обо всем, что касается содержания социального взаимодействия. Информация проясняет условия взаимодействия и возможности достижения целей совместной деятельности партнеров. Она делает взаимодействие осмысленным, определенным и концентрированным. Недостаток информации создает неопределенность и неясность в совместной деятельности партнеров и понижает её эффективность. Информационный обмен обогащает духовный потенциал партнеров. В триадах информационный потенциал субъектов взаимодействия значительно выше, чем в диадах. Однако в диадах «с глазу на глаз» за счёт интимности общения и повышенного доверия информация более откровенна и достоверна, чем в триадных структурах.

В *сообщениях* при персональном взаимодействии нередко партнеры говорят о своих переживаниях, интимных проблемах, состояниях здоровья, то есть сообщают информацию о себе и своем самочувствии. Эта тема возможна между конкретными людьми с близкими межличностными отношениями. В деловой сфере сообщения содержат информацию о профессиональных проблемах и способах их решения. Сообщения можно подразделять по средствам коммуникации (устные, письменные, телефонные и другие). Существует проблема пропускной способности информационных каналов, органов чувств, нервной системы и мозга (объемов информации в единицы времени). В триадном взаимодействии возможности решения этой проблемы значительно расширяются.

Координационная деятельность субъектов взаимодействия предполагает *согласование* целей и функционального распределения обязанностей в совместной деятельности, планов, намерений, интересов, мотивов, позиций, вплоть до картины мира, идей и идеологии. Это происходит через многотрудные диалоги, обсуждения, дискуссии, споры, конфликты, выяснения отношений. В общественной практике координационная деятельность трансформируется в *организационно-управленческую* деятельность. Согласованность взаимодействия в диадах предопределяется *совместимостью взглядов* на объекты совместной деятельности. В триадах при социальном

взаимодействии рассчитывать на это не приходится, так как в этом процессе вынужденно встречаются люди с разными *мировоззренческими установками*. В этом случае возрастает роль третейских судей.

Воздействующая функция общения в социальном взаимодействии людей связана не только с координацией и согласованием позиций, но и с преобразованием мировоззренческих установок субъектов совместной жизнедеятельности через *воспитательную* деятельность. К средствам персонального воздействия относятся *внушение и убеждение*. Эти воздействия используют технологии *гипноза, эмоционального заражения, подражания, логического доказательства*. Задача воздействующей стороны побудить партнера принять её позицию и установки, сформировать желаемый аттитюд социального поведения. Все это должно закрепиться в «нормах-отношениях», которые с точки зрения активной стороны являются наиболее адекватными механизмами успешной социальной адаптации личности к быстро меняющимся условиям совместной жизнедеятельности. Эти средства и способы действуют и в диадах, и в триадах с некоторыми технологическими различиями. Однако в триадах присутствует мощный фактор *группового давления*, что заметно проявляется в феноменологии *конформизма*. Вынужденный конформизм субъектов социального взаимодействия усиливается давлением третейских судей и референтных групп. Конформизм в диадах мотивирован избеганием конфликтных отношений. Он выглядит как ситуативная уступка партнёров – «сегодня ТЫ, а завтра Я».

Психологические феномены персонального взаимодействия являются результатом *восприятия и интерпретации* партнерами друг друга, *презентации* себя партнеру, *обмена чувствами и деловой информацией, согласования позиций и выяснения отношений, взаимовлияния*. В диадах – это феномены *совместимости* по разным свойствам телесно-психической организации партнёров совместной жизнедеятельности. В научно-исследовательской практике открылись некоторые условия *биологической, психологической, социально-психологической, идеологической совместимости* на примере супружеских пар, спортивных команд, экипажей летательных аппаратов.

К психологическим феноменам *восприятия и интерпретации* относятся: «*первое впечатление*», «*эффект ореола*», «*аффективно-когнитивный диссонанс*», «*идентификация*», «*проекция*», «*поляризация*», «*социальная атрибуция*», «*стереотипизация*». Все они проявляются в психологическом познании человека человеком. В них запечатлены некоторые результаты взаимного познания участников социального взаимодействия, о которых речь шла в первой части первого раздела.

К феноменам *презентации* относят *физическую, психологическую, деловую, социальную привлекательность, имидж и статус* партнеров социального взаимодействия. Если для диадного взаимодействия более значимыми являются физическая и психологическая привлекательность, то для триадного – деловая и социальная. Значение имиджа и статуса ослабевает в дружеских общностях и возрастает в социальных структурах общественного устройства.

Обмен чувствами и деловой информацией является источником «комплементарности», «куртуазности», «исповедальности» или «обучения», «инструктирования», «приказов», «распоряжений» и тому подобных феноменов информационной коммуникации. Все они представлены высказываниями и сообщениями. Принято считать, что чувствам не место в деловых ситуациях взаимодействия, но, тем не менее, они присутствуют в сдержанном виде, что рекомендует социальная норма общения.

Согласование позиций и выяснения отношений порождают феномены «согласия-несогласия» и «конфликтных отношений». К ним относятся споры, диалоги, ссоры, мир, дружба-вражда, любовь-ненависть, понимание-непонимание и многие другие психологические результаты социального взаимодействия. В диадах конфликты преодолеваются с большим трудом, чем в триадах из-за отсутствия третейских судей в явном представительстве, что имеет место в триадах. В диадах конфликт кипит под «закрытой крышкой» замкнутого пространства человеческих отношений, из-за чего причины конфликта устраняются с большим напряжением психологического потенциала партнёров.

Феномены *взаимовлияния* обнаруживают себя в депривации, убеждении, поддержке, поощрении, наказании, побуждении, принуждении. Депривация происходит в неравных позициях субъектов взаимодействия. В семьях они определяются гендерными ролями, возрастными преимуществами, в организационных структурах – статусными соотношениями ролей в иерархии больших и малых групп.

Интегральным феноменом персонального взаимодействия в совместной жизнедеятельности является *совместимость партнеров социального взаимодействия*. Совместимость-несовместимость партнеров может быть обнаружена на уровне биологических свойств организма и психофизиологических свойств темперамента, эмоций, моторики, внимания, воли, познавательных процессов. В целом может идти речь о *психологической, социальной, идеологической и духовной* совместимости-несовместимости партнеров. Разные виды совместимости-несовместимости в конкретных ситуациях взаимодействия базируются либо на принципе *дополнительности*, либо на принципе *подобия*. Принцип дополнительности предполагает взаимное восполнение качеств партнеров, по которым они отличаются друг от друга, но при этом находятся в релевантных отношениях, приемлемых друг для друга. В этом случае партнёры своими качествами удачно дополняют друг друга в совместной жизнедеятельности. Принцип подобия предполагает наличие сходных качеств партнеров друг у друга, их похожесть. Она смягчает конфликты, которые ситуативно неизбежны в любом взаимодействии. Однако взаимная неприемлемость *психологии* друг друга становится трудно преодолимым условием совместной жизнедеятельности. Внешние факторы макроструктуры социального взаимодействия можно сконструировать по принципам подобия. Однако, сложившиеся по законам функционирования коллективного бессознательного, индивидуально-типологические особенности психологии человека изменить довольно трудно, если вообще невозможно. При

этом в имплицитной психологии жизнедеятельности той или иной общности людей их совместимость базируется на стержнях менталитета как своеобразной идеологии жизни. Различия в идеологиях жизни оказываются самым сильным фактором несовместимости в диадном взаимодействии, и третейский судья в виде конструкта «правильной идеологии» здесь оказывается бессильным. Это не означает, что трансформации идеологии бытия партнёров не происходит. Весь вопрос в носителях «правильной идеологии» бытия, который до сих пор не решён. Поэтому конфликтные формы принуждения к «правильной идеологии» жизни необходимо трансформировать в практике социального взаимодействия к дискуссионным формам общения. В этом случае возрастает значение триадных форм социального взаимодействия. Однако в реальной практике социального взаимодействия преобладает стратегия *агрессивного принуждения* слабых сильными субъектами, на роли которых выступают не только отдельные люди, но малые и большие общности людей в виде народов и государств.

Общности людей дифференцируются на многочисленные *группы*, являющиеся основными объектами изучения со стороны социальной психологии. По критерию их численности различают большие и малые группы. Нижняя граница малой группы определяется тремя членами, осознающих своё единство. В качестве критериев верхней границы малой группы нет единства мнений. Наиболее приемлемой границей считается численность в 30 человек. Основным критерием определения этой границы является количественный порог, за которым начинает действовать закон «больших чисел». При численности малых групп от трех и более членов, взаимодействие в них разворачивается по законам *триады*.

Триадная структура взаимодействия предполагает постоянный поиск оснований для *переживания партнерами своего единства как групповой общности*. На этом пути проясняются различия между ними (например, противоречие интересов), и в то же время возможности их преодоления. В малой группе это достигается за счет возможности перехода из *диадной* структуры взаимодействия к *триадной*, в конфигурации которой появляется третий участник социального взаимодействия с функцией *третейского судьи* или *союзника*. За счет этой функции удается перевести противоречие частных интересов партнеров в плоскость *объединяющих целей*. Логическая схема, по которой происходит снятие диадных противоречий, соответствует гегелевской триаде, выраженной в понятиях «*тезис*», «*антитезис*» и «*синтез*». Синтез предполагает новые аспекты обсуждения открывшихся противоречий и формулирование *мета целей*. Чем больше по численности своих членов малая группа, тем больше триад в ней может возникать, тем больше частных целей приходится согласовывать. Поэтому роль единой стратегической цели в группах возрастает, особенно для больших общностей. Стратегические цели проистекают из имплицитной идеологии жизни, которая отвечает на вопрос о способах воспроизводства единства общности и смысла существования. Такие цели определяют индивидуальную деятельность каждого члена общности на векторе социального взаимодействия. Они являются виртуальным

инструментом интегрального синтеза индивидуальной активности в воспроизводстве и сохранении целостности групп как неперемного условия жизни каждого в общем потоке социального взаимодействия.

В *триаде* появляется возможность *опосредованных контактов*, что очень важно для *преодоления конфликтного напряжения*. Каждый из членов группы может выйти из дидного противостояния и *опосредствовать свои отношения третьими членами группы*. Третий лишний в замкнутых структурах диады становится своеобразным «громоотводом» энергии конфликтных отношений. Членам диады он им нужен для психологической поддержки собственных позиций или как помощник в пересмотре своих заблуждений. Например, в супружеских отношениях нередки случаи, когда родители за психологической поддержкой обращаются к собственному ребёнку, переманивая его на свою сторону. По мотивам пересмотра своих заблуждений конфликтующие стороны обращаются за советом к членам своих *референтных групп*, на месте которых чаще всего оказываются друзья.

Взаимодействие в триаде приобретает *социально значимую групповую обусловленность*. Такое взаимодействие приобретает смысл для групповых интересов. Именно они начинают доминировать в групповом взаимодействии. Личный интерес вынуждено отодвигается на второй план, но зато члены малой группы приобретают *коллективные преимущества* в социальном взаимодействии, которые проявляются в *групповой поддержке и защите*, усиливающие *социальную безопасность индивидуумов* или их карьерный рост. Эти мотивы сплачивают людей в социально активные группы (партии, клики, банды). Макаренко в своей воспитательной работе трансформировал криминальные объединения подростков в социально безопасные трудовые коллективы как опору индивидуального развития личности и ячейки социалистического общества. Организация культурно-просветительской деятельности в сферах досуга сплачивала людей по духовно-творческим интересам на базе многочисленных клубов и домов культуры. В такой социальной структуре первичных групп вхождения индивидуальный потенциал советского человека имел бы все шансы на реализацию, если бы интересы партийной бюрократии (элиты) соответствовали бы провозглашённым *целям* справедливого общества и не ограничивали выход творческих инициатив народа. Народ, как всегда в России, оказался отстранённым от реформаторской деятельности по личным инициативам. Многочисленные инновации членов производственных и досуговых коллективов не уходили дальше ящиков столов бюрократического управления. Бюрократ на роли третейского судьи оказался непреодолимым препятствием для развития общества и государства.

Групповое взаимодействие в триадах позволяет членам группы приобрести социально ценный опыт *коллективной деятельности и организационных отношений*. В то же время члены группы подвергаются непосредственному «*социальному контролю*», в результате чего она начинает выполнять функцию своеобразной тренинговой группы по формированию *коллективной и социальной ответственности*. Каждый член группы является носителем функций социального контролёра. Это означает, что каждый и них время от

времени оказывается на роли третейского судьи. Осознание этой роли как раз и формирует *ответственность* как психологического качества личности. В этой ситуации человек отвечает не только за себя, но и за других членов группы.

Главным критерием *группового единства* является *признание* человеком *своей социально-психологической общности с другими членами группы и границ членства этой группы* в ряду других социальных организаций. Такое единство *переживается и осознаётся* как неотъемлемый атрибут жизни человека, что является обязательным условием сохранения групповой и индивидуальной целостности. В этом заключён психологический механизм общности индивидуумов в группах вхождения, где их место определено, с одной стороны, границами членства, а, с другой стороны, ролью, которую они играют в групповом взаимодействии.

Чувство *социально-психологической общности* возникает при *идентификации* человеком себя с группой, к которой он принадлежит, по антропологическим, психологическим и социальным свойствам. Каждый член группы определяет признаки своего *подобия* с другими членами группы. Например, люди на основании восприятия внешнего облика идентифицируются по анатомическим признакам расового и этнического подобия, по схожести на отца, мать, других представителей рода. Осознание подобия фиксируется в *понятии* «мы». В то же время такая идентификация происходит по законам «коллективного бессознательного» и переживается в качестве *чувства* «мы». Например, люди, ощущая *психологическое и социальное* подобие, начинают идентифицироваться по свойствам, которые могут войти в противоречие с антропологическими и другими признаками внешнего облика. В этом случае первичные антропологические общности, к которым относятся первобытные общины, семья, род, племя, этнос, народ, раса, начинают трансформироваться в новые социальные общности. В их числе – религиозные, экономические, политические, национальные, управленческие, профессиональные, образовательные, государственные и многие другие объединения людей. Первичные общности трансформируются по законам социальной, культурно-исторической эволюции и по социально-психологическим законам организационной деятельности. Неизменными остаются биологические общности со своими *половыми, возрастными и этническими* признаками, заключёнными в анатомическом строении тела. Изменения идентичности человека по этим признакам, вносимые химерами сознания, приводит к неадекватным человеческим отношениям и невротизации личности.

Групповая организация совместной жизнедеятельности людей возникает из необходимости согласования функциональной дифференциации и интеграции субъектов социального взаимодействия на групповом уровне (в первичных, контактных группах вхождения). Это приводит к распределению обязанностей и ответственности в совместной деятельности. Считается, что исторически первая дифференциация функций в совместной жизнедеятельности людей была обусловлена «половым диморфизмом». Это привело к разделению обязанностей между мужчинами и женщинами в совместном общинном сосуществовании в соответствии с природными возможностями и

предназначением их организмов. Разделение обязанностей между мужчинами и женщинами по функциональному предназначению привело к разделению труда и к закреплению этой дифференциации в организационно-правовой структуре групповых отношений. Однако эволюция форм и способов социального взаимодействия привела к гендерному неравенству, что повлекло за собой необходимость в пересмотре социальных прав женщин и мужчин в профессиональном и общественном сотрудничестве. Однако это не могло не сказаться на супружеских отношениях и семейных ролях, что привело к перераспределению функциональных обязанностей мужчин и женщин в семье и обществе.

В организационно-правовой структуре группового взаимодействия происходит закрепление сложившейся дифференциации-интеграции функций коллективного предназначения не столько за конкретными людьми, сколько за ролями, которые необходимо выполнять членам группового сообщества для поддержания его целостности и воспроизводства жизни людей. В результате в групповой организации при социальном взаимодействии складывается внутренняя ролевая структура взаимодействия. Эта структура, с одной стороны, должна соответствовать функциональному содержанию жизнедеятельности сообщества, с другой стороны, ролевое распределение обязанностей должно соответствовать индивидуальным возможностям исполнителей этих ролей-функций. Если в организационно-правовой структуре существует не соответствие в функционально-ролевом распределении управленческих и исполнительских функций, то групповое взаимодействие становится не эффективным. Например, при концентрации права на исполнение субъектов коллективной деятельности в высших управленческих звеньях «вертикали власти» парализует самостоятельность и инициативу в исполнительских структурах социального взаимодействия. В этом случае «внизу» никто ничего не может сделать без «подключения административного ресурса» самого высокого управленческого звена. Это характерно для авторитарного управления, основанного на единоначалии главных лиц в структуре управления (заведующего подразделением, декана, ректора, министра, председателя правительства, президента). Всё было бы хорошо, если бы не инстинктивный уход главных лиц от общественной ответственности за принимаемые решения при ограничении права на принятие решения самими исполнителями конкретной деятельности. Но именно это право может расковать инновационную активность исполнителей трудовой деятельности.

Иерархия в функциональных отношениях предопределяет соподчиненность и взаимозависимость всех участников группового взаимодействия. Она устанавливается средствами организационно-управленческой деятельности, главными инструментами которой являются законы, регулирующие распределение прав и обязанностей между субъектами коллективной жизнедеятельности. Главной проблемой здесь является правильный баланс прав и обязанностей при распределении функций коллективной деятельности. При авторитарном конструкте группового взаимодействия все права сконцентрированы на «вершине» иерархической структуры взаимодействия, а

все обязанности в «низшем» её звене. Остальные промежуточные звенья только *передают распоряжения* сверху вниз и *просьбы* снизу вверх. Работают, по сути, только два звена («высшее» и «низшее»). Остальные вынуждены оправдывать свою деятельность тем, что *подбирают* некоторые из *полномочий*, с которыми не могут справиться руководители и исполнители в двух крайних звеньях. В результате разрастается «раковая опухоль» некомпетентности и непрофессионализма во всех звеньях.

Групповое взаимодействие нуждается в нормировании отношений при совместной деятельности в соответствии с функциональным содержанием. С другой стороны, необходим подбор квалифицированных исполнителей этих функций через обучение и психологическую диагностику возможностей субъектов конкретной профессиональной деятельности. Группа как самоорганизующаяся система вырабатывает свои «нормы-отношения», соответствующие её групповой морали и понятиям о нравственности. Они часто не совпадают с законодательными нормами, которые плохо соотносятся с функциональными обязанностями членов группы перед ней и обществом. Группа имеет свои представления о взаимных требованиях по квалификации исполнителей производственных функций и является носителем коллективного мнения о возможностях каждого своего члена. Самоуправление в группе опирается на конкретные знания о возможностях друг друга и на необходимость обеспечения реализации индивидуального потенциала каждого сотрудника. Самоуправление – это ещё не задействованный резерв развития нашего общества и государства. Его становление нужно начинать с трудовых коллективов. Только в них можно выработать прочные и действенные навыки эффективного самоуправления, которые будут перенесены в другие сферы жизнедеятельности.

Позитивную роль в этом процессе могут сыграть психологические службы предприятия. Они могут отслеживать динамику квалификационных требований ко всем производственным ролям и функциям, осуществляя опережающий прогноз на изменения в кадровой потребности предприятий и учреждений. Они могут заниматься межличностными отношениями в производственных коллективах как резервом производительности труда, а так же заниматься обоснованием квалификационных требований к содержанию программ профессионального обучения и переподготовки персонала для нужд конкретного предприятия на основе функционально-психологической аттестации рабочих мест. Это позволит принимать более адекватные решения относительно работы с персоналом и определять перспективы развития кадрового потенциала организаций, а также обеспечивать совместимость и сплочённость в процессах группообразования трудовых коллективов.

Естественные процессы группообразования базируются на развитии *межличностных отношений*. Для того чтобы группа начала формироваться как социально-психологическая общность, между её членами должны возникнуть отношения *взаимного притяжения и симпатии друг к другу*. Без этого невозможна *контактная деятельность*, которая сразу же угасает при потере интереса

партнеров друг к другу. Однако – это всего лишь предпосылка к деловой взаимосвязи.

Следующим шагом в процессах группообразования является возникновение *доверия друг к другу*. Это – обязательное условие для обмена полномочиями и делегирования их партнеру. Это связано с передачей своих интересов в «руки» возможного партнера. Доверие является неременным условием разделения функций в совместной деятельности и правовой ответственности за общий результат. Доверие является психологической основой для возникновения совместной деятельности и *чувства общности*.

Чувства общности в групповом взаимодействии порождают *взаимные обязательства*. С этого момента начинается формирование *организационных отношений*, в которых фиксируются права и обязанности членов группы. Вслед за тем осознаются *границы группового членства* как необходимое число людей для исполнения необходимых функций группы.

В соответствии с функциональной дифференциацией-интеграцией возникают *взаимные ожидания* членов группы друг от друга. В них отражаются *требования* к способностям партнеров успешно выполнять делегированные функции в соответствии с групповыми ролями и нормами отношений.

Венцом естественного процесса группообразования являются сформировавшиеся «нормы-отношения», которые становятся социально-психологическим регулятором совместной деятельности в группах. Они функционируют в качестве групповой морали.

В процессах естественного группообразования наблюдаются последующие периоды интеграции отношений. Период *диффузного состояния отношений между членами группы*. Период *возникновения триадных объединений*. Период *борьбы за лидерство*. Период *формирования организационно-управленческих структур*. Период *интериоризации индивидуальной ответственности*. Период *принятия групповых интересов и социально значимых целей*. Период *установления баланса личной и общественной мотивации*. Период *появления стиля совместной деятельности и стереотипизация способов взаимодействия*. Все это сопровождается формированием и трансформацией личных, межличностных и общественных отношений между членами групповых сообществ.

В процессах группового взаимодействия возникает множество *социально-психологических образований*, которые рассматриваются как феномены совместной деятельности и общения. В их числе особое внимание уделено *сотрудничеству, взаимопомощи, соревнованию, конкуренции, соперничеству*.

Интегральными феноменами группового взаимодействия являются *социально-психологический климат* в социальных общностях и *групповая оценка личности*, воспроизводящая коллективные мнения людей друг о друге. Они являются психологическим следствием *взаимоотношений*, сложившихся в конкретных группах.

Социально-психологический климат представляет собой *систему человеческих отношений*, имеющих *положительную или негативную окраску*. При современных исследованиях социально-психологического климата

нередко изучают факторы, влияющие на отношения в социальных общностях, а не сами человеческие отношения.

Групповая оценка личности – это коллективное мнение о психологических качествах человека, востребованных в конкретных группах взаимодействующих субъектов. Она привязана к ситуациям взаимодействия и не может не быть противоречивой относительно одного и того же человека в разных группах вхождения. Тем не менее, в ней могут отразиться некоторые доминирующие качества как субъекта социального взаимодействия. Это позволяет использовать такую оценку при аттестации социально-психологических качеств субъектов профессионального взаимодействия в группах под задачу определения резерва руководящего состава.

3.1.3. Основные функционально-ролевые отношения в социальном взаимодействии

В социальном взаимодействии зарождается ролевая дифференциация субъектов совместной жизнедеятельности. Совместная деятельность предполагает разделение труда и технологическую связанность действий и операций в целостном процессе производства продуктов потребления. Это разделение закрепляется в ряде функционально-ролевых отношений, определяющих типовое место каждого человека в системе социального взаимодействия.

В расширенном контексте это приводит к взаимодействию *человека и общества*, в первую очередь, через *трудовую и экономическую деятельность, правовую и политическую активность*, другие формы проявления социальной сущности субъектов совместной деятельности. Социальное взаимодействие в этих случаях приобретает черты *общественного взаимодействия*, где на передний план в психологии социального взаимодействия выходят *ролевые функции* человека в различных видах трудовой и других видах совместной деятельности. Поэтому возможно описание и исследование *общественных отношений через изучение конкретных функционально-ролевых отношений* в логике познания социальной психологии. Эти отношения применительно к общественным отношениям определяются сопряжёнными по смыслу парами понятий о социальных ролях человека. Например, руководитель-подчинённый, ведущий-ведомый, сотрудник-соперник и многими другими. Важная черта таких понятий заключена в том, что они являются антиномиями, которые указывают на *амбивалентную целостность человеческих отношений*, в данном случае функционально-ролевых. В этих антиномиях конкретизируется «субъект – субъектная» формула общественных отношений. Это указывает на то, что одна социальная роль через свою функцию предполагает другую, противоположную роль, и без неё не существует в структурах общественных отношений. В научно-исследовательской практике эти роли могут использоваться как эмпирические референты общественных отношений в конкретных формах их проявления. Поэтому ключевые аспекты общественных отношений могут быть выражены антиномиями о ролевых позициях субъектов.

Общественное взаимодействие зарождается в первобытных общинах через отчуждение *властных полномочий* в социальные институты управления общиной и их верификации в ролях *старейшин и вождей* племени. В социально-психологической оппозиции им находились все рядовые члены племени, образно говоря народ. Возникла амбивалентная диада отношений по разделу управленческих полномочий между народом и властью. В качестве инструментов власти были *табу, общественные ритуалы, обряды инициации, заседания советов, медитации и обращение к духам, оракулам и другим культовым объектам-субъектам*. Если на роли старейшин попадали по возрасту, то на роль вождя назначались лучшие члены общины, по мнению всех или старейшин. По мере роста народонаселения появлялись возможности узурпации власти, чем пользовались вожди с большим или меньшим успехом. Таким образом, диада «народ-власть» воплощает в себе вечные функционально-ролевые отношения в социальном взаимодействии людей на уровне общественных отношений.

Культурно-историческая трансформация всех средств социального взаимодействия и технический прогресс привели к появлению *специфических «инструментов» общественного взаимодействия*. В их числе, в первую очередь, следует обратить внимание на средства *массовой информационной коммуникации*, которые превратились в действенный инструмент борьбы за власть и манипуляции общественным мнением, якобы выражающим интересы и позиции народа по отношению к власти. В то же время они используются и в интересах развития личности и общества, ещё одной амбивалентной диады в структуре общественных отношений. Главное противоречие функционально-ролевых отношений в этой диаде пролегает по границе *права на жизнь и самореализацию личности без депривирующих ограничений со стороны общества*.

Благодаря *религии, науке, искусству и массовой информационной коммуникации* в общественном и индивидуальном сознании людей формируются представления о правильной и не правильной жизни человека и общества. Эти представления выполняют функцию социально-психологических регуляторов частного и общественного поведения в совместной жизнедеятельности людей. Они формируют мировоззренческие представления о правилах и идеях бытия всех с прицелом на все времена. Однако именно по идеологии жизни человечество распадается на многочисленные группы, весьма непримиримые по своим мировоззренческим убеждениям. На этой почве появляется множество диад с различным содержанием функционально-ролевых отношений. В результате общественные отношения пропитываются напряжёнными чувствами борьбы за истину и правду.

Общественное взаимодействие человека с обществом через массовые процессы социального взаимодействия позволяет человеку избегать непосредственных контактов на уровне персонального и группового взаимодействия. Это предоставляет возможность партнерами *опосредствовано сотрудничать* через общественные институты и средства трудовой, экономической, образовательной и другой человеческой деятельности.

Социальное взаимодействие в трудовой и экономической деятельности предопределяется целями создания продуктов общественного потребления. В этом смысле трудовая и экономическая деятельность конкретного человека и производственной организации (предприятия) может существовать до тех пор, пока существует общественный спрос на производимую продукцию. Все расширяющаяся номенклатура производимой продукции не только отвечает актуальному спросу на неё, но и формирует спрос на новые виды изделий, более совершенные по своим потребительским свойствам.

Через трудовую и экономическую деятельность человек самым непосредственным образом включается в процессы социального взаимодействия. В этих видах деятельности в соответствии с их организационной структурой каждый партнер выполняет интегрированные функции в роли субъекта совместной деятельности. Эти функции обозначены понятиями о социально-производственных и социально-экономических ролях, на которые человек попадет в зависимости от профессиональной квалификации, экономического статуса и личных знакомств.

Социально-производственные роли детерминированы технологической дифференциацией производственного процесса. Таких ролей может быть множество. Тем не менее, их можно объединять в общих понятиях, в которых соединяются определения основных производственных функций с социальным положением человека в обществе. Например, рабочий или инженер, руководитель («начальник») или исполнитель («подчиненный»).

Социально-экономические роли обусловлены материальным положением личности и её экономическим статусом, который детерминирован правом собственности на средства производства и продукты коллективной и индивидуальной деятельности. В общественной структуре социально-экономического взаимодействия фигурируют интегральные понятия об основных ролях субъектов общественного взаимодействия. Это понятия антиномического смысла. В их числе выделяются два понятия: 1) «продавец-покупатель» и 2) «хозяин-раб». Двойственность этих понятий указывает на неотъемлемую связь и единство функциональных отношений между людьми в этих ролях. Без хозяина нет раба, без покупателя – продавца. При этом каждый человек может выступать и в той и другой роли в зависимости от выполняемых функций.

В ролях «продавец-покупатель» человек появляется на рынках труда и потребительских рынках. На рынках труда он продает свои профессиональные способности и продукцию индивидуальной творческой деятельности, а на потребительском рынке покупает необходимую ему материальную и духовную продукцию для воспроизводства собственной жизни и удовлетворения соответствующих потребностей. Продажа профессиональных способностей на рынках труда превращает человека в «наемного рабочего».

В ролях «хозяин-раб» человек функционирует только на рынках труда. В современном цивилизованном обществе за пределами рынка труда эти роли нивелируются гражданским равноправием, и «хозяин» и «раб» являются в позициях «граждан». Однако сохраняется далеко не равный экономический

статус личностей, который позволяет использовать его преимущество и в гражданском обществе на потребительских рынках в платных медицинских, образовательных, юридических и других услугах. В этом проявляется несовершенство общественной организации жизнедеятельности людей на основе неограниченного права на частную собственность. Без экономической свободы личности невозможна справедливая реализация провозглашенного гражданского равноправия. Как его обеспечить? – это коренной вопрос культурно-исторической эволюции общественного взаимодействия людей. Эту антиномию современное общество пытается преодолеть через социальную роль «владельца» долей частной собственности. Инструментом такой трансформации является акционирование частного капитала и его продажа на финансовых рынках. Однако доступность этих рынков ограничена для неимущих слоев населения. Следовательно, вопрос теперь сводится к *доступности* финансового рынка для всех субъектов общественного взаимодействия и к проблемам *социальной защищенности* неимущих. Это означает превращение «наемного рабочего» в «совладельца» капиталов в акционерной форме.

Трансформация социально-производственных и социально-экономических отношений в современной России произошла от ролей «совладельца» при общенародной собственности к ролям «хозяин-раб», свойственным раннему периоду развития капитализма. Раздел и перераспределение собственности должны были бы проходить этап формирования коллективной собственности до полноценной капитализации предприятий и последующего акционирования его доходов на финансовом рынке. Доходы предприятия следовало бы распределять между всеми работниками по справедливому коллективному решению, что предполагает *самоуправление* на основе демократического права, а не авторитарного конструктора вертикали власти. Такой переходный период необходим для плавной и справедливой трансформации общенародной собственности сначала в коллективные и только затем в индивидуальные формы собственности. Тогда бы не было незаработанных капиталов. В этой трансформации главная роль принадлежит *законодательной норме права на экономический паритет* всех граждан России. Но преимущество в правах на собственность было отдано *административным ролям* и людям, выполняющим эти роли.

Взаимодействие в правовой и политической сферах общественной жизнедеятельности призвано *регулировать* социальное взаимодействие людей во всех её сферах на принципах *демократической свободы и ответственности*. Традиция авторитарного государственного управления в России оказалась несовместимой с этими принципами. Право и политика являются системными компонентами структуры социального взаимодействия. Они закрепляют «нормы-отношения», которые задают границы индивидуальных свобод граждан на проявление самостоятельности в решении своих и общественных проблем. Например, «Декларация прав личности» формулирует *гражданские права и ответственность* субъектов социального взаимодействия. Юридические институты являются «инструментами» правовой

деятельности в обществе. Существующие парламенты принимают *законы*, придуманные юристами и государственными чиновниками. Они являются «рычагами» власти и выполняют функцию регулирования отношений «доминирования-подчинения» в системе общественного взаимодействия, а не охраны равноправия. В этой системе главными приобретениями человека могут быть или не быть *роли гражданина и свободной для самореализации личности*. Это ключевые роли в системе общественных отношений, ориентированных на нравственные идеалы и социальную справедливость. Однако групповые интересы и соответствующая им мораль вступают в непреодолимые противоречия. Эти противоречия мотивируют борьбу групп за власть, которая является главной целью политической деятельности.

Политическая деятельность направлена на *перераспределение властных полномочий* между субъектами социального взаимодействия. Общественное взаимодействие в этой сфере вращается вокруг вопроса о том, кто является главным субъектом, олицетворяющим *верховную власть* в обществе и во всех звеньях структуры власти («вертикальных» и «горизонтальных»). Политическая деятельность чаще всего сводится к *борьбе за доминантные позиции* в системе общественных отношений. В одиночку овладеть властными полномочиями в обществе сложно. Поэтому субъекты политической борьбы объединяются в специальные организации (партии). Тем не менее, по законам группового взаимодействия политические партии должны иметь лидеров, которым делегируются преимущественные возможности осуществлять и пользоваться *властными полномочиями*. Это всегда создает прецедент для узурпации общественной власти. Этому же способствует «культовая психология» в индивидуальном и общественном сознании. В этой системе социального взаимодействия появляются роли *вождей, лидеров нации, глав государств, политических соратников* и многие другие, связанные с исполнением этой деятельности на разных уровнях в структурах государственного управления.

Правоприменение и политическая деятельность не свободны от *личных и групповых интересов*, как бы на этот счет не «распинались» политики и юристы. Поэтому на сценах политической деятельности и законодательного творчества разгорается не шуточное *противостояние* индивидуальных, групповых и общественных *мотивов*. Аскетизм и альтруизм политиков и юристов – дорогостоящие качества субъектов этой деятельности. Они являются основой нравственного поведения личности.

Нравственные аспекты общественного взаимодействия проистекают из *оценочной* деятельности субъектов социального взаимодействия. В этой деятельности человек опирается на понятия «*справедливости-несправедливости*» социальных действий и воздействий, произведенных другими людьми или им самим в отношении других и себя. Эмпирическими критериями «справедливости-несправедливости» является отсутствие или нанесение материального, физического и морального ущерба другому человеку (людям) или самому себе. Поэтому все действия, поступки, поведение человека «просвечиваются» оценочной деятельностью по этим критериям.

Оценочная деятельность имплицитная особенность психической деятельности человека. Она является *психологическим компонентом* аффективного реагирования на воздействующие объекты. В социальном взаимодействии она трансформируется в *критические отношения и сентенции* участников совместной деятельности и субъектов персональных, групповых и общественных отношений.

Нравственная оценка поступков и поведения человека в сообществах устанавливает *соответствие* проявленных (реальных) отношений субъектов социального взаимодействия *моральным нормам*, которых придерживается личность, группа, общество. И здесь выясняется, что существуют индивидуальные, групповые и общественные моральные нормы, которые не совпадают, и тем самым являются основой в разногласиях нравственной оценки, если мораль и нравственность отождествляются в сознании взаимодействующих людей. Появляются понятия о ролях *аморальной и безнравственной личности*.

Нравственность – это то, что стоит над «моральями» в качестве единых для всех принципов социального взаимодействия людей. Таких принципов немного и их принято называть *заповедями*. Особенность их в бесспорности пороков, на которые они указывают. Эти пороки сопровождают жизнь каждого человека, и поэтому церковная мораль всех считает *грешниками*, которые через покаяние могут обрести роль *праведников*. На пути такой трансформации находятся материальные соблазны и зависть, порождённая тщеславным стремлением к превосходству. Всеобщая нелюбовь к праведникам зиждется на том, что они ни как все.

Нравственные противоречия приносят духовные страдания человеку, разрешить которые в состоянии только его собственная совесть. Совесть – это психологический механизм внутреннего управления внешним поведением человека. Зиждется она на самооценке своих поступков по критериям нравственных заповедей, которые трудно выполнять в повседневной практике социального взаимодействия. Поэтому всегда есть место для «мук совести», которые являются фактором формирования чувства вины у субъектов совместной жизнедеятельности.

Половые, возрастные и этнические факторы социального взаимодействия проистекают из *биогенетических свойств* субъектов совместной жизнедеятельности людей. *Половые и этнические* свойства человек наследует от своих родителей. *Возрастные* изменения человеческого организма подчинены биологическим законам роста и развития.

Однако в процессах социального взаимодействия возникают противоречия между полом как биологическим признаком человека и социальным распределением ролей между мужчинами и женщинами, между этнической принадлежностью человека по происхождению и новой этнической средой, в которую он попадает, между биологическим возрастом и социальной зрелостью.

Эти противоречия задают сложную динамику в персональных, групповых и общественных отношениях. Это приводит многих к нарушению своей половой,

этнической и возрастной идентичности, что является источником *невротизации* личности и её неадекватного социального поведения.

К *социально-психологическим феноменам социального взаимодействия* относится *общественное, групповое и индивидуальное мнение* людей о событиях и обстоятельствах их жизни. Эти мнения являются результатом *психологической, социально-психологической и социальной рефлексии*, в результате которой возникают *социальные представления* людей обо всем, что происходит в совместной жизнедеятельности. Эти представления важно изучать, так как в общественной практике социального взаимодействия люди следуют своим представлениям, а общественное мнение содержит оценочные отношения, выполняющие функцию психологических установок в социальном поведении и деятельности.

Близкими к феноменам «мнения» являются *слухи*, возникающие на основе *дефицита информации*. Слухи опасны своей неопределенностью, и поэтому могут посеять *панику* в социальном поведении людей.

Паника – это неупорядоченное поведение человека в массовом поведении. Она проистекает из *страха* от незнания вероятности опасных событий или причин их возникновения. Паника приводит к нарушению адекватного поведения людей, что опасно для общностей с точки зрения сохранения их целостности. Паникующие субъекты нередко проявляют *агрессию* в отношении друг друга.

Социальная агрессия стимулируется социальными *стрессами*, проистекающими из не решенных проблем совместной жизнедеятельности, из неоправданных ограничений на проявление индивидуальных инициатив и многих других обстоятельств общественного взаимодействия. Социальная агрессия проявляется в *бунтах, бойкотах, забастовках, войнах*. Эти разрушительные формы агрессии могут быть заблокированы посредством толерантности (терпимости) людей к различиям друг друга.

Толерантность в общественном взаимодействии является желаемой формой социального поведения людей. Толерантность снижает агрессивность в социальном поведении, но не всегда освобождает человека от *дистресса*. В социальном поведении существует проблема односторонней и взаимной толерантности. *Взаимная толерантность нуждается в согласовании интересов субъектов социального взаимодействия*. Это возможно при равноправии партнеров социального взаимодействия, выстраивания отношений на принципах *сотрудничества*, а не «доминирования-подчинения». Односторонняя толерантность чаще всего базируется на *конформизме, покорности, страхе, непреодолимой зависимости, тупости социального интеллекта или хитрости, социальном иждивенчестве, патернализме, вождизме и культах*. Опасность конформной толерантности в том, что возникает иллюзия единства общества и безупречности его лидеров, которые упиваются славой лъстивого признания. Многие в толерантности связано с менталитетом общества и особенностями его образа жизни.

Менталитет представляет собой устойчивое ядро в психической организации человека и психологии общности, в которую он входит. Он

представляет качественное своеобразие «психологического склада» социального поведения человека и его характера. Своеобразие менталитета раскрывается в доминирующих и системных качествах личности, которая воспроизводит психологические черты своей общности в процессах социального взаимодействия. Содержание этих черт раскрывается при ответе на вопросы: «Как? Каким образом?» человек поступает, делает, реагирует, относится. Это вопросы стиля общественного поведения.

Менталитет составляет психологическую основу *образа жизни* человека в сообществах (семье, роде, племени, этносе, нации, народе, обществе). Он передается из поколения в поколение по законам «коллективного бессознательного». Главная роль в этом принадлежит семье и другим первичным общностям. Специфический образ жизни воспроизводится в первичных группах вхождения. Любой образ жизни представляет собой баланс *традиций и новшеств*. Новшества в основном связаны с достижениями *цивилизации*, которые динамичны и потому скоротечны. Они из-за этого не могут составить прочной основы жизни человека и общества. Традиция же укоренена в стереотипах поведения, оправдавших себя адекватной адаптацией к быстро меняющимся обстоятельствам бытия. Поэтому новые принципы человеческих отношений с трудом укореняются на почвах тысячелетних традиций в организации образа жизни.

3.1.4. Партнёрские качества личности субъектов социального взаимодействия

Привлекательность партнеров друг для друга является важным психологическим условием успешного социального взаимодействия между ними. Привлекательность партнеров детерминирует их взаимный выбор для совместной жизни и деятельности в различных ситуациях социального взаимодействия. Чтобы стать партнером для другого человека, нужно ему понравиться, либо физическими свойствами тела, либо социальной ролью в системе общественных отношений, либо деловыми качествами важными для профессиональной деятельности, либо психологическими качествами, имеющими ценность для конкретного человека или общности людей, лучше всеми вместе.

Проблема привлекательности состоит в субъективизме отдаваемых предпочтений тем или иным качествам человека, тому или иному виду его достоинств. В то же время сам человек в качестве объекта социального взаимодействия может демонстрировать или скрывать свои достоинства и недостатки. Более того, человек может быть не властен над тем психологическим складом, который сформировался в процессах семейного воспитания и коллизий социализации. В разных группах вхождения могут быть востребованы противоположные качества человека. Качества, которые человек презентует, могут не совпадать с теми, которые содержатся в его социально-психологическом потенциале.

Физическая привлекательность партнеров предопределяется эмоциональным отношением к их *внешнему облику*. В ряду качеств внешней привлекательности

речь идет о *телесном строении, экспрессивности* телесных движений и *соответствие внешнего облика эстетическим эталонам*. Телесное строение определяется в таких выражениях, как «хорошее сложение», «статный», «пропорциональный», «хорошая фигура» и других, подчёркивающих положительные качества физического облика человека. Экспрессивность отмечается как эмоциональная выразительность, яркость-серость внешнего облика, его необычность в оформлении или *мимических проявлениях каких-то качеств*. Большое значение приобретают понятия о красоте-уродстве с точки зрения воспринимающих друг друга партнёров.

Телесное строение характеризуется *возрастными особенностями* человека (молодостью, зрелостью, старостью). Предпочтение отдается первым двум характеристикам. Отмечается *рост* человека (высокий, средний, низкий). Предпочтение отдается высоким людям. При описании внешности обязательно упоминают об упитанности человека в понятиях «толстый», «худой», «нормальный». Здесь в предпочтениях преобладает индивидуальный вкус. Нередко речь идет о телосложении человека, а также о физической силе или слабости. Указывается на национальные черты внешнего облика.

Эмоционально-эстетические оценки внешнего облика партнеров фиксируются в понятиях: «красивый - некрасивый», «симпатичный - несимпатичный», «приятный - неприятный», «обаятельный - необаятельный», «интеллигентный - неинтеллигентный», «привлекательный - отталкивающий» и т.д. В этих оценках начинает преобладать личное отношение партнеров друг к другу в соответствие с усвоенными эстетическими эталонами и их предпочтениями.

Экспрессивность (выразительность) внешнего облика раскрывается в понятиях: «мужественность-женственность», «солидный» - «несолидный», «алчный вид», «аскетический вид» и других обобщенных понятиях о человеке. Кроме того, экспрессия привязывается к лицу, глазам, поведению, жестам. Все они отражают *психологическую выразительность* телесных движений, определяющих основу мимики и пантомимики. В манерах поведения видят «приветливость», «слащавость», «вальжность», «напыщенность», «суетливость», «уверенность», «естественность» и другие психологические особенности. Взгляд характеризуют как «отсутствующий», «бездумный», «бегающий», «тяжелый», «открытый», «заинтересованный», «прямой».

Социальная привлекательность человека связана с его положением в обществе, с его авторитетом, значимостью в профессиональной деятельности, с популярностью, с экономическим статусом и другими социальными свойствами, которые определяют его известность и влияние. Социальная привлекательность человека может возникать из его связей с другими значимыми людьми. К социальной привлекательности человека можно отнести отношение к людям и к себе, которое он проявляет в социальном взаимодействии.

Деловая привлекательность партнеров определяется его способностями в совместной трудовой деятельности. В этом аспекте человек интересен своими

профессионально важными качествами. В их ряду, в первую очередь, отмечается профессиональная компетентность и мастерство в исполняемой деятельности. Большое значение придается в современной профессиональной деятельности коммуникативным и организаторским способностям, а также конкретным организационно-управленческим умениям. Большого внимания заслуживает отношение к работе и мотивация субъектов профессионального взаимодействия. Деловая привлекательность не безразлична к стилю поведения и стилю деятельности партнеров как важнейших детерминант их совместимости и возможного сотрудничества.

Психологическая привлекательность человека является интегральным выражением притяжения партнеров по их психологическому складу личности. Она представляет собой синтез чувств, которые вызывают партнеры друг у друга своими качествами ума, воли, характера, поведения, отношения, направленности в их *индивидуальном выражении*. В социальном взаимодействии в ряду качеств ума ценятся логичность, сообразительность, остроумие. В ряду качеств воли – решительность, терпение, настойчивость. В ряду качеств характера – доброжелательность, добросовестность, отзывчивость. В ряду качеств поведения – уравновешенность, вежливость, скромность. В ряду эмоциональных качеств – весёлость, юмор, ирония. Наиболее общим понятием о привлекательности человека является «обаятельность». Часто используют такие обобщённые определения, как «хороший человек», «надёжный человек», «порядочный человек» и подобные. В них отмечается главное стержневое качество личности как субъекта социального взаимодействия. В этих качествах запечатлены ожидаемые *отношения* к другим людям.

3.1.5. Психология человеческих отношений в социальном взаимодействии.

Категория «отношения» в психологической науке

Отношение как научное понятие психологической науки используется для обозначения всевозможных *субъективных проявлений* человека в процессах его взаимодействия с различными объектами внешнего мира, не исключая и *отношение к себе*.

Человек только тогда становится активным субъектом общественно-исторического процесса, когда он заметным образом проявляет свое *личное отношение* к обстоятельствам жизни через свою деятельность и поведение.

В общении с людьми возникают *межличностные отношения*, осложнённые процессами «субъект – субъектного» взаимодействия. Результатом такого осложнения являются *взаимоотношения*.

Взаимодействие групповых субъектов трансформирует человеческие отношения в *общественные отношения*.

Итак, в социальном взаимодействии человеческие отношения обозначаются целым рядом дифференцированных понятий. В их числе отношение к себе или «*самоотношение*», *личное отношение*, *межличностные отношения* или «*взаимоотношения*», *межгрупповые отношения* или «*общественные отношения*». Через них происходит онтологическое описание феноменов человеческих отношений как некоторой психологической реальности

социального взаимодействия людей. Все эти понятия нуждаются в смысловых разграничениях и более строгих определениях, чем это имеет место сейчас.

В результате изучения всех этих аспектов проявления человеческих отношений психологическая наука пришла к необходимости признать за понятием «отношение» статус научной категории, определяющей *сущность субъективности* в психической организации человека и его поведении. Это означает, что отношения человека имплицитны, внутренне присуще его психической деятельности. В связи с этим возникает задача определения источников этих отношений как непреходящих сущностей психической деятельности человека в социальном взаимодействии людей.

Впервые на это обратил внимание в начале 20-ого века А.Ф.Лазурский, который рассматривал *индивидуальные отношения* человека в целостном конструкте психической организации человека. Эти отношения Лазурский рассматривал как часть психической организации («экзопсихику»), определяющей субъективную направленность человека к объектам взаимодействия. Сама же экзопсихика, с его точки зрения, базируется на «эндопсихических» образованиях, которые производны от психической деятельности как функции мозга. Поэтому экзопсихика – это внешнее проявление такой функции. Экзопсихика как система отношений является основой *характера*. Тем самым были внесены различия между характером и темпераментом, которые на тот период часто трактовались как совпадающие явления психологии человека. В характере Лазурский усматривал *направленность* человека на объекты взаимодействия, а в темпераменте динамические качества психических процессов как нечто внутреннего. С одной стороны, содержательные различия темперамента и характера были обозначены, но, с другой стороны, была сохранена идея эндопсихической детерминированности экзопсихических образований. Напрашивались следующие выводы, которые Лазурский тогда не сделал. [80, 81]

1. Если характер – это интегральный феномен экзопсихических образований психики, то темперамент – это интегральный феномен эндопсихических образований психики.

2. Если характер – это система имплицитных отношений человека к бесконечному объектному миру вещей и людей, то темперамент – это динамические свойства психической деятельности как функции мозга.

3. Если характер – это качественное проявление индивидуальности, то темперамент – это типологическое свойство психической деятельности как функции мозга.

4. Если характер – это психологическое качество человека, то темперамент – это психическое свойство нервно-телесного реагирования на объекты воздействия как раздражители нервной системы.

5. Если характер – это интегральный синтез имплицитной направленности человека к миру вещей и людей, то темперамент – это динамическое обеспечение этой направленности в поведении и деятельности.

Так или иначе, категоризацией отношения как научного понятия Лазурский указал на вход во внутренний мир человека и путь проникновения в субъективную реальность психологии человека.

В то же время категория «отношение», раскрывая субъективные установки человека на объекты его взаимодействия, выполняет гносеологическую функцию при разработке проблем характера, мотивов, ценностных ориентаций, диспозиций личности, социально-психологического климата и многих других, связанных с проявлением психических и социальных свойств человека. Она становится инструментом научного познания *психической и социальной сущности* онтологических форм существования человеческих отношений. Вопрос о сущности человеческих отношений – это вопрос о тайне их происхождения в психической деятельности человека и общении людей в социальном взаимодействии.

Обращение к психической деятельности как источнику человеческих отношений было совершено В.Н.Мясищевым, который считал себя учеником А.Ф.Лазурского, породило два гносеологических понятия о них. Речь идёт в его текстах о *психических и психологических отношениях*. В.Н.Мясищев писал: «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности». [100]

В процессах общения при социальном взаимодействии людей происходит трансформация психических и психологических отношений в *социально-психологические и социальные отношения*. Факторы этой трансформации заключены в социальном взаимодействии людей, а механизмом трансформации является общение людей по поводу их совместной жизнедеятельности.

Таким образом, появляется ряд гносеологических понятий для определения сущности человеческих отношений. В их числе *психические и психологические отношения, социально-психологические и социальные отношения*.

Понятия «самоотношение», «личные» и «межличностные отношения», «групповые» и «общественные» отношения используются при *онтологическом* описании форм *существования* человеческих отношений.

Понятия «психические», «психологические», «социально-психологические», «социальные» отношения используются при *гносеологическом анализе сущности* свойств человеческих отношений. Все четыре группы этих свойств содержатся в каждой онтологической форме человеческих отношений.

Категория «отношение» равновелика по своей методологической роли категории «познание» в анализе целостной структуры психической деятельности. Обе эти категории служат для обозначения *субъективной реальности* в психической деятельности человека. Познание указывает на *гностическую сущность* психической деятельности человека, а отношение – на *аффективную*. На их единство указывал ещё С.Л.Рубинштейн как единство «знания и отношения». [154] Это говорит о том, что отношения зарождаются в аффективной природе психической деятельности человека, а знания в его гностическом компоненте.

Сам же психический процесс до сих пор в отечественной психологии определяется как *отражение*, представляющее единство гностического и аффективного *реагирования*, рационального и эмоционального *отклика* на физические воздействия объектов материального мира. Возникает вопрос, где больше произвольности – в реагировании или отклике?! И, где больше субъективности?! Наверное, произвольности больше в реагировании, а в отклике – субъективности. Тогда отражение в виде отклика качественно меняется, следовательно, трансформируется в нечто другое. Можно сказать, что на уровне отклика отражение превращается в *отображение* за счёт усиления рационализации эмоционального отклика, благодаря механизмам торможения и иррадиации. Далее психический процесс благодаря эффекторным механизмам нервной системы трансформируется в *выразительное* поведение сначала в форме телесных движений, а затем предметных действий и речи.

В отображении и выражении как психологическом отклике на воздействия объектов психический процесс всё более и более загружается отношениями субъекта к этим воздействиям, источником которых являются аффективные, эмоциональные, мотивационные процессы всё более контролируемые на стадии их выражения.

Через категорию «отношение» в психологической науке принято изучать *содержательные связи человека с внешним миром*. В.Н.Мясищев по этому поводу писал: «Изучая человека с позиции его отношений, мы устанавливаем его содержательные связи с окружающей общественной действительностью». [100]. Суть этих связей в объективации внутренней сущности во внешних формах её существования, то есть в интегральном синтезе бытия и сознания.

Психологическая наука, интерпретируя «отношения» как *содержательные связи* человека с миром вещей и людей, раскрывает *детерминанты* человеческих отношений в социальном взаимодействии и преобразовательной деятельности своего бытия. В них, прежде всего, открываются потребности человека и его мотивационное содержание совместной жизнедеятельности. Вместе с тем в предметно-практической деятельности находят воплощение способности человека как творца нового мира.

Человеческие отношения как явления социального взаимодействия людей сначала возникают как *субъективная позиция человека*, которая затем *объективируется* в общественной практике как *внешнее условие в виде норм социального поведения*. В результате человеческие отношения на сцене жизнедеятельности людей появляются несколько раз в различной степени интеграции. Сначала как *личные отношения*, затем как *межличностные и групповые отношения*, и потом как *общественные отношения* (макроконструкты человеческих отношений). К ним функция самосознания добавляет *отношение к себе* (самоотношение), которое представляет собой интегральный синтез переживаемых человеком социально-психологических связей с другими людьми в процессах общения и совместной деятельности. Синтез переживаний этих связей проявляется в самооценке своей личности как успешного или не успешного субъекта социального взаимодействия.

Все эти отношения содержат результаты трансформации *аффективного отклика* на внешние воздействия и психические состояния субъектов психической деятельности. Это происходит посредством *психологической рефлексии в переживаниях, социально-психологической интеграции групповых процессов и социальной организации совместной жизнедеятельности людей*. Структура этих отношений наполняется специфическим содержанием *психических, психологических, социально-психологических и социальных свойств*, взаимодействующих субъектов.

Психические и психологические отношения проистекают из закономерностей психической деятельности человека при отражении физических свойств конкретных объектов взаимодействия и познания их внутренней структуры.

Психические отношения возникают из *эмоциональной окрашенности ощущений*, которую вызывают свойства объекта здесь и сейчас в соответствие с не вполне ясными психофизиологическими состояниями самого человека. Объект в этом случае *либо нравится, либо не нравится* в зависимости от эмоции, которую он вызывает. Скорее всего – это отношение к произвольным эмоциям тревоги и удовлетворённости контактом с объектом взаимодействия.

Психологические отношения возникают из *рефлексии соответствия* свойств объекта взаимодействия потребностям человека, что устанавливается им через оценку *полезности или бесполезности* объекта. Бывает так, что прагматический мотив пересиливает первичный эмоциональный всплеск психических отношений.

Психические отношения сопровождают любой акт любой деятельности человека на конкретно-чувственном уровне, определяя *эмоциональный тон* этой деятельности. Они регулируют взаимодействие человека с объектами внешнего мира, проявляясь в *стремлении субъекта к объекту или в избегании* бесполезного или опасного для человека объекта. Психические отношения характеризуются положительной или отрицательной модальностью, повышая или снижая эффективность деятельности человека. Они чаще возникают из бессознательно интериоризированного опыта взаимодействия человека с миром вещей, людей и природы. Например, человек безотчётно боится всего неизвестного, а потому и всего нового. Преодоление этого страха возможно через подключение сознания и воли, что использует современная психотерапия по своим оригинальным технологиям.

Психологические отношения представляют собой *сознательную трансформацию психических отношений* через их *переживание и оценку* как целесообразных или нет. Такая трансформация происходит за счет осознаваемой волевой регуляции человеческих отношений субъектами социального взаимодействия. В психологических отношениях рефлексированы собственные психические отношения к объекту взаимодействия и потребность в нём. Понимание необходимости в объекте или партнёре может поменять знак первичного психического отношения на жизненно целесообразное психологическое отношение. Это не означает, что партнёр начал нравиться. Это

означает преодоление первичных эмоций в интересах совместного жизнеобеспечения, а значит неизбежную трансформацию человеческих отношений от негативно психических отношений к позитивно психологическим отношениям. Осознанность и произвольность психологических отношений придают им *конативную функцию* в том смысле, что они направляют поведение и деятельность человека в определенное русло в соответствии с его потребностями, интересами и намерениями. Степень удовлетворенности потребностей определяет напряженность психологических отношений, проявляясь в переживаниях и чувствах, адресованных партнёру социального взаимодействия. Это не вполне критическая позиция обусловлена психологическими закономерностями снятия с себя вины. Однако осознание своей вины может продвинуть развитие человеческих отношений в сторону благоприятной психологической атмосферы в диадных конфликтах через покаяние.

Психофизиологические механизмы психической деятельности человека предопределяют его реагирование на внешние воздействия сначала в виде элементарного психического отношения, суть которого заключена в переживании *приятного или неприятного взаимодействия с объектом или партнёром*, и в соответствующих этому переживанию, аффективных реакциях. *Психические отношения* раскрывают притягательность объекта, благоприятно или неблагоприятно воздействующего на органы чувств человека. Они отличаются произвольностью реагирования субъекта на свойства отражаемого объекта. Они сопровождают любой акт психической деятельности человека на конкретно-чувственном уровне отражения, предопределяя его эмоциональный колорит и проявляясь в чувственном тоне и настроении, а также в аффектах и других психических состояниях. Они регулируют взаимодействие с объектом, проявляясь в стремлении к нему или в избегании его. Осмысленно они определяются положительным, отрицательным и безразличным отношением. При этом ещё В.Н.Мясищев отмечал, что безразличное отношение заряжено отрицательной эмоцией. [100]. Следовательно, в человеческих отношениях по законам психического отражения не бывает нейтральных позиций, а есть склонность по возможности камуфлировать их на когнитивном уровне понятиями о безразличии и толерантности. Однако психические отношения функционируют только в дихотомическом диапазоне амбивалентной эмоциональной реакции.

Осознание своего психического отношения к объекту за счет когнитивных компонентов психического отражения преобразует элементарное аффективное реагирование в *чувства* партнеров. Тем самым психические отношения трансформируются в *психологические* отношения, на уровне которых первичная аффективная реакция может быть заблокирована или изменена на противоположное по валентности чувство. Эта очень важная способность человека, увеличивающая потенциал его адаптации в социальном взаимодействии.

Если психологические отношения человека, как считал Мясищев [100], в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных,

избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной реальности, то в них, безусловно, присутствует опыт социального взаимодействия партнёров. Поэтому в психологических отношениях не только рефлектируются собственные психические отношения к объекту и нужды в нём, но и апперцепция социального взаимодействия, которая может примирить, например, амбивалентный стресс уважения к врагу или, наоборот, сделать непримиримой зависть к сотрудникам, друзьям и даже супругу. Такая трансформация человеческих отношений трудно предсказуема и чрезвычайно сложна для объяснения простыми корреляциями.

Сознательность и произвольность психологических отношений опирается на когнитивные и конативные функции психической деятельности человека. Благодаря когнитивным процессам происходит анализ значимости приятного - неприятного объекта, что и будет предопределять наше психологическое отношение при выборе или отвержении данного объекта. Сама же значимость и последующий выбор объекта согласуется с мотивационными компонентами психической организации человека, что обеспечивает субъекту психологическую готовность к поступку той или иной направленности. Однако для полноценной адаптации в социальной среде этого недостаточно. Поэтому благодаря подключению группового потенциала в социальном взаимодействии психические и психологические отношения усложняются и трансформируются в социально-психологические и социальные отношения.

Социально-психологические и социальные отношения проистекают из общения людей и их совместной жизнедеятельности в сообществах. Они возникают в результате преобразования (трансформации) психических и психологических отношений в процессах социального взаимодействия людей друг с другом. Человек как особый партнёр социального взаимодействия по своим реакциям и волевому проявлению равновелик субъекту социального взаимодействия. В результате возникает *субъект - субъектное взаимодействие*, которое порождает *групповые эффекты* как результат *взаимных усилий и вкладов* в совместно создаваемые условия общественной жизнедеятельности в виде социальных и социально-психологических отношений. Эти отношения предопределяются двусторонней зависимостью от партнёров, что порождает необходимость *согласования* индивидуальных психических реакций и психологического отношения обоих субъектов социального взаимодействия. Согласование требует *диалогового общения* для установления приемлемых отношений в совместной жизнедеятельности. В этом процессе происходит поиск баланса личных отношений партнёров через трансформацию психических и психологических отношений в некоторые условия, необходимые для успешной совместной деятельности.

Трансформация психических и психологических отношений в социально-психологические и социальные отношения происходит через *оценочную (аксеологическую)* деятельность субъектов социального взаимодействия. Через конвергенцию взаимных оценок происходит *координация* индивидуальных позиций в системе *социальных отношений*. Это, в свою очередь, приводит к возникновению особых *взаимоотношений* в групповой деятельности людей и

организационных отношений в общественной практике совместной жизнедеятельности. Взаимоотношения предполагают *непосредственное общение* участников совместной деятельности, в то время как организационные отношения реализуются через *опосредствующие инструменты* социального взаимодействия – *нормы, правила, законы и другие социально-психологические инструменты, регламентирующие* совместную жизнедеятельность людей. Эти регуляторы человеческих отношений представляю собой когнитивный концентрат эмотивных тенденций отдельных людей, групп и социальных слоёв общества.

Оценка вынуждено связывает субъективные психические и психологические отношения с внешними критериями, заключенными в общественных эталонах социально-психологических и социальных отношений. Через согласование оценок происходит преобразование индивидуальных эмоций в социальные чувства. Этот процесс предполагает коррекцию личного отношения субъектов в соответствии с *эстетическими эталонами, этическими нормами и правовыми ограничениями*. Оценочные отношения как социально-психологический феномен проявляются в «одобрении-неодобрении» партнерами друг друга.

Координация индивидуальных позиций в социальном взаимодействии происходит с использованием *регуляционного потенциала* психической организации человека. В социальном взаимодействии этот потенциал используется для распределения функций в совместной деятельности и вместе с тем прав и обязанностей между участниками всех видов человеческой деятельности. Эта функция через организационно-управленческую деятельность задаёт нормативы межличностного и общественного поведения в совместной жизнедеятельности людей, а также регламентирует социально-психологические и социальные отношения.

Социально-психологические отношения – это, прежде всего, отношения человека с человеком, суть которых в том, что они всегда *взаимоотношения*, то есть результат взаимных усилий партнеров по совместной деятельности и общению. Принципиально новое качество социально-психологических отношений состоит в том, что они всегда продукт *взаимодействия, взаимосвязи, взаимоустремления, взаимовлияния, взаимопознания, взаимовыражения, взаимоотношения*. Это «взаимо» интегрируется в *групповые эффекты* сотрудничества-соперничества, дружбы-вражды, любви-ненависти, добра-зла, лидерства-конформизма, независимости-подчинения, ответственности-безответственности, свободы-необходимости и многие другие. Разумеется, что каждый из участников взаимодействия вносит свой вклад в групповые эффекты взаимоотношений. Однако групповой эффект не простая сумма вкладов, а нечто третье, преобразованное из психических и психологических отношений, полюс которых меняется по смыслу целей и задач совместной деятельности субъектов взаимодействия. В социально-психологических отношениях начинает проявляться *личностная определенность* субъекта, которая раскрывается в *личных и межличностных отношениях*.

Социальные отношения – это система общественно нормированных отношений. Они представляют собой конструкт общественного сознания, в котором содержатся одобряемые и не одобряемые предписания о том, как себя вести в тех или иных жизненных ситуациях. Этот конструкт освещён общечеловеческим опытом и представлен в исторических сводах «правильной жизни». К ним относятся табу, тора, библия, евангелия, каран, конституция и тому подобные уложения как регуляторы человеческих отношений. В них закрепляется общественная заинтересованность в нравственной целостности личности и общества.

Социальные отношения проявляют свою сущность в «общественных отношениях», на координацию которых они направлены. В этом проявляется регуляционная функция социальных отношений. Механизмы социальных отношений заключены в динамике субъективных представлений многих поколений людей о правилах совместной жизнедеятельности. Они на когнитивном уровне презентуют непреходящие ценности для жизни любого человека и общества. Однако реальная практика ситуационного взаимодействия людей регулируется еще и «страстями», в которых заключены личные мотивы, интересы и намерения, вступающие в противоречие с другими личными побуждениями. В этом случае «непреходящие ценности» не выдерживают напора «страстей», которыми живет каждый человек в своей частной жизни.

Итак, гносеологический конструкт человеческих отношений представлен в понятиях «психические», «психологические», «социально-психологические», «социальные» отношения. Через эти понятия исследуются «механизмы» индивидуальной, групповой и общественной деятельности человека как субъекта социального взаимодействия. Эти «механизмы» являются прирожденной данностью психической организации человека, и в этом смысле содержат в себе естественные законы, по которым живет человек. Эти законы являются вечными и неизменными и психологическими по своей сущности. Они включаются во все формы социального взаимодействия, определяя их психологическое содержание. Изучение этих отношений предполагает каузальный план научных исследований, объясняющий внутреннюю динамику психической деятельности на разных уровнях социального взаимодействия.

Онтологический конструкт человеческих отношений раскрывается в понятиях «личные», «межличностные», «групповые», «общественные» отношения. Эти отношения различаются по субъектам социального взаимодействия и их функциональной направленности. Например, детско-родительские отношения (определение их по субъектам), или деловые отношения (определение по функциональному принципу). Эти понятия служат задачам феноменологического описания человеческих отношений, которые проявляет человек как личность в качестве конкретного носителя этих отношений в межличностном, групповом и общественном взаимодействии. В этом случае научное познание человеческих отношений происходит по описательному плану. При этом необходимо иметь в виду, что все

гносеологические механизмы действуют в любой онтологической форме человеческих отношений.

Все человеческие отношения детерминированы общественно-трудовой деятельностью людей, укладом и образом жизни, способами ее организации, реальными предметно-практическими и информационно-коммуникативными средствами совместной деятельности по производству и потреблению материальных и духовных ценностей. Все это программирует человеческие отношения в социальном контексте взаимодействия людей на уровне глобальных макроструктурных процессов жизни общества.

В них происходит трансформация человеческих отношений в различные виды общественных отношений: производственные, экономические, правовые, нравственные, политические, религиозные, этнические, эстетические и другие. В системе этих понятий раскрывается общественное содержание человеческих отношений как личных и межличностных, групповых и общественных.

Отношения человека, проявляемые им в поведении и в общественно-трудовой деятельности, становятся реальными (объективными) условиями существования людей. «... Личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как независимая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения» [94]. Эта мысль указывает на путь диалектического перевоплощения сущности субъективного содержания человеческих отношений в объективное существование. *Общение* в этом процессе играет роль механизма трансформации человеческих отношений.

Личные и межличностные отношения. Эти понятия указывают на личность как субъекта и «носителя» человеческих отношений. Личность проявляет эти отношения в своих поступках, поведении (невербальном и вербальном), деятельности и предметных действиях. В этих формах происходит произвольное выражение личного отношения. В то же время человек может выразить свое личное отношение в оценочных высказываниях о любом объекте социального взаимодействия. Высказывание всегда адресуются другому человеку, и поэтому приобретают особенности межличностных отношений. Разделить личные и межличностные отношения в реальном взаимодействии людей довольно сложно. Однако они по-разному проявляются в условиях *дидного и триадного* взаимодействия.

В условиях дидного взаимодействия личные и межличностные отношения в большей мере подчинены *психическим и психологическим* законам общения. В диаде человек в большей мере стремится выразить себя, и достичь понимания со стороны партнера. В диаде партнеры надеются на особое расположение друг к другу. Это расположение подкрепляется повышенным доверием. В ответ каждый из партнеров надеется на уважительное отношение к себе со стороны партнера. В личных отношениях, с одной стороны, заключены результаты эмоционально-чувственного впечатления от объекта взаимодействия на уровне психического отношения, с другой стороны, в них представлена рефлексия социальной значимости партнера на уровне психологического отношения. Это приводит к парадоксальной ситуации в межличностных отношениях, которая

заключается в противоречивости личного отношения к партнеру, что проявляется в одновременном неприятии и принятии его. Например, как объект, данный в ощущениях, он вызывает отвращений в личном отношении к нему, а как партнер по совместной деятельности, он представляет собой социально значимую ценность, что часто доминирует в межличностных отношениях. В таких случаях личная неприязнь камуфлируется в межличностных отношениях этическими нормами поведения. Личные отношения не обязательно выливаются в форму группового эффекта и продолжают существовать как однонаправленные, порожденные субъективными чувствами человека. Они могут не совпадать по положительности-отрицательности со сложившимися взаимоотношениями, оставаясь латентными в процессах совместной жизнедеятельности. В этом случае межличностные отношения чреватые психологическим напряжением и время от времени прорывающимися конфликтами. Поэтому идеальный случай гармонии личных отношений возникает при совпадении валентностей психических и психологических отношений.

В условиях триадного взаимодействия личные и межличностные отношения в большей мере подчинены *психологическим и социально-психологическим* законам общения. В триаде личные отношения подвергаются *социальному контролю* со стороны третьего члена группового взаимодействия. Личная неприязнь в триаде блокируется не только за счет индивидуальных усилий субъектов взаимодействия, но еще и за счет социально-психологического потенциала группы. Однонаправленные личные отношения уступают по своей значимости межличностным отношениям в виде групповых эффектов, конкретное психологическое содержание которых раскрывается во *взаимоотношениях*.

Взаимоотношения как феномены межличностных отношений в социальных общностях образуют то, что принято в современной социальной психологии называть *социально-психологическим климатом коллектива*. Это – система сложившихся межличностных отношений, порождённых, с одной стороны, психологическими факторами личных отношений, с другой стороны, социальными факторами организационно-правовой системы общественных отношений. В прикладных исследованиях социально-психологического климата чаще изучаются организационные условия совместной деятельности в первичных и вторичных коллективах.

Однако совместная деятельность в них верифицируется в *предметно-практические и ролевые* отношения. Совместная деятельность является источником имплицитно возникающих отношений *сотрудничества-соперничества* в различных формах *соревнования и конкуренции*. В диадах и триадах на неформальном уровне разворачивается неизбежная борьба за роли *ведущих и ведомых* не только как желаемых, но, главным образом, как функционально необходимых. В результате появляются *лидеры* и функциональные *конформисты*.

Повсеместное общение верифицирует межличностные отношения в *коммуникативные и коллективистские* отношения и соответствующие им

психологические качества личности. Коммуникативные отношения проявляются как *имплицитная общительность и привлекательность* партнёров, а коллективистские отношения в межличностном взаимодействии трансформируются в отношения *дружбы-вражды*.

Психическое отражение в формах восприятия людьми друг друга является источником *когнитивных, эмоциональных и волевых* отношений. Когнитивные процессы в межличностном общении порождают феномены *понимания-непонимания* людьми друг друга. Эмоциональное отражение человека человеком трансформируется в чувства *симпатии-антипатии* и отношения *любви-ненависти*. Волевые процессы в межличностных отношениях приводят к отношениям *доминирования-подчинения*.

Социальные отношения порождают *правовые, моральные и нравственные* отношения. Правовые отношения в межличностном взаимодействии верифицируются в отношения *ответственности-свободы*. Моральные отношения как межличностные отношения проявляются в *добрых* или *злых* поступках партнёров социального взаимодействия. Нравственные отношения проявляются в понятиях о *справедливости* как идеале человеческих отношений.

Межличностные отношения обязаны своим происхождением групповым и общественным формам совместной жизнедеятельности людей. Они являются собой синтез общественного и личного в социальном взаимодействии людей.

Групповые и общественные отношения – это отчужденный от конкретного человека опыт социального взаимодействия людей. Этот опыт представлен в различных формах совместной групповой деятельности и взаимодействия больших и малых групп друг с другом. Группы и общности людей – это особые субъекты социального взаимодействия, которые могут сосуществовать на основе *массового воспроизводства* жизней своих членов. В результате появляются *социально-психологические границы* «своих» общностей, которые нуждаются в жизненном пространстве и в организации этого пространства и совместной жизнедеятельности на занятых территориях.

Социально-психологические границы «своих» и «чужих» общностей устанавливаются в первую очередь по *психологическим различиям*, которые формируются в каждой общности *стихийно и бессознательно*, но под влиянием специфических условий совместного бытия в ареалах жизненного пространства. Путеводной нитью формирования и трансформации специфической психологии общностей является необходимость *адаптации* «своих» *человеческих отношений* к своеобразным *природным условиям жизни* и к *предметным (цивилизованным) условиям* жизнедеятельности. В связи с этим речь может идти о географическом детерминизме организации социального взаимодействия народов, населяющих те или иные природно-климатические зоны Земли. Этот принцип вытекает из концепции Л.Н.Гумилёва о происхождении этносов, различия которых вытекают из их образа жизни, необходимого для адаптации к специфическим условиям бытия. [47]. Образ жизни народов формируется постепенно по не вполне осознаваемому отбору наиболее эффективных способов предметно-практического взаимодействия с

условиями природы в целях воспроизводства и сохранения народа как социально-психологической общности.

Динамика социальной адаптации *«коллективного бессознательного»* к новым условиям общественного взаимодействия затруднена *естественными различиями* между *групповыми и общественными отношениями*. Группа активно сопротивляется общественным воздействиям, если видит угрозу для сохранения своей целостности. Группа принимает только те факторы общественного влияния, которые сберегают социально-психологическую общность, и содействуют развитию именно её потенциала. В групповой общности человек ощущает непосредственную опору и защиту своих личных интересов. Поэтому любая группа отчаянно сопротивляется разлагающим её общность процессам. Это сопротивление равно борьбе за жизнь.

Групповые и общественные отношения представляют собой *нормы* коллективного и общественного бытия. Это – *«нормы-отношения»*, которые устанавливаются конвенциально по общему негласному и гласному согласию. *«Нормы-отношения»* в общественной практике социального взаимодействия обрстают социально-психологическим содержанием. В первичных группах и больших общностях это содержание представлено в *образе жизни, в обрядах и ритуалах, в праздниках и фольклоре, в культуре общения, в религиозной вере, в языке*. Все это составляет основы коллективной психологии, которая укореняется в личности от рождения как *традиция* бессознательно следовать тысячелетиями сложившимся *«нормам-отношениям»*.

Если для отдельно взятого человека можно изменить содержание *«норм-отношений»*, переселив его от рождения в другую общность, то для реально существующих социально-психологических общностей сделать это практически невозможно, так как в них сохраняется традиция жить по законам предков. В первичных группах, и особенно в семьях, родах, племенах и в современных этнических общностях бессознательно воспроизводятся *наиболее адаптивные для них «нормы-отношения»*, прошедшие отбор в исторической многовековой практике социального взаимодействия. Если новорожденный еще чист от влияния *традиций*, то социальная общность является их хранителем и продолжателем. *Группа всегда наследует традицию предков по законам социально-психологического подражания и проекции*. Эти законы составляют психологическую ткань непосредственного общения людей в группах.

В групповой совместной жизнедеятельности, приобретающей черты *общинного сосуществования*, происходит *функциональное разделение обязанностей и прав*, которые закрепляются как *«нормы-отношения»*, регламентирующие деятельность членов группы, общностей и общества. Эти *«нормы-отношения»* определяют *права личности на труд и его продукты, на пользование средствами производства, материальными благами и другими ценностями, находящимися поначалу в общественном фонде потребления*. Но потом они переходят в частное пользование и закрепляются в виде частной собственности благодаря социальным механизмам статусного присвоения.

Статусное присвоение материальных средств жизни становится основным способом перераспределения общественного продукта производственной деятельности по мере роста численности общин с необозримыми границами членства. При полигамных отношениях в первобытной общине право распоряжения общественным фондом потребления находилось у женщин-матерей. При возникновении моногамной семьи это право перешло к мужьям-отцам, которые приобрели статус «кормильца». Семейная дифференциация внутри общины привела к возникновению частной собственности, так как семья становится самостоятельным субъектом своей трудовой и экономической деятельности. Излишки от производственной деятельности становятся предметом торгового обмена. Их появление стимулировало развитие экономических отношений.

В результате производственной деятельности малых и больших общественных групп возникают *общественные отношения*, содержание которых связано с *правами, производством, экономикой, властью, нравственными, моральными и эстетическими нормами*. Духовная деятельность породила *религию, образование, искусство, науку*. Продукты материальной и духовной деятельности человека, поступая в оборот совместной жизнедеятельности людей, становятся объективированными ценностями человеческих отношений. В этом процессе они часто покидают принадлежность к своему творцу и становятся общественным достоянием, продолжая независимое существование от своего создателя. Именно материальные и духовные ценности опосредствуют человеческие отношения, создавая их макроструктурный слой в виде общественных отношений.

Общественные отношения – это *дифференцированные права на исполнение социальных и трудовых функций субъектами социального взаимодействия в производственной, образовательной, финансовой, торговой, политической, религиозной, научной, спортивной, релаксационной деятельности и в искусстве*. Общественные отношения представляют собой внешне заданный конструкт человеческих отношений, выполняющий функцию социального ориентирования субъектов совместной жизнедеятельности. Складывается этот конструкт в результате эволюционной ассимиляции опыта персонального, группового и общественного взаимодействия.

Таким образом, социальное взаимодействие становится источником всевозможных человеческих отношений. Функционирование и преобразование человеческих отношений происходит в стихийно возникающих процессах общения. Поэтому общению следует уделять первостепенное внимание в современных концепциях социального взаимодействия людей и человеческих отношений как главного содержательного контекста и ценностей бытия в историческом пространстве жизнедеятельности народов и обществ.

3.1.6. Проявление психологии человека и человеческих отношений в общении.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ОБЩЕНИЯ

В научных исследованиях психологии общения проблема предметного содержания до сих пор не вполне проясняется. Большинство современных исследований, относимых к психологии общения, таковыми не являются, так как не касаются собственного *психологического* содержания общения. В лучшем случае общение рассматривается как фактор какого-либо психического явления или совместной деятельности.

Это происходит из-за сложностей сканирования *процесса* общения как *целостного* явления в экспериментальной процедуре. Часто содержательные аспекты общения в исследовании подменяются изучением *средств* коммуникации и *форм* передачи информации. Они имеют отношение к *общению*, но не обязательно связаны с его психологическим содержанием.

В результате вместо психологического содержания общения, заключённого в явлениях *согласования взаимодействия, обмена представлениями, чувствами, мыслями, намерениями и интересами, взаимопрезентации, взаимовлияния, взаимоотношений*, изучаются процессы, состояния и свойства *психической организации* человека, только в условиях присутствия других людей.

На самом деле процесс общения протекает *между партнёрами* и существует как нечто *совместное*, благодаря *взаимодействию* партнёров. Общение – это процесс *особой совместной деятельности*, в основе которой находится *социально-психологическая процедура взаимодействия*. В этой процедуре и заключено психологическое содержание общения.

Психологическое содержание присутствует во всех формах общения, но не всегда в них удаётся его вычленить в соответствие с теми психологическими явлениями, которые могут быть порождены только общением. О каких таких психологических явлениях может идти речь? В чём их специфика? В каком виде они присутствуют в самом процессе общения?

Для ответа на эти вопросы необходимо разобрать структуру общения в виде конструкта этого процесса, определив его *материальные, виртуальные и идеальные компоненты* как *психологической реальности*.

Если исходить из того, что в процессах общения партнеры являются *соавторами* многочисленных *социально-психологических* феноменов совместной жизнедеятельности людей, то следует признать общение *разновидностью какой-то особой человеческой деятельности*. Специфика её в том, что в процессе общения возникают особые «продукты» партнёрского взаимодействия – это многочисленные *групповые эффекты*, как результат *взаимных* усилий, предполагающих реализацию индивидуальных интенций за счёт соединения субъектных возможностей партнёров в новых социально-психологических условиях, созданных ими самими.

Такая деятельность изначально является *социально-психологической*, совершаемая с целью *согласования взаимодействия* в совместной жизнедеятельности людей для достижения общезначимых целей. В условиях групповой конгломерации и общественной консолидации эта деятельность является *психологическим механизмом организационно-управленческой, идеологической и воспитательной работы*. Она имплицитно присутствует во всех процессах социального взаимодействия людей. Общение обслуживает эти

процессы в качестве их *психологического регулятора* внутри некоторых условий *социального взаимодействия*.

Итак, *общение* – это *социально-психологическая деятельность-взаимодействие*, совершаемая людьми в процессах *совместной жизнедеятельности*. Оно имплицитно включается во все формы совместной деятельности людей как *психологический регулятор* их социального бытия.

Категория «взаимодействия» указывает на «коллективность» процесса общения, что предполагает *соучастие* субъектов общения, и их *взаимную ответственность* за результаты этого процесса. *Совместность, сопричастность, сотворчество* – это обязательные компоненты общения, даже тогда, когда нет *психологической совместимости*. Это – внутренние психологические компоненты общения, заключённые в оболочку частных случаев совместной жизнедеятельности. На основе этой парадигмы можно проникнуть в специфику психологического содержания общения как целостного процесса. Эта категория определяет общение как *психологическую деятельность*.

Общение как социально-психологическое взаимодействие людей включает ряд психологических процессов: *восприятие внешнего облика партнера, его психологическую интерпретацию, выбор партнера, установление контакта, презентацию себя, сообщение, обсуждение и согласование, воздействие, формирование взаимоотношений*. Рассмотрим их по отдельности.

Восприятие внешнего облика партнеров общения. Этот процесс подчинен общепсихологическим закономерностям восприятия физических объектов. Однако человек распознается лучше в сравнении с предметами. В процессе общения наиболее информативным признаком об индивидуальных особенностях человека является *экспрессия*. Она содержит в себе информацию о *психических состояниях* партнера, его *настроении, волевой концентрации, общительности-замкнутости, нравственно-психологических* качествах личности. Существенную роль в этом процессе играет *эстетика* внешнего облика, располагая или отталкивая потенциальных партнеров общения. В результате между партнёрами возникают *отношения «приятия-неприятия»*, проявляющиеся в эмоционально-эстетическом реагировании друг на друга. Эти отношения запускают процесс общения в направлениях или сближения, или разрыва. Они мотивируют как ослабление, так и упрочение контактов реальных субъектов общения.

Психологическая интерпретация партнеров общения. Это – процесс *психологического познания качественного потенциала* партнеров, их *возможностей* отвечать запросам и ожиданиям друг друга. Он совершается как «психологическое толкование» элементов-признаков внешнего облика и других объективированных данных о партнерах под углом зрения практических интересов. В результате возникают *психологические портреты* партнеров, в которых встречаются определения его *групповой и профессиональной принадлежности, способностей и способов деятельности, мотивов и устремлений* партнеров, их *эмоционального и волевого настроя, индивидуальных особенностей* и *ожидаемых отношений*. На этом этапе

познания отношение к личностным достоинствам человека может пересилить первичное отношение к его внешности и поменять свой знак.

Выбор партнера. Он происходит по критериям *физической, психологической, деловой, социальной привлекательности* партнера. Эти критерии включены в процессы восприятия и интерпретации внешнего облика человека. Восприятие *физических свойств тела* порождает *эмоционально-эстетическое отношение* к партнеру, которое трансформируется в *приятие-неприятие* его в ролях *субъекта совместной деятельности и общения*. Критериями *психологической привлекательности* являются *психологические качества* партнера, которыми он обладает или которые ему приписываются в процессе интерпретации свойств его личности. Психологическая интерпретация приводит к более устойчивым отношениям *симпатии-антипатии, любви-ненависти*. Критерии *деловой привлекательности* заключены в *профессионально важных качествах партнера как субъекта совместной деятельности*. Эти качества определяются по результатам деятельности и мнению экспертных и референтных групп, а также по экспрессивным компонентам внешнего облика (например, «серьезное лицо»). Критерии *социальной привлекательности* заключены в *статусе и ролевых свойствах личности*, которые определяются по атрибутике внешнего облика (одежде, оформлению, экспрессии), а также известному социальному положению. Доминирование того или иного вида привлекательности предопределяется *целями и задачами социального взаимодействия* в совместной жизнедеятельности людей в каждой конкретной ситуации. Любая из привлекательностей задает тон положительных взаимоотношений, которые становятся факторами успешности социального взаимодействия.

Установление контактов обеспечивает *взаимосвязь и обратную связь партнеров* в качестве обязательных условий общения. *Контакт* возникает посредством *обращения* одного человека к другому. Он зиждется на *потребности в другом* как партнере по совместной деятельности, а *обратная связь* на *заинтересованности другого во взаимодействии* с инициатором общения. Иногда это делается из *одолжения*, продиктованного моральными нормами или *нравственной традицией* оказывать друг другу помощь. Для установления контакта нужно обратить внимание на себя, а для поддержания обратной связи необходимо быть полезным и привлекательным для своего партнера. Это происходит под влиянием общественной установки, что «все люди – братья», а на индивидуальном уровне по психологическим законам идентификации партнёров друг с другом. Здесь коммуникативная функция общения превращается в инструмент образования общности под знаком «Мы».

Презентация себя. Задача презентации себя другим заключается в возбуждении интереса к себе как партнеру и в формировании у него чувства идентичности себя с ним. В этом процессе демонстрируются свойства личности, в которых может быть заинтересован партнер, а также предъявляются знаки идентичности с ним. Я такой же, как ты. Это обстоятельство становится источником манипуляторского общения и основанием для имиджмейкерской практики. Объектная заинтересованность

партнеров друг в друге в этом процессе становится условием *субъект - субъектного единства*. Презентация – это своеобразный способ завоевания *симпатии*. Отношения «симпатии-антипатии» являются мощным фактором социальной успешности человека в социальном взаимодействии.

Сообщение. В сообщении заключено некоторое смысловое содержание. Оно представлено в виде устных и письменных текстов. При сообщении отправители (корреспонденты) имеют адресатов (респондентов), которых связывают каналы информационной коммуникации. В этом заключена информационная функция общения. *Послание* можно считать «сообщением», когда оно достигло адресата. Главная психологическая проблема сообщения заключена в *понимании его смысла*. Это проблема расхождения *знака и значения*, источником которого может быть когнитивный диссонанс, эмотивная амбивалентность, конативная рассогласованность, креативная эвристичность. Посредством сообщений субъекты общения стремятся прояснить меру *понимания-непонимания* между собой. В сообщениях отдается предпочтение когнитивным и аксеологическим аспектам общения, хотя в общении преобладает эмотивное содержание психологической деятельности.

Обсуждение. Это - процесс *обмена мнениями*. В процессе обсуждения в форме *высказываний* проясняются «точки зрения» на проблемы совместной деятельности людей. Для обсуждения характерны *вопросы и ответы, дискуссия, монологи и диалоги*. В результате обсуждения может произойти как *консолидация* партнеров, так и их *разобщение*. Обсуждения протекают в виде *совещаний, семинаров, конференций* и других собраний. Психологическая интрига обсуждений разворачивается по линии *отношения «согласия-разногласия»*. В итоге проясняются *намерения, интересы, позиции, принципы, условия, правила, способы взаимодействия* сторон. В итоге происходит *заключение договора* о совместной деятельности. *Договор* предопределяет *взаимные права и обязанности, степени свобод и ответственности* партнеров друг перед другом. Центральным отношением в предмете договора является «ответственность-безответственность» партнеров друг перед другом и приоритет сторон. В процессе обсуждения разворачивается сложная «психологическая игра», в которой задействованы многообразные средства и способы воздействия, включая принуждение.

Воздействие может осуществляться естественным образом посредством *психологического взаимовлияния* (внушения, убеждения, подражания, группового давления). В социальном взаимодействии это может происходить с помощью инструментов общественной власти (закона, принуждения, насилия), а также денег, социального положения, личного авторитета. В результате партнёры вовлекаются в совместную деятельность, превращаясь в *сотрудников и союзников*, либо в *соперников и врагов*. В этом процессе проявляются отношения «доминирования-подчинения», «лидерства-конформизма», «свободы-зависимости», «ведущего-ведомого» и подобные им. В результате активно проявляются многообразные человеческие отношения между общающимися субъектами. В то же время реализуется регуляторная функция общения, которая трансформируется в управленческую деятельность.

Формирование взаимоотношений. Взаимоотношения возникают в результате трансформации эмоционального реагирования партнеров друг на друга в межличностные отношения. Эмоциональное реагирование в процессе общения трансформируется в психические, психологические и социально-психологические отношения. Эмоциональное реагирование на психическом уровне интеграции трансформируется в отношения «приятия-неприятия» на основании того, что партнеры *нравятся или не нравятся* друг другу; на психологическом уровне эмоциональное отношение блокируется *оценочным отношением* друг к другу по критериям *взаимной значимости*, и поэтому они могут преодолеть отрицательные эмоции и перестроить негативное отношение в позитивное отношение. Если *психические отношения* детерминированы, породившей их эмоцией, то *психологические отношения* – прагматической целесообразностью, чувством долга и моралью. Психологические отношения – это результат *переживания* психических отношений в контексте перспектив социального взаимодействия с партнёрами. Психические и психологические отношения остаются достоянием субъекта (личности) до тех пор, пока они не включены в реальное взаимодействие общающихся людей. Процесс общения неизбежно трансформирует личные отношения в межличностные отношения по форме и социально-психологические по содержанию. Если психологические отношения – всегда результат индивидуально-личностного отражения своих связей с партнером, то социально-психологические отношения – всегда продукт взаимных усилий обоих субъектов социального взаимодействия. В социально-психологических отношениях односторонность личных чувств, преобразуется в амбивалентные *взаимоотношения*, где происходит *парадоксальный синтез* эмотивных и когнитивных процессов психической деятельности человека, приводя к примирению или напряжению внутренних чувств субъектов общения. Во взаимоотношениях заключен результат всех процессов, составляющих социально-психологическое содержание общения.

Категория «деятельности» позволяет рассмотреть конструкт общения по *целям, средствам, способам и «продуктам» (социально-психологическим результатам)*. Она предполагает макроструктурное описание общения людей как совместной деятельности, направленной на трансформацию индивидуальных усилий в коллективный труд и другие формы совместной человеческой жизнедеятельности. Она позволяет представить психологическую реальность в формах, доступных для познания, обсуждения и практического оперирования. По целям – это координационно-психологическая деятельность. По средствам – это информационно-коммуникативная деятельность. По способам – это социально-психологическая деятельность. По результатам – это взаимоотношения людей.

Координационно-психологическая деятельность. Посредством общения происходит *координация* индивидуальных вкладов в единый продукт совместной деятельности и её оперативная *регуляция*. В общественной практике из этой функции общения возникает *организационная и управленческая* деятельность. Цель этой деятельности в *согласовании* индивидуальных позиций, и выработка единой и взаимоприемлемой основы

для совместной жизнедеятельности. Эта прагматическая цель предполагает решения множества задач совместной деятельности, среди которых в качестве сугубо психологических является *согласование мотиваций* участников социального взаимодействия.

Мотивация связана с глубинами человеческой психологии. Она замкнута во внутренних планах индивидуального сознания, и представляет собой таинственный мир субъективной реальности, образующей идеальное пространство психологического бытия человека. Одна из задач общения состоит в том, чтобы обнаружить содержание этой идеальной реальности, и сделать её доступной для анализа и регуляции. Для этого нужно прибегнуть к диалогу партнёров и объективировать их идеальную реальность в формах её выражения, которыми чаще всего являются *высказывания* субъектов социального взаимодействия.

В высказываниях происходит объективация идеальной реальности в форме *намерений, планов, позиций, убеждений, взглядов, концепций и тому подобных представлений* о том, как должны взаимодействовать участники совместной деятельности, и что они должны делать для достижения прагматических целей жизни. По сути, происходит перевод идеального содержания психической деятельности субъектов в *тексты* друг для друга. «Идеальная реальность» как вещь в себе через тексты перевоплощается в «виртуальную реальность» для других. Сначала тексты существуют устно, а затем могут быть закреплены в письменной форме, позволяющей отчуждать их от авторов и помещать в общедоступном информационном пространстве.

Представления о должностовании для участников социального взаимодействия выполняют функцию руководства к *действиям, поступкам, поведению и деятельности*. В них «виртуальная реальность» трансформируется в материализованные формы психологической реальности. В результате происходит объективация психологического содержания, доступного для внешнего эмпирического наблюдения и научного познания. Это приводит к возникновению «материальной реальности», воплотившей в себе психологическое содержание. Материальная реальность наполнена *формами проявления* психологических качеств субъектов совместной деятельности.

Через общение *проясняются* индивидуальные позиции и интересы партнёров, происходит их *согласование, прояснение общих целей и путей их достижения*. Результатом этого процесса является *договор* между участниками социального взаимодействия. В этом процессе приходится преодолевать противоречия между отношениями партнеров и прагматическими задачами их совместной деятельности. В актах *преодоления разногласий и других различий* между партнёрами заключено *психологическое содержание общения*. Эти акты осуществляются с помощью информационной коммуникации и способов воздействия друг на друга.

Информационно-коммуникативная деятельность является *формой материализации* процесса общения, представленной прирожденными и изобретенными *средствами связи и передачи* опыта как *знаний* от человека к человеку, от одной общности к другой, от поколения к поколению.

Инструментарий этого процесса составляют *предметные, экспрессивные, речевые и технические средства информационной коммуникации*.

В этом процессе люди *обмениваются своими представлениями* о мире вещей, людей и себе. Эти представления транслируются по информационным каналам общественной и индивидуальной связи в форме *сообщений*. Сообщения заключают в себе психологическое содержание в виде различных высказываний. Они образуют информационное пространство *виртуальной реальности*, которая в знаково-языковой форме воспроизводит психологическое содержание индивидуальных и общественных представлений о человеческих отношениях и мире, в котором мы живём.

Виртуальная реальность наиболее приближена по своему содержанию к *идеальной реальности* индивидуального и общественного сознания. *Идеальные образы должного* формируются в процессе информационного обмена индивидуумов, превращаясь в «акцепторы» действий, поведения и деятельности. Через них психологическое содержание идеальной реальности трансформируется в виртуальном пространстве сообщений, выполняющих проектную функцию материальной деятельности и реальности.

Информационная коммуникация *формирует чувство единства-различия* между людьми в *духовном пространстве виртуальной реальности*, создавая социально-психологические предпосылки для закрепления различных форм общности (общины, семьи, фамилии, рода, этноса, племени, народа, государства, нации и других объединений людей).

Социально-психологическая дистанция людей в общностях определяется понятиями «*свой - чужой*». Через информационную коммуникацию транслируются и воспроизводятся *понятийные конструкты* единичных, особенных и общих признаков различных общностей людей. С помощью информационной коммуникации люди *устанавливают контакты, передают сообщения, определяют духовную общность или различие, объединяются в группы*.

Социально-психологическим результатом этого взаимодействия являются феномены *понимания-непонимания и приятия-неприятя*. В них проявляются когнитивные различия, детерминированные спецификой общинного образа жизни, заключенной в человеческих отношениях и способах восприятия внешнего мира, других и себя, которые оформляются и закрепляются в традициях, обычаях, ритуалах, искусстве, языке, речи и в других средствах и продуктах общения людей.

Виртуальная реальность, возникшая из информационно-коммуникативных функций общения, становится *выразителем* духовной деятельности индивидуумов, основанной на индивидуальных *переживаниях* своего бытия в современном человеку мире природы, вещей и людей. Она становится самой доступной формой общественной реализации человеческого «Я».

Однако без обратной связи в информационном пространстве общение может оставаться односторонним и не приносить человеку целостного и адекватного представления о своём «Я». Его деятельность и вполне искренние

усилия остаются без необходимого отклика в жизнедеятельности других людей, если нет полноценного социально-психологического взаимодействия.

Социально-психологическая деятельность наполнена *способами взаимосвязи, взаимовлияния, обмена, согласования, идентификации партнёров.*

Способы взаимосвязи предполагают приемы по установлению, поддержанию и разрыву *контактов.* Условием *общения* является наличие *обратной связи,* обеспечивающей возможность *влияния, обмена, согласования и идентификации личности.* *Обратная связь* предполагает *отклик на воздействие,* которое имеет «адресат», и его реакцию. При разрыве обратной связи общение становится невозможным. Взаимосвязи устанавливаются через обращение людей друг к другу в различных формах *обращения: вопросах и ответах, указаниях и просьбах, обсуждениях и других.* Чтобы заработала обратная связь, на обращение должен быть *отклик.* «Обращение-отклик» - это обязательный компонент процесса общения. Он представляет процессуальное единство процесса общения, которое в научно-исследовательской процедуре расщепляется на действия «обращения» и действия «отклика», которые приходится реконструировать для восстановления целостности процесса общения. Психологическое содержание этого компонента общения будет заключено в психологической интерпретации «обращения-отклика». Например, «он спросил» - «она скривила губы». Интерпретация: «она отказала в симпатии, помощи и тому подобных отношениях». В данном случае отклик направлен на разрыв отношений и, как следствие, обратной связи. Другой пример, «народ кричит – власть не слышит». В данном случае обратной связи нет изначально, так как нет никакого отклика.

Способы взаимовлияния предполагают приемы *воздействия* партнеров друг на друга. В социально-психологическом арсенале воздействий находится *эмоциональное заражение, внушение, раздражение, гипноз, убеждение, принуждение, депривация, манипуляции, ущемление прав, бойкот, угрозы и насилие.* Это может происходить в условиях *контакта* субъектов общения. Сам по себе контакт может быть непосредственным и опосредованным. Избегание непосредственных контактов начинается при неблагоприятном развитии отношений между партнёрами. Опосредованные контакты понижают уровень взаимного притяжения до последующего разрыва. В этом случае понижается уровень положительного влияния.

Способы обмена включают приёмы *вербальной, невербальной, предметной, массовой информационной коммуникации.* Это – разные способы *сообщений и их трансляции.* Они имеют место во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Содержание сообщений равновелико содержанию человеческой жизни. Различаются они *языками, стилистикой, культурой.*

Способы согласования складываются из алгоритмов (правил) *обсуждения* проблем совместной жизнедеятельности. Наиболее эффективным способом согласования считается *диалоговый режим обсуждения.* В идеале он возможен при *паритетных взаимоотношениях,* что кажется утопичным в обществе и группах с иерархической организацией.

Способы идентификации «Я» представляют собой психологически сложную *оценочную деятельность себя и других*. Сложность проистекает из безграничного поля критериев оценки, разнонаправленных взглядов друг на друга, честолюбивых устремлений. «Я» как идеальная реальность недоступна для прямого проникновения извне. «Я» раскрывается в процессах общения с людьми через формы объективации внутреннего потенциала личности в экспрессии, высказываниях, поступках, поведении, деятельности и ее продуктах. *Психологическая идентичность «Я»* предполагает достижение человеком *чувства тождественности самому себе*. Это чувство является результатом сложившихся взаимоотношений.

Взаимоотношения – *социально-психологический результат (продукт) общения*. Взаимоотношения проистекают из *взаимно влиятельных воздействий* людей друг на друга и *переживания встречных отношений*. Эти воздействия наполнены *эмотивным* содержанием психологической деятельности, которое включает *эмоциональный отклик, оценки, переживания, состояния, мотивы, чувства и отношения* партнеров. *Взаимоотношения амбивалентны* по знаку. Они внутренне противоречивы, так как воплощают *единство противоположных тенденций* в человеческих отношениях. *Их амбивалентность* является источником *парадоксальности* психологии человека, что создает неопределенность в личных отношениях, готовых всегда поменять свой знак. Взаимоотношения – это групповые эффекты *общения*. Они являются *продуктом* взаимных усилий партнеров. Это – психологическая реальность наших чувств и состояний, которые мы носим в себе как отношение и переживание. Объективация этой реальности происходит в выразительном поведении человека знаково-символическими и языковыми средствами. Взаимоотношения образуют психологическую среду совместной жизнедеятельности людей, которую принято называть «социально-психологическим климатом».

Психологические феномены общения внутренне противоречивы и амбивалентны по чувствам, и поэтому весьма динамичны в биполярных зонах человеческих отношений. Они ассимилируются в психологических качествах личности и проявляются в материализованных формах взаимодействия.

Всё это содержание проявляется в самых разнообразных контекстах жизнедеятельности людей в сообществах и в личных отношениях, предопределяя их успешность и неудачи. Общение в этом случае превращается в весьма существенный фактор влияния на человеческие отношения и результативность совместной деятельности. Как это может происходить?!

Ответы на этот вопрос можно обнаружить через анализ *функций общения*, которые проистекают из процесса общения как особой *социально-психологической деятельности*, порождённой социальным взаимодействием людей и потенциалом психической организации человека. В этом контексте общение является своеобразной формой объективации идеального результата психической деятельности человека. В нём психическая организация человека раскрывается более непосредственно в силу предельной сближенности внутренних и внешних форм существования психического. Именно это удаётся

увидеть при анализе эксплицитных функций психической деятельности человека, раскрывающихся в социальном взаимодействии через общение.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕНИЯ

Прикладная психология XX столетия, изучая человека как субъекта общения, труда и других форм социального взаимодействия, неизбежно открывала новые функциональные отношения психики в мире рукотворных объектов, социального управления и в других сферах совместной жизнедеятельности людей. Это привело к исследованию *эксплицитных функций психики*, возникающих в процессах социального взаимодействия, где общение является способом и психологическим «механизмом» реализации вкладов участников совместной жизнедеятельности. В их числе изучаются *коммуникативные, информационные, когнитивные, эмотивные, конативные, креативные функции*.

Психология труда обратилась к исследованию преобразовательных возможностей человека, и сосредоточилась на *творческом потенциале* субъекта трудовой деятельности. В то же время *креативные функции* психики стали главным предметом для психологии искусств. Педагогическая психология занялась изучением *когнитивных функций*, обеспечивающих успех в учебно-познавательной деятельности человека. Социальная психология обратилась к проблемам эффективности *информационной коммуникации и общения* людей в процессах их социального взаимодействия, то есть к *информационным и коммуникативным функциям* психического потенциала человека. Психоанализ и психологическая терапия неизбежно привели к исследованию *эмотивных и конативных функций* психической деятельности человека, связанных с человеческими отношениями и психологическими побудителями индивидуальной направленности субъектов.

Во всех этих сферах человеческой жизнедеятельности присутствует *общение* – процесс, скрепляющий людей в их совместной деятельности и интегрирующий функции психической деятельности в феноменах человеческих отношений.

Процесс общения трансформирует эксплицитные (внешне выраженные) проявления психической деятельности человека, выступающего в качестве активно действующего субъекта социального взаимодействия. Эта активность проистекает из возможностей человека самому устанавливать свои отношения с внешним миром и парадоксальным образом подчинять этот мир себе или себя этому миру. В процессах общения заметно возрастает детерминирующая роль субъектов социального взаимодействия.

Функции психики через общение трансформируются в психологические, социально-психологические и социальные явления индивидуальной, групповой и общественной психологии, которая ассимилируется в личностной организации человека в виде ролей и психологических качеств.

Трансформация коммуникативных функций психической деятельности в общении

Коммуникативные функции психики направлены в процессах общения на образование *связей* человека с другими людьми и их объединение. Для выполнения этих функций человек обладает естественными органами своей телесной организации, посредством которых он осуществляет *контакт* с миром вещей и людей. К ним относятся органы чувств, рука, речь и выразительные движения (мимика, пантомимика, предметные действия). В контактных действиях органы чувств и рука превращаются в средства коммуникации. Например, зрение превращается в направленный взгляд, движения руки — в жесты, выражающие отношение человека к объектам коммуникации, что является уже психологической деятельностью субъекта.

Психологическая трансформация коммуникативных функций субъекта психической деятельности связана с преобразованием человеком органов телесной организации в орудия *контактно-знаковой* деятельности. Знаковая функция контактных действий в том и состоит, что человек посредством их *выражает* свои намерения взаимодействовать с теми или иными объектами внешнего мира. Если *контактно-знаковая* деятельность направлена на других людей, то за такой коммуникацией следует усматривать потребность в партнерах. В этом случае коммуникативные функции подвергаются социально-психологической трансформации, условием которой является *партнерское* взаимодействие.

Социально-психологическая трансформация коммуникативных функций предполагает непосредственное общение партнеров. Это возможно, если между ними возникает *взаимосвязь*, феномены которой производны от *контактно-знакового* взаимодействия, то есть от наличия *обратной связи* между субъектами совместной жизнедеятельности. Если её нет, то невозможно существование социально-психологических явлений, которые обязаны своим возникновением общению людей. Обратная связь в контексте общения трактуется как ответная реакция одного партнера на *контактно-знаковые* действия другого. Эта реакция может быть представлена в форме вербального и невербального поведения, а также опосредована каким-либо предметным действием в совместной предметно-практической деятельности партнеров.

Обратная связь является *непременным* условием общения и эффективной совместной деятельности людей. Если обратная связь разрушена, то партнеры начинают переживать психологический дискомфорт, вследствие которого появляется неадекватное поведение, разваливающее совместную деятельность, а цели (индивидуальные и общие) становятся труднодостижимыми. Например, если в телефонном разговоре мы плохо слышим своего абонента, то мы невольно начинаем кричать, хотя он нас слышит хорошо. Мы кричим, потому что нам кажется, что и нас не слышат, а мы хотим, чтобы нас всегда слышали, когда мы к кому-либо обращаемся. Эта социально-психологическая закономерность человеческого поведения особенно заметно проявляется в детских садах и школах, где стоит несмолкаемый гвалт детских выкриков из-за того, что никто никого не слушает, но все хотят быть услышанными. Для

педагогике это становится предметом воспитания культуры человеческого общения. Потеря обратной связи учителя с классом приводит учителя в состояние агрессивного раздражения. Первым сигналом нарушения обратной связи с учащимися является непроизвольное повышение голоса учителя. Если это не помогает, то следуют угрозы классу в целом. Если и это не помогает, то агрессия выливается на самого беззащитного или нелюбимого ученика, который определяется учителем как глупый и непослушный. В самом этом слове заключено обвинение в том, что он не слушает.

В качестве рекомендации в таких случаях можно посоветовать понизить громкость своего голоса до едва слышимого звука. Тогда абонент начнет кричать, а ученики невольно напрягать свой слух. Но только не затягивайте этот момент, а, то вас перестанут слушать уже потому, что плохо слышат. Искусство поддерживать обратную связь — это искусство общения.

Итак, *феномены взаимосвязи* являются результатом социально-психологической трансформации коммуникативных функций психической деятельности человека в процессах общения.

Социальная трансформация коммуникативных функций связана с *расширением социального пространства* взаимодействия людей в сообществах, что предполагает их объединение в группы и социальные общности по самым разнообразным основаниям социального взаимодействия и признакам субъектов этого взаимодействия. Социальные общности возникают на основе *общих условий происхождения и сосуществования*, а также *сходства индивидуальных и личностных признаков*, которые осознаются людьми в процессах общения по законам социально-психологической идентификации.

Для поддержания взаимосвязи между людьми на больших расстояниях человечество в своей социально-исторической деятельности создает и развивает дополнительные (технические) средства коммуникации, к которым относятся транспортные средства и СМИ — средства массовой информации, а также средства индивидуальной технической связи. Всю техническую оснастку связи можно рассматривать как своеобразное инструментальное развитие антропологических возможностей телесно-психического потенциала человека. В результате на естественные средства связи наращиваются искусственные (инструментальные) средства коммуникации. Это приводит к социальной трансформации психологической деятельности людей, которая проявляется в феноменах массовой психологии.

Технические средства коммуникации служат поддержанию *контактов* в совместной жизнедеятельности людей, удаленных друг от друга на необозримые расстояния. Однако они не только поддерживают *взаимосвязь* между людьми, но и *скрепляют* их деловой взаимозависимостью. Все это приводит к *объединению людей в своеобразные социальные общности* (производственные, профессиональные и другие). Тем самым технические средства коммуникации соединяют людей, удаленных друг от друга большими расстояниями, в *единый социальный организм* на основе совместной деятельности и чувства социально-психологической близости.

Источником этих чувств человека является *психологическая самоидентификация* его личности с различными общностями людей. Основанием групповой самоидентификации может быть *родство по происхождению*, которое выливается в семейные чувства, родоплеменные, этнические, расовые, сословные. В то же время, основанием групповой самоидентификации может быть *индивидуально-психологическая значимость* социальных общностей, членом которых хотел бы стать человек. Но это всего лишь мотивы групповой солидарности, которые еще следует реализовать посредством коммуникативной деятельности субъекта.

Итак, *социальная трансформация коммуникативных функций* в процессах общения предполагает возникновение чувства общности людей по происхождению и видам социальной деятельности. Средства коммуникации в данном случае служат скреплению соответствующих общностей в социальном и территориальном пространстве, обеспечивая объединение разрозненных людей в целостный социальный организм, который необходим личности для реализации её индивидуального потенциала в общественной жизни и деятельности.

Личностная трансформация коммуникативных функций представляет собой ассимиляцию контактно-знаковых актов социального поведения в своеобразные психологические качества человека, из которых складывается потенциал его коммуникативных способностей. К числу таких качеств в первую очередь следует отнести *общительность*.

Общительный — это человек, легко входящий в контакты с людьми, умеющий поддерживать обратную связь с партнерами, разговорчивый, но и активно слушающий, позволяющий собеседнику психологически выразить себя. За ним, как правило, закрепляется роль хорошего собеседника. В числе коммуникативных способностей общительного человека отмечают умение устанавливать межличностные контакты, слушать других, вести беседу, увлечь людей, быть понятным и привлекательным.

Проявление коммуникативного потенциала личности зависит от настроения партнеров и социальной ситуации взаимодействия. Поэтому один и тот же человек может казаться и общительным, и замкнутым. С настроением, партнерами и ситуацией связана мотивация общения. Нежелание общаться проявляется, например, в том, что «у меня плохое настроение — не хочу никого видеть», «этот человек мне не интересен», «слишком много людей — боюсь», «не люблю оставаться один на один» и т.п. У одних людей лучше получается массовое общение, у других — интимное в узком кругу. Здесь возникает вопрос о прятии партнеров. Что этому способствует, что этому мешает?

Коммуникативному прятию партнеров способствует зажигательность и артистичность в эмоционально-выразительном поведении; тактичность, дипломатичность, простота, умение говорить, воспитанность, внимательность, искренность, убежденность, ясность суждений в речевом и нравственном поведении.

Коммуникативное неприятие создает напряженность и мрачность в эмоционально-выразительном поведении; болтливость, пустословие, неумение

говорить и слушать, косноязычие, невоспитанность, высокомерие, бестактность в речевом и нравственном поведении; выпячивание себя и подавление партнёров.

Все эти качества были обнаружены в эмпирических исследованиях. Они не просто описывают коммуникативный потенциал личности, но и раскрывают психологическую структуру феномена обаяния общительного человека. Обаяние — это таинственный дар достигать психологического расположения окружающих людей, быть притягательным, очаровательным, вызывающим безотчетное положительное отношение. Оно исходит от личности как поток теплых солнечных лучей. Оно в искрящихся глазах, в сияющей улыбке, в мягких и приветливых жестах, в юморе, а также в *оправданных ожиданиях партнера*. Обаяние несет в себе заряд положительных человеческих отношений, которые способствует объединению людей вокруг проблем их совместной деятельности.

Общительность и обаяние являются стержневыми характеристиками личности как субъекта коммуникативной деятельности, которая в современном обществе превращается в специальную профессию, возникшую из потребностей взаимосвязи социальных организаций друг с другом и с обществом в целом. Потребность в эффективной коммуникации между людьми обусловлена задачами рыночного производства, ориентированного на потребительский спрос, который зависит от глубинных изменений в жизни населения и общества. Осознание взаимозависимых отношений отдельных социальных структур от общественных процессов породили новую профессию — «менеджер по связи с общественностью» (Public Relations).

Итак, коммуникативные функции психической деятельности в процессах общения трансформируются в феноменах социального взаимодействия в психологические, социально-психологические и социальные явления коммуникативного свойства. В результате общения с другими людьми человек приобретает специфические коммуникативные качества, обеспечивающие ему социально-психологический и профессиональный успех в социальных организациях и в обществе.

Трансформация информационных функций психической деятельности в общении

Коммуникация при общении людей соединяется с информационными процессами. Это происходит через *знаковую функцию общения*, которая обеспечивает передачу *значений*, заключающих в себе сведения субъектов совместной жизнедеятельности о предметах, ситуации, целях и способах взаимодействия.

Значение нагружает *знак* информационным содержанием. Оно представляет собой *образ партнёра* в виде *субъективной интерпретацией*, в которой заключено психологическое содержание его личности, а также внешне выраженных достоинств субъектов общения. Психологический «подтекст» скрыт за оболочкой внешности партнёров, сообщений, предметных действий и

поведения. Он прочитывается субъектами общения как интерпретация вкладываемого с обеих сторон *смысла социального взаимодействия*.

Для преодоления возможных разночтений в субъективных интерпретациях за знаковой формой сообщения закрепляются более или менее определенное *понятие*, закреплённое, например, в слове - знаковой форме объекта, который словом обозначается. В результате знаково-информационной деятельности возникли многочисленные языки для обслуживания информационного взаимодействия людей. Это — словесные языки, жестовые языки, языки тела (пантомимика и мимика), графические языки (иероглифы и пиктограммы), звуковые языки, сигнальные и символические языки, где предметы выполняют функцию знаков. Языковая изобретательность людей безгранична, что проявляется, например, в детских языковых играх, не говоря уже о великом разнообразии национальных языков.

Социально-психологическая трансформация информационных функций в общении начинается с обмена сведениями и знаниями между партнёрами. Информационная коммуникация превращает общение в процесс передачи-приема сообщений. Передача сообщений осуществляется с помощью средств информационной коммуникации. В этом процессе человек пользуется языками по правилам грамматики и синтаксиса в меру своей языковой подготовки. Поэтому психологическая трансформация информационных функций в этой части информационного обмена связана с процессами языковой деятельности и экстерииоризации (внешнего проявления) своего информационно-коммуникативного потенциала (способностей к оформлению сообщения). *Сообщение* является интегральным феноменом социально-психологической трансформации информационных функций, если оно рассчитано на достижение общезначимого смысла передаваемой информации. При манипуляторских задачах информация в сообщениях намеренно искажается. Тем самым сообщениям придаётся функция инструмента воздействия на социальное поведение людей.

Приём сообщений происходит посредством ощущений и восприятия. В ощущениях отражаются физические свойства знаков как материальных носителей информации. Например, фонетические модуляции словесных знаков. Посредством восприятия происходит целостное отражение формы знака, в которой заключена содержательная информация для партнеров взаимодействия. Эта информация привносится субъектами общения, каждый из которых придает данной конкретной форме знака свое индивидуальное значение, что является источником разногласия и в дальнейшем разногласия в понимании смысла сообщений. В этом процессе партнеры вольно или невольно решают проблему смыслового соотношения между знаком и его значениями. В языке она разрешена настолько, что позволяет людям приходить к однозначному пониманию употребляемых ими слов. Но это не снимает проблему понимания сообщений до конца из-за сохраняющейся субъективности восприятия.

Информация, заключенная в сообщении, запечатлевается нашей памятью, которая сохраняет и воспроизводит необходимые нам значения в знаковой

форме. При этом форма знака в памяти может отличаться по своему виду от формы знака, в которой мы воспринимали конкретную информацию. Это происходит в силу необходимости свертывания большого объема информации в компактные формы хранения и передачи для достижения оперативного эффекта при практическом использовании информации.

Таким образом, с помощью ощущений, восприятия и памяти мы в процессах общения преобразуем психофизические воздействия внешнего мира в информационные процессы, и тем самым осуществляем своеобразную психическую деятельность, которую можно и следует назвать психологической деятельностью, так как именно она отличает нас от психической деятельности животных.

Психологическая деятельность проистекает из способностей человека произвольно видоизменять знаковые формы передачи постигнутых значений предметного мира. Тем самым человек имеет возможность выражать свое индивидуальное понимание этого мира и делать это достоянием других людей.

Благодаря психологической деятельности психические образы ощущений, восприятия и памяти трансформируются в знаковые формы сообщений, несущих информацию от человека к человеку, что приводит к обогащению индивидуального и общественного опыта людей в их совместной жизнедеятельности.

В процессах непосредственного партнерского общения информационные функции психической деятельности человека претерпевают социально-психологическую трансформацию в связи с тем, что объектами информационного обмена становятся ещё и *личности* партнеров помимо предметов их совместной деятельности. В результате в информационном процессе возникает два течения. Одно течение направлено к предметной стороне взаимодействия, другое — к личностям партнеров. О предметной стороне совместной деятельности мы обмениваемся в форме сообщений, а об особенностях своей личности мы стараемся проинформировать посредством своего *внешнего облика*, который представляет собой знаковую систему наших социально-психологических качеств.

Второе течение представляет собой психологический процесс взаимной *презентации* партнеров друг другу. Внешний облик в этом процессе является своеобразным средством обозначения личностных достоинств человека. Это делается нами через оформление внешности посредством одежды и косметики, а также через привычную для нас манеру поведения и выразительные движения (мимику, пантомимику, интонацию). Все это включается в имидж личности. Мы знаем, что имидж личности играет не последнюю роль в социальном успехе человека. Поэтому люди с давних времен придают внешнему облику большое значение.

В культурах разных народов выработаны своеобразные эталоны внешней привлекательности человека. Для одних народов - это могут быть толстые губы. Для других - длинная шея. Для третьих - вытянутые мочки ушей. Для четвертых - конусообразный череп. Для пятых - черные зубы и т.д., и т.п. Разнообразие этих эталонов трудно перечислить, как трудно перечислить все

этнические общности людей, населяющие нашу планету. Происхождение этих эталонов сейчас трудно проследить. Можно сказать, что все они как-то связаны с мифологическими представлениями о душе и теле человека.

Каждый человек стремится соответствовать, одобряемым в его общности, эталонам внешней привлекательности для того, чтобы вызвать к себе расположение окружающих его людей. Но для этого каждый из нас должен приложить определенные усилия в оформлении своего внешнего облика и соответствовать в своем поведении, сложившимся традициям, ритуалам и обрядам.

Например, знаменитый путешественник Ливингстон описывал ритуал рубцевания, принятый у одного из африканских племен, в процессе которого вокруг талии делается разрез на глубину до одного сантиметра и засыпается соль, чтобы она разъедала мышечную ткань. В результате последующего заживления на теле образуется выпуклый рубец толщиной в палец. Когда Ливингстон спросил женщину, которой на его глазах был нанесен очередной разрез, зачем она себя обрекает на такие муки, то услышал, что у нее теперь будет больше рубцов, чем у других соплеменниц, и она опять станет самой привлекательной женщиной в племени.

Итак, социально-психологическая трансформация информационных функций в общении осуществляется посредством культурно-исторических способов презентации себя другим, которые становятся предметом особой манипуляции с внешним обликом человека.

Социальная трансформация информационных функций в общении происходит весьма динамично благодаря научно-техническому прогрессу средств информационной коммуникации. Это приводит к обогащению общечеловеческого и индивидуального опыта людей в форме *знаний*. В связи с этим появляются и новые виды профессиональной деятельности, которые призваны заниматься собиранием, хранением и систематизацией информации, выработанной общественной практикой и специализированной научной деятельностью людей разных поколений. Это делается для того, чтобы повысить эффективность общественно-трудовой деятельности, которая выполняет функцию воспроизводства жизни человечества как вида и обеспечивает его эволюционное развитие. В то же время это касается индивидуального развития и самосовершенствования личности. Уже не секрет, что от информационного обслуживания зависит эффективность производства, обучения, динамика политической, правовой, экономической и культурной жизни общества. Вместе с тем это предопределяет и темпы индивидуального развития личности.

Поэтому создаются специальные информационные институты и службы, развиваются средства массовых и индивидуальных информационных систем, обеспечивающих оперативную связь между производителями и потребителями знаний. В настоящее время наилучшим образом отвечает интересам информационного обслуживания система «Интернет». Не случайно, например, американский президент Клинтон в своей предвыборной программе обещал обеспечить каждого школьника США средствами подключения в «Интернет»

(международную сеть информационного обслуживания). Это, по его мнению, позволит повысить эффективность школьного образования и будет стимулировать индивидуальное развитие американца 21-ого столетия.

Функцию информационного обслуживания сегодня выполняют и библиотеки, и системы массовой информации (СМИ). Специализированным производителем новой информации является наука. В связи с этим в общественной жизнедеятельности будет неуклонно возрастать роль ученых, журналистов, учителей, работников информационно-технических служб. Наверняка появятся и новые профессии по удовлетворению потребностей в первичной переработке информации.

Человек как хранитель и передатчик информации приобретает статус *знатока и эрудита*, что повышает его авторитет в ближайшем окружении людей и в обществе. «Знаете ли, господа, сколько значит, в обширной столице нашей, человек, всегда имеющий у себя в запасе какую-нибудь новость, еще никому не известную, и сверх того обладающий талантом приятно ее рассказать? По-моему, он почти великий человек; и уже бесспорно, иметь в запасе новость лучше, чем иметь капитал» — писал Ф. Достоевский. [51] Ирония Достоевского в данном случае подчеркивает социально-психологическую значимость знатока новостей. Поэтому стремление к ролям *знатока и эрудита* становится одним из сильнейших мотивов социальной самореализации личности.

Успешная трансформация информационных функций в этих ролях опирается, прежде всего, на память (мнемические способности) человека и умения в доступной форме представить имеющуюся информацию для потребления другим людям. В целом же следует говорить о способностях человека к информационной деятельности и, естественно, об «информационном интеллекте», который обеспечивает человека базовой информацией для размышления и творчества.

Однако информированность человека нередко интерпретируется как наличие творческих способностей, что ни одно и то же. Именно понимание этих различий даёт основание Достоевскому для юмора в адрес знатока. И, тем не менее, каждый человек воспринимается через призму ролей знатока и эрудита, и это сказывается на социальном статусе его личности в процессах общения.

Эти роли естественно возникают из совместной жизнедеятельности людей и обнаруживаются в процессах общения. В них ассимилируются результаты информационного взаимодействия людей, раскрывая соответствующие способности человека.

Трансформация когнитивных функций психической деятельности в общении

Когнитивные функции психики формируют образы объектов взаимодействия и доводят обработку информации до уровня синтезированных знаний человека об объектной реальности. Этому служат познавательные процессы на уровне представлений, мышления и воображения. В процессах общения они позволяют переводить полученные знания из внутреннего плана

индивидуального сознания во внешние формы их существования (в рисунки и тексты), которые выполняют функцию средств общения, усиливая адаптивный потенциал личности в сообществах. В результате общение придаёт когнитивным функциям новое качество познавательной деятельности, заключённое в *транзакциях духовного взаимодействия*, что проявляется в осмысленности и предвидении перспектив развития человека и общества. Все психические образы, порождённые когнитивным уровнем отражения, создают *виртуальную реальность* ещё не овеществлённого будущего. Они являются своеобразной психологической проекцией, выполняющей функцию руководства к действию. Благодаря общению эти образы интериоризируются в образовательной деятельности и экстериоризируются в производственной деятельности людей.

Осмысленность образов проистекает из апперцептивного (вторичного) психического отражения, которое представляет акт внутренней мнемической коммуникации между прошлым перцептивным опытом и настоящим восприятием во внутреннем плане сознания. Она обеспечивает способности человека накапливать и сохранять опыт первичного конкретно-чувственного отражения в виде образов ощущений и восприятия. Осмысливая эти образы, человек в качестве субъекта познания преобразует их в свои индивидуализированные представления об объектах взаимодействия. В эти представления включается не только весь прошлый опыт человека, но и его сиюминутный *смысл* взаимодействия с данным конкретным партнёром. В результате образ представления содержит в себе *проекцию субъективного видения партнёра*. Особенно это заметно проявляется в образах-представлениях людей друг о друге и в «социальных представлениях» о любых объектах социального взаимодействия.

Таким образом, *информационное значение* объекта включается в *личностный смысл* субъекта познавательной деятельности. В цепочке психического отражения за счёт осмысления назначения воспринимаемых предметов появляется звено, связанное с определением смысла социального взаимодействия. В процессе психического отражения появляется четыре последовательных звена: канал (орган чувств) - знак (форма трансляции воздействия) – значение (информационное содержание) – смысл (личное и общественное предназначение). Элемент смысла смещает акцент в психическом отражении в сторону субъективной произвольности настолько, что психическая деятельность начинает приобретать черты психологической деятельности, которой присуще самоуправляемость, вытекающая из рефлексивных возможностей человеческой психики и общения, то есть из способностей к регуляции психического процесса как со стороны нервной системы, так и со стороны общения. При определении смысла происходит усиление парадокса субъективности.

Личностный смысл раскрывает субъективную направленность человека в познании внешнего мира и общения, задавая конфигурацию когнитивного конструкта, который представляет собой внутренний стереотип познавательной деятельности субъекта. Этот стереотип выполняет функцию когнитивной

установки, предопределяя индивидуальную стилистику мышления и воображения человека. Посредством когнитивных функций конкретно-чувственные акты психической деятельности трансформируются в конкретно-логические и абстрактно-логические процессы познавательной деятельности человека. Когнитивные структуры этих процессов формируются посредством понятийно-предметных инструментов взаимодействия человека с внешним миром, которые объективируются как средства общения и социального взаимодействия в словах, рисунках, жестах, орудиях труда и познания, игрушках ребенка. Изначально немалая роль в этом процессе принадлежит руке как главному инструменту преобразовательной деятельности и общения.

В качестве когнитивных конструктов выступают способы познавательной деятельности субъекта. Эти способы формируются стихийно, а также под влиянием взрослых в процессах общения, воспитания и обучения ребенка. В дальнейшем способы познавательной деятельности осмысливаются и складываются в специальные технологии познания предметной среды. В результате когнитивные конструкты оформляются в различные схемы и методы познавательной деятельности человека, которые транслируются от поколения к поколению посредством общения.

Психологическая трансформация когнитивных функций в общении связана с появлением смыслового компонента. Смысл, привнесенный субъектом в образы представлений, мышления и воображения, задаёт субъективную логику познавательной деятельности в виде её способов, методов, технологий и порождает, тем самым, *индивидуальную стилистику* человека как субъекта познания и общения. В этом заключается психологическая трансформация когнитивных функций в общении.

Социально-психологическая трансформация когнитивных функций связана с явлениями *взаимного познания* людей. Главными феноменами этого процесса являются образы партнеров, участвующих в совместной деятельности. Образы партнеров — это результат их психологического взаимодействия, в процессе которого они раскрывают свои психологические качества как субъекты совместной деятельности.

Образы партнеров представляют собой своеобразные психологические портреты, отражающие эмпирическую структуру личности, соответствующую требованиям совместной деятельности. Поэтому в психологических портретах житейского познания людьми друг друга не всегда воспроизводится полностью структура личности. В обыденном взаимном познании люди выделяют необходимые для совместной деятельности качества партнеров, то есть такие, которые обеспечивают успешность взаимодействия здесь и сейчас. Поэтому на стадии взаимной презентации мы пытаемся продемонстрировать качества личности, которые имеют значение для конкретной ситуации взаимодействия. Это говорит о том, что партнеры стремятся навязать друг другу образы своей личности, привлекательной для конкретной совместной жизнедеятельности. Такого рода мотивация затрудняет адекватное познание людей в их общественном взаимодействии и создает множество иллюзий, которые

становятся источником социально-психологических конфликтов из-за постигших нас разочарований.

В процессах взаимного познания функционируют несколько пар психических образов-представлений людей друг о друге. В их числе следует назвать образы партнеров, какими они хотят представить себя друг другу; ожидаемые образы партнеров; образы-представления о том, каким нас видит партнер; идеальные образы партнера; реально возникающие образы партнеров; образы оперативного самосознания партнеров; образы «Я». Эти образы сливаются в феноменах взаимного понимания или непонимания партнёрами друг друга. Отсутствие взаимопонимания работает на разрыв отношений в совместной жизнедеятельности.

Моделирование этих образов подчинено определенным психологическим задачам общения в совместной жизнедеятельности людей.

Первая такая задача состоит в необходимости быть привлекательным и обаятельным человеком. Она решается через оформление внешнего облика и посредством выразительного поведения (мимики, жестов, позы, интонации, речи). В этом партнеры должны соответствовать эмоционально-эстетическим эталонам оформления внешнего облика и манерам поведения. Это общее требование мы усваиваем из опыта нашей жизни.

Следующая задача состоит в том, чтобы понравится конкретному партнеру. Для этого мы пытаемся предугадать ожидания партнера относительно нашей личности, что является более сложной психологической проблемой. Она решается на основе индивидуальной интуиции. Здесь важно соответствовать роли *интересного* для партнера человека. Интересен же нам тот человек, который отвечает в первую очередь нашим потребностям. Предугадать актуальные потребности партнера трудно, но общечеловеческую потребность в любопытстве можно подогреть, напуская на себя таинственность, что мы успешно делаем в общении друг с другом. Короче говоря, чтобы соответствовать ожиданиям партнера, необходимо успешно играть роль «интересного человека».

Далее, в процессе общения возникают образы-представления партнеров друг о друге, которые фиксируются в определениях «умный - глупый», «хитрый - простодушный», «искренний - лживый», «веселый - грустный», «добрый - злой» и т.д. Но главными определениями, интегрирующими все отдельные впечатления, заключаются в понятиях «свой - чужой» или «наш - не наш». В этих определениях заключена социально-психологическая идентичность партнеров, которая способствует успешному решению проблем совместной деятельности.

Поэтому мы пытаемся угадать, кем и каким нас видит партнёр. Об этом мы получаем информацию из слов, которые он произносит, из интонации, жестов, позы и мимики, которые трудно контролировать. По ним мы почти безошибочно узнаем о своей ценности для партнёра.

Сама же ценность партнёра определяется вполне конкретными представлениями об идеальном партнёре. Идеал абстрактен и содержит в себе максимум нравственных качеств личности. Исследования показывают, что все

другие люди в целом в нашем индивидуальном сознании в меньшей степени соответствуют требованиям идеального человека, чем мы сами. Этот «когнитивно - нравственный» эгоцентризм говорит нам о существовании социально-психологического напряжения при взаимодействии людей, что проявляется в исходном недоверии друг к другу. В этом можно усматривать защитную реакцию человека при доминировании мотива «избегания неудач».

Образы оперативного самосознания партнеров формируются по ходу общения и возникают на основе самооценки собственного поведения. В ней фиксируется удовлетворенность-неудовлетворенность собой в исполнении роли «партнёра». Эта оценка обусловлена тем, как принял вас партнёр, включился ли он в круг ваших проблем или отверг все ваши предложения. Фактически — это наша реакция на его восприятие нас.

Образ «Я» — это то, что человек носит в себе как достоинство своей личности. Сохранение личностного достоинства связано с переживанием своей независимости, цельности, социальной значимости и нравственной чистоты в меру индивидуального понимания. Потерпев поражение на социальном поле взаимодействия, человек утешает себя тем, что он честен. Поэтому честь и совесть обеспечивают сохранность *целостности* Я-концепции личности.

Все эти динамические образы партнерского взаимодействия в научно-исследовательской практике изучаются как совокупность трех интегративных образов Я-концепции личности — «Я-идеальное», «Я-реальное», «Я-должное».

В Я-идеальном отражаются ценностные ориентации личности, касающиеся вопроса: «Каким бы я хотел быть?». В Я-реальном заключена информация о том, что человек представляет собой на самом деле. В Я-должное включается система требований, которые предъявляются человеку другими людьми. Все три «Я», как правило, не совпадают, что является для человека источником внутренних и внешних конфликтов психологического свойства.

В процессе взаимного познания происходит социально-психологическая интерпретация личности (СПИЛ) партнеров по их внешнему облику и поведению, элементы которых воспринимаются нами как признаки конкретных психологических качеств личности.

В СПИЛ мы включаем всевозможные психологические качества, которые относятся к различным компонентам структуры личности. Здесь встречаются определения и социально-групповой принадлежности человека, его способностей, мотивов, воли, эмоциональных состояний, речи, характера, внешнего облика и манеры поведения. Имеют место и обобщенные метафорические определения человека, такие как «душа компании», «отец нации», «серая личность» и другие.

Познание партнёрами друг друга начинается с процесса идентификации воспринимаемого с ранее известными людьми. При успешной (адекватной) идентификации происходит его *узнавание* или *опознание*. При *узнавании* воспринимаемый человек по ряду признаков идентифицируется с некоторой типовой группой людей. При *опознании* идентификация происходит с одним единственным человеком по его индивидуальным признакам.

Интерпретация является процессом замыкания ассоциативных связей элементов внешнего облика как *знаков* с содержанием их *значений*, усвоенных в опыте взаимодействия людей друг с другом. Происхождение этих связей основано на фиксировании зависимостей между внешними формами существования человека и качественными результатами его активности. В результате элементы внешнего облика и других форм объективации активности человека приобретают функцию знаков психологических качеств субъектов взаимодействия. Они превращаются в *элементы-признаки* психологического содержания человека. Элемент внешних форм проявления многогранен и многосвязен как знак с разными значениями. Поэтому интерпретация одного и того же элемента-признака может иметь большой разброс смысловых значений. Из-за этого проблема адекватности интерпретации превращается в проблему *индивидуально-типологической изоморфности* наших представлений друг о друге

В частности эмоционально-эстетический изоморфизм проявляется в *отношении* к внешнему облику воспринимаемого человека по критериям общей привлекательности в пределах шкалы «нравится – не нравится».

В качестве когнитивного знака личности используется этно-национальные признаки внешнего облика, предопределяющие изоморфизм соответствующих суждений о личности.

Если во внешнем облике были отмечены признаки профессиональной принадлежности человека, то ему приписываются качества личности, соответствующие профессиональному изоморфизму.

Если субъект общения обратил внимание на возраст, то срабатывает возрастной изоморфизм приписывания психологических качеств личности партнёра. Идентифицируя возрастную принадлежность, воспринимающий человек приписывает качества в зависимости от своих возрастных взаимоотношений с представителями этого возраста.

То же самое происходит при актуализации гендерного изоморфизма. При этом отношение к полу здесь осложнено эмоционально-эстетическими отношениями, которые могут взаимно усиливать положительные или отрицательные характеристики конкретного лица.

При изоморфизме по знакомству интерпретация разворачивается на основании отмеченного внешнего сходства воспринимаемого человека с кем-нибудь из *знакомых* людей. В результате незнакомому человеку приписываются качества знакомого.

При антропометрическом изоморфизме интерпретация происходит с опорой на анатомическое телосложение и рост партнёра. Например, если толстый человек, то он добродушный. Если худой человек, то он злой и тому подобные определения.

Всё это указывает на апперцепцию, сформированную в процессах общения и социального взаимодействия людей. В результате мы имеем дело с доминирующими социальными эталонами, включёнными в социальные представления людей друг о друге.

Социальная трансформация когнитивных функций порождает феномены групповых суждений людей друг о друге, событиях общественной и частной жизни. В них проявляются оценки и понимание явлений социального взаимодействия в форме *общественного мнения*.

В *оценках* заключена аффективная реакция субъектов общественного мнения, в *понимании* — его рациональный компонент. Общественное мнение как феномен массового сознания более иррационально, чем рационально, так как оно, в первую очередь отражает полезность-вредность события и поведения личности для той или другой общности людей. Но оценка не свободна от логики апперцептивного понимания жизни, которое заключается в когнитивном конструкте нашего мировоззрения. Поэтому оценкой в общественном мнении руководит именно этот конструкт. То, что соответствует нашему мировосприятию, вызывает положительную оценку; то, что не соответствует — отрицательную оценку. Психологический парадокс в данном случае состоит в том, что мы опираемся в общественном мнении не столько на объективную истину в понимании явления, сколько на свои прежние (предвзятые) представления о мире вещей и людей, и нас волнует, прежде всего, вопрос соответствия новых событий, сложившимся ранее убеждениям. Нам болезненно трудно ломать стереотипы прежних и привычных когнитивных конструктов, так как это связано с большими затратами биопсихической энергии нашего организма. Стремление к экономии собственных затрат делает из нас консерваторов и ретроградов.

Общественное мнение и мировоззрение интегрируются в общественном сознании людей, которое функционирует в психологии человека в различных формах «коллективного бессознательного» (термин К. Юнга) и «Супер-эго» (термин З. Фрейда). [176, 167] В «коллективном бессознательном» заключены архетипы общественного сознания и индивидуального мировоззрения. В «супер-эго» представлен социальный контролер в виде общественной морали и нашей совести.

«Коллективное бессознательное» содержит не только когнитивные конструкты мировоззрения, но и стереотипы нашего этно-исторического поведения. Когнитивные конструкты и стереотипы поведения усваиваются нами в процессах социального взаимодействия в виде неосознанных ритуальных отношений между родителями и детьми, старшими и младшими поколениями, между этническими общностями, между социальными слоями общества. Они передаются от одного исторического поколения к другому посредством механизмов и форм социальной наследственности, которые обязаны своим происхождением общению людей как обязательному условию человеческого существования *Homo Sapiens*.

«Супер-эго» выполняет нравственную функцию общественного сознания. Оно формируется через многочисленные запреты (табу) на индивидуальные проявления личности в общественном поведении. Эти запреты воспроизводят когнитивные конструкты и аффективные стереотипы норм-отношений в жизни семьи, этноса и других социальных организмов. Поэтому социально-психологический конфликт между личностью и обществом связан с ломкой

этих конструктов и стереотипов, а внутри самой личности — с гиперболизацией запретов в процессах воспитания и обучения ребенка. Поэтому не случайно в психоанализе главное внимание уделяется становлению и протеканию отношений между взрослым и ребенком.

В числе феноменов общественного сознания выделяется групповая оценка личности (ГОЛ) как результат совокупного мнения людей о конкретном человеке. ГОЛ представляет собой научно-исследовательское обобщение индивидуальных суждений группы людей об отдельном члене этой группы. В исследовательской практике ГОЛ получают посредством свободных характеристик личности или стандартизированного опросного листа («анкеты»), содержащего перечень психологических качеств человека. Таким образом, в ГОЛ фиксируется эмпирический конструкт представления о человеке, сложившийся в общественном мнении окружающих его людей. По схемам данного конструкта происходит и социально-психологическая интерпретация личности, о которой мы уже говорили.

В научно-исследовательской практике схема-конструкт ГОЛ должна, с одной стороны, включать все компоненты научно-психологической структуры личности, с другой стороны, в ней необходимо развернуть перечень качеств, относящихся к ролевым функциям человека, которые он выполняет в группе людей как субъект совместной деятельности. Второе условие продиктовано тем, что взаимное познание людей происходит под углом зрения совместных требований в групповом взаимодействии, и выделяются в первую очередь те качества личности, от которых зависит успешность деятельности группы в целом. Поэтому в ГОЛ развернуто репрезентируются функционально (профессионально) важные для конкретных аспектов взаимодействия качества личности.

ГОЛ является своеобразным психологическим зеркалом, в котором отражается психологический портрет личности. Каждый человек хочет знать, как он выглядит в глазах окружающих людей, что о нем думают другие. Поэтому мы внимательны к мнению людей о нас. Это мнение мы соотносим с самооценкой свое личности, и стремимся к тому, чтобы самооценка и ГОЛ сближались друг с другом по возможности до полного совпадения. Такое совпадение нам необходимо для достижения полной гармонии человеческих отношений. Иначе между самооценкой и ГОЛ возникает когнитивный диссонанс, который составляет основу внутреннего психологического конфликта, готового в любой момент перерасти в конфликт межличностных отношений.

Если ГОЛ ниже нашей самооценки, то мы для снятия когнитивного диссонанса вынуждены, либо снижать самооценку, либо предпринять усилия в социальной деятельности по созданию объективных оснований для повышения престижа собственной личности в общественном мнении окружающих нас людей.

Таким образом, ГОЛ выполняет для нас функцию социальной критики нашей личности и в то же время социально-психологического нажима на нашу

самооценку, понуждая нас к изменениям своей личности в соответствии с требованиями, которые предъявляют к нам окружающие люди.

Если мы внутренне не согласны с давлением ГОЛ на нашу самооценку, то мы неизбежно вступаем в психологический конфликт с окружающими нас людьми и ищем психологической поддержки среди других людей в виде признания нашей личности. Так когнитивный диссонанс ГОЛ и самооценки становится источником формирования маргинальной личности, которая не находит для себя полноценной идентификации ни с одной из социальных групп. Тогда человека настигает состояние психологического одиночества, и он начинает идентифицироваться с условными группами непризнанных людей.

Самооценка как феномен взаимного познания формируется от рождения под сильным влиянием отношения взрослых к ребенку. Затем она трансформируется в процессах самопознания через ассимиляцию ГОЛ, и, наконец, приобретает статус относительно независимого психологического феномена. В результате она становится интимным ядром Я-концепции личности, в котором накапливается мотивационная энергия индивидуального развития человека.

В связи с проблемами взаимного познания людей можно говорить о *психологическом интеллекте* как способности проникать во внутренний мир человека и адекватно понимать других людей. Эти способности связывают с психологической проницательностью и эмпатией. Здесь много места для интуиции и аффективной чувствительности партнеров. Здесь много тайн, к которым современная наука начинает приближаться.

Личностная ассимиляция когнитивных функций психики приводит к развитию интеллекта как базовой способности человека успешно решать все проблемы человеческой жизни. Поэтому качества ума становятся первостепенным объектом оценки личности, какое бы место она не занимала в обществе. О людях большого ума говорят как об ученых, и приписывают им эту роль как награду за социально значимый интеллект, независимо от того, занимается ли он наукой как специалист.

Трансформация эмотивные функций психической деятельности в общении

Эмотивные функции психической деятельности человека проистекают из эмоционально-эстетического восприятия людьми друг друга и субъективных переживаний человеческих отношений. Побудителями этих переживаний являются первичные эмоции, которые вызывают друг у друга партнёры общения. Они трансформируются в психические состояния, чувства и множественные по качествам человеческие отношения.

Их первичной основой являются психофизиологические состояния, порождённые психофизическими воздействиями объектов взаимодействия на органы чувств, предопределяя валентность эмоционального реагирования на объект взаимодействия. Однако когнитивный компонент психического отражения, связанный с осмыслением важности объекта, может перестроить эмоциональное отношение к объекту и «убедить» нас в привлекательности человека как жизненно важного партнёра в совместной жизнедеятельности,

хотя он и не вызывает положительного отношения к себе на стадии эмоционально-эстетического восприятия. В результате возникает ситуация аффективно-когнитивного противоречия, которое преодолевается мотивами сотрудничества в социальном взаимодействии людей. Таким образом, мы избегаем социально-психологического конфликта в межличностном взаимодействии, но вынуждены пребывать в состоянии аффективного диссонанса, погружённого в глубины интимного «Я». Общение в таких случаях выполняет функцию эмотивного регулятора человеческих отношений. Это происходит на уровне чувств, где решается сложная проблема баланса иррационального отношения и рационального смысла. Она является коренной в формировании всей системы отношений человека с объективной реальностью. В этом процессе чувства выполняют координирующую функцию в системе отношений человека с миром вещей, людей и самим собой.

Энергия возникших чувств обнаруживает себя в аффективном поведении человека, накале страстей, настойчивости и в других проявлениях человеческих отношений.

Психологическими формами трансформации эмотивных функций являются первичные эмоции, эмоциональные состояния, настроение, чувства, аффекты, оценки. Чаще всего они произвольны и осознаются после реактивного выплеска.

В них отражается субъективное отношение человека к объектам взаимодействия. В эмотивном процессе на уровне рефлексивного отражения формируется *смысл и отношение* субъекта, которые проистекают из понимания нужды в объекте и целесообразности взаимодействия с ним. В этих функциях — источник *субъективности* и *субъектности* психологической деятельности и поведения человека. *Субъективность* — это произвольная внутренняя данность психического отражения, а *субъектность* внешняя форма проявления этой данности. *Смысл* предопределяет *полезность* предмета взаимодействия, а *отношение* проявляет *субъективный интерес* к нему. В процессах общения происходит экстерииоризация этих явлений в различных формах вербального и невербального поведения, а также предметных действий.

Социально-психологическая трансформация эмотивных функций психики связана с миром человеческих отношений. Этот мир представляет собой субъективную реальность межличностных отношений, которые в процессах партнерского взаимодействия людей ассимилируются в различных видах взаимоотношений.

Взаимоотношения — это результат психологического взаимодействия партнеров, а не простая сумма вкладов личного отношения друг к другу. Это *групповой эффект*, а не одностороннее явление. Например, личные отношения партнеров могут быть противоположными по симпатии, но из-за соображений общей выгоды им стоит работать вместе, и тогда между нами возникают взаимоотношения сотрудничества-соперничества, которые нивелируют антипатию одного из партнеров в групповом эффекте сотрудничества. Вклад каждого из участников группового взаимодействия очень трудно дифференцировать. Это приводит к спорам и обвинениям при разногласиях.

Взаимоотношения являют собой пёструю картину межличностных отношений, которая нуждается в научной систематизации, представленной в композиции 1.

Композиция 1. Классификация взаимоотношений

Основания классификации	классы	виды
Деятельность	1) предметно-практические	Сотрудничество-соперничество
	2) ролевые	Ведущий-ведомый
Общение	3) коммуникативные	Общительность-замкнутость
	4) коллективистские	Дружба-вражда
Отражение	5) когнитивные	Понимание-непонимание
	6) эмоциональные	Любовь-ненависть
	7) волевые	Независимость-подчинение
Отношения	8) правовые	Ответственность-безответственность
	9) моральные	Добро-зло
	10) нравственные	Справедливость-несправедливость

Основанием для дифференциации *предметно-практических и ролевых* взаимоотношений послужила *совместная деятельность*, в процессе которой партнеры вынуждены вступать во взаимоотношения *сотрудничества-соперничества*, а также принимать роли *ведущего-ведомого*. Это предопределено социально-психологическими законами взаимодействия, из которых следует одновременное присутствие обоих полюсов взаимоотношений. Это означает, что каждый из партнеров — и сотрудник, и соперник выступает то в роли ведущего, то в роли ведомого. Всё это порождает сложную динамику межличностных отношений.

Основанием для дифференциации *коммуникативных и коллективистских* взаимоотношений послужило *общение*, которое обеспечивает человеческие контакты в совместной деятельности. Общение порождает взаимоотношения *общительности-замкнутости*, раскрывая коммуникативный потенциал партнеров, и взаимоотношения *дружбы-вражды*, в которых проявляется коллективистская сплоченность-разобщённость. Положительные полюса этих взаимоотношений поддерживают групповую солидарность партнеров, в то время как отрицательные полюса разрушают групповое единство.

Основанием для дифференциации *когнитивных, эмоциональных, волевых* взаимоотношений послужила *трехкомпонентная структура психического отражения*, которая включает познавательные, эмоциональные и волевые процессы. Познавательные процессы трансформируются во взаимоотношениях *понимания-непонимания*, раскрывая по сути различия самооценок партнеров, с оценками их друг друга. Эмоциональное отражение трансформируется во взаимоотношениях *любви-ненависти*, раскрывая особенности субъектной привлекательности партнеров, друг для друга. При этом возможно возникновение такого парадокса, как любовь к партнеру за возможность его же и ненавидеть. Волевые процессы между партнерами трансформируются во взаимоотношения *независимости-подчинения*, раскрывая относительную автономность субъектов взаимодействия. Положительные полюса этих взаимоотношений характеризуют психологический комфорт, в то время как

отрицательные полюса свидетельствуют о страдании и неудовлетворенности своим положением.

Основанием для дифференциации *правовых, моральных, нравственных* взаимоотношений послужили социально нормативные виды человеческих отношений. Правовые отношения на уровне социально-психологического взаимодействия трансформируются во взаимоотношения *ответственности-безответственности*, раскрывающие взаимные обязательства партнеров, регламентированные законом и чувством долга. Моральные отношения как неписаные правила соблюдения личного суверенитета в группе трансформируются во взаимоотношениях *добра-зла*, определяющих ценность отношений партнеров с точки зрения личной удовлетворенности.

Нравственные отношения трансформируются во взаимоотношения *справедливости-несправедливости*, раскрывающих высший смысл человеческих отношений между партнёрами с точки зрения абсолютных ценностей человеческой жизни.

Разумеется, что этим не исчерпывается всё многообразие взаимоотношений в совместной жизнедеятельности людей. Поэтому данная классификация остается открытой для включения в неё дополнительных видов человеческих взаимоотношений. Например, «сотрудничество-соперничество» может проявляться как *взаимопомощь, соревнование, конкуренция* и другие разновидности.

Социальная трансформация эмотивных функций связана с массовыми общественными процессами, преобразующими индивидуальные формы психической деятельности и взаимодействия в явления общественной психологии и общественных отношений.

Общественные отношения детерминированы общественно-трудовой деятельностью людей, укладом и образом жизни, способами её организации, реальными предметно-практическими и информационно-коммуникативными средствами совместной деятельности по производству и потреблению материальных и духовных ценностей.

Общественные отношения интегрируют в себе личные отношения партнеров под знаком общественной ценности индивидуумов, объективированной в результатах их совместной жизнедеятельности. При этом происходит материальное отчуждение личных вкладов в совокупном продукте коллективного труда. В результате не все получают по заслугам, так как личный вклад приобретает характер общественного товара и попадает во владение потребителям, где продолжает свою жизнь независимо от своего создателя. Вместе с тем и межличностные отношения, интегрируясь в общественные отношения, становятся внешней и относительно независимой силой, предопределяющей судьбу человека.

Общественные отношения заключают в себе социальное содержание межличностных отношений, касающееся производственных, экономических, правовых, нравственных, политических, религиозных, этнических, эстетических и других аспектов взаимодействия людей. По этим аспектам общественного взаимодействия людей принято различать и дифференцировать

виды общественных отношений, которые воплощаются в функционально-ролевых связях между партнерами по совместной деятельности.

Производственные отношения концентрируются в профессионально-трудовых ролях человека. Например, в ролях инженера или рабочего, руководителя или подчиненного и во множестве других производственных ролях. Производственные отношения и роли предопределяются разделением труда и технологическими связями всех участников производственного процесса. Человек должен занимать место в технологической цепочке в соответствии со своей квалификацией. Однако не все и не всегда попадают на «свое место» из-за проникновения в производственные отношения других общественных отношений. Например, экономических отношений, когда работа по специальности становится невыгодной.

Экономические отношения реализуются в сфере потребления, представляющей собой рынок материальной и духовной продукции. На рынке человек выступает в ролях «продавца и покупателя», «хозяина и работника», «владельца и обездоленного». Доступ к этим ролям предопределен наличием собственности и деньгами. В условиях общественного разделения труда экономические отношения регулируются договорами и законами. Они устанавливают права личности на долю совокупного общественного продукта и на распоряжение собственностью в интересах всех членов общества или отдельного индивидуума.

Правовые отношения закрепляются законодательным путем по общественному согласию. Предполагается, что каждый член общества должен иметь равные права со всеми другими на самореализацию своей личности в производстве и потреблении материальных и духовных ценностей. Эта задача связана с решением проблемы свободы и долга человека в обществе. По мере исполнения своих обязательств перед другими людьми человек попадает в позицию либо «законопослушного» гражданина, либо — «правонарушителя». Правовые отношения, закрепленные в законах, в конечном счете, обеспечивают или не обеспечивают возможности выполнения роли «социально активной личности», от которой зависит общественный прогресс и удовлетворённость личности.

Законодательное несовершенство компенсируется неписаными правилами поведения человека в реальных сообществах людей. Эти правила базируются на этических принципах морального и нравственного поведения.

Нравственные отношения — это результат духовной рефлексии общественного положения личности. В центре нравственных отношений находится проблема человека, который рассматривается как самоценность. Если правовые, экономические, производственные и другие общественные отношения нарушают самоценность личности, т.е. деморализуют её, то общество не может быть признано нравственно благополучным. Нравственность — это главный оценочный критерий всех деяний человека и общества.

Нравственная оценка открывает полезность или вредность всех общественных поступков для жизни людей. Однако и здесь нет единства по

всем частным случаям. И, тем не менее, в религии нравственная рефлексия общественных отношений оформляется в заповедях праведной жизни человека. При этом интересно то, что на этой основе вырастает мощный социальный институт церкви, который обслуживает потребность людей в нравственном примирении перед несовершенством реального бытия. Таким образом, нравственная проблема становится источником религиозных отношений.

Религиозные отношения складываются под влиянием мировоззренческих представлений о месте человека во вселенских процессах жизни и смерти. Они возникают из необъяснимых таинств его души, из непонятного, но ощущаемого влияния внешнего мира, из невольной зависимости человека от обстоятельств, других людей, общества, из собственной слабости и невозможности решить свои проблемы самому.

Все эти тайны требуют объяснения простого и ясного, чтобы избавить себя от мучений неопределенностью. И тогда приходит идея Творца и правителя, Отца и судьи, пророка и Спасителя, который всё может, всё знает, всё видит, одарит и воздаст.

Идея Бога психологически плодотворна, так как она позволяет соединить разрозненные и смутные предчувствия случайных и закономерных событий в императивный фактор воли Божьей, придав хаосу гармонию. Идея Бога психологически благотворна, так как она помогает человеку согласовать порывы души с последствиями своих поступков и прийти к умиротворению. Идея Бога психологически спасительна, так как она вытесняет греховный помысел.

Однако, идея Бога, как и все идеи, имеет разночтение у разных народов, что проявляется в специфике отдельных вероучений, в культовом и церковном оформлении религиозного поведения (в ритуалах, обрядах, обычаях, традициях, в именах и образах Бога). Это обстоятельство неизбежно приводит к борьбе идей и людей, принадлежащих к разным религиозным воззрениям, что и наблюдается в современном нам мире. Выход из религиозного конфликта возможен, либо через идею общечеловеческого Бога, либо через социальную терпимость к религиозному плюрализму, либо через атеизм на основе научного мировоззрения.

Религиозные отношения воплощаются в конфессиональных ролях (православных, исламистов, католиков, протестантов, иудеев, буддистов, ламаистов и многих сектантов). Все люди по отношению к идее Бога подразделяются на «верующих» и «неверующих», которые тоже не всегда миролюбивы друг к другу, потому, что веруют в разные идеи сущности бытия.

Религиозное мировоззрение основано на *иррациональной и бессознательной вере* в то, что я чувствую и понимаю. Здесь есть место гениальным догадкам, но нет места научной доказательности. На веру человек принимает то, что соответствует его надеждам и актуальным потребностям. Вера приближает человека к самому себе. Она укрепляет его в своих убеждениях, способствует самоопределению и сохранению целостности личности.

Идея Бога и вера — производные от духовной работы нашего сознания. Они вырастают из внутренних возможностей человеческой психики к рефлексии

собственных переживаний, предметом которых является ощущение гармонии или хаоса своих отношений с миром людей и вещей. Эта идея стоит в ряду рационально недоказуемых проблем, в числе которых также проблема происхождения человека, жизни, вселенной, души и другие, проистекающие из глубин эмотивного сознания. В житейском контексте это может быть самая банальная проблема нашего честолюбия, толкающего нас на «необдуманные» поступки, или предпочтение одного человека другому по «непонятым» причинам. Такие проблемы могут иметь разные объяснения, принимаемые на *веру*, но не могут иметь исчерпывающих рациональных доказательств.

Таким образом, идея Бога и вера психологически естественны и целесообразны для человека, но, с другой стороны, порождают в социальных отношениях конфессиональные противоречия, борьбу идей и конфликты. Поэтому не случайно гуманистически настроенные религиозные деятели призывают народ к терпимости по отношению друг к другу, несмотря на имеющиеся социальные различия между людьми. Терпимость и согласие регулируются личной и общественной волей людей, что переводит их общественные отношения в плоскость политической деятельности.

Политические отношения концентрируются вокруг проблемы власти, с помощью которой общество стремится сохранить свою целостность как социального организма, обеспечивающего личное благополучие своих членов. Однако несбалансированные интересы различных слоёв общества приводят их к соперничеству и противостоянию, что является социально-психологической почвой для борьбы за властные полномочия между общностями людей, разделенных по экономическим, профессиональным, возрастным, половым, этническим, религиозным, идеологическим и другим признакам. Поэтому главной задачей политической деятельности является достижение оптимального баланса интересов всех слоёв общества. Однако эта задача всё время вытесняется задачей борьбы за власть между политическими группировками. В результате власть становится самоцелью, а не средством разрешения социальных противоречий. От этого страдает народ, общество и государство. Народ нищает, общество деморализуется, государство разваливается.

Такая подмена задач — следствие эмотивных процессов в психологии человека. Власть автоматически приводит к доминированию тех, кто ею располагает, и подчинению тех, кто её лишен. Это позволяет удовлетворить притязания на общественную самореализацию индивида. Человек с психологией «ведущего» стремится занять лидерские позиции в совместной жизнедеятельности. При адекватном достижении лидерства человек должен отвечать требованиям «ведомых». Но это трудно и поэтому не всем удается. Неудачники в естественном движении к лидерству компенсируют свои потери за счёт захвата власти через политическую активность. Удача им сопутствует благодаря психологии «ведомых», которые боятся принять на себя ответственность за судьбу партнёра, других людей, а подчас и свою собственную.

Абсолютизация власти вредна для жизнеобеспечения сообществ точно так же, как и её полное отсутствие. Гармония властных отношений достигается на пути разделения властных полномочий между лидерами и ведомыми, которым они передаются через распределение прав (свобод) и наложением ответственности (необходимости) в совместной жизнедеятельности, прежде всего на лидеров. Однако в России все начальники всегда были освобождены от ответственности.

Политические отношения на этом пути неизбежно приобретают характер демократического процесса. Задача властных структур и лидеров в этом процессе заключается в поддержании баланса прав на свободу и ответственность каждого члена общества. В конкретных ситуациях эта задача требует своего оригинального решения с учётом многих обстоятельств жизнедеятельности сообщества. Это предполагает напряжённую творческую деятельность в управлении социальными процессами и общественными отношениями.

Однако субъекты политической деятельности отягощены собственными мировоззренческими представлениями о перспективах развития общества и его организации (идеологией). В то же время они связаны интересами тех общностей, к которым сами принадлежат. Одной из таких первично прирождённых, биологически базовых общностей является этнос.

Этнические отношения возникают из различий - сходства между народами в телесной организации внешнего облика, биогенетической наследственности, в образе жизни и культуре. Они проявляются в социальном взаимодействии локальных групп населения (этносов), имеющих общие антропологические (родоплеменные) корни. Этноты появляются в результате эволюционного развития народонаселения, объединяя родственные племена на определенной территории по признакам «кровного» (биологического) происхождения, антропологического сходства в телесном строении, единства культурных и религиозных традиций, из которых складывается специфический образ жизни, характерный для каждого из народов. Происхождение этносов по Гумилёву обусловлено географическим детерминизмом. [47]

Различия между этносами являются естественно-психологическими, так как в образе жизни этноса закреплён уклад общественных отношений, способствующих оптимальной адаптации человека и общности к конкретной природной (географической) и социальной среде. Этот уклад вытекает естественным образом из особенностей воспроизводства жизни в конкретных условиях бытия. Соответствующий природным и социальным условиям образ жизни этноса закрепляется в стереотипах поведения и деятельности, в языке, в ритуалах, традициях, обычаях, праздниках и других этнокультурных формах общественного бытия.

Семья как первичная антропологическая общность является наиболее верной хранительницей этнической культуры, особенно по части уклада жизни и стереотипов семейного поведения, которые практически неискоренимы, потому что относятся к сфере коллективного бессознательного и воспроизводятся в

непроизвольных формах человеческого поведения, хотя и подвергаются культурно-исторической трансформации.

Современная политическая атака на семью в виде «ювенальной юстиции» ведёт к разрушению этого социального института как оплота традиционных этнокультурных ценностей. В этом смысле семья противостоит политическому нивелированию народной культуры и стиранию уникального опыта адаптации и существования народов средствами глобализации и стандартизации социального взаимодействия людей в пространстве единого человечества. В результате это может привести к образованию диффузной массы некоторого населения, живущего в системе одинаковых ценностей, навязанных и транслируемых со стороны политических и управленческих элит. Возникает вопрос – нужны ли эти ценности другим слоям социальной структуры общества?! Почему элита прибирает права на изобретение новых ценностей, а не народ – главная созидательная сила общественного развития?!

Эта неожиданно возникшая борьба ценностей протекает в недрах психологических законов идентификации человека по мере вхождения его в пространство социального взаимодействия.

Этническая идентичность человека закрепляется в его «национальном» самосознании, которое входит в Я-концепцию личности, предопределяя социально-психологическую дистанцию с другими людьми по понятию «наш - чужой». Посягательство на этническую самость переживается людьми наиболее болезненно, так как воспринимается угрозой его личностным достоинствам. За посягательством на этническую самость видится опасность для семьи и народа. Коллективное бессознательное прочнее других связывает человека с его родовой общностью, разрушение целостности которой переживается как смертельная угроза психологической самости индивида. Поэтому этнические конфликты протекают наиболее остро. Снять эти конфликты можно только полным и безусловным признанием их самобытности, социальной целостности и равноправия всех народов в культурном, экономическом и политическом взаимодействии, то есть в признании политиков приоритетного права народов на самоопределение перед правом государства на территориальную целостность. Однако реализация таких прав этнических общностей упирается в проблему пространственных границ их сосуществования, что предполагает *организационное обособление*, а не только психологическое. Исторический опыт жизни человечества показывает, что объединить надолго разные народы в пределах одной государственно-политической общности не удастся. Развитие этнического самосознания современных народов обостряет проблему их политического суверенитета, что приводит к усилению центробежных тенденций в общественной дифференциации народов и к их этнополитическому обособлению.

Культура этнических отношений представлена не только в образе жизни, но и в моральных нормах социального поведения и в эстетических эталонах человека и предметного мира. Моральные нормы и эстетические эталоны проистекают из эмотивного мироощущения членов сообщества. В них закреплены способы сохранения и поддержания жизни этноса как социального

организма. Моральные нормы регулируют нравственные отношения. Эстетические эталоны символизируют и возбуждают чувственную привлекательность людей друг для друга. Они становятся своеобразными активаторами индивидуально-личностных устремлений. Поэтому имеет смысл особо выделить класс эстетических отношений.

Эстетические отношения возникают из эмоционально-психологической привлекательности людей друг для друга и вещественных объектов внешнего мира. Привлекательность объекта зависит от субъективной потребности в нём и эмоционального влечения к нему. Здесь важно, чтобы объект своим внешним видом возбуждал желание овладеть им, чтобы соприкосновение с ним сопровождалось положительными переживаниями.

Эстетические отношения человека к человеку благодаря эмоциональной природе усиливают процессы объединения и разобщения людей. В отношениях между полами они связываются с сексуальными влечениями и отличаются парадоксальной вариативностью. В результате то, что для одних народов может быть привлекательным, для других может оказаться отвратительным. Например, Арне Фольк-Рёнке, изучавший в середине XX века обычаи папуасов в Новой Гвинее, писал следующее: «Мог бы ты влюбиться в девушку, которая, следуя законам племени, не умывается, чтобы как можно сильнее пахнуть «женщиной»? ... Девушку, натирающую бедра и зад мочой, которая хранится в специальном помещении...» [16]

Эталоны эстетической привлекательности имеют психобиологическую основу, которая связана с субъективностью человеческого чувствования. Эти эталоны закрепляются в этнопсихологических формах социального поведения, подвергаясь культурной обработке.

Главенствующая роль в такой обработке эстетических эталонов принадлежит искусству, которое, с одной стороны, совершенствует идеальные представления о красоте и развивает эмоционально-эстетический потенциал личности, с другой стороны, канонизирует эти идеалы в стереотипах художественного образа.

Все многообразие общественных отношений вырастает из психологии общения людей, их психического потенциала, связанного, прежде всего с эмотивными функциями психической деятельности.

Личностная трансформации эмотивных функций в процессах общения приводит к возникновению важнейшего духовно-психологического образования — совести. Она является нравственным стержнем личности, на котором крепятся её отношения с окружающими людьми, и источником моральных переживаний личности, а также руководит поступками человека. Совесть — это эффект самосознания и самооценки личности, в которых запечатлены взаимоотношения с окружающими людьми. Она связана с верой в общественные идеалы и справедливость, в чистоту человеческих помыслов и отношений. Совесть как ангел-хранитель оберегает человека от дурных поступков. Но совесть и отягощает человека своими муками за проступки и преступления. Она находится в непримиримых отношениях с лживостью,

лицемерием, амбициями и другими неблагоприятными мотивами и намерениями личности.

Совесьть связана с миром интимных чувств. Она облагораживает и поэтизирует интимные переживания человека, поднимает его до божественной идентификации и одаривает всеобщим признанием и любовью.

Таким образом, в процессах общения эмотивные функции преобразуют психический потенциал человека в бесконечное разнообразие его отношений с миром людей и вещей. Мир человеческих отношений является наиболее значимым, а потому и определяющим удовлетворенность нашей жизнью. Духовное содержание этих отношений, связанное с добротой, дружбой и любовью, становится самой желаемой ценностью человеческой жизни. Личность приобретает в результате важнейшее качество самосознания — совесть (Бога внутри себя).

Трансформация конативных функций психической деятельности в общении

Конативные функции психической деятельности человека характеризуют *его направленность* на объекты взаимодействия в связи с его *индивидуальными потребностями*. Общение в этом процессе используется для *согласования индивидуальных интересов* в совместной жизнедеятельности таким образом, чтобы привести партнёров *к объединяющим мотивам групповой деятельности*. Эта сложнейшая задача выпадает на долю социально активных людей (лидеров, организаторов, руководителей всех уровней, управленцев).

Психологическая трансформация конативных функций психики синтезирует индивидуальные потребности человека в *психических установках, интересах и мотивах* субъектов социального взаимодействия, что задает *изнутри направленность* внешнему поведению и деятельности человека. Поэтому конативные функции связаны с внутренними побудителями психической активности человека, которые направляют его на необходимые или желаемые предметы взаимодействия и на партнёров по совместной деятельности и общению. В числе таких побудителей находятся потребности, установки, интересы, влечения, склонности, желания и, в конечном счете, мотивы, в которых интегрируются все перечисленные феномены психической деятельности человека. Все они придают предметную определенность размытым эмотивным отношениям, наделяя явным или скрытым *смыслом* субъектную активность человека в общении.

Для проявления субъектной активности необходимо волевое напряжение, производящее селекцию потребностей и эмотивных отношений в соответствии с индивидуальной и групповой направленностью партнёров взаимодействия. Воля способствует концентрации внимания на предмете потребностей и мобилизации психической энергии на действиях достижения успеха. В конечном счёте, в структуре субъектной направленности обнаруживается личностный, индивидный и индивидуальный смысл психической активности человека.

Личностный смысл мотивирован социальными потребностями, установками и интересами человека. Он наиболее осознаваем и находится в сфере «Супер-эго», где подвержен социальному контролю и влиянию «коллективной воли».

Индивидуальный смысл мотивирован организмическими потребностями, инстинктами, этнокультурными стереотипами («архетипами» поведения). Он может и не осознаваться человеком, скрываясь в сферах «Оно» и «коллективного бессознательного».

Индивидуальный смысл мотивирован влечениями, склонностями, желаниями и намерениями, которые образуют структуру «подсознательных» и «предсознательных» стимулов психической активности человека в общении. Индивидуальный смысл появляется в сфере «Эго» как смутное представление о смысле жизни и индивидуальном предназначении, постепенно проясняясь в солнечном свете сознания.

Благодаря конативным функциям, связи человека, его знания, представления и отношения приобретают смысловую определённость и проявляются в целесообразной субъектной активности. Таким образом, в процесс психологической деятельности человека включаются компоненты смыслообразования, связанные по преимуществу с его мотивационными психическими образованиями.

Конативный процесс смыслообразования зиждется не столько на когнитивной рационализации побудительных мотивов, сколько на эмотивном иррациональном предпочтении своих отношений и желаний в данной конкретной ситуации. Например, вы — руководитель учреждения, и вам нужен хороший работник. Предположим, что у вас есть возможность выбирать. Рациональный мотив требует предпочесть наиболее компетентного работника, но вы выбираете более удобного для личных отношений, так как каждый руководитель испытывает бессознательный страх за свою естественную некомпетентность в специализированных аспектах профессиональной деятельности. Поэтому критерием выбора становится эмотивное отношение «доверия-недоверия», а не рациональная оценка по критерию «компетентности-некомпетентности». Однако для выбора сотрудника обычно декларируется второй критерий, по которому отклонённого специалиста дискредитируют, а выбранного восхваляют. Мы на каждом шагу сталкиваемся с такого рода социально-психологическим лицемерием. Оно особенно распространено в обществе, где господствует клановая психология и статусные отношения, где подбор персонала происходит по личным предпочтениям начальства.

В глубинах клановой психологии скрываются групповые интересы, исторически закреплённые в традициях жизни общества и в организации социальных отношений.

Социально-психологическая трансформация конативных функций связана с борьбой интересов и согласованием устремлений партнеров по совместной жизнедеятельности. Эти явления проистекают из индивидуальных различий партнеров взаимодействия, каждый из которых преследует свои цели. В этом заключена психологическая предпосылка разногласий и межличностных

конфликтов, которые приходится решать в любой ситуации совместной деятельности. Данная проблема трансформируется либо в конфликтные формы поведения партнеров, либо в компромиссное согласование интересов обеих сторон.

В первом случае разворачивается борьба идей и людей за приоритет одних над другими. Это приводит к подавлению, агрессии и вражде, которые разрушают единство взаимодействующих партнеров. В результате победа одной из сторон заканчивается общим поражением, так как неблагоприятная атмосфера вражды окутывает тех и других, затрудняя реализацию победивших интересов, отодвигая её к более отдаленной перспективе.

Путь согласования взаимных устремлений более продуктивен по перспективам развития дружественных межличностных отношений и результатам совместной деятельности. Однако и он не обходится без потерь, так как обеим сторонам приходится что-то уступать в пользу другой.

Важнейшим условием достижения согласия является *паритетность* как равенство возможностей в самореализации партнеров по совместной деятельности. Это предполагает соблюдение интересов друг друга в режимах сотрудничества, взаимопомощи и диалога.

Как это сделать? Психологически грамотно будет, если вы в начале взаимодействия с партнером не просите его помочь вам, а, наоборот, предлагаете ему свою помощь, соответствующую его интересам. Но, это — только принцип, а реальное поведение в диалоге всегда многовариантно в зависимости от обстоятельств, в числе которых главное — личность партнёра.

Отношение человека к человеку в совместной деятельности — это, прежде всего отношение воли к воле. Оно создаёт самое большое напряжение в общении людей, делая этот процесс наиболее затратным. Самый трудно обрабатываемый материал — воля партнёра. Волевые напряжения порождают множественные сюжеты борьбы за индивидуальную независимость и личное достоинство человека. Но совместная групповая жизнедеятельность людей требует достижения баланса волевых отношений, который чаще всего нарушается принуждением и насилием посредством общественной власти. Достижение оптимального баланса волевых отношений возможно только на принципе «доброй воли» в совместной жизнедеятельности людей, что предполагает развитие горизонтальных механизмов управления общественной жизнедеятельностью.

Социальная трансформация конативных функций приводит к необходимости координации групповых интересов больших и малых общностей людей, образующих социальную структуру общества. Для этого в процессах общественно-исторического развития создаются системы управления социальным взаимодействием людей, которые объединены в социальные организации по отдельным интересам общественно-трудовой жизнедеятельности.

Например, такая социальная организация как семья объединяет людей по функциям *воспроизводства* вида, рода, фамилии, экономических, культурных и других общественных ценностей жизни. Сильнейшим мотивом в ней является

любовь разнополых индивидов, способных выполнять эти функции. Современные семьи часто возникают по мотивам профессиональной и духовной близости. В них происходит первичная трансформация *иерархического управления* в *паритетные формы взаимодействия*. Такая трансформация происходит на чувствах *взаимной любви*. Если помечтать о переносе навыков паритетного семейного самоуправления в государственные структуры управления, то в перспективе можно было бы придти к обществу всеобщего благоденствия. Но в них слишком мало любви, и слишком много насилия.

Задача социальных организаций заключается в создании оптимальных условий для реализации совпадающих интересов своих членов. Эти условия приходится выкраивать из макроструктуры социального взаимодействия с другими социальными организмами. Всё это требует четкой *координации* взаимодействия социальных организаций и человеческих отношений. Эта потребность породила социальное управление как профессиональную деятельность, предназначенную для координации и согласования конативных отношений между субъектами социального взаимодействия.

Следовательно, управленческая деятельность вытекает из естественных законов общественной жизни людей и индивидуального своеобразия психологии человека, то есть она внутренне присуща самой психической организации человека, и, в первую очередь регуляторным функциям психики, которые в полной мере реализуются через общение.

Личностная ассимиляция конативных функций воплощается в субъективной направленности человека на внешний мир, в его предпочтениях и ценностных ориентациях, в организаторских и управленческих способностях, в смысле жизни.

Стремление к самореализации предполагает развитие настойчивости и других волевых качеств. Необходимость сотрудничества с другими людьми для достижения личных целей требует от человека терпимости в отношениях с партнёрами, умения принять их интересы и согласовывать со своими намерениями.

Мотивационная противоречивость, свойственная каждому человеку, требует развития психологической устойчивости, способностей к саморегуляции и психологической координации различных мотивов.

Всё это подводит человека к проблемам самоуправления, самовоспитания, самосовершенствования, которые решаются благодаря творческому потенциалу межличностного общения.

Трансформация креативных функций психической деятельности в общении

Психологическая трансформация творческого потенциала психики происходит в процессах *интериоризации* и *экстериоризации* (усвоения и реализации навыка предметно-практического действия человека). В процессе *интериоризации* происходит переход внешнего действия во внутренние психические состояния и свойства, которые закрепляются в психологии

человека по законам *психофизиологического* функционирования нашего организма, мозга и нервной системы. В то же время происходит *экстериоризация* (проявление) внутренних возможностей человека, его психического потенциала во внешних действиях и поведении по законам *предметно-психологической* деятельности человека и общения.

Интерииоризация и экстериоризация представляют собой два противоположно направленных процесса целостного психического акта. Это означает, что они одновременно сосуществуют в любой ситуации взаимодействия человека с объективной реальностью. Здесь можно провести аналогию с двумя полюсами электрического тока, который возможен только при одновременном их наличии. Точно также и психический акт возможен только при одновременном функционировании этих двух процессов, которые научный анализ различает как процессы саморазвития психики, обеспечивающие креативные задачи психической деятельности человека.

Понятие «интериоризация» используется при объяснении возникновения психических свойств во внутренней структуре психической организации человека под влиянием его внешней деятельности.

Понятие «экстериоризация» употребляется при объяснении внешней актуализации психического потенциала как процесса высвобождения психической энергии и объективации человеком его психологических качеств.

Эти понятия широко использовались классиками психологии двадцатого века Ж. Пиаже и Л. Выготским при изучении и объяснении становления и развития психики детей, её спонтанной и творческой аккомодации (приспособления) к условиям жизни. [140, 41]

Преобразующие функции процессов интерио-экстериоризации как раз и обеспечивают многообразную трансформацию всех психических явлений, завершая гносеологическую цепочку психологической деятельности человека психическими новообразованиями его личности. При общении эти процессы становятся механизмами *взаимовлияния* людей друг на друга, благодаря которому осуществляются психологические воздействия и изменения в человеческих отношениях.

Гносеологическая цепочка психологической трансформации разворачивается в проблемном поле «канал-знак-значение-отношение-смысл-личность». В качестве канала выступают органы чувств, обеспечивающие непосредственный контакт с объектами внешнего мира и взаимосвязь с партнерами взаимодействия. В качестве знака используются сигнальные признаки объектов взаимодействия, несущие информацию о свойствах этих объектов. В качестве значения выступают когнитивные конструкторы объектов внешнего мира, сформированные во внутреннем плане сознания субъекта. В качестве отношения проявляются эмоции и чувства субъектов взаимодействия. В качестве смысла обнаруживается мотивация личности, а сама личность проявляет себя в использовании креативных функций психики в процессах интерио-экстериоризации.

Социально-психологическая трансформация креативных функций происходит в контексте непосредственного взаимодействия партнеров, и

проявляется она в феноменах *взаимовлияния*, которое оказывают люди друг на друга в процессе общения.

Взаимовлияние людей в процессах общения осуществляется по законам подражания, психического заражения, внушения, убеждения, принуждения, побуждения, которые естественны для жизни людей в сообществе. Подражание проявляется в непроизвольном или осознанном копировании действий, поступков, форм поведения и способов деятельности партнера. Непроизвольное подражание обусловлено инстинктивным стремлением к единству с партнером (аффилиацией) и к достижению синтонности состояний (эмпатии), а также к усвоению паттернов импринтингового поведения.

Непроизвольное подражание у детей является главным механизмом интериоризации навыков психической деятельности с момента рождения до развития произвольных движений, после чего подражание подпадает под осознанный контроль психической регуляции, хотя и не исчезает полностью.

В дальнейшем дети посредством непроизвольного и осознанного подражания усваивают стереотипы социального поведения, которые проявляют партнеры по совместной жизнедеятельности. Большую роль в этом процессе играет субъективная привлекательность и авторитет личности партнера.

Психическое заражение происходит в результате психофизиологической индукции (возбуждения и распространения) эмоционального состояния партнеров. За счет чего это происходит, сказать трудно, так как это явление составляет одну из тайн человеческой психологии.

Психическое заражение наиболее ярко себя проявляет в интимном и массовом общении людей. В случаях интимного общения психическое заражение предопределяется неудержимой тягой (аффилиацией) партнеров друг к другу. Чаще это происходит между партнерами разного пола, что дает основание думать о сексуальном инстинкте как значимом факторе психического заражения.

Однако в массовом общении психическое заражение сопровождает не только сексуальные оргии, имевшие место в культурных традициях всех народов и вытесненные современным массовым искусством, но и агрессивные формы поведения политизированной и бунтующей толпы.

Внушение предполагает подсознательное влияние партнёров друг на друга. Это явление связывают с гипнозом, который применяется как психотерапевтическое средство. Тем не менее, внушение — это повседневное явление нашей жизни. Каждый человек может быть подвержен внушающему воздействию. Но более других человек поддается внушению, когда он находится в состоянии личной растерянности и неопределенности (эмоционально-психологического стресса), когда, если он болен, потерял надежду на собственное выздоровление.

Внушающим воздействием обладают авторитетные личности, слово врача, коллективное и массовое мнение. Средства массовой информации в состоянии манипулировать общественным мнением, чем они с упоением и занимаются, наслаждаясь своей властью над неустойчивым общественным сознанием людей. В то же время, они могут создавать и здоровый настрой в обществе,

если хотят и умеют. В этом больше преуспевает искусство со своей очищающей функцией катарсиса.

Убеждение апеллирует к логике вещей. Оно построено на аргументах и доказательствах, развернутых суждениях и умозаключениях. Убеждать партнера всегда трудно, так как он имеет свои убеждения, выстраданные в муках жизни и интеллектуального творчества. В то же время принятие убеждения партнера нередко переживается как собственная неполноценность, которое порождает чувство протеста. «А чем я хуже!?» — восклицает человек и поступает вопреки здравому смыслу, причем, стремясь сохранить свои амбиции перед партнером, и теряет при этом свое лицо. Чтобы его сохранить, нужно искать новые доказательства своей правоты, что стимулирует процесс творчества и заставляет человека измениться, если не в сторону позиции партнера, то, по крайней мере, подвергая сомнению собственную позицию.

Принуждение основано на волевом, правовом, административном давлении на партнёра. Однако остается загадкой, почему один человек подчиняется воле другого. Самое простое объяснение, что воля одного сильнее воли другого. Но это не так, потому что для подчинения нужна воля на подавление собственных чувств. В этом случае уместнее предположить разнонаправленность мотивов, которые неожиданным образом совмещаются в совместной деятельности партнеров. Например, один из партнеров не хочет брать на себя ответственность за результат совместной деятельности, а другой стремится к этому. Боязнь ответственности снижает общее волевое напряжение в достижении общей цели и позволяет такому партнеру жить беззаботно. Именно экзистенциальный страх перед ролью ответственного человека переключает его волевые процессы на избегание неудач, и человек добровольно отдаётся в рабство.

Другое дело — правовое и административное давление на партнёра. В этом случае заранее очерчен приоритет одних людей над другими в иерархии групповых отношений. Тот, кто находится выше в этой иерархии, имеет своеобразное преимущество влиять на систему этих отношений, и через них на индивидов. Фактически руководитель использует механизм группового давления, ссылаясь, как правило, на общие интересы, и чем чаще он это делает, тем ниже становится его собственный авторитет (парадокс!).

В качестве механизма принуждения используются различные санкции по отношению к «непокорным» партнерам. Их наказывают материально, морально, физически, чтобы обуздать их своеволие, наносящее ущерб своеволию «сильных мира сего».

Из многочисленных исследований и реальной практики известно, что работа и любые другие виды человеческой деятельности по принуждению не достигают оптимального результата. В то время как добровольное участие в совместной деятельности полностью раскрывает творческий потенциал человека. Поэтому лучшей формой воздействия на партнеров является *побуждение*, которое предполагает *пробуждение* личной заинтересованности в совместной деятельности.

Пробуждение личной заинтересованности исполнителей предполагает сложную психологическую деятельность руководителя (лидера). Она связана с мотивационной сферой психической организации человека и направлена на распознавание мотивов и поиск путей включения выявленной мотивации исполнителей в совместную деятельность. Индивидуальные мотивы весьма разнообразны, и это создаёт большие трудности для руководителя при согласовании индивидуальных интересов. Здесь без помощи профессионального психолога не обойтись.

Суть побуждения к активной совместной деятельности состоит в управлении мотивационной сферой исполнителей, что предполагает своеобразную психологическую работу по формированию мотивов, стимулирующих индивидуальную включенность в решение общих задач.

Социальная трансформация креативных функций связана с организованным общественным воздействием людей друг на друга в различных формах воспитания и обучения.

Воспитание и обучение как специфическая социально-профессиональная деятельность вырастает из естественного процесса передачи опыта жизни от одного поколения другому, а затем дополняется обменом опытом между различными профессиональными группами с целью повышения эффективности общественно-трудовой деятельности людей в целом.

Для обмена опытом созданы специальные образовательные системы в виде школ и институтов, где происходит внедрение общечеловеческих и профессиональных знаний в сознание учащихся, что приводит к формированию и развитию когнитивных структур психической организации человека.

Однако обменом опытом не исчерпываются креативные функции обучения и воспитания, которые оказывают влияние на психическое развитие всех сторон личности. Поэтому школьный период обучения следует использовать главным образом для общего психического развития детей, а не для складирования всех имеющихся знаний в арсеналах памяти учащихся, к чему подчас сводится задача школьного образования.

Современная система образования в основном решает задачи развития информационных и когнитивных функций психики и неправомерно мало уделяет внимания развитию коммуникативных, эмотивных, конативных и креативных потенциалов психической организации человека. В результате формируется человек-компьютер, который хорошо вписывается в информационное поле общественной жизни, но с большими затруднениями решает свои человеческие проблемы, связанные, прежде всего, с межличностными отношениями, чувствами, мотивами и общением.

А это плохо согласуется с креативными мотивами самосовершенствования, саморазвития и самореализации личности. Отсюда проистекает индивидуальная неудовлетворенность общественным обучением и воспитанием человека. Эта неудовлетворенность может быть компенсирована самообразованием и самовоспитанием, к чему прибегают наиболее творческие личности, которые отличаются инициативностью и изобретательностью.

Личностная ассимиляция креативных функций психики воплощается в роли *творца*. Эта роль органична психической организации каждого человека, но не каждый решается на её исполнение.

Тайна творческой личности до сих пор не раскрыта наукой ни по своему источнику, ни по закономерностям формирования. Биографии выдающихся творцов в различных областях деятельности свидетельствуют о страстной увлечённости какой-нибудь созидательной идеей, о невероятной целеустремленности в её реализации, о непоколебимой вере в себя. В возможности свершения задуманного, несмотря ни на какие неблагоприятные условия. Они свидетельствуют о способности к житейской самоотверженности, о трудолюбии, настойчивости и самостоятельности, о независимости от общественного мнения.

Итак, функциональное содержание психической деятельности в общении раскрывает вопрос о предназначении психики в жизнедеятельности людей. Оно тесно связано со всеми аспектами взаимодействия человека в мире вещей и людей, органически вплетено психологическим подтекстом в реальные процессы индивидуального и общественного поведения людей.

Это содержание возникает в результате трансформации имплицитных функций психической деятельности в процессах предметно-практического и социального взаимодействия людей. Общение обеспечивает коммуникацию человека в мире вещей и людей, доставляет и перерабатывает информацию об объектах взаимодействия, формирует познавательные конструкты, генерирует чувства и отношения, задаёт направленность субъектной активности, преобразует психическую организацию человека.

Психологическая трансформация психических функций в процессах общения приводит к возникновению психических образований, составляющих структурную организацию психики человека под влиянием факторов общения.

Социально-психологическая трансформация психических функций приводит к возникновению межличностных отношений и групповых эффектов, составляющих содержание общения людей.

Социальная трансформация психических функций приводит к возникновению общественных отношений, общностей людей и социальных организаций, общественных информационных систем, идеологических, правовых, управленческих, воспитательных и образовательных институтов, являющихся результатами общения в социальном взаимодействии людей.

Результирующим эффектом трансформации всех психических функций в процессах общения является личность. Личностная ассимиляция субъектной активности человека приводит к приобретению им психологических качеств коммуникативного, информационного, когнитивного, эмотивного, конативного, креативного свойства. Этими свойствами наполняется содержание общения как процесса трансформации психического потенциала человека в его психологические качества и человеческие отношения.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ОБЩЕНИЯ

Общение является феноменом общественного бытия, порождённым совместной жизнедеятельностью людей. В процессах общения человек осуществляет психологическую деятельность, направленную на организацию и управление совместной жизнедеятельностью.

В общении воспроизводится целостность психологии человека, зарождаются групповые эффекты, трансформируются психические потенциалы субъектов социального взаимодействия в человеческие отношения и качества личности, решаются жизненно важные задачи общностей и индивидуумов.

В то же время, это – социально-психологическая деятельность, наполняющая жизнь человека в сообществах особым содержанием человеческих отношений, которые являются значимой ценностью для жизни каждого человека. В их числе любовь, дружба, сотрудничество, взаимопомощь, сочувствие, доброта, справедливость и другие положительные взаимоотношения.

В общественной практике общение является *онтологической формой существования психики*, релевантной по своему содержанию *психологической деятельности* субъектов социального взаимодействия. В общении воспроизводится содержание психологии человека во всей полноте и целостности. Естественно возникает вопрос о *репрезентации* этой *целостности* в научных исследованиях. Для этого наука и практика прибегает к *модельному конструированию* предмета своего познания и деятельности. О каких моделях процесса общения может идти речь на сегодняшний день?!

Выше изложенная *функциональная модель общения* позволяет сделать наиболее полное описание этого явления, произвести классификацию форм проявления психологии человека в социальном взаимодействии. Это – матрица для описательного плана исследований. Но, чтобы перейти к исследованию каузальных (причинно-следственных) отношений между компонентами общения как целостного явления, необходимы соответствующие модели его *процесса* как последовательности связей между элементами структуры общения. Таких моделей может быть много, исходя из задач частных исследований.

В числе же *базовых методологических моделей*, как правило, рассматривается *онтологическая* и *гносеологическая* модель предмета познания. Онтологическая модель репрезентирует *феноменологическое содержание предмета* как некоторой завершённой целостности в объективированных формах его существования. Гносеологическая модель воспроизводит *логику познавательного процесса* в научно-исследовательской деятельности в *системе ключевых понятий*, имеющих эвристический потенциал, соответствующий сущности предмета познания.

Впервые *онтологическая модель общения* появилась в практике театрального искусства, теоретическую репрезентацию которой сделал К.С.Станиславский в «Работе актёра над собой». [161] Он, прежде всего, подчёркивал *непрерывность* естественного жизненного общения, закономерностям которого должен следовать артист на сцене. Он считал, что в основе профессионального мастерства артистов находится способность к психотехнической активации в подсознании естественных закономерностей

«органического общения». Психотехника рассматривалась им как инструмент самоуправления сценическим поведением артистов. Психотехника по его убеждению должна действовать на подсознание артиста, и через активацию подсознания прокладывает артисту путь к адекватному воспроизведению «органического общения» на сцене. Для этого нужно соблюдать все «моменты» общения на сцене, которые соответствуют «стадиям» жизненного общения.

Подвергнув естественный процесс общения технологическому анализу, Станиславский определил пять стадий *онтологической модели общения*, которые артист должен неукоснительно воспроизводить в своём сценическом поведении. В 1961 году в учебном пособии под названием «Мастерство актёра в терминах и определениях К.С.Станиславского» составитель М.А.Венецианова представила эти стадии в кратком обобщении словами Станиславского. [95] Эти слова не вполне приемлемы для научной терминологии, но, по сути, позволяют определить специфику процесса общения как социально-психологического феномена. Словами Станиславского эти стадии описаны следующим образом.

1. «Моменты выхода артиста ... рассматривание всех присутствующих, *ориентирование* в окружающих условиях и *выбор объекта ...*».
2. «Моменты подхода к объекту, *привлечение на себя его внимания* с помощью действий резко бросающихся в глаза ...».
3. «Моменты *зондирования души объекта* щупальцами глаз, подготовка этой души для ... восприятия мыслей, чувств и видений субъекта ...».
4. «Моменты *передачи своих видений объекту* с помощью лучеиспускания, голоса, слов, интонаций, приспособлений; желание и попытки заставить объект не только услышать, понять, но и увидеть внутренним зрением, *что и как* видит передаваемое сам общающийся субъект ...».
5. «Момент *отклика объекта и обоюдный обмен лучеиспускания и лучевосприятия душевных токов ...*».

Основной особенностью этой модели является то, что она раскрывает односторонний путь *субъекта к объекту общения*, и только на последней стадии рассматривается *соучастие* обеих сторон в этом процессе. В то время как психологическая наука считает определяющей субъект-субъектную детерминированность психологических явлений общения, то есть одновременные встречные воздействия партнёров друг на друга.

С позиций достижений современной психологической науки можно было бы навести критику на своеобразную терминологию и некоторую мистификацию необъяснимых и таинственных моментов общения. Однако сама стадийность процесса общения может использоваться для систематизации разрозненных результатов научных исследований общения как многогранного и целостного феномена психологического взаимодействия людей.

Эта модель процесса общения была использована как методологическая основа систематизации и интерпретации психологических явлений общения для конструирования его целостности. На основании эмпирических данных научных исследований стало возможным скорректировать названия и

содержательное наполнение этих стадий общения, а также определиться с формами объективации психических явлений в процессах общения.

Первая стадия – «выбор партнёра для взаимодействия». В сценическом поведении она связана с моментом выхода артиста на сцену. Это – стадия *выбора потенциального субъекта общения*, именно «субъекта», потому что он воспринимается с *партнёрских* позиций как *субъект социального взаимодействия*. Для артиста этот выбор предначертан сценарием, и артист заранее знает, к кому он должен обращаться. Но зрители не знают, и должны увидеть сам «выбор». Для этого артист должен сыграть как минимум *процесс восприятия* своего партнёра.

Современная психологическая наука располагает результатами исследования этой стадии. В них заключено весьма объёмное психологическое содержание процесса восприятия человека, которое подчинено цели выбора *партнёра для социального взаимодействия*. Задача этой стадии – втянуть человека в совместную деятельность, *сделать его своим партнёром*.

Выбор на этой стадии продиктован *прагматическими интересами социального взаимодействия*. Именно в них заключены критерии выбора партнёра как нам кажется всего лишь для общения, хотя и это имеет место в жизни людей. Поэтому в процессе восприятия потенциального партнёра мы стремимся прояснить те его *качества*, которые необходимы нам в нём как в субъекте конкретной ситуации социального взаимодействия. О них мы сначала узнаём в моменты восприятия партнёра по внешнему облику, признакам его поведения и экспрессивным откликам на нас, и только потом по результатам состоявшейся деятельности. Это превращает психофизическое восприятие в прогностическую перцепцию. Поэтому артисту нужно как следует рассмотреть, предписанного ему по сценарию партнёра, и сыграть свой психологический вывод о нём через проявленное к нему отношение.

Что добавляют нам результаты научных исследований в психологическое содержание этой стадии общения?!

Чтобы осуществить выбор объекта, мы должны *выделить его из фона* других объектов – увидеть его. Этот процесс подчинён психофизическим закономерностям восприятия в соответствии с *порогами различения, узнавания и опознания*. В реальности на это уходят доли секунды, но в сценическом действии это может занять больше времени, которого необходимо, чтобы зрители увидели то, что увидел актёр.

Одновременно с этим происходит *психологическая интерпретация личности* партнёра с точки зрения необходимых для успешного взаимодействия качеств, а также *итоговая оценка* его эмоционально-эстетической привлекательности, психологических качеств, делового потенциала и социального положения. Всё это включается в эксклюзивный психологический портрет, который функционирует в роли *первого впечатления* о партнёре, задавая к нему, скорее всего, противоречивое отношение «приятия-неприятия» как в «Женитьбе» Гоголя.

Вторая стадия – «проявление себя для партнёра». Её Станиславский связывал с моментом *привлечения к себе внимания партнёра*, чтобы возник необходимый

для общения *контакт*. Для этого, как показывают научные исследования, человек – инициатор общения должен сначала *выделиться из ряда других* людей, *заявить потенциальному партнёру о своём интересе к нему* и *представить свои достоинства* для предполагаемого социального взаимодействия. Это – *стадия презентации себя другим* основательно разработана в общественной практике социального взаимодействия. Результаты этих разработок составляют содержание имиджмейкерских технологий привлечения положительного отношения к себе. Они широко используются в политической рекламе кандидатов на общественно важные роли. Эти технологии используют психологические механизмы манипуляторского воздействия на общественное мнение людей. Примечательно то, что эти технологии совпадают с психотехникой сценического поведения артистов. Главная задача этих технологий по жизни – вызвать положительное отношение человека к себе как субъекту социального взаимодействия. Однако в сценическом поведении в случае исполнения отрицательной роли эта задача меняется на формирование к персонажу отрицательного отношения. Но в любом случае эта стадия подчинена задачам образования и поддержания *контакта*, без которого невозможно общение. Для этого нужно представить себя «интересным» человеком. При этом заинтересованность должна быть *взаимной*.

Третья стадия – «формирование психологического приятия партнёрами друг друга». Эта стадия по Станиславскому направлена на подготовку «души партнёра» для восприятия мыслей, чувств и видений субъекта общения. В качестве средств такой подготовки он называет «щупальцы глаз». Он полагал, что общение на этой стадии происходит напрямую из души в душу с помощью глаз. Здесь возникает вопрос: как происходит *контакт* глаз с душой партнёра?! Убедительного ответа на этот вопрос найти у Станиславского не удалось.

Дело в том, что в процессах общения простое зрительное восприятие общающихся людей превращается в «коммуникативный взгляд», *выражающий отношение* человека к человеку. В процессах общения партнёры уверенно отмечают злой или располагающий взгляд. Где представлена такая информация о взгляде?! Исследования обнаружили такое важное качество лицевых черт как их *экспрессию* (выразительность). Оказывается, глаза не только смотрят, но и *выражают* некоторые внутренние состояния субъектов общения, в которых прочитываются оценочные отношения партнёров друг к другу. *Взгляды глаз* партнёров транслируют друг другу результаты взаимопознания в феноменах первого впечатления, где экспрессивному компоненту психического отражения принадлежит определяющая роль.

В научной психологии речь здесь может идти о *психологических механизмах воздействия*, в числе которых изучается эмоциональное заражение, внушение, гипноз, рассчитанные на *бессознательную* сферу психики. Инструментами такого воздействия являются не «щупальцы глаз», а *экспрессивное* (выразительное) поведение человека, проявляемое им в мимике, жестах, интонации, позах и всех прочих телесных движениях, а также в речи. Выразительные компоненты этих средств заключают в себе психологическое

содержание взаимных посланий общающихся людей. На этой стадии оба партнёра одновременно выполняют роли корреспондентов и реципиентов психологической трансакции.

В числе сознательного воздействия рассматривается убеждение и различные формы принуждения – то, как воспитательные меры, то, как карательные меры. Всё это рассчитано на рациональные потенциалы психической организации человека. Послания здесь трансформируются в *высказывания* и *тексты сообщений*, где когнитивная рационализация начинает доминировать над эмотивными процессами психологической деятельности субъектов общения.

Основной задачей этой стадии является психологический настрой партнёров на ситуацию социального взаимодействия, формирование психологической готовности к приятию установок партнёра на предстоящее сотрудничество.

Четвёртая стадия – «обмен знаниями, мыслями, чувствами, планами». По Станиславскому на этой стадии субъекты общения стремятся к передаче *своих* видений партнёру так, чтобы быть понятным и принятым. С одной стороны здесь происходит развёрнутая информационная коммуникация вплоть до несдержанного откровения. С другой стороны преследуется цель абсолютного *взаимопонимания и согласия* ради достижения психологического единства как обязательного условия успешной совместной деятельности партнёров. В результате проясняются мотивы, установки, мировоззрение друг друга и множество других психологических факторов, которые могут повлиять на психологическую совместимость партнёров и устойчивость их группообразования. Эта стадия приобретает форму непрерывного *диалога*, который продолжается даже при физическом отсутствии партнёра. Итог общения на этой стадии трансформируется в отношения *согласия-разногласия*.

Пятая стадия – «установление взаимоотношений». Взаимоотношения сами по себе представляют особую ценность в совместной жизнедеятельности людей. Взаимоотношения возникают и функционируют в процессах общения, характеризуя социально-психологический результат социального взаимодействия. К этому результату партнёры идут через сложную коллизию психологической деятельности общения, основные особенности которой представлены в содержании онтологической модели общения. Этот процесс начинается с возникновении отношения «приятия-неприятия» партнёрами друг друга сначала на основании отражения эмоционально-эстетических эталонов внешнего облика. Затем это отношение подвергается цензуре психологического познания психологически важных качеств партнёров, что может привести к трансформации первичного отношения «приятия-неприятия» к взаимоотношениям сотрудничества, дружбы и даже любви, а возможно и ненависти. Результаты углублённого взаимопознания приводят к дальнейшей трансформации взаимоотношений через достижение понимания-непонимания к скреплению или разрыву сотрудничества и совместной жизни. Большую роль в трансформации взаимоотношений играет профессиональная и социальная успешность партнёров житейского общения, а также обряды, традиции и нормы социального поведения в общностях.

Данная онтологическая модель общения является результатом интегрального синтеза имеющихся научных и практических разработок этого процесса. Вполне возможно, что последующие исследования общения скорректируют феноменологическую структуру этого процесса по более надёжным основаниям.

Гносеологическая модель общения содержит круг проблем, связанных причинно-следственными зависимостями. Она представляет алгоритм закономерно возникающих явлений, характеризующих специфику общения как *процесса* взаимодействующих субъектов. Она состоит из следующих звеньев: «контактов» - «каналов связи» - «знаков» - «значений» - «смысла» - «отношений» - «форм проявления» - «личности». По сути, эта цепочка проблем воспроизводится в любом процессе общения. С контактов общение начинается, а всё происходящее в нём интериоризируется субъектами социального взаимодействия в психологических качествах личности.

Контакт является обязательным условием общения. Контакты могут быть прямыми, основанными на физическом восприятии друг друга, и опосредованными другими людьми, предметной коммуникацией, техническими средствами связи. В любом случае контакт предполагает *обратную связь*, без которой коммуникацию нельзя назвать общением. Абсолютной формой реализации обратной связи считается *диалог*. В диалоге партнёры приобретают роли собеседников, осуществляющих сложные процессы информационной коммуникации и согласования позиций, взглядов, мировоззрения. Каждый из них для поддержания контакта должен не только *обратиться* к партнёру, но и *откликаться* на его коммуникативные акты. *Обращения и отклики* являются основными действиями по реализации обратной связи между партнёрами. Создаётся впечатление, что обращения и отклики являются отделёнными друг от друга сущностями, проявляемые субъектами общения поочередно, о чём свидетельствует онтологическая модель общения по Станиславскому. На самом же деле в *обращении* одного партнёра уже заключён и *отклик* на обращение другого, в котором также был заключён и его отклик. Это возможно благодаря многоканальной взаимосвязи общающихся людей. По одному каналу транслируется обращение, по другому – отклик. Чаще всего обращение контролируется сознанием субъектов общения посредством речи, а отклик непроизвольно прорывается в эмоционально-экспрессивном поведении.

В качестве *естественных каналов связи* человека с человеком выступают его органы чувств, невербальное поведение и речь. Кроме того были изобретены хорошо всем известные *технические средства связи* (печать, радио, телефон, интернет и другие). К каналам духовно-эстетической коммуникации относится искусство. Выбор каналов общения велик и практически неограничен, если учесть *символическую функцию* любого объекта предметного мира, которую приобретает физический объект в общении. Эффективность общения в этом звене зависит от овладения этими средствами коммуникации. Каналы связи характеризуют всего лишь *инструментальную* оснастку коммуникации и могут не стать средством общения, если не происходит обратной связи.

Например, многие обслуживающие население фирмы в телефонной коммуникации автоответчиками разрывают обратную связь с клиентами, из-за чего теряют не только в оперативности обслуживания, но и самих клиентов, которые, не получив необходимого отклика на свой запрос, вынуждены искать другие каналы коммуникации, где обратная связь ещё функционирует. Нужно помнить, что у каждого партнёра свой индивидуальный стереотип решения даже стандартных проблем. Поэтому требование *обратной связи* в социальном взаимодействии является всегда актуальным, если есть подлинная заинтересованность в клиентах.

Любой коммуникативный акт за счёт символической функции, порождённой социальным взаимодействием, трансформируется в информационный процесс, где появляется *знак* с функцией транслятора некоторого смысла совместной деятельности людей.

Знаки являются условными формами *объективации* идеального содержания психической деятельности, которая совершается субъектами социального взаимодействия в процессах общения. Посредством знаков и их *значений* идеальная реальность субъективных представлений человека трансформируется в *виртуальную реальность* информационного пространства через языковую функцию знаков. Языки представляют *значения*, закреплённые за систематизированной системой слов-знаков. Это закрепление происходит сначала в процессах непосредственного, а затем и опосредованного общения.

Если в знаках закрепляются значения, то в *значениях* закрепляется *смысл*, который связывает, например, слово как условный знак с *пониманием сущности явления*, которое им обозначается (называется). Это указывает на то, что слова появляются не просто так, а когда сознанию человека открывается какое-либо новое явление, требующее обозначения для передачи его смысла другим людям.

Через определение сущности явления сознание прокладывает путь к *материальной реальности*, в отношении с которой реализуется смысл бытия человека. В общении такую реальность представляет партнёр сначала как физический объект, затем как социально значимая личность. Но для этого партнёры должны проявить свой телесно-психический потенциал в различных формах совместной жизнедеятельности, что даёт основание как-то относиться друг к другу.

Отношения людей друг к другу заключают в себе социально-психологический итог совместной деятельности и общения. Они трансформируются в многосложные формы социального взаимодействия, осознаваемые субъектами общения как *психологические качества личности*. Каждое такое качество в словесно-понятийной форме отражает *оценочное отношение* партнёров друг к другу по результатам совместной деятельности, в виде которых происходит завершающая объективация идеальных устремлений субъектов социального взаимодействия.

Формы проявления отношений представляют *предметное взаимодействие*, *невербальное и вербальное поведение* как акты трансакции по направлению партнёров друг к другу. Предметными действиями партнёры могут

содействовать или *препятствовать* выполнению индивидуальных функций в совместной групповой деятельности. Невербальным поведением они непроизвольно выражают свои личные отношения друг к другу. В нём заключено и обращение за помощью, и отклик на действия партнёра. Переход к вербальным формам взаимодействия используется для осознанного прояснения отношений и функциональной взаимозависимости в совместной деятельности. В них объективируются и закрепляются нарождающиеся взаимоотношения между участниками социального взаимодействия. Вместе с тем определяется личностный статус членов группового сотрудничества, что содействует самосознанию роли личности в групповых объединениях.

Личность представляет собой интегральный синтез человеческих отношений, формирующихся в совместной жизнедеятельности через общение людей друг с другом. Каждое качество личности – это социально приемлемые или отклоняемые нормативы человеческих отношений, которые определяются по результатам поведения и деятельности субъектов социального взаимодействия. В этих нормативах объективируется оценочная функция психологического познания человека человеком, где критерии адекватности уступают значениям справедливости, что предельно *субъективирует* психическое отражение. Поэтому призыв судить по делам, то есть по продуктам деятельности, является наиболее перспективным принципом методологии психологического познания и общения.

3.1.7. Проблема гуманитарных технологий в социальном взаимодействии.

Разработка идеи «гуманитарных технологий социального взаимодействия» предполагает ответы на следующие вопросы:

- 1) Какой смысл имеет слово «технология»?
- 2) В чем специфика «гуманитарных технологий»?
- 3) В какой профессиональной деятельности возникают «гуманитарные технологии»?
- 4) В каких аспектах социального взаимодействия людей могут применяться «гуманитарные технологии»?
- 5) С какими проблемами социального взаимодействия они связаны?
- 6) В чём состоит профессиональная компетенция «гуманитарных технологов»?

Методологический конструкт представляет логику теоретического построения концепции гуманитарных технологий социального взаимодействия. Эта логика опирается на *объектный* анализ социального взаимодействия как *целостного и интегрального* явления общественного бытия человека. Социальное взаимодействие является *объектом междисциплинарного* исследования, что предполагает *синтез* научных знаний об этом объекте. Такой синтез возможен при соблюдении принципов *целостного отображения* данного объекта познания, что, в свою очередь, предполагает *структурную интегральность* при анализе объекта, *комплексность охвата* разнокачественных проявлений объекта.

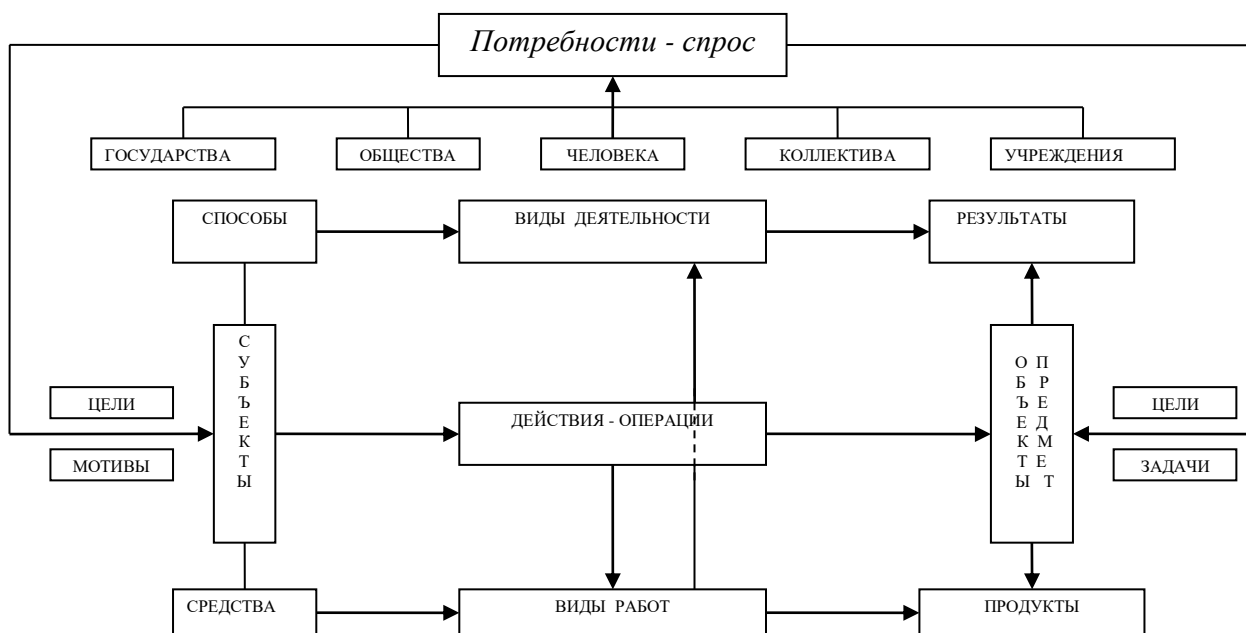
В понятии «гуманитарные технологии социального взаимодействия» объединены четыре явления: *гуманитарность, технология, социальность, взаимодействие*. Ответы на поставленные вопросы должны раскрыть их взаимосвязи в целостном единстве *профессиональной деятельности специалистов*, обслуживающих различные аспекты общественной практики людей. Число таких аспектов равно проблемам жизнедеятельности людей, что указывает на *универсальность* таких специалистов.

Однако проблемные поля профессиональной деятельности «гуманитарных психологов» в пределах их специализации нуждаются в *междисциплинарной дифференциации-интеграции*. Для этого нужны правильно выбранные основания *классификации проблем социального взаимодействия*. В качестве таких оснований могут быть использованы *основные векторы социального взаимодействия человека*. «Классификация наук о человеке в наше время становится своего рода дублером общей классификации наук» - писал Б.Г.Ананьев. [11, с.48]. Это происходит в связи с «антропологизацией» современной науки, как считал Б.Г.Ананьев, и потому, что *человек* является синтетическим объектом природы, соединяющим в себе все её свойства.

Проблемные поля социального взаимодействия являются *предметной областью профессиональной деятельности «гуманитарных технологов»*. Именно в них (проблемных полях) находит свое отражение *содержательный контекст* их профессиональной деятельности. Этот контекст необходимо учитывать при разработке конкретных «гуманитарных технологий», а также определения содержания профессиональной подготовки на стадии обучения.

«Гуманитарные технологии социального взаимодействия» как интегральная целостность представлена в *профессиональной деятельности* соответствующих специалистов практической направленности на решение проблем отдельного человека, групп людей, социальных организаций, общества. Именно *профессиональная деятельность* таких специалистов должна быть рассмотрена и спроектирована в качестве методологической модели анализа специфики содержания «гуманитарных технологий» как одного из её структурных компонентов. (См. Композицию 2).

Композиция 2. Технологическая модель профессиональной деятельности

Эта композиция позволяет проанализировать и описать любую разновидность профессиональной деятельности, наполняя каждый из её компонентов специфическим для той или иной деятельности содержанием. Но прежде, чем использовать методологический потенциал данной композиции, нужно определиться со смысловым употреблением следующих понятий: «технология», «гуманитарные технологии», «социальное взаимодействие».

«Технология» - совокупность знаний о *способах и средствах* производственных процессов; совокупность наук, сведений о *способах переработки* того или иного сырья в фабрикат, в готовое изделие; совокупность процессов такой переработки; совокупность произведенных операций, методов и процессов, приёмов в каком-либо деле; учебный предмет. Эти определения содержатся в следующих словарях: «Словарь иностранных слов», М., 1955; «Толковый словарь русского языка», М., 1940; «Современный толковый словарь русского языка», СПб, 2005.

С одной стороны, технология в качестве *знаний* представляет собой некоторую *теорию практической деятельности*, описанной на уровне последовательности действий и операций, видов работ и видов деятельности, приемов и способов обработки какого-либо объекта. Эти знания составляют один из фундаментов профессиональной компетентности специалиста.

В этом случае технология представляет собой *методологический конструкт* как руководство по практическому использованию научно-профессионального знания. В этом смысле она является элементом методологии, связывающим теорию с практикой.

С другой стороны, технология в промышленном производстве имеет инструментальное воплощение в орудиях труда (станках, агрегатах, автоматизированных системах и т.п.) и других *материальных средствах* профессиональной деятельности.

Важнейшим же моментом в современных технологиях является *оптимальная последовательность действий и поведения субъекта* профессиональной деятельности, который в основном управляет производственным процессом на автоматизированных предприятиях. Эта последовательность представляет собой *способы решения* производственных задач.

Способы решения производственных задач в практической деятельности по взаимодействию со своим объектом труда являются *ядром современных технологий*. Способы производственной деятельности, в частности, и технология, в целом, нацелены на преобразование объекта в конкретное изделие как потребительскую ценность, которая в качестве готового продукта является критерием «плохой» или «хорошей» технологии. Это означает, что технологию по большому счету не следует отрывать от качественного результата деятельности.

Гуманитарные технологии представляют *систему приёмов и способов решения проблем социального взаимодействия людей в целях его оптимизации*. Такая система предполагает *закономерную последовательность* способов профессионального *воздействия* специалистов на объекты своей трудовой деятельности. Именно *закономерная последовательность* профессиональных действий и поведения, объединенных в некоторый осмысленный *алгоритм* представляют собой то, что принято называть *технологией*. Гуманитарные технологии связаны с областью человеческих интересов в жизнедеятельности людей. Акцент в этих технологиях сделан на решении жизненных проблем участников взаимодействия и их отношений.

В социальном взаимодействии субъект профессиональной деятельности («гуманитарный технолог») в качестве *орудий труда* использует в основном *средства информационной коммуникации*. Поэтому его технология *объективируется в средствах и способах информационно-коммуникативного взаимодействия* с людьми, которые являются *объектами* его профессиональной деятельности. Сегодня эти средства используются в качестве *манипулятивных технологий* воздействия на общественное сознание.

Однако анализ только средств информационной коммуникации не исчерпывает всех сторон и особенно содержание процессов *воздействия* «гуманитарного технолога» на процессы социального взаимодействия людей. Здесь достаточно напомнить об эмоциональном заражении, внушении, подражании, аффилиации (присоединение), фацилитации (облегчение), эмпатии (сопереживание), фасцинации (очарование), следовании за лидером, конформизме и других социально-психологических явлениях социального взаимодействия людей. Все это относится к *психологии человека*, которая является *главным механизмом* в информационной коммуникации. Он часто становится непреодолимым препятствием в достижении целей сообщений из-за не понимания или пренебрежения законов психологии человека.

Специфика «гуманитарных технологий» заключена в проблематике социального взаимодействия как *общения, совместной деятельности людей и процесса их жизнедеятельности в целом*. В этом контексте «гуманитарные технологии» следует рассматривать как *способы регуляции, организации и*

управления взаимодействием людей в диадах, группах, социальных организациях и в обществе.

«Гуманитарные технологии» могут быть представлены как способы психотерапевтической помощи. К ним могут быть отнесены социально-психологические тренинги. В управленческой деятельности это могут быть организационные модели совместной деятельности. Это может быть система информационной коммуникации. К их числу можно отнести научно-исследовательские методы социального познания человека и общества, методики обучения и воспитания детей и взрослых. Технологические функции содержит система правовых, экономических, политических, нравственных, эстетических, гендерных, возрастных, этнических норм социального взаимодействия людей, а также система знаний о взаимодействии человека и общества. Главным объектом профессиональной деятельности «гуманитарных технологов» является социальное взаимодействие, в процессе которого происходит реализация всех ценностно-смысловых отношений человека к его жизни.

«Социальное взаимодействие» - это универсальная форма жизни и деятельности людей в сообществах (человечества в предельных границах социальной целостности). В нём сосредоточены все ценности человеческого бытия и потенциалы личности. От того, как оно организовано и как мы им управляем, зависит судьба каждого человека и человечества в целом. Этим предопределяется значимость специалистов гуманитарных технологий.

В процессе социального взаимодействия происходит воспроизводство и обеспечение жизни людей, реализация их жизненного потенциала, удовлетворение всевозможных потребностей, онтогенез, социогенез, психогенез, неогенез, эволюция души и тела. Социальное взаимодействие – это форма активности творящего духа, преобразующего мир вещей и людей. В этом процессе человек переходит из индивидуального состояния в состояние субъекта деятельности, имеющего такие степени свободы, которые позволяют ему «открепиться» от нищеты материального бытия и стать человеком, созидающим новый мир, наполненный предметами своей творческой деятельности, переживаниями и чувствами высшего порядка (интеллектуальными, нравственными, эстетическими).

Социальное взаимодействие, в самом широком аспекте, может и должно рассматриваться как **процесс жизнедеятельности людей в сообществах**. Это предполагает характеристику образа жизни тех конкретных общностей, с которыми человек связан своим существованием. Образ жизни включает предметно-материальный антураж. В него входят жилищные постройки, предметы быта, техника, орудия труда, украшения, продукты питания – вся материальная атрибутика жизни. Образ жизни регулируется правилами поведения, нормами, запретами, предписаниями, законами, инструкциями и другими формами общественного сознания. В обычаях, традициях, ритуалах, праздниках, играх, языках, в искусстве, сказках и фольклоре объективируется духовная сущность народов. В знаково-символической коммуникации происходит трансляция атрибутов культуры и цивилизации.

В этих феноменах социального взаимодействия представлены человеческие отношения (половые и гендерные, возрастные и поколенческие, этнические и гражданские, производственные и экономические, правовые и политические, нравственные и религиозные, моральные и этические, эмоциональные и эстетические, а также личные и групповые взаимоотношения. Особое место в образе жизни сообществ занимает *семейный уклад жизни*, который воспроизводит традиционные ценности предков, ревниво оберегая эти ценности по естественным законам жизни коллективного бессознательного.

Социальное взаимодействие возможно при условии *общения* людей. Общение обеспечивает *координационные функции* социального взаимодействия. Оно вплетено в социальное взаимодействие как его внутренний *социально-психологический механизм*, из-за чего возникает впечатление их полного слияния. Отличие общения от социального взаимодействия следует усматривать в сопоставлении их как части и целого, где общение компонент структуры социального взаимодействия. Но это всего лишь формально-логические различия. Содержательные различия заключены в целях, средствах, способах и объектной направленности социального взаимодействия как предметно-практической деятельности людей и общения.

Общение направлено к взаимодействию с внутренним миром партнеров. Оно *субъектно направлено*, в то время как взаимодействие в целом имеет ещё и *объектную направленность* на материализованные ценности, продукты и предметы. Объектная направленность в социальном взаимодействии людей доминирует в силу её очевидности и первостепенной заинтересованности взаимодействующих субъектов. Партнёр в этом случае рассматривается как одно из средств достижения индивидуальных целей, удовлетворения эгоистических потребностей человека.

Субъектная направленность общения к внутреннему миру человека превращает социальное взаимодействие в *социально-психологическую деятельность*, предметом которой становятся *психологические качества личности*, значимые для той или иной ситуации взаимодействия. Эта деятельность основана на *психологических законах обратной связи* между партнерами, и разворачивается как процессы *взаимосвязи, сообщения, взаимопознания, согласования, взаимовлияния*, которые трансформируются в *личные отношения*, представляющие собой *групповые эффекты* как социально-психологические условия социального взаимодействия.

Групповые эффекты – это всегда *взаимоотношения*, которые являются результатом общения людей. Взаимоотношения создаются и воссоздаются двусторонними усилиями партнеров, то есть зависят от всех сторон взаимодействующих субъектов. Партнеры по социальному взаимодействию часто «не замечают» (не осознают) своей роли *субъектов общения* в силу обслуживающих функций общения по отношению к материально выраженной деятельности людей. Это приводит к нарушению естественных законов человеческого общения и в последствие к рассогласованию социального взаимодействия. В связи с этим в деятельности специалистов по гуманитарным

технологиям появляются сложные проблемы социально-психологического свойства.

Процесс общения следует рассматривать как особый механизм социального взаимодействия. Он проходит по пяти стадиям в соответствии с естественными законами его протекания. На *первой стадии* происходит *выделение партнера* из ряда других потенциально возможных. На *второй стадии* активатор общения *презентует себя* в качестве *значимого лица* для потенциальных партнёров. На *третьей стадии* начинается *обмен мнениями* по поводу общих объектов социального взаимодействия. На *четвертой стадии* происходит *согласование* позиций, целей, планов, способов решения, средств деятельности и других условий конкретного взаимодействия. На *пятой стадии* устанавливаются *взаимоотношения как социально-психологические условия*, затрудняющие или благоприятствующие социальному взаимодействию конкретных партнеров. В закономерностях этих стадий содержатся объективно необходимые технологии социального взаимодействия людей.

Процесс общения следует рассматривать как естественный механизм *социально-психологической координации совместной деятельности* людей в различных социальных институтах и организациях. Именно в социальных общностях и организациях социальное взаимодействие приобретает статус *совместной деятельности*. Это происходит благодаря потенциалу человеческого общения, который позволяет создать внешний по отношению к каждому человеку *механизм социальной регуляции* индивидуального поведения и деятельности.

Совместная деятельность как форма социального взаимодействия возникает в результате *кооперации* вкладов участников трудового процесса, направленного на производство *продуктов* материального и духовного *потребления*. Источником и побудителем совместной деятельности людей является потребность во *взаимопомощи* при невозможности совершить трудовую деятельность в одиночку. Взаимопомощь побуждает людей к *объединению в социальные общности, организации, учреждения*, а кооперация предполагает *самоорганизацию и самоуправление* трудовыми объединениями людей.

Совместная деятельность благодаря кооперативному характеру является наиболее эффективной формой социального взаимодействия, направленной на воспроизводство жизнеобеспечивающих ресурсов человека и общества. Поэтому совместная деятельность самым тесным образом связана с мотивационной сферой психической организации человека. Источниками мотивационной активности человека являются осознаваемые и не осознаваемые *потребности человека, общества, коллектива, учреждения (ведомства), государства* и других субъектов социального взаимодействия. Все это относится к побудителям социальной активности данных субъектов. Это означает, что мотивационная активность личности трансформируется в её трудовую активность в форме профессиональной деятельности. Мотивационная активность психической организации человека интегрируется в

индивидуальной системе «Я-хочу», которая выполняет роль внутреннего стимула к более или менее интенсивным формам социального взаимодействия.

Однако для успешной реализации индивидуальных или коллективных желаний субъекты совместной деятельности должны располагать соответствующими *возможностями*. Потенциал таких возможностей представлен в психических образованиях «Я-могу». Этот потенциал включает в себя *задатки и способности*, относящиеся к индивидуальным особенностям человека, а также его *социальное положение*, приобретенное за счет предков или собственной социальной мобильности.

Совместная деятельность всегда происходит в *группах*, которые имеют свою внутреннюю структуру (иерархию отношений), нормы и правила поведения и деятельности. Нормативность совместной деятельности предъявляет соответствующие требования к субъектам совместной деятельности, которые на социально-психологическом уровне интериоризируются в психических образованиях «Я-должен». Долженствование субъекта совместной деятельности переживается как *зависимость* личности от коллектива. Эта зависимость *рефлексируется* в психических образованиях «Я-интимного», и результаты таких переживаний приобретают *нравственный смысл* в оценочной деятельности участников совместной деятельности.

Все это говорит о том, что совместная деятельность является универсальным способом *самовыражения и самореализации* индивидуальных интенций, потенций и тенденций нашего «Я» в качестве субъекта социального взаимодействия. Именно в этом процессе «Я-внутреннее» проявляется в «Я-реальном».

Социальное взаимодействие в данном случае охарактеризовано в качестве *общего и интегрального по своим свойствам объекта* профессиональной деятельности специалистов по *гуманитарным технологиям*. При управлении таким сложным объектом необходимо сохранять его *целостность*. Эта задача может быть возложена на соответствующих специалистов, способных по своей подготовке решать задачи социального взаимодействия

В структуре *социального взаимодействия* необходимо дифференцировать основные «субъект-объектные» векторы, обозначающие **предметные** границы субъект-объектных отношений для специалистов «гуманитарных технологий» разных профилей. В структуре социального взаимодействия выделяются четыре таких вектора: 1) «человек - человек», 2) «человек - группа», 3) «человек - социальная организация», 4) «человек – общество». Каждое из этих направлений социального взаимодействия предполагает специальную подготовку «гуманитарных технологов». Эта специализация будет *предопределяться доминирующими технологиями социального взаимодействия* на каждом из этих векторов.

На векторе «человек – человек» специалист гуманитарных технологий работает в режиме диадного, персонального, межличностного общения с клиентом. В этом случае *беседа* является основным способом профессиональной деятельности такого специалиста. Поводом и содержанием таких бесед являются личные проблемы клиента, которые он осознает как

неудачи своей жизни, не реализованные намерения, не удовлетворенные желания, внешние препятствия на пути достижения своих целей, конфликты с окружающими его людьми, разочарованность жизнью, людьми, собой и т.п. Все они, так или иначе, связаны с нарушениями *идентичности человека самому себе, целостности своего «Я»*. Источником их являются *человеческие отношения*, сложившиеся у конкретного человека с другими людьми в *общностях и объединениях*, в которые он вхож. Поэтому реальная проблемная ситуация клиента находится в конкретных *«группах вхождения»* (в семье, трудовом коллективе, в кругу друзей).

Беседа как одна из профессиональных технологий должна следовать правилам в соответствие с её целями – психотерапевтическими, педагогическими, консультационными, психоаналитическими, психодиагностическими, психокоррекционными. Всё это предполагает соответствующую профессиональную подготовку специалиста «гуманитарных технологий» и формирование у него психологической культуры социального взаимодействия.

Проблемы этого вектора имеют индивидуально-личностный характер, но проявляются и переживаются как проблемы персонального взаимодействия. В семье – это детско-родительские и супружеские отношения в первую очередь. В трудовом коллективе – это отношения между конкретными сотрудниками, с подчиненными и руководителями (деловые отношения). В кругу друзей – это доверительные отношения с референтными личностями. Содержательный спектр этих проблем также широк и необъятен как сама жизнь. Все они относятся к классу *психологических проблем*, что предопределяет соответствующую профессиональную компетенцию специалистов «гуманитарных технологий» в данной сфере социального взаимодействия.

На векторе *«человек – группа»* специалист «гуманитарных технологий» работает в режиме *социально-психологического взаимодействия* с некоторой общностью людей, заинтересованных в приобретении навыков социального взаимодействия. Основной технологией в этом случае является *социально-психологический тренинг*. Он чаще всего направлен на развитие потенциала общения и делового взаимодействия личности. В то же время он используется в групповой психотерапии.

На этом векторе произрастают проблемы групповой динамики и первичной социализации субъекта социального взаимодействия, проблемы встраивания себя в групповые структуры, проблемы достижения желаемого статуса, проблемы конформизма, согласия, лидерства, конфликта, реализации себя и многие другие, характеризующие *взаимоотношения личности и коллектива (группы)*.

Проблемы этого вектора социального взаимодействия носят *социально-психологический* характер. К ним относятся проблемы функционально-ролевой дифференциации на ведущих и ведомых. В числе проблем этого вектора взаимоотношения сотрудничества-соперничества, дружбы-вражды, общительности-замкнутости, понимания-непонимания, любви-ненависти, независимости-подчинения, добра-зла, ответственности-безответственности,

долженствования-необязательности, справедливости-несправедливости. Их принято называть проблемами межличностных отношений.

Однако источниками этих проблем являются и личные качества человека, и групповая атмосфера в группах вхождения, и макроструктурные особенности организации общества в целом. В первичных группах происходит «встреча» индивидуальных интенций человека с тенденциями социального взаимодействия в обществе. Поэтому реальные межличностные отношения следует рассматривать как результат экстерииоризации индивидуальных установок субъекта и интериоризацию тех или иных общественных тенденций, ассимилированных в группах вхождения конкретного субъекта социального взаимодействия.

В связи с этим профессиональная компетенция специалистов «гуманитарных технологий» расширяется до знания работы с группой посредством социально-психологических тренингов и социальных источников и детерминант социального взаимодействия как процесса общественной жизнедеятельности людей.

На векторе *«человек – социальная организация»* социальное взаимодействие подчинено закономерностям *организации совместной деятельности*. Отсюда возникает и круг соответствующих проблем для профессиональной деятельности специалистов «гуманитарных технологий». К их числу в общих чертах относятся проблемы соответствия *организационной структуры* учреждения или предприятия *целям, задачам и предметному содержанию их деятельности*, а также *мотивационному настрою работников* конкретной социальной организации.

Первая проблема - соответствие организационной структуры содержанию деятельности, связана с *технологическим звеном* производственной деятельности. Именно в этом звене реализуется *совместимость содержания и формы* социального взаимодействия. Организационная идея без адекватного технологического решения мертва, а если живет без него, то отравляет процесс предметно-практической деятельности. Технологическое решение объективирует в алгоритме взаимодействия *механизм достижения целей деятельности* в соответствие с её содержанием.

Эта проблема связана с квалификацией специалистов «гуманитарных технологий», основанной на знании содержания социального взаимодействия и как жизнедеятельности людей, и как их общения, и как их совместной деятельности.

Вторая проблема этого вектора – соответствие организационной структуры мотивационному настрою работников конкретной социальной организации, связана с удовлетворенностью всеми аспектами своей работы в данной социальной организации и с её идентификационным потенциалом для личности специалистов.

На векторе *«человек – общество»* социальное взаимодействие разворачивается по всем направлениям жизнедеятельности людей. На передний план здесь выходят *социальные проблемы* общественного бытия человека, объединений людей (социальных общностей и групп). В их числе находятся

проблемы гендерного, этнического, возрастного, религиозного взаимодействия людей, их экономические и политические права, соблюдения морали и нравственности в поведении, ценностные ориентации и культурные нормы. Все эти проблемы решаются *по технологиям достижения согласия*, которые должны стать главным предметом деятельности специалистов «гуманитарных технологий».

Широкий круг этих проблем предъявляет серьезные требования к профессиональной подготовке таких специалистов. Они должны знать всё о *человеке и человечестве, о человеке и обществе, о человеке и производственной деятельности, о человеке и культуре*. Он должен быть обучен *технологиям согласования* альтернативных интересов разных людей, без чего многонаселённое человечество может погрязнуть в бесконечных конфликтах, способных его погубить.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОБЛЕМНЫХ ПОЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На каждом из этих векторов социального взаимодействия возникает неопределенное множество социально-психологических проблем, которые, пересекаясь, трансформируются в систему *человеческих отношений*, составляющих основное *предметное содержание* социального взаимодействия и профессиональной деятельности специалистов гуманитарных технологий. Поэтому *человеческие отношения* должны рассматриваться в качестве *исходного основания классификации проблемных полей социального взаимодействия*. При этом важно понимать, что *отношения* не всегда лежат на поверхности процесса социального взаимодействия. Чаще всего они «упакованы» в различные формы *предметных действий партнеров, их поступки, поведение и деятельность*. В самом общем виде они осознаются как *рассогласование взаимодействия и конфликты*.

Человеческие отношения возникают в процессах *субъект-субъектного* взаимодействия людей в контексте их жизнедеятельности, общения и совместного труда. *Субъект-субъектное взаимодействие* предполагает, прежде всего, обращение человека к человеку как к некоторому потенциалу, усиливающему возможности преодоления проблем индивидуальной и общественной жизни или как к препятствию на пути достижения индивидуальных, групповых и общественных целей. *Субъект-субъектное взаимодействие является источником всех человеческих отношений*. *Человеческие отношения являются обязательным атрибутом* любых форм социального взаимодействия. От них зависит очень многое в практике социального взаимодействия людей.

Всё многообразие человеческих отношений принято дифференцировать на ряд больших классов: 1) *класс самоотношения*; 2) *класс личных отношений*; 3) *класс межличностных отношений*; 4) *класс общественных отношений*. Все они наполняются *психологическими и социальными* свойствами человека как индивида, личности и индивидуальности. Слияние этих свойств в целостных актах различных форм человеческой активности образует множество

социально-психологических конструктов человеческих отношений, которые можно группировать на эти классы.

Любой *социально-психологический конструкт человеческих отношений* включает явления *самоотношения, личных и межличностных отношений, групповых и общественных отношений*. Все они имеют *разные источники возникновения*, которые детерминируют их качественные различия.

Источником *самоотношения* являются рефлексивные процессы психической деятельности человека, направленные на *самопознание* своих возможностей, желаний и намерений. Самоотношение проявляется в образах «Я», в самооценках, имидже, презентации и в других формах социального взаимодействия.

Самоотношение является *психологической опорой* социального взаимодействия человека в качестве субъекта общения, познания и труда. Сложность этого явления заключена в вопросе о том, кто является *субъектами взаимодействия* в этом случае – процесса взаимодействия человека с самим собой? Здесь ясно, что одним партнером субъект-субъектного взаимодействия является *человек*. А, кто является вторым партнером? Начиная от З.Фрейда, в качестве второго партнера внутреннего диалога выступает «Я» этого же человека. К сегодняшнему дню развития «Я-концепции» в её структуре выделяется множество «Я», относящихся к разным компонентам структуры психической организации человека. В их числе в качестве основных понятий утвердились следующие «Я»: «Я-хочу», «Я-могу», «Я-должен», «Я-интимное», «Я-реальное». Первые четыре образования «Я» можно объединить понятием «Я-внутреннее», а пятое – отнести к понятию о «Я-внешнем».

Следовательно, *социально-психологический конструкт самоотношения* возникает из *субъект-субъектного* взаимодействия *человека со своим «Я»*. Это может послужить основанием для объединения и дифференциации различных форм проявления самоотношения в процессе рефлексивного взаимодействия человека с самим собой.

Сквозной проблемой самоотношения является проблема достижения *тождественности* человека *самому себе*. Эта проблема решается путем множественных *идентификаций* с социально-ролевыми функциями субъекта социального взаимодействия. Задача специалистов «гуманитарных технологий» состоит в том, чтобы обеспечить *адекватную идентификацию личности* в процессах социального взаимодействия.

Источником *личных отношений* субъекта социального взаимодействия являются внутренние интенции человека, возникающие из потенциала эмотивных функций психической деятельности. Это – потенциал эмоций и воли, который проявляется в *заинтересованности* объектами взаимодействия, в числе которых находятся люди в качестве потенциальных и реальных партнёров. Личностные отношения раскрывают психологическое содержание направленности человека на объекты взаимодействия. Эмотивные функции личных отношений стимулируют социальную перцепцию партнёров, результатом которой являются образы-представления о них как субъектах *необходимой совместной деятельности*.

Источником *межличностных отношений* является *непосредственное общение* людей в их совместной жизнедеятельности в конкретных границах диадного субъект-субъектного взаимодействия. Такое взаимодействие предполагает конкретизацию межличностных отношений, которые возникают между двумя конкретными людьми. В данном случае *социально-психологический конструкт межличностных отношений* целесообразно рассматривать в границах социального взаимодействия *человека с человеком*.

Межличностные отношения – это всегда *взаимоотношения*, созданные субъектами взаимодействия. Они порождены совместной жизнедеятельностью субъектов конкретных общностей с обозримыми для них границами членства, поэтому их называют еще и *внутригрупповыми* отношениями.

Межличностные отношения проявляются в виде *групповых эффектов* через поступки и поведение партнеров. В качестве интегрального группового эффекта рассматривают социально-психологический климат, который наполнен различными и конкретными видами *взаимоотношений*. Сквозной проблемой межличностных отношений является проблема достижения *согласия* между партнерами социального взаимодействия. Эта проблема решается посредством *обсуждения социально-психологических позиций* субъектов социального взаимодействия. Задача специалистов «гуманитарных технологий» состоит в том, чтобы *оптимизировать общение* партнеров в целях достижения *согласия* через обеспечение их *взаимопонимания и взаимоприятия*.

Проблемные поля межличностных отношений могут обобщаться и дифференцироваться по *видам взаимоотношений*, с одной стороны, и по конкретному *персональному* составу взаимодействующих субъектов, с другой стороны.

Источником *общественных отношений* является *опосредствованное социальными организациями жизнеобеспечивающее взаимодействие* людей как *представителей конкретных социальных общностей* (половых, возрастных, этнических, производственных, экономических, правовых, политических, религиозных и других общностей, составляющих социальную структуру общественной жизнедеятельности людей).

Каждая общность *нормирует* поведение субъектов взаимодействия относительно друг друга в соответствии с *социальным положением* человека в иерархии общественных отношений. По критериям норм на общественном уровне социального взаимодействия существует динамическое *согласие-несогласие* между социальными группами и отдельными личностями, что является наиболее острой проблемой в организации общественных отношений.

В социальной структуре общественных отношений обобщенно дифференцируются *производственные, экономические, правовые, нравственные, религиозные, политические, этнические, эстетические, гендерные, возрастные (поколенческие) отношения*. В качестве субъектов социального взаимодействия на уровне общественных отношений выступают различные *общности* людей через своих *представителей*, которые осуществляют презентацию и продвижение групповых интересов в сферы социального взаимодействия.

Проблемные поля общественных отношений можно систематизировать по их типам (производственным, экономическим, правовым и т.д.), с одной стороны, и по социально организованным общностям, с другой стороны, а также по условным группам людей, составляющим прирожденную дифференциацию общества по индивидуальным различиям (по полу, возрасту, этничности).

Сквозной проблемой общественных отношений является проблема *социально-психологической адаптации* человека к социальному взаимодействию во всех *общностях* людей. Эта проблема очерчивается границами взаимодействия *человека и общества*. Задача специалистов по «гуманитарным технологиям» состоит в том, чтобы содействовать *социально-психологической адаптации и реабилитации личности* в процессах жизнеобеспечивающего социального взаимодействия всех субъектов общественной жизнедеятельности.

Все эти человеческих отношений могут послужить методологическим основанием для наиболее общей классификации проблем социального взаимодействия. Внутри этой классификации проблемные поля могут рассматриваться с позиций разных наук о человеке и обществе. В данном исследовании может идти речь о *психологических, педагогических и социальных проблемах*.

Психологические проблемы проистекают из субъективных особенностей *познания, переживания и оценки* себя и других в конкретных общностях людей. Они связаны с социально-психологическим содержанием человеческих отношений, которые возникают в субъект-субъектном взаимодействии. Субъект-субъектное взаимодействие конкретизируется обозначением *ролевых функций* субъектов, связанных в одну общность совместной жизнью и деятельностью. Например, в семье субъект-субъектные отношения являются как *супружеские, детско-родительские, сиблинговые, родовые* и другие.

Психологические проблемы присутствуют в контексте всех видов человеческих отношений через персонификацию личностных качеств человека и связанными с ними проблемами. Сквозными психологическими проблемами личности на всех уровнях человеческих отношений являются проблемы *самореализации* человека и использование его *индивидуального потенциала* в общественной жизнедеятельности людей. Эти общие проблемы трансформируются в бесчисленные ряды частных проблем, которые и пытаются обозреть современные науки о человеке и обществе.

Педагогические проблемы порождены процессами *воспитательного воздействия* субъектов социального взаимодействия друг на друга. Они проистекают из естественных механизмов *взаимовлияния* людей в процессах общения (подражания, внушения, эмоционального заражения, убеждения, аффилиации, эмпатии и других ещё неизвестных науке). Педагогические проблемы связаны с последствиями *влияния* родителей на детей, учителей на учащихся, всех на всех. Основной проблемой здесь является *нормативность поведения* субъектов социального взаимодействия по отношению друг к другу. Поскольку нормативность требований к социальному взаимодействию определяется в социальных общностях людей, постольку существует их

специфика в каждой общности, которая становится источником разногласий между людьми на всех уровнях человеческих отношений. В педагогическом воздействии происходит практическая реализация известных и неизвестных закономерностей социального взаимодействия людей. Специалисты «гуманитарных технологий» в качестве педагогов могли бы создавать организационные условия для реализации и развития природного потенциала учащихся в их учебной деятельности, о чём 90 лет назад писал Блонский.

Социальные проблемы возникают в связи с функционированием групп как субъектов социального взаимодействия. Коллективный характер жизнедеятельности людей порождает систему общественных отношений, которые нормируются и включаются в качестве механизмов регуляции социального взаимодействия. Для системы общественных отношений характерно *столкновение и консолидация* групповых интересов. Эти два встречных процесса предопределяют интригу социального взаимодействия в силу имеющейся противоречивости. В разрешении этого противоречия участвуют конкретные субъекты, олицетворяющие интересы отдельных социальных общностей. Все социальные проблемы наполнены групповыми интересами людей. Поэтому они несут в себе заметный груз психологических проблем. С другой стороны, социальные проблемы отчуждены от конкретной личности, так как концентрируют в себе интересы общности, которые могут не совпадать с индивидуальным интересом отдельных членов. Основной проблемой уровня общественных отношений в деятельности специалистов «гуманитарных технологий» является проблема *согласования индивидуальных и общественных интересов* людей, входящих в каждую конкретную общность. Если этого согласования не удастся достичь, то происходит интенсификация миграционных процессов, приводящая к обострению адаптационных и реабилитационных процессов.

В соответствие с этой классификацией проблемных полей социального взаимодействия можно будет определять необходимую *проблемную и технологическую* компетентность специалистов «гуманитарных технологий».

Их известных технологий анализа и решения этих проблем следует выделить *научно-исследовательские технологии*, направленные на *диагностическое обследование* сложившихся социально-психологических конструктов в современном обществе. Можно выделить *психоаналитические технологии*, направленные на решение проблем *самоотношения и личные отношения*. Можно выделить *технологии социально-психологического тренинга*, направленные на решение *межличностных отношений*. Вполне дифференцируются *педагогические методики* как *технологии организации учебного процесса*. Для решения социальных проблем и регуляции общественных отношений можно использовать *координационные средства организационной психологии*, а также *общественные институты, формирующие законодательные нормы* социального взаимодействия.

Таким образом, вырисовывается содержание *профессиональной компетенции* специалистов «гуманитарных технологий». Она включает *знания наук о человеке и обществе*, представленные на информационном уровне, *знания о*

современных проблемных полях социального взаимодействия, представленные как жизненные противоречия человека и общества. Практическое овладение научно-исследовательскими технологиями, представленное способностями провести самостоятельное диагностическое обследование и технологиями координации социального взаимодействия на индивидуальном, групповом и общественном уровнях.

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

«Технология» - понятие технических наук и производственной практики, связанное с обозначением *последовательности* законченных операций и действий, совершаемых для обработки материалов и изготовления какого-либо продукта массового производства и потребления. Такая *последовательность* воспроизводит *закономерные пространственно-временные отношения* между необходимыми предметно-практическими действиями, ведущими к достижению целей производственной деятельности, то есть к *решению конкретной задачи (проблемы)*. «Технология» в этом смысле представляет собой некоторый *алгоритм* – последовательность действий для выполнения какой-либо задачи.

Понятие «алгоритм» как последовательность необходимых действий, разнесенных в пространстве и времени, для решения каких-либо *штатных проблемных ситуаций* (повторяющихся и очевидных), используется уже во всех отраслях научного знания, включая также все области совместной жизнедеятельности людей. Через это понятие («алгоритм») устанавливается смысловая связь гуманитарных наук с понятием «технология» как сугубо техническим термином. Понятие «алгоритм» давно прижилось в системе гуманитарных знаний как *последовательность действий, подчиненных логике пространственно-временных отношений и внутренних связей между этими действиями*.

Любой алгоритм или любая технология в целом представляют **способ решения какой-либо конкретной производственной проблемы**. В данном случае «производственная проблема» рассматривается как принадлежность любой *профессиональной деятельности*, как в области промышленного, так и – духовного производства потребительских ценностей. Технология представляет собой *рационализацию «алгоритмов»* профессионально-производственной деятельности, нахождение самого эффективного способа выполнения какой-либо работы. Это понимание технологии позволяет распространить «технократический» принцип рационализации на любую профессиональную деятельность человека.

Технологические решения профессиональных проблем появляются сначала в промышленном производстве на основе использования *научного знания* для рационализации последовательности производственных операций, действий и видов работ, составляющих содержание конкретной профессиональной деятельности. Внедрение научных знаний через решение технологических проблем практической деятельности привело к возникновению *прикладных*

наук (технических в первую очередь). Этот процесс «технологизации» промышленного производства начался в конце XIX века. Нужно отметить, что этот процесс не обошелся без привлечения достижений биологических и психологических наук. В результате возникли две новые отрасли прикладных наук: «физиология труда» и «психология труда». Знания этих наук успешно использовались при технологической рационализации рабочих действий и операций. В дальнейшем прикладные науки множились по мере повышения требований к производительности труда на конкурирующих предприятиях.

Прикладные науки в целом и психологию труда в частности следует рассматривать в качестве источника технологических знаний, которые можно использовать для разработки востребованных сегодня «гуманитарных технологий». В связи с этим имеет смысл обратиться к прикладной психологии, основные принципы которой сформулировал Г.Мюнстерберг [98, 99] в 20-ые годы XX столетия, а также к её современным многочисленным отраслям. В первую очередь следует обратить внимание на современную *психологию профессий*, где можно найти основания для определения специфики «гуманитарных технологий».

Эта специфика связана, прежде всего, с особенностями «субъект-объектных» отношений в профессиях гуманитарной сферы социального взаимодействия. Дело в том, что на месте объектов в профессиях гуманитарной сферы находится человек или группа людей, или социальная общность, или общество в целом. Это обстоятельство не позволяет жёстко технологизировать взаимодействие с ними, так как они обладают возможностями «субъекта» к произвольной и не предсказуемой ответной реакции на воздействия субъекта профессиональной деятельности. Возможно неподчинение объекта воздействия субъекту профессиональной деятельности (больного - врачу, ученика - учителю, клиента - психологу, подчиненного - руководителю, социальной общности – закону). Поэтому «гуманитарные технологии» не гарантируют ожидаемого результата, как это имеет место в технических профессиях, где объекты не обладают произвольностью поведения. К тому же «субъект» профессиональной деятельности в гуманитарной сфере имеет большую неопределенность в выборе средств и способов своего воздействия на «объекты» своей профессиональной деятельности. Тем не менее «алгоритмизация» свойственна любой человеческой деятельности, и, следовательно, проблема разработки технологий сохраняется для любой профессиональной деятельности.

На схеме «профессиональной деятельности» видно, что способ деятельности является функцией субъекта профессиональной деятельности. Это означает, что «технологии» и «алгоритмы» любой деятельности являются результатом того способа решения научных и прикладных проблем, которые избирает или находит, или изобретает человек в своей практической деятельности. Таких способов может быть неопределенное множество. Но среди них есть более или менее оптимальные. Поэтому речь может идти об *оптимальных технологиях профессиональной деятельности*. Такие технологии очень высоко ценятся в производственной деятельности и составляют особый предмет рационализации и изобретения.

«Гуманитарные технологии» следует отнести к *профессиональной деятельности, возникающей во взаимодействии человека с другими людьми*. Это профессии типа «человек-человек» по классификации Е.А.Климова. Конкретизируя этот тип профессий, можно выделить разные наполнения «*субъект-субъектного взаимодействия*». Это могут быть, с одной стороны, *психолог, педагог, социолог, врач, управленец, политик и другие* субъекты профессионального труда. С другой стороны находятся *клиент, группа, ученик, учебный класс, этнос, больной, электорат*. Они выступают уже и в качестве объектов профессиональной деятельности первых.

Способы социального взаимодействия между ними в рамках профессиональной деятельности будут составлять содержание «гуманитарных технологий». Но это происходит в том случае, когда способ профессиональной деятельности осмыслен и превращен в *средство* труда. Именно с этим связана трансформация субъективных способов решения проблем как осмысленных алгоритмов деятельности в некоторый технологический процесс.

Ограничения на *средства и способы* взаимодействия субъекта с объектом профессиональной деятельности предопределяются, прежде всего, качественным своеобразием *объекта* этой деятельности. Человеческая природа объектов профессиональной деятельности гуманитариев существенно ограничивает их технологические возможности воздействия на свои объекты, так как они предполагают изменения, прежде всего, в их духовном качестве, основой которого является психология человека. Одушевленность объекта профессиональной деятельности гуманитариев превращает «гуманитарные технологии» в способы *психологического воздействия*, последствия которого не всегда соответствуют социальным ожиданиям и этическим нормам.

В социальных ожиданиях отражены *цели и задачи* профессиональной деятельности гуманитариев. Через цели и задачи происходит обозначение проблем, с которыми связана профессиональная деятельность того или иного гуманитария. Проблемные поля, в свою очередь, предопределяют *предметную специализацию и специфику* профессиональной деятельности. Предметное содержание объекта профессиональной деятельности указывает на ту группу свойств объекта, которая подлежит преобразованию в результате того или иного «технологического» воздействия. В связи этим возникает вопрос: На какие структурные компоненты психической организации человека могут повлиять «технологические воздействия» в принципе?

Наиболее доступными внешнему воздействию компонентами психической организации человека следует считать *отношения* человека к явлениям внешнего и внутреннего мира. Отношения человека – это наиболее переменчивые состояния его субъективных установок, которые изнутри детерминируют его поведение и все аспекты социального взаимодействия. Поэтому *человеческие отношения* следует рассматривать в качестве главного *предметного содержания* объектов профессиональной деятельности «гуманитарных технологов».

В этом случае наиболее общей задачей для всех «гуманитарных технологов» становится *задача регуляции человеческих отношений в процессах социального*

взаимодействия людей. Такая регуляция возможна посредством слова и через организацию совместной деятельности. И то, и другое относится не столько к материальным основам технологического конструкта деятельности, сколько к системе знаний о способах решения проблемных ситуаций. Поэтому в качестве «гуманитарных технологий» следует рассматривать **алгоритмы использования научных знаний и практического опыта для решения проблем человеческих отношений, возникающих в совместной жизнедеятельности людей.** Следовательно, моделирование конкретной «гуманитарной технологии» нужно начинать с формулирования проблемы человеческих отношений.

Однако человеческие отношения – это всего лишь предмет профессиональной деятельности «гуманитарных технологов», а не сама деятельность, в процессе которой формируются способы и средства её выполнения. Предметная область указывает на специфичность содержания профессиональной деятельности и в самых общих чертах обозначает возможные виды деятельности, которые можно рассматривать в качестве самых крупных компонентов технологического процесса.

При работе «гуманитарных технологов» с человеческими отношениями необходимым этапом в их профессиональной деятельности является анализ этих отношений в целях поиска конкретных проблем социального взаимодействия. Это предполагает *научно-исследовательскую деятельность*, которую можно рассматривать в качестве наиболее общего технологического компонента профессиональной деятельности в целом. В то же время сама научно-исследовательская деятельность имеет свою особую технологию как последовательность видов работ, являющихся её более частными компонентами. Поэтому необходимые виды работ, которые включает в себя научно-исследовательский анализ человеческих отношений, могут и должны рассматриваться в качестве компонентов научно-исследовательских технологий в профессиях гуманитарной сферы социального взаимодействия. При этом, нужно иметь в виду, что для исследования каждой частной проблемы человеческих отношений может быть создана своя технология и не единственная. Каждая такая технология должна представлять собой последовательность научно-исследовательских работ: *теоретический конструкт знаний по проблеме, поиск эмпирических референтов предмета исследования, подбор измерительных средств, пилотаж, обработка эмпирического материала, математический анализ, выводы, интерпретация, рекомендации и другие.*

В научно-исследовательском компоненте профессиональной деятельности «гуманитарные технологи» имеют солидный запас средств и способов, созданный всей научной деятельностью за всю историю её существования как специализированного научного труда.

Однако научно-исследовательский компонент в профессиональной деятельности «гуманитарных технологов» служит задачам *диагностики* актуального состояния человеческих отношений в проблемных ситуациях социального взаимодействия. Поэтому средства и способы научно-исследовательской деятельности используются ими для *обследования*

конкретной ситуации социального взаимодействия и констатации, сложившихся в реальности, человеческих отношений. Фиксирование исходного состояния человеческих отношений является непременным условием осмысленной профессиональной деятельности «гуманитарных технологов». С этого момента «гуманитарный технолог» может осмысленно, аргументировано и «зряче» переходить на следующие этапы решения проявленных проблем социального взаимодействия.

Для последующих этапов профессиональной деятельности «гуманитарных технологов» характерна, прежде всего, *практическая направленность*. Она предполагает достижение конкретного результата в изменении субъективных отношений участников социального взаимодействия друг к другу, к общественно значимым событиям, к труду, к предметам материальной и духовной среды, к природе, к себе и вообще к любому объекту, с которым приходится взаимодействовать в разнообразных процессах жизнедеятельности.

В числе практически ориентированных видов деятельности выделяется *консультирование* клиентов или заказчиков. По части консультирования могут быть предложены свои технологии поведения консультанта с учетом психологической специфики предполагаемого или реального партнера по социальному взаимодействию. Содержанием таких консультаций являются, как правило, рекомендации о том, как правильно себя вести по отношению к конкретному партнеру в конкретной ситуации социального взаимодействия. Это означает, что данный компонент профессиональной деятельности «гуманитарного технолога» содержит в себе два технологического процесса. Один из них связан с правилами собственного поведения, другой – с процессом выполнения рекомендаций. Этим может быть ограничена профессиональная деятельность «гуманитарного технолога» в качестве консультанта.

Следующий момент деятельности «гуманитарных технологов» предполагает *обучение* клиентов и заказчиков правильно выполнять предписания, составляющие содержание рекомендаций. В этих целях могут разрабатываться и проводиться специализированные под конкретную проблему *социально-психологические тренинги*, каждый из которых имеет свою технологическую разработку того, как это делать.

Социально-психологические тренинги являются на данный момент наиболее распространенной технологией по коррекции человеческих отношений и социального взаимодействия людей. Они могут быть включены в технологическую цепочку *социально-психологической коррекции, адаптации и реабилитации личности* как партнера социального взаимодействия в семье и в других социальных общностях и организациях. В практически ориентированной психологии имеется большой исторический опыт проведения таких процедур. Все они построены на *ролевом проигрывании* конкретных ситуаций социального взаимодействия *через организацию процесса общения* между участниками по определенному сценарию. Впервые такую технологию использовал К.С.Станисловский в своей театральной студии при обучении актерскому мастерству своих учеников. В науке, подобную технологию впервые применил Д.Морено. По технологии «психодрамы» ещё в тридцатые

годы XX столетия при коррекции семейных отношений он предлагал ролевое проигрывание конфликтных отношений.

Если социально-психологические тренинги направлены на коррекцию *межличностных отношений* и выработку навыков социального взаимодействия, то З.Фрейд со своим *психоанализом* разработал технологию *психотерапии*, направленную на коррекцию *самоотношения* человека и *личного отношения* к другим людям. Поэтому психоанализ и психотерапия могут войти в профессиональную деятельность «гуманитарных технологов» в рамках психологической и медицинской профессии.

Технологии этих видов профессиональной деятельности получили широкое распространение вне клинических форм деятельности в связи с переживаниями человеком своих отношений с другими людьми. Они направлены на коррекцию своей половой, этнической, возрастной и социально-ролевой *идентичности* человека. Эти технологии составили основу индивидуально-личностной *помогающей деятельности* «гуманитарных технологов» в лице психоаналитиков и психотерапевтов. Элементы этих технологий вошли в профессиональную деятельность практических психологов.

Эти технологии связаны с интимными, глубоко индивидуально-личностными проблемами человека. Доступ к этим проблемам описан в технологиях психоаналитических бесед. Однако доступ к проблеме ещё не означает её полного решения, хотя считается, что осознание своей проблемы клиентом является необходимым условием успешного преодоления. Гуманитарные технологи, независимо от того в каком лице они совершают свою профессиональную деятельность (психотерапевта, психоаналитика, психолога, педагога, социолога и другого), не могут решать проблемы за самих клиентов. Они только побуждают своих клиентов к активности в решении их проблем. Гуманитарные технологи способны только на *психологическую поддержку, помощь и сопровождение*. Вопрос – «как это делать?» составляет главное содержание «гуманитарных технологий».

Координация человеческих отношений в макроструктурных системах социального взаимодействия осуществляется с помощью *средств информационной коммуникации*, где преобладают манипулятивные технологии психологического воздействия. Эти технологии широко распространены в политической и рекламной деятельности. В этих технологиях предметом манипуляции становится массовое сознание людей, объединенных и одновременно разъединенных на разные социальные общности и организации.

Средства информационной коммуникации являются универсальным инструментом в руках «гуманитарных технологов», функционирующих на всех уровнях социального взаимодействия в *форме слова* – основного транслятора смысловых отношений. Как правильно и в интересах людей пользоваться словом – является одной из проблем «гуманитарных технологий».

Данную тему можно развивать и дальше, но при всех её частностях неизменным остается вопрос о том, что является общим ядром всех гуманитарных технологий?

Главным моментом любой технологии: и гуманитарной, и технической остается ответ на вопрос – «какая последовательность действий и видов работ необходима в профессиональной деятельности того или иного специалиста для решения конкретной проблемы социального поведения людей в их производственной, экономической, политической и другой деятельности?».

Поэтому конструирование частных технологий нужно начинать от проблемы социального взаимодействия. Изучение проблемы по литературе можно рассматривать как первый технологический шаг вхождение специалиста в проблему. Второй шаг должен быть связан с исследованием этой проблемы у участников социального взаимодействия. В исследовании необходимо определить степень напряженности этой проблемы посредством исследования, что предполагает диагностический характер такой работы.

Определив проблему субъектов социального взаимодействия, необходимо перейти к разработке программы и планов работы с клиентами и заказчиками. В этих программах и планах необходимо определить способы воздействия на систему отношений, сложившихся между взаимодействующими субъектами. Далее следует изучить реакции, отклики, изменения – последствия проведенных специалистом мероприятий. В целом любая гуманитарная технология по своей типовой структуре соответствует «натурному эксперименту», в котором добровольно, а иногда и по принуждению, участвуют члены социальных общностей и организаций.

Примерами такого «натурного эксперимента» могут быть естественно-педагогический эксперимент А.Ф.Лазурского и «психодрама» Д.Морено. Технология первого из них включала психодиагностическое обследование с помощью научно-исследовательских средств (методик), затем разработка психотехнических тренингов отстающих психических функций у детей, далее специализированное обучение с целями развития этих функций, в заключении вторичное психодиагностическое обследование для проверки результата проведенного обучения.

Технология Д.Морено включала беседу с клиентом о его проблемах, в результате которой выяснялись социально-ролевые затруднения в общении с реальными партнерами по жизни. Затем писался сценарий для проигрывания в нём соответствующих социально-ролевых отношений. Далее происходило сценическое действие (собственно «психодрама»), в котором помимо клиента участвовали помощники психотерапевта. Расчёт делался на эмоциональную разрядку и осмысление своих проблем клиентом, что считалось главной задачей «психодрамы».

Все известные процедуры психологического воздействия на самоотношение, личные, межличностные и общественные отношения содержат некоторые элементы (находки авторов) «гуманитарных технологий» без такого их определения. Но до сих пор в профессиональной деятельности специалистов гуманитарной области социального взаимодействия нет целостно завершённых технологических процедур и проектов. Возможны ли они вообще – это вопрос дискуссионный. Пока мы имеем опыт использования многочисленных *способов*

психологического воздействия в авторском исполнении столь же многочисленных специалистов гуманитарной деятельности.

Модель профессиональной деятельности, представленная в этом разделе, рассчитана на целостное описание технологического процесса трудовой деятельности специалистов гуманитарного профиля.

Технологический анализ любой профессиональной деятельности нужно начинать с определения её *социально значимых целей*, которые отвечают на вопрос – «для чего данная деятельность совершается?». Общей целью любой профессиональной деятельности является преобразование каких-либо объектов в продукт потребностей человека.

В гуманитарных профессиях и технологиях на месте объектов деятельности является личность, социальные общности (группы людей, их объединения, общество), социальные организации (предприятия, институты, учреждения, государство).

Преобразование объектов совершается посредством обрабатывающих действий, операций, видов работ и видов деятельности, которые, объединяясь в некоторую последовательность, образуют технологический процесс.

В связи с этим возникает очередной вопрос: «Какой обработке могут быть подвергнуты названные объекты гуманитарной деятельности?». В отношении людей в рамках гуманитарных профессий может быть предпринята *психологическая обработка*. Следовательно, речь может идти о действиях, операциях, видах работ и деятельности, которые содержат *средства и способы психологического воздействия* на личность и членов социальных общностей и организаций. Совокупная последовательность видов работ и деятельности по психологической обработке данных объектов и будут составлять основу «гуманитарных технологий».

Однако психологической обработке может быть подвергнута только *психическая организация человека*, которая является атрибутивным свойством человека как материального объекта. В связи с этим возникает еще один вопрос о своеобразии и специфике предметной области внутри психической организации человека, которая может входить в профессиональную компетенцию «гуманитарных технологов». Такой предметной областью для «гуманитарных технологов» различных специальностей являются *человеческие отношения* как выразители субъективных установок личности или групп людей на обстоятельства совместной жизнедеятельности, других людей, самих себя, материальные и духовные ценности жизни.

Определенность ответа на этот вопрос важна для прояснения другого важного *вопроса о продукте* профессиональной деятельности «гуманитарных технологов». В качестве продуктов их профессионального труда можно считать *изменившиеся субъективные отношения* людей, выступивших в качестве объектов психологической обработки.

Эти ответы на данные вопросы раскрывают специфику и сущность профессиональной деятельности «гуманитарных технологов», которая сводится к манипуляции «*человеческим фактором*» в совместной жизнедеятельности

людей через изменение субъективных отношений к общественно признаваемым ценностям жизни человека.

Для этого, как и в каждой трудовой деятельности, «гуманитарные технологи» должны иметь свои орудия труда, составляющие материальную основу средств конкретных работ и видов деятельности. Специфика объектов и предметного содержания трудовой деятельности «гуманитарных технологов» предопределяет специфику орудий и средств трудового взаимодействия с их объектами.

Профессиональная деятельность «гуманитарных технологов» построена на использовании *вербальных и невербальных средств общения, а также технических средствах информационной коммуникации*. Эти средства принадлежат любому человеку, который в состоянии использовать их в своей повседневной жизнедеятельности для координации своего социального взаимодействия с другими людьми. Однако «гуманитарные технологи» учатся использовать эти средства «профессионально», то есть в целях своей трудовой деятельности. Таким образом, в труде «гуманитарных технологов» происходит «профессионализация» в использовании средств общения.

Профессионализм характеризуется мастерством во владении *инструментами* конкретной профессиональной деятельности, то есть способами их применения при обработке объектов труда. Способы раскрывают ответ на вопрос: «Как надо правильно и эффективно пользоваться инструментами своей профессиональной деятельности?».

Ответы на этот вопрос самым непосредственным образом относятся к технологическим аспектам профессиональной деятельности. От того, как конкретный «гуманитарный технолог» пользуется *словом, своим выразительным поведением, техническими средствами информационной коммуникации*, зависит успех его деятельности. Здесь может возникать множество способов и приёмов, которые и составляют основное содержание технологического аспекта трудовой деятельности. В этом аспекте трудовой деятельности заключен основной *творческий* компонент. Он находит свое воплощение в исполнительском мастерстве субъекта трудовой деятельности.

Технологическое мастерство «гуманитарных технологов» заключается в методологии вербального, экспрессивного и текстового воздействия на реципиентов. Это профессиональное качество является принадлежностью субъекта, и поэтому его технологическую подоплёку очень сложно вывести на поверхность наблюдаемых действий. Технология как внутренний психологический процесс решения проблемы труднодоступна для внешнего описания. Поэтому технологическое описание трудового процесса сводится к определению последовательности необходимых *видов работ и деятельностей*. В результате технология сводится к описанию видов работ и наиболее наглядных приёмов при оперировании основными орудиями труда.

Для того чтобы описать технологию, например, какого-либо социально-психологического тренинга, нужно определить продуктивную цель, связанную с каким-то изменением в психологических установках личности. Последовательность конкретных действий и процедур, наполняющих

организационную деятельность тренера, его манеру (стиль) вербального и невербального поведения, заготовленные тексты и средства информационной коммуникации, сценарий взаимодействия участников тренинга, приёмы управления поведением участников – всё это составляет содержание технологических комплексов профессионального труда. На подготовительной стадии к планируемому тренингу нужно провести соответствующие виды работ, которые также должны быть включены в технологию их профессиональной деятельности.

В технологию должны быть включены по возможности все ответы на вопрос: «Как это делать?». Технологическая цепочка предполагает: 1) определение практической цели, 2) определение предмета воздействия, 3) определение средств деятельности, 4) определение способов решения проблемы, 5) определение необходимых видов работ и деятельностей, 6) определение качества продукта и оценка результата, 7) определение профессиональной готовности к исполнительской деятельности субъекта труда. Это – всего лишь вехи, из которых складывается целостная технология любой профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- 1.Абрамова Г.С. Психологическое консультирование. Теория и опыт. М., 2007.
- 2.Айви А., Айви М., Саймэн-Даунинг Л. Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники: практическое руководство. М., 2008
- 3.Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984
- 4.Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб, 2003
- 5.Аллахвердов В.М. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи// Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007.
- 6.Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб, 2000
- 7.Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. – М., 2009.
- 8.Алфёрова Э.Н. Об измерении порогов зрительного узнавания у школьников. «Вопросы психологии», 1962, № 6.
- 9.Ананьев Б.Г. Сенсорно-перцептивные характеристики индивидуального развития человека. Тезисы докладов конференции по психологии. Изд. ЛГУ, 1967
- 10.Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. Изд. АПН РСФСР, 1960
- 11.Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. ЛГУ, 1969
- 12.Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977
- 13.Ананьев Б.Г. Теория ощущений. Л., 1961
- 14.Анастаси А. Психологическое тестирование. СПб,2005
- 15.Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2010
- 16.Арне Фальк-Рёнке. Путешествие в каменный век. М.: Наука, 1985
- 17.Безгодова С.А., Васильева С.В., Микляева А.В. Научно-исследовательская работа студентов 1-го курса: (методические рекомендации) СПб. Изд-во АНО «ИПП», 2006.
- 18.Белов Н.А. Физиология типов. Орёл, 1924
- 19.Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993 по изданию 1931 г.
- 20.Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986
- 21.Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991 по изданию 1907-1912
- 22.Бехтерев В.М. Бессмертие человеческой личности. Доклад 1916 года // Психика и жизнь. СПб: Алетейя, т.1, 1999
- 23.Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. ЛГУ, 1965
- 24.Бодалев А.А. Формирование понятия о другом человеке как личности. ЛГУ, 1970
- 25.Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1983
- 26.Бодалев А.А., Куницына В.Н., Панферов В.Н. О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности// Человек и общество. Л., 1971, вып.9
- 27.Бойко В.В., Ковалёв А.Г., Панферов В.Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. М., изд-во «Мысль», 1983
- 28.Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб, 2006

29. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб. 2007
30. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
31. Василюк Ф.Е. От практической психологии к психологической практике. // Московский психотер. журн. 1992. №1. с. 15-32.
32. Веккер Л.М. Психика и реальность. М., 1988, 2000
33. Возрастная психология взрослых. Л., вып.1, 1971
34. Вопросы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1978
35. Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979
36. Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания. Краснодар, 1977
37. Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1981
38. Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар, 1983
39. Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар, 1985
40. Вундт В. Психология народов. СПб, 1912
41. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1984
- 41а. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976, 1999
42. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., АН СССР, 1955
43. Глезер и Цуккерман И.И. Информация и зрение. М., 1961 // Экономика и математические методы. Т. 9, вып.5, М., 1973
44. Годфруа Ж. Что такое психология? М., 1992
45. Горбатенко А.С. Системная концепция психики и общей психологии. Ростов-на-Дону. 1994
46. Гудвин Дж. С. Исследование в психологии. Методы и планирование. СПб. 2004
47. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989
48. Гуревич Ф.Г. Методы и процедуры получения экспертной информации.
49. Дидро и Д'Аламбер. История в энциклопедии ... Л.: Наука, 1978
50. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб. 2003
51. Достоевский Ф.М. Петербургская летопись // Искания и размышления. М.: Сов. Россия, 1983
52. Дубинин Н.П. Что такое человек? М., 1983
53. Ерастов Н.П. Психология общения. ЯрГУ, 1979
54. Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007
55. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть I. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психол. журн. 2013. Т.34. № 1
56. Зимичев А. О некоторых особенностях восприятия человеческого лица водителями такси // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л., 1969
57. Золотнякова А.С. Личность в структуре педагогического общения. Ростов на/Д., 1979

- 58.Зубовской Н. Психология. Могилёв, 1848
- 59.Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982
- 60.Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М., 2005.
- 61.Кабрин В.И. Транскоммунитивные основания анализа ценностного мира человека // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007
- 62.Кабрин В.И. Ноэтическая коммуникация: на пути к релевантному исследованию психологического опыта. // Ж. Методология и история психологии. Т.4, Выпуск 3, 2009, с.5-23.
- 63.Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб. 2000
- 64.Карвасарский Б.Д. Психотерапия. СПб. 2002
- 65.Катков А.Л. Интегративная психотерапия. СПб, 2013.
- 66.Капустина А.Н. Социальная психология личности. СПбГУ, 2012
- 67.Келасьев В.Н. Интегративная концепция человека. СПб., 1992
- 68.Климов Е.А. Основы психологии. М., 1997
- 68а.Ковалёв А.Г., Мясищев В.Н. Психические особенности человека. Том 1, Характер. Изд-во Ленинградского университета, 1957
- 69.Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психол. журн. 2007. Т. 28, №2
- 70.Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973, с. 85
- 71.Корнилова Т.В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о роли редукционизма и пристрастиях в методологии психологии) // Психол. журн. 2006. Т.27. № 5
- 72.Корнилова Т. В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М., 2006
- 73.Кочаров Г.И. Оpozнание на предварительном следствии. М., 1955
- 74.Кречмер Э. Строение тела и характер. – М.-Л., 1924.
- 75.Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. ЛГУ, 1967
- 76.Куимова Л.С., Толмачев Н.Т. О возможности типологии индивидуальных различий в социальной перцепции//Педагогические аспекты социальной психологии: Тез. Респуб. конф. Минск, 1978
- 77.Кулаков С.А. «Супервизия в психотерапии. Учебное пособие для супервизоров и психотерапевтов» – СПб., 2004.
- 78.Куницына В. Н., Панферов В. Н. Проблема отношений личности в трудах В. Н. Мясищева // Психол. журн., 1992, № 3
- 79.Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону, изд-во «Феникс», 2009
- 80.Лазурский А.Ф. Очерк науки о характере. – СПб, 1908
- 81.Лазурский А.Ф. Классификация личностей. – Л., 1924
- 82.Ламберт Д. Доисторический человек. Л., 1991
- 83.Лафатер И. Новейший полный и любопытный способ, как узнавать каждого человека свойства, нравы... - СПб, 1817
- 84.Лебедев Д.С. и Лебедев Д.Г. Передается контур. «Наука и жизнь», 1966, № 5.
- 85.Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974

- 86.Лёвкин В.Е. Основные парадигмы в психологии // Образование и наука. 2008. № 8
- 87.Логинова Н.А. Опыт человекознания. СПб., 2005
- 88.Логинова Н.А. Борис Герасимович Ананьев. СПб., 2006
- 89.Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка. – Киев, Харьков, 1897
- 90.Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- 91.Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков, 2007
- 92.Мазиллов В.А. Методологические проблемы психологии в начале 21 века // Психол. журн. 2006. Т.27. №1
- 93.Мазиллов В.А. Интеграция научного знания в психологии// Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007
- 94.Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология, т.1. – К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. , 2-ое изд., т3, с.234
- 95.Мастерство актёра. М., 1961.
- 96.Мерлин В.С. Личность как предмет психологического исследования. Пермь, 1988
- 97.Методы социальной психологии. Л. 1977
- 98.Мюнстерберг Г. Основы психотехники. СПб, 1923
- 99.Мюнстерберг Г. Прикладная психология. СПб, 1924
- 100.Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека \ \ Психологическая наука в СССР. М., 1962, с.111
- 101.Никандров В. В. Экспериментальная психология. СПб. Изд-тво «Речь», 2003
- 102.Новый завет. СПб. 1879.
- 103.Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987
- 104.Обуховский К. Формирование личности в условиях патологически низкого роста – Тезисы XVIII международного конгресса психологов. Т.3, М., 1966
- 105.О человеческом в человеке. М., 1991
- 106.Паловские среды. М., 1949
- 107.Панферов В.Н., Степкин Ю.П. Социально-психологическая интерпретация личности по внешности. – В кн.: Экспериментальная и прикладная психология. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970, вып.2
- 108.Панферов В.Н. Психология человека. СПб, 2000; 2002
- 109.Панферов В.Н. Психология общения.//Вопросы философии, №7, 1971.
- 110.Панферов В.Н. Восприятие внешности людей и общение.//Человек и общество, вып.8, ЛГУ, 1971.
- 111.Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей. //Вопросы психологии, №2, 1974.
- 112.Панферов В.Н. Внешность и личность.//Социальная психология личности. Л., изд-во «Знание», 1974.
- 113.Панфёров В.Н. Проблема взаимосвязи объектных и субъектных свойств человека.//Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар, 1983

114. Панферов В.Н. Восприятие человека в межличностном общении. // Проблемы психологического воздействия. ИвГУ, 1978.
115. Панферов В.Н. Методика исследования взаимоотношений в первичных коллективах. // Культура труда, быта и человеческих отношений, ч.1, Уфа, 1980.
116. Панферов В.Н. Процесс общения. // 6-ой Всесоюзный съезд психологов, ч. 4, М., 1983.
117. Панферов В.Н. Классификация взаимоотношений людей. // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Л., 1984.
118. Панферов В.Н. Классификация функций человека как субъекта общения. // Психологический журнал, №4, 1987.
119. Панферов В.Н. Психология взаимоотношений в бригадах. // Социально-психологические резервы повышения деятельности трудового коллектива. М.: АН СССР, 1989.
120. Панферов В.Н. Диалог и общение. // Человек в мире диалога. Л., 1990.
121. Панферов В.Н. Теоретические следствия из опыта познания психологии человека. // Вестник СПбГУ, 2009.
122. Панферов В.Н. Авторские статьи в энциклопедическом словаре «Психология общения». Под общей ред. А.А.Бодалёва. М., Когито-Центр, 2011.
123. Панферов В.Н. Психологическое содержание общения. // Учёные записки СПбГИ психологии и социальной работы. 2012, выпуск 1, т.17.
124. Панферов В.Н. Классификация социально-психологической интерпретации личности. – Вестник ЛГУ, 1970, №23
125. Панферов В.Н. Лицо человека как объект восприятия. – В. кн.: Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете: Тез. науч. конф., Л. 1969
126. Панферов В.Н. О роли внешности в регуляции отношений. – В кн.: Человек и общество. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, вып. 3
127. Панферов В.Н. Роль установки в социально-психологической интерпретации личности. – 2-й Международный коллоквиум по социальной психологии. Тбилиси, 1970
128. Панферов В.Н. Социально-психологическая характеристика ролевой структуры общения в студенческой учебной группе. – В кн.: Социальная психология и социальное планирование. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973
129. Панферов В.Н., Микляева А.В., Румянцева П.В. Основы психологии человека. СПб, 2009.
130. Панферов В.Н. Практическая психология – профессия 21 века. СПб, 1999.
131. Панферов В.Н., Регуш Н.Л., Щербакова М.С. Введение в психологическую профессию. СПб, 2006.
132. Панферов В.Н. Проблемы модернизации образования в России. STUDIA PSYCHOLOGICZNO – PEDAGOGICZNE. Tom I. Wyzsza Szkoła Administracji w Bielsku-Bialej 2007 с. 35-41
133. Панферов В.Н. Парадигмальные основы психологической науки // Вестник РГПУ им. А.И.Герцена. 2013, выпуск 4.

134. Панферов В.Н. Психологические парадоксы души и тела человека. // Перспектива человека. СПб, 2014
135. Панферов В.Н. Методологический потенциал понятия «человек» в прошлом, настоящем и будущем. // Вестник Герценовского университета, 4/2013. СПб
136. Панферов В.Н. Методологический статус понятия «Человек» // Перспектива человека: бытие за границей культуры постмодерна. СПб. 2012
137. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971;
138. Паттерсон С., Уоткинс Э. Теории психотерапии. – СПб., 2007
139. Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. М., 2010
140. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1966
- 140а. Пиз А. Язык телодвижений. 1992
141. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М., 1982
142. Плосс Г. Женщина. – СПб, 1881
143. Посохова С.Т. Сознание и адаптация личности в меняющейся социокультурной реальности: постановка проблемы. // Перспективы человека: гуманитарное сознание и его парадоксы. СПб, 2014
144. Проблема общения в психологии. М. 1981
145. Психология межличностного познания. М., изд-во «Педагогика», 1981
146. Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976, с.86
147. Психология взаимодействия. М., 1989
148. Психологическая наука в России 20-ого столетия. М., 1997.
149. Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1987 по изданию 1957 г.
150. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности. СПб, изд-во «Питер», 2011
151. Розин В.М. Методологические соображения о путях преодоления кризиса в современной психологии. М., 2002.
152. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб, 2012
153. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб, 2000
154. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., Изд. АН СССР 1957
155. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959
156. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М., 1961
157. Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб, 2012.
158. Смит Н. Современные системы психологии. СПб, 2003.
159. Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006. №1
160. Социальная психология личности. Л., 1974
161. Станиславский К.С. Работа актёра над собой. Третье издание. Москва-Ленинград, 1948.
162. Сухаревский Л.М. Клиника мимических расстройств. – М.: Медицина, 1966
163. Сурков Е.Н. Антиципация в спорте. М., 1982
164. Уркин И.А. Первое впечатление студента о преподавателе – важная сторона их взаимодействия в учебной деятельности – В кн.: Экспериментальная и прикладная психология. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971, вып. 4.

- 165а.Феофраст. Характеры. Л., Наука, 1974
- 165.Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990
- 166.Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов: сборник. М.. 1989
- 167.Фрейд З. Малое собрание сочинений. СПб, 2010
- 168.Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1966, с.120
- 169.Цветков П.П. Предъявление для опознания в советском уголовном кодексе. Изд. ЛГУ, 1962.
- 170.Чугунова Э.С., Панферов В.Н., Михеева С.М. Моделирование социально значимых качеств личности инженера различного должностного статуса. – В. кн.: Партийные и общественные организации в вузе. – Каунас. 1975
- 171.Чикер В.А. К вопросу о методологии и классификации методов в социально-психологических исследованиях.//Перспектива человека: гуманитарное сознание и его парадоксы. СПб, 2014
- 172.Шестидесятники. М., 1984
- 173.Шкуратов В.А. Психика. Культура. История. Ростов-на-Дону, 1990
- 174.Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 1996
- 175.Экспериментальная и прикладная психология. ЛГУ, вып.4, 1971
- 176.Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
- 177.Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о “схизисе” // Психол. журн. 2012. Т.33. № 1
- 178.Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психол. журн. 2006. Т.27. № 1.
- 179.Юревич А.В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т.2. № 3
- 180.Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008. №1
- 181.Юревич А.В. Психология в современном обществе // Психол. журн. 2008. Т.29. № 6
- 182.Юревич А.В.Социология психологического знания // Психол. журн. 2010. Т.31. № 1
- 183.Anderson N.H. Primary effecta in personality impression formation using a generalized order effect paradigm. - J.Pers. soc. Psychol., 1965, p.1-9
- 184.Anderson N.H. and Barrios A.A. Primary effects in personality impression formation. - J. abnorm. soc. Psychol., 1961, 63, p. 346-350
- 185.Asch S.E. Forming impressions of personality. – J. abnorm. Soc. Psychol. , 1946, 41, p.258-290
- 186.Cottrel L.S. , Dymond R. The Empathy Responses: a Neglected Field for Research. – Psychiatry, 1949, v.12, p.355-359
- 187.Duijker H.C,J., Frejda N.H. national character and national stereotypes. – A trend report prep. For the Intern. Union of scient. psychology. Amsterdam, North-Holland publ. co. 1960, X1, p. 170-221, 232-238
- 188.Gergen K.J. Social psychology as history. –J. pers. And soc. Psychol., 1973, 26, p. 309-320
- 189.Hetder F. On social cognition. – American Psychologist, 1968, v.22, p. 25-31
- 190.Heider F. Social perception and phenomenal causality. - Psych. Rev., 1944, 51, p. 358-374

191. Jahnke J. *Interpersonale Wahrnehmung*. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1975
192. Jones E.E., Davis K.E. From acts to dispositions. – *Advances in Experimental Soc. Psychol.*, 1965, 2, p. 112-148
193. Jones E.E., Nisbett R.E. The actor and the observer: divergent perceptions of the causes of behavior. – Hillsdale, 1973, p.2
194. Kelly H.H. Attributional theory in social psychology. – *Nebraska Symposium on motivation*. Lincoln, 1967, p. 192-240
195. Kelly H.H. The warm-cold variable in first impressions of persons. – *J. Pers.*, 1950, 18, p. 431-439
196. Mischell W. Cognitive and attentional mechanisms in delay of gratification. *J. Pers. Soc. Psychol.*, 1972, 21, p. 204-218
197. Mikheeva S.M. and V.N. Panferov. *Material-Practical, Verbal and Cognitive Interaction in Dyads // Research in Soviet Social Psychology*. Springer-Verlag, 1986
198. Osgood C.E. and Tannenbaum P.H. The principle of concurity in the prediction of attitude change. – *Psychol. Rev.*, 1955, 62, p. 42-55
199. Rosenberg M.J. When dissonance fails: on eliminating evaluation apprehension from attitude measurement. *J. Pers. Soc. Psychol.*, 1965, 1, p. 28-48
200. Ross L. The intuitive psychologist and his shirtcomings: distortions in the attribution processes. – *Advances in Experimental Soc. Psychol.*, 1977, 10, p. 173-220
201. Secord B.F., Stritch T.M. and Johnson J. The role metaphorical generalization and conquerency in the perception of facial characteristics/ - *J. Soc. Psychol.*, 1960, 52, p. 329-337
202. Shaver K.G. *Introduction to Attribution Processes*. N.Y., 1976, 112p.
203. Strickland L.H., Guild D.P., barefoot J.C. and Paterson S.A. teleconferencing and leadership emergence. – *Human Relations*, 1978, 31, p. 583-596
204. Tagiuri R. Person Perception/ - *The Handbook of Social Psychology*. Addison - Westly Publishing Company, 1958, 3, p. 395-449
205. *The handbook of social*. Cambridge (Mass.), 1969, vol. 3, p. 401
206. Wittreich W.W. An investigating into the nature of aniseicon distortion. – *Scientific American*, 1960, 4.